Р. Г. СААКЯН

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КИЛИКИЯ в 1918-1923 гг.

ՀԱՍՏ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ռ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

ՖՐԱՆՍ-ԹՈՒՐՔԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ԿԻԼԻԿԻԱՆ 1918—1923 ԹԹ.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1986

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. Г. СААКЯН

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КИЛИКИЯ в 1918—1923 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1986

ББК 63.3(0)61
С 120

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения
АН Армянской ССР

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е. К. САРКИСЯН

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
доктора исторических наук
В. А. БАЙБУРТЯН, О. Г. ИНДЖИКЯН

Саакян, Р. Г.
С120 Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг./Отв. ред. Е. К. Саркисян.—Ер. Изд-во АН АрмССР, 1986.—283 с.

В монографии исследуется дипломатическая история франко-турецких отношений, дается критический анализ ближневосточной политики французских колониальных кругов и национальной политики кемалистов.

Значительное место уделено событиям в Киликии, судьбам ее армянского населения, героической самообороне армян в Хаджине, Зейтуне, Айнтабе и других городах.

В книге вводятся в научный оборот новые архивные материалы, а также опубликованные на иностранных языках документальные источники.

Рассчитана на специалистов и всех тех, кто интересуется историей Армении и Турции.

ББК 63.3(0)61

С $\frac{0506000000}{703(02)86}$ 35—85

© Издательство АН Армянской ССР, 1986.

ВВЕДЕНИЕ

Франция и Турция. История взаимоотношений этих стран уходит в глубь веков, в эпоху турецкого завоевания Константинополя и дальнейшей экспансии турок в Юго-восточную и Центральную Европу. С 1535 года, когда французский король Франциск I и турецкий султан Сулейман Великолепный заключили первый политический договор и первую торговую конвенцию, франко-турецкие связи почти не прерывались вплоть до первой мировой войны, за исключением небольшого отрезка времени, когда Наполеон Бонапарт вторгся в Египет и Турция в 1798 г. объявила войну Франции, а уже в 1802 г. подписала с ней окончательный мирный договор.

Еще более древними были связи Франции с Киликией, которую Османская империя захватила в 1487 г. До этого на протяжении трех столетий (1080—1375) там существовало армянское государство, последний царь которого Левон VI нашел приют во Франции, где и скончался в 1393 г.[1] Однако турецкое завоевание Киликии не смогло помешать полунезависимому существованию вплоть до 60-х годов XIX в. армянских княжеств, например, в Зейтуне, исключительно армянское население которого в 1862 г. выступило знаменосцем национально-освободительной борьбы против султанского деспотизма. В последующие десятилетия зейтунцы рядом героических восстаний привлекли к себе внимание передовой общественности России и всей Европы.

Следует также иметь в виду, что несмотря на султанскую политику исламизации состава населения Киликии путем переселения в этот край кочевых племен арабов, курдов, черкесов и др., армяне до 1914 г., составляли относительное большинство населения. В первой мировой войне Турция и Франция выступали во враждебных лагерях, и после окончания войны последняя оккупировала Киликию, куда вернулись ее исконные жители—та часть депортированных в Сирийскую пустыню армян, которым удалось выжить в годы массового геноцида[2]. Они возвратились, доверившись пустым заверениям французских руководителей обеспечить их безопасность. Однако, как показано в книге, основной заботой французских монополистических кругов в их отношениях с новыми правителями Турции—кемалистами было

достижение компромиссного соглашения с целью максимального сохранения своих финансово-экономических позиций, старых привилегий и получения своей доли Оттоманского долга, составлявшей более 60% общей суммы.

Исследуя проблему в плоскости Франция—Турция—Киликия, автор ставил перед собой задачу раскрыть колониалистскую сущность ближневосточной политики Франции и на примере Киликии разоблачить ложь об «освободительной миссии» западных держав по отношению к христианским народам Турции. Одновременно ставилась задача на примере Киликии раскрыть насквозь проникнутую шовинизмом политику кемалистов в национальном вопросе, существование которого они никогда не признавали. Этой проблеме автор посвятил монографию, вышедшую в свет на армянском языке в 1970 году[3]. За прошедшие годы были обнаружены ранее неизвестные первоисточники и новые документальные материалы. В частности, автору, в годы его работы в Париже, стали доступны материалы, хранящиеся в Национальной библиотеке и «Библиотеке Нупарян». Им были использованы и фонды Армянской национальной делегации, полученные недавно из Франции, а также новые тома Документов внешней политики Великобритании и другие материалы, что позволило выявить и исследовать не затронутые в литературе проблемы и расширить хронологические рамки монографии, завершив ее Лозаннским мирным договором 1923 г.

Критический анализ французской ближневосточной политики рассматриваемого периода дает возможность более глубокого понимания внешнеполитических акций, предпринятых Францией на Ближнем Востоке в последующие годы.

С другой стороны, научный анализ политики Турции в ее взаимоотношениях с такой державой Антанты, как Франция, необходим для правильной оценки курса турецкой внешней политики в новейшее время, ибо с уверенностью можно сказать, что ряд основных внешнеполитических принципов анкарского правительства сформировался именно в годы кемалистского движения.

В этом контексте автор задался целью показать, как могло случиться, что народ, подвергшийся массовому геноциду в 1915—1916 гг., спустя всего несколько лет, снова стал жертвой шовинистической политики турецких правителей и коварства империалистических хищников и был вынужден покинуть свои пепелища во избежание окончательного физического уничтожения.

События в Киликии, борьбу киликийских армян автор рассматривает как звено в длинной цепи освободительных порывов и восстаний армянского народа против чужеземных завоевателей и местных поработителей. Поэтому в книге уделено столь значительное место освещению событий в Зейтуне, Хаджине, Айнтабе и

других городах, где армяне отчаянно отстаивали свое право на самостоятельное существование.

Научный анализ освободительной борьбы западных армян за свои человеческие права, за свободу и независимость, показ той неблаговидной роли, которую сыграли в их судьбах империалистические державы, в частности, Франция, имеет актуальное политическое значение и в том плане, что марксистско-ленинская оценка этих событий поможет прогрессивным зарубежным армянским организациям учесть горький опыт прошлого и правильно ориентироваться в современной международной обстановке, в политике империалистических держав как на Ближнем Востоке, так и в других частях света. Вместе с тем правильные оценки освободительных движений прошлого, разоблачение захватнической политики колониальных держав, могут оказать услугу всем тем народам, которые в наши дни ведут национально-освободительную борьбу, нередко против тех же империалистических хищников.

В монографии рассмотрены и подвергнуты научному анализу другие аспекты исследуемой проблемы. В частности, новыми документальными источниками обосновывается вывод о том, что помимо своей экономической и финансовой заинтересованности в турецких делах, сепаратная линия французских правящих кругов была вызвана также тем непримиримым антисоветизмом, который вдохновлял французских империалистов на разного рода враждебные шаги против молодой советской республики, в частности, на кавказском фронте. В этих планах французская военщина отводила заметную роль кемалистской Турции, отсюда и необходимость «примирения» с ней даже ценой некоторых уступок.

В исторической литературе нет четкого ответа на вопрос о том, почему кемалисты, пренебрегая опасностью, исходящей от греческого вторжения в Западную Анатолию, решили начать организованную вооруженную борьбу против иностранных оккупантов на южном фронте, в Киликии. В монографии раскрыты причины этого, на первый взгляд парадоксального, явления.

В книге исследуется также вопрос о причинах внезапного бегства французов из Мараша, приведшего к гибели более 12 тысяч мирных армянских жителей.

В соответствующем разделе анализируется программа и конкретная деятельность армянских политических партий в Киликии, их позиция по отношению как к французским, так и турецким властям.

Одной из задач, поставленных автором в данной работе, является критика антинаучных концепций буржуазных идеологов, разоблачение грубых извращений исторических событий и прямой фальсификации целого ряда вопросов исследуемой проблемы

в современной турецкой, западноевропейской и американской историографии.

Критическая оценка буржуазных изданий и объективное научное освещение поднятых в монографии вопросов актуальны и с той точки зрения, что это, по мнению автора, может способствовать задачам идеологической борьбы на современном этапе.

Ключом для всестороннего и углубленного понимания всей совокупности дипломатических акций Франции на Ближнем Востоке для автора служили многочисленные высказывания, оценки, меткие характеристики, данные В. И. Лениным французскому монополистическому капиталу послеоктябрьского периода. «Из-за дележа Турции, Персии, Месопотамии, Китая идет бешеная грызня между Японией, Англией, Америкой и Францией»,—отмечал В. И. Ленин в своем докладе на II конгрессе Коммунистического Интернационала[4].

Трудно переоценить значение подписанного В. И. Лениным «Декрета о Турецкой Армении» для глубокого понимания истинного отношения правительства молодой Советской России к судьбам западных, в том числе и киликийских армян.

Ленинские оценки очень важны и для правильного понимания внешнеполитических акций анкарского правительства в начальный период кемалистского движения, да и в последующие годы.

«Турецкое наступление было направлено против нас... Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте»,—подчеркивал В. И. Ленин в своей речи в декабре 1920 г.[5]

Эта ленинская характеристика важна тем, что она своевременно вскрыла классовую сущность кемалистов, их проимпериалистические склонности, которые проявились вскоре в ряде нелояльных и враждебных шагов по отношению к Советской России, советским республикам Закавказья на конференциях в Карсе, Лозанне и т. д.

В трудах В. И. Ленина имеются высказывания, применимые и к оценке национальной политики кемалистов, не признававших право угнетенных народов Османской империи на самоопределение и создание собственного государства.

Важное, принципиальное значение имело для автора изучение трудов М. В. Фрунзе, Г. В. Чичерина, А. Ф. Мясникяна, С. О. Касьяна и других верных ленинцев.

В работах М. В. Фрунзе имеются меткие замечания, проливающие свет на те или иные шаги как французской, так и турецкой дипломатии, в частности, на обстоятельства и побудительные причины заключения франко-турецкого соглашения от 20 октября 1921 г. В связи с подписанием Анкарского договора он отмечал:

«Неудивительно поэтому, что у нас в России, на Украине и в кавказских советских республиках создалось впечатление, что Турция сделала крутой поворот, что Турция если не изменила тем соглашениям, которые она заключила с Москвой и кавказскими республиками, то во всяком случае становится на путь ориентации на Антанту»[6].

Г. В. Чичерин в своих внешнеполитических отчетах, докладах на заседаниях ВЦИК и в ряде бесед с иностранными дипломатами, а также в интервью представителям советской и европейской прессы дал глубокий анализ внешней политики держав Антанты и, в частности, Франции в рассматриваемый период. Его статьи и речи, раскрывающие картину международных отношений на широком политическом фоне, помогают глубже понять французскую ближневосточную политику начала 20-х годов[7]. Одновременно Г. В. Чичерин обращал внимание на неискренние шаги турецкой дипломатии. В письме, адресованном чрезвычайному послу УССР в Турции М. В. Фрунзе 26 декабря 1921 г. он отмечал: «Вам говорят об искренности, а между тем нас совсем не держали в курсе переговоров с Антантой, и по поводу переговоров с Франклен-Буйоном нам прислали текст договора лишь после того, как он стал совершившимся фактом. О секретных статьях нам ничего не сообщили...»[8]

Ряд аспектов рассматриваемой проблемы отражен в трудах А. Ф. Мясникяна. В них разоблачается хищническая политика Англии и Франции на Ближнем Востоке, раскрывается фальшь и лицемерие, которыми они вводили в заблуждение западных армян, дается марксистско-ленинская оценка деятельности армянских политических партий за рубежом, в том числе и в Киликии в период ее французской оккупации[9].

Очень важны высказывания С. О. Касьяна. В своих трудах он подверг глубокому марксистско-ленинскому анализу политику империалистических держав в отношении стран Ближнего Востока, вскрыл истинные причины их противоборства. Высказанная им еще в 1919 г. мысль о том, что «французским империалистам нежелательно, чтобы сильный американский капитал проник в Турцию»[10], вскоре получила свое подтверждение в тех сепаратных дипломатических акциях, которые были предприняты Францией с целью сохранения своей доминирующей роли в послевоенной Турции. Весьма ценны выводы, содержащиеся в статьях С. Касьяна в газете *«Կարմիր աւտղ»*, органе ЦК КП Грузии. Так, в статье «Дипломатическая борьба вокруг Турции» С. Касьян заострял внимание на роли и значении Турции в мусульманском мире[11], а в статье «Англия и Франция» он раскрывал острое противоборство этих двух империалистических держав после заключения Францией Анкарского договора[12].

Политика французских империалистов на Ближнем Востоке получила свою оценку на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, в документах которого отражены взаимоотношения Франции с Турцией в период национальной войны[13].

Документальными первоисточниками для исследования проблемы послужили в первую очередь архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Армянской ССР. Это полученные недавно из Парижа фонды Армянской национальной делегации, которая официально представляла западных армян и армянское население Киликии перед французским правительством. Здесь содержится вся переписка, которую упомянутая делегация вела с официальными представителями французского правительства, а также с киликийским католикосатом и армянским патриаршеством в Стамбуле.

Ценным источником послужили личные фонды зарубежного армянского историка А. Алпояджяна и видных писателей и общественных деятелей Аршака Чопаняна и Запел Есаян—очевидцев событий в Киликии.

Изучение стенографических записей заседаний Палаты депутатов французского парламента, опубликованных в многотомных «Annales de la Chambre des Députés» помогает раскрытию побудительных причин тех или иных акций французской дипломатии в рассматриваемый период.

Важным документальным источником для освещения дипломатической истории франко-турецких взаимоотношений могут служить документы британского министерства иностранных дел, все тома которых, касающиеся ближневосточной политики 1918—1923 гг., вышли в свет за последнее десятилетие[14].

Как было отмечено, специальных работ по исследуемой проблеме не имеется, но весьма полезными оказались труды тех советских востоковедов, туркологов, историков-международников, философов и др., в которых в связи с иными вопросами рассмотрены отдельные ее аспекты. Следует сказать, что уже в трудах и воспоминаниях советских дипломатов, историков и туркологов, вышедших в начале 1920-х годов, было обращено внимание на те экономические предпосылки, исходя из которых Франция пыталась вести свою самостоятельную линию в турецком вопросе. До сих пор не утратил своего научного интереса обстоятельный анализ политики европейских держав в Турции, сделанный Е. А. Адамовым в обширном предисловии дипломатического сборника «Раздел Азиатской Турции». Однако автор, обосновывая конкретными фактами и цифровыми данными место Киликии в планах французских финансовых магнатов, переоценивает, на наш взгляд, самостоятельное значение Киликии, упускает из виду то обстоя-

тельство, что Киликия нужна была Франции прежде всего для защиты стратегических позиций Сирии[15].

Весьма интересные замечания по французской ближневосточной политике тех лет содержатся в труде Н. Сокольского. «Во всяком случае,—писал автор,—вполне определенно можно сказать, что за последние два года Франция безусловно придерживалась «ангорской ориентации», и все стремления ее дипломатии сводились к установлению тесных дружеских отношений с новым турецким националистическим правительством»[16]. В другом месте автор замечает: «Вполне понятно, что не из каких-либо сентиментальных чувств или из сознания правоты требований турок о присоединении к их территории Киликии эвакуировала Франция эту последнюю область. Лишь вспоминая о своих капиталах, вложенных в турецкие долги и предприятия, Франция желает видеть турецкие вилайеты объединенными»[17].

Из других довоенных изданий советских авторов следует отметить статьи и отдельные исследования Г. Сандомирского[18], А. Ф. Сперанского[19], И. Бутаева[20], Г. Астахова[21], В. А. Гурко-Кряжина[22] и др., в которых собран и обобщен значительный материал, даны первые оценки тех или иных внешнеполитических выступлений и дипломатических шагов как Франции, так и кемалистской Турции. Однако упомянутые и другие авторы в ряде случаев давали односторонние оценки событиям, высказывали необоснованные мнения, не подкрепленные фактами суждения. Общим недостатком можно считать недостаточный анализ классовой сущности кемалистов, в результате чего имела место явная переоценка и даже идеализация кемалистского движения. Так, например, профессор В. А. Гурко-Кряжин в одной из своих работ прямо декларировал, что «борющаяся Турция... дала наиболее яркий и *законченный образец* национально-освободительного движения»[23] (курсив мой.—*Р. С.*).

Подобные оценки безусловно мешали научно-объективному анализу классовой сущности кемалистов, выявлению реакционных сторон национализма той буржуазии, выразителями интересов которой они были.

В последних работах советских исследователей совершенно справедливо отмечается, что участвуя в национально-освободительных движениях, буржуазия неизбежно вносит в эти движения элементы национализма, выдвигает националистические лозунги и программы.

«Как показали события в Турции в 20-х годах,—пишет Г. Л. Епископосов,—а в послевоенное время—в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, под прикрытием подобных лозунгов могут действовать контрреволюционные силы и совершать чудовищные преступления и изуверства»[24].

Отдельные стороны исследуемой проблемы затрагивались в статьях и монографиях, вышедших в свет в послевоенное время. Среди них, следует отметить труды А. Д. Желтякова[25], А. Ф. Миллера[26], А. Д. Новичева[27], Л. Н. Хейфеца[28], академика И. И. Минца[29], Ю. А. Боева[30], А. М. Шамсутдинова, Е. К. Саркисяна[30а], С. С. Аванесова[31], Ю. А. Багирова[32], А. М. Погосяна[33], М. В. Арзуманяна[34], А. А. Есаяна[35], Г. А. Галояна[36] и др. Из них наиболее подробно осветил французскую политику в Киликии А. М. Шамсутдинов, однако в его монографии имеются не подкрепленные фактами утверждения. Так, автор в число городов, в которых развернулась освободительная борьба против французских оккупационных войск, включает Хаджин[37], где не было ни одного французского солдата и армянское население которого было почти полностью вырезано турками. Ту же ошибку он допускает и в статье «Роль народных масс в национально-освободительной борьбе в Турции 1919—1923 гг.», где пишет: «Вскоре вся Киликия была охвачена огнем партизанской войны. Ожесточенные бои шли в Тарсусе, Адане, Позанты, Сисе, Османие, Мерсине, *Хаджине*»[38] (курсив мой.—*Р. С.*).

В кандидатских диссертациях Д. Н. Филипенко[39], Ш. Т. Торосяна[40] и Н. З. Эфендиевой, из которых была опубликована лишь работа последнего автора, дана картина положения в Киликии в период ее английской, а затем французской оккупации, а также попытка анализа и оценки политики французских оккупационных властей и борьбы против них. Не со всеми, однако, их положениями и выводами можно согласиться. Так, например, Н. З. Эфендиева, подчеркивая в предисловии своей книги тенденциозность турецких историков, в самой работе не всегда проявляет критическое отношение к их трудам, в результате чего ряд вопросов освещается односторонне, имеются противоречивые суждения. Автор даже не упоминает об истреблении регулярными турецкими войсками мирного армянского населения Хаджина, большей частью женщин, детей и пожилых лиц, а вина за резню армян в Мараше возлагается исключительно на французов[41]. Недостатком же исследования Ш. Торосяна является не всегда критическое использование им работ зарубежных армянских авторов. Не прав автор, квалифицируя уход французских войск из Мараша в феврале 1920 года как «таинственное и беспричинное отступление»[42]. Что же касается Д. Филипенко, он вообще не высказывается относительно национальной политики кемалистов в Киликии, как будто этот вопрос вовсе не касается темы его исследования.

В кандидатской диссертации Т. В. Азимова основной упор делается на разоблачении империалистической политики Англии. Автор фактически отрицает значение материальной и моральной

помощи, прямо или косвенно оказанной Францией кемалистам в борьбе против греков[43].

Ближневосточная политика Франции в целом и ее отношения с Турцией, в частности, нашли отражение в зарубежной историографии. Однако до сих пор за рубежом ни историками-марксистами, ни буржуазными авторами не издано ни одного труда, специально посвященного проблеме франко-турецких взаимоотношений и политике Франции в Киликии. Но в многочисленных мемуарах непосредственных участников событий, в трудах, очерках и статьях западноевропейских, американских и турецких авторов содержится достаточно материала, характеризующего их подход как к проблеме в целом, так и в освещении разных ее аспектов. Буржуазные авторы, например, сознательно игнорируют антисоветский аспект предпринятых в те годы внешнеполитических акций французских колонизаторов на Ближнем Востоке, тот факт, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции французские империалистические круги приняли самое активное участие в организации антисоветской интервенции, а с возникновением кемалистского движения стали вынашивать идею использования Турции в этих целях. Между тем, об этом в свое время открыто говорилось во французском парламенте, где перед правительством выдвигалась задача воспрепятствовать «русской экспансии» на Восток путем создания сильной Турции. «Чтобы помешать этому русскому распространению на Восток, имеется единственный возможный барьер: это барьер консолидированной Турции»,—утверждал на заседании Палаты депутатов 24 декабря 1920 г. Белле, по мнению которого помочь Турции «встать на ноги» означало бы «спасти весь Восток от большевизма»[44].

Новые факты, выявляющие антисоветский аспект англо-французской ближневосточной политики, содержатся в вышедших в последние годы томах «Документов внешней политики Великобритании». Так, в одном из сообщений 1921 г. выражалось опасение, что в случае усиления Турции и возрастания ее доверия к Советской России может создаться угроза для Сирии, Палестины и Месопотамии, что вынудит Францию и Великобританию укрепить свои гарнизоны в этих странах либо покинуть их[45].

Много места уделено в работах французских и английских авторов «обоснованию» тех или иных акций своих правительств, их оправданию и восхвалению. Эта тенденция особенно проявляется у французских историков, которые всю вину за дипломатические срывы и неудачи Франции на Ближнем Востоке взваливают на Англию, «всячески старавшуюся помешать Франции разрешить турецкий вопрос мирным путем»[46].

Ряд французских авторов необъективно, тенденциозно подходит к рассмотрению побудительных причин оккупации Киликии французскими войсками. Апологеты колониальной политики Франции повторяют официальную ложную версию о том, что в основе французской политики в Киликии якобы лежала забота о национальных меньшинствах, что тысячи французов погибли ради избавления христианского населения от притеснений и насилий турок. «Нашей обязанностью, безусловно, являлась защита армян от резни»[47],—твердил в свое время бывший офицер оккупационных войск в Киликии П. Бернар, забыв при этом сказать и о том, как выполнила Франция эту свою обязанность. Другой автор—Жан-Пьер Алем—утверждает, что высадка англо-французских войск в Александретте «преследовала цель создать в Киликии армянский национальный очаг под покровительством Франции»[48]. Политический обозреватель Тести, замалчивая империалистические вожделения французских колонизаторов, писал о том, что Франция потратила в Леванте 21 млн. франков «*для защиты армян*»[49] (курсив мой.—*Р. С.*). Основываясь на своей ложной версии, автор допускает выпады против вернувшихся к своим родным очагам армян, считая, что они дискредитировали французов в глазах турок. «...Французы обвинялись в том,—пишет он,—что будто бы они хотели отнять у турок в пользу армян самую богатую из областей Османской империи—Киликию»[50].

Другая группа авторов рассматривает французскую ближневосточную политику начала 20-х годов с точки зрения экономических и финансовых интересов французских монополий, экспансии французского империализма. «Первостепенная задача Франции состояла в том, чтобы получить обратно те французские капиталы, которые были вложены в районе Восточного Средиземноморья»[51],—признавал в своих мемуарах французский дипломат Жак Барду. И в этом признании не было ничего особенного, если учесть, что об этом же открыто говорил министр иностранных дел Франции Стефан Пишон, заявивший по окончании мировой войны, что «Франция имеет неоспоримые права в Османской империи»[52].

Этой группе откровенных апологетов колониальной экспансии Франции противостояли авторы, критиковавшие вероломную позицию Антанты, в первую очередь Англии и Франции по отношению к угнетенным народам Османской империи. Так, политический обозреватель «Журналь де деба» Огюст Говэн отмечал, что в то время как союзники не спешили выполнять свои обещания, вражеские силы перешли в наступление против тех народов, «которым мы торжественно обещали независимость»[53]. В статье «Пять лет французской политики на Ближнем Востоке» он показал пагубные последствия французской ближневосточной полити-

ки, особенно для христианских народов Турции, которые «с надеждой взирали на Франшэ д'Эспре», а в конечном счете эта политика привела к тому, что «старые добрые турки» возродили в Киликии и, в частности, в Мараше, «ужасы времен Энвера»[54]. Однако наиболее основательная и аргументированная критика политики Франции содержится в работе Э. Николя «Союзники и восточный кризис», где автор, раскрывая тактику держав Антанты в отношении Турции, показал, что они, в данном случае Франция, не смогли обеспечить безопасность армян, которые вынуждены были покинуть родные очаги в Киликии и эмигрировать[55]. Известный историк-международник Эдуар Дрио, касаясь событий в Мараше в феврале 1920 г., заключал: «Парижское правительство, вместо того, чтобы как-нибудь исправить это кровавое дело, вывело свои войска из Мараша, предоставив туркам возможность выместить свою злобу на армянах»[56].

Особенно критически следует отнестись к оценкам и выводам, содержащимся в работах туркофильски или кемалофильски настроенных французских авторов (Жан Шликлен, Пьер Лоти, Берта Жорж-Голи, Жерар Тонга, Поль Жантизон, Филипп де Зара и др.), которые ко всем политическим и дипломатическим шагам своего правительства подходили с точки зрения восстановления «традиционной франко-турецкой дружбы» и французского влияния на всем Ближнем Востоке.

«Почему мы забываем,—писал известный журналист Ж. Тонга,—что именно благодаря Турции Франция на протяжении веков играла доминирующую роль в Леванте». Автор восхвалял Турцию до такой степени, что считал ее наряду с Францией «одной из двух великих демократий»[57]. Небезызвестный Пьер Лоти, полностью оправдывая коварную и вероломную по отношению к армянскому населению политику французских империалистов в Киликии, утверждал, что во всех случаях были виноваты армяне, которые якобы «подвергли мусульман невероятным страданиям», «совершили ужасные преступления»[58]. А Пьер Лиотэ даже ставил в укор киликийским армянам то, что будто бы они «пытались компрометировать нас (т. е. французов.— *Р. С.*), заставив принять их условия и порвать с турками»[59].

Для всесторонней оценки французской политики в целом, т. е. как по отношению к стамбульскому правительству, так и к кемалистам представляют интерес факты, приведенные в воспоминаниях очевидцев событий, в работах Мориса Перно, Мишеля Пайареса, Гюстава Готро, Эдгара Пеша, Р. де Гонто-Бирона, хотя и у этих авторов налицо немало противоречивых суждений, тенденциозных и односторонних выводов и обобщений.

По охвату достоверных данных и конкретного фактического материала выделяются мемуары руководителя французского ад-

министративного контроля в Киликии полковника Эдуара Бремона, работы очевидцев или участников событий Пьера Редана, Ремюза́, командира 412-го пехотного полка подполковника Тибо, участника боев в Айнтабе подполковника Абади и др. Однако и эти авторы восхваляют «освободительную и «просветительскую» миссию Франции на Востоке в целом и в султанской Турции в частности с той лишь разницей, что одни представляют французских империалистов как покровителей всех христиан Востока[60], другие же—как «традиционных друзей» всех мусульман и в первую очередь османских турок[61].

Все эти работы французских авторов вышли в свет до второй мировой войны. Что же касается послевоенных изданий, их относительно немного, и они в основном имеют компилятивный характер. Новых документов и интересных фактов мало, а выводы и оценки зачастую повторяют предыдущих авторов, продолжая линию восхваления французской военщины и героизма французских солдат[62], активной роли французской дипломатии в предотвращении разгрома турецких войск в Сакарийском сражении[63], в окончательном прекращении военных действий и т. д.[64] Некоторые же авторы, пытаясь оправдать позорную эвакуацию французских войск из Киликии, ставят ее в прямую зависимость от политики в Сирии, которая в планах французских империалистов действительно занимала гораздо более важное место, чем Киликия. «Франция,—писал известный востоковед Ренэ Груссе,—все устремления которой ограничивались получением сирийского мандата, не имела никакого интереса удерживаться в Киликии...»[65]. Бывший министр, академик Эд. Бонфу к этому добавлял, что «как только Франция эвакуирует Киликию, она будет иметь в Сирии одну длинную общую границу с Турцией», поэтому, заключал он, в интересах Франции—«договориться с Ангорой с тем, чтобы сохранить на месте только минимум необходимых войск»[66].

На колониальную сущность французской ближневосточной политики проливает свет новый обширный документальный материал, содержащийся в недавно опубликованном двухтомном труде генерала Дюэ «Французские армии в Леванте. 1919—1939 гг.»[67], написанном на основе архивных материалов Генерального штаба сухопутной армии Франции. Однако, вопреки приведенным в книге фактам, раскрывающим захватнический характер действий французских войск, автор утверждает, что якобы «в целом коренное население—турки, туркмены, курды, черкесы—принимали нас хорошо»[68], забывая при этом упомянуть об армянах, составлявших после войны одну треть всего населения Киликии.

Среди работ французских авторов выделяется исследование очевидца событий историка Поля дю Вею «Страдания Киликии»,

последнее, переработанное и дополненное издание которого увидело свет в 1954 г.[69] В отличие от многих своих коллег дю Веу, обстоятельно анализируя политику правящих кругов страны по отношению к населявшим Киликию национальностям, ясно и четко выказывает свое критическое отношение к этой пагубной для них политике французского правительства. Книга ценна также приложением различных документальных источников, которые проливают свет на ряд сторон национальной политики анкарских руководящих кругов. Следует, однако, отметить, что в упомянутом исследовании допускаются оскорбительные выпады в адрес турок, и создается впечатление о тенденциозности автора, между тем, как было отмечено, этот труд Поля дю Веу представляет определенную ценность для воссоздания всесторонней и объективной картины действий французских и анкарских руководящих кругов в Киликии.

Ценной является вышедшая в 1977 г. монография прогрессивного французского историка Жака Тоби «Французский империализм в Османской империи. 1895—1914», которая хотя и не охватывает хронологически рассматриваемый период, она безусловно полезна для изучения экономического аспекта французской ближневосточной политики[70].

В изданном в 1982 году во Франции объемистом коллективном труде «История армян» имеется раздел, посвященный Киликии, где автор—Ив Тернон, написавший до этого ценную книгу о геноциде армян в Турции[71], фактически избегает оценки французской политики. Более того, он не точен в изложении фактов и событий. Возвращение депортированных армян на родину автор считает «внезапным». «Они (армяне.—*Р. С.*) требуют свое имущество,—пишет он,—применяют репрессии и сами осуществляют правосудие»[72]. Так писать, не объясняя причин сложившейся для киликийских армян ситуации, в которой в большой степени были повинны сами французские власти, и не упоминая о провокационной деятельности как младотурецких агентов, так и кемалистов, значит представлять искаженной картину того, что происходило в Киликии в те годы.

Особо следует сказать о работах, в которых даются биографические портреты главных действующих лиц—руководителей французской политики Клемансо[73], Бриана[74] и Пуанкаре[75]. Основная задача французских авторов выступает здесь неприкрыто. Это—сплошная апологетика, безудержное восхваление личности своих героев, оправдание либо смягчение их ошибок и промахов. В этом отношении особенно характерна объемистая монография Пьера Микеля о Раймоне Пуанкаре, в которой автор, превознося Пуанкаре, этого рьяного защитника интересов французской импе-

риалистической буржуазии, обходит молчанием его антисоветскую и агрессивную колониалистскую политику, столь пагубную и для населения Киликии.

Другой автор, Виктор Маргрит ставит в заслугу своего «героя» Аристида Бриана то, что благодаря его усилиям «Франция вернулась к своей традиционной политике согласия с Османской империей, нарушенной Севрским договором под воздействием Ллойд Джорджа»[76].

Значительное внимание уделено политике Франции по отношению к Турции и франко-турецким взаимоотношениям в современной турецкой историографии. В публикации первоисточников и здесь, однако, имеются те же пробелы: до сих пор не изданы дипломатические документы того периода, а наиболее важные архивные материалы недоступны не только иностранным, но и турецким исследователям. В основу же оценок и выводов турецких авторов ставятся высказывания М. Кемаля, в частности его речь, произнесенная на II съезде народно-республиканской партии 15—20 октября 1927 г., которая, как известно, содержала много необъективных и необоснованных утверждений, особенно в вопросах, касающихся политики кемалистов как в Киликии, так и по отношению к Армении в целом.

Авторы официальной истории Турции—Тарих, учебников по истории, мемуаров и т. д. зачастую идеализируют личность Кемаля и других турецких лидеров. Сплошным восхвалением заполнены, например, воспоминания Ш. С. Айдемира о Кемале Ататюрке и Исмете Иненю[77], А. Н. Караджана о роли Исмет-паши в Лозанне[78] и др. Освещающие французскую политику историки, как правило, обвиняют Францию в том, что она якобы защищала христиан, в первую очередь армян. При этом аргументация, приводимая авторами, ниже всякой критики. Так, руководитель боев в Урфе, бывший депутат меджлиса Али Саиб утверждал, что французы якобы допускали попустительство по отношению к «преступлениям» армян, т. к. «турецкое золото расхищалось последними и текло в карманы французов»[79].

Любопытные факты о франко-кемалистских дипломатических контактах в 1919—1920 гг. приводятся в «Воспоминаниях о национально-освободительной войне» известного политического и военного деятеля Али Фуада Джебесоя. Особенно интересны сведения о переговорах, которые вел с Кемалем в Сивасе в декабре 1919 г. представитель французского правительства Франсуа Жорж-Пико. В упомянутой книге Джебесой посвятил отдельный раздел событиям в Киликии, где он, однако, дает искаженную картину развернувшихся там событий, безосновательно утверждает, что якобы «армяне сжигали турецкие села и подвергали их население резне»[80]. В другой своей книге—«Поли-

тические воспоминания» Джебесой, говоря об антифранцузском восстании в Мараше, избегает объективного анализа и оценки событий[81].

Отдельные интересные факты об имевших место в течение 1920—1921 гг. дипломатических контактах между представителями французского правительства и Великого национального собрания Турции содержатся в «Дипломатической истории 1919—1939 гг.» Ахмеда Шюкрю Эсмера и в его же статье «Турецкая дипломатия 1920—1955 гг.[82]». Известные историки Хикмет Баюр, Джошкун Учок, Явуз Абадан, Фахир Армаоглу, Абдюллахат Акшин, Гёнлюбол и Сар[83] в своих трудах уделили место анализу причин заключения франко-турецкого договора 1921 г. Омер Кюркчюоглу, первый среди турецких историков написавший книгу о турецко-английских отношениях 1919—1926 гг., уделил внимание французской ближневосточной политике в указанные годы, в частности дипломатическим контактам с правительством ВНСТ, Анкарскому договору 1921 г., позиции Франции на Лозаннской конференции и т. д.[84]

Политика стран Антанты по отношению к Турции частично освещается в двух работах известного историка Тевфика Быйыклыоглу[85], а некоторых вопросов рассматриваемой проблемы коснулись в своих воспоминаниях и трудах Кылыдж Али[86] и Алтемур Кылыдж, книга которого вышла в США[87].

Франко-турецкие взаимоотношения рассмотрены в монографии Саляхи Р. Сониела «Турецкая дипломатия 1918—1923 гг.», вышедшей в свет на английском языке[88]. Автор высказывает свои соображения относительно формирования позиции анкарских кругов к политике Франции. Так, он отмечает, что «от внимания националистов не ускользнуло, что с начала же их движения французы делали все возможное для того, чтобы добиться их благосклонности, в первую очередь из-за своего антибританского безумия, которое неминуемо толкало их в объятия турок»[89]. Однако не обосновано фактами утверждение Сониела, что «французы, не имея средств для обеспечения окончательной победы в Киликии, которая стала финансовой и военной гангреной на теле Франции, решили сблизиться с кемалистами с целью урегулирования»[90]. Автор проявляет тенденциозность в освещении событий в Мараше. Основываясь на необъективных высказываниях М. Кемаля, он, вопреки истине, заявляет, что слухи о том, что тысячи армян были вырезаны турками в Марашском округе, распространялись армянами и их сторонниками и что якобы «эти слухи были грубо преувеличены в политических целях»[91].

Более того, извращая факты, Сониел пишет об «армянских зверствах» в Киликии, что якобы армяне, «инспирируемые французскими офицерами», тревожили турко-мусульманское населе-

ние»[92]. Надуманным является и тезис Сониела о несуществующей франко-армянской солидарности в Киликии. «Все силы, какие только он имел,—пишет автор,—Кемаль направил против французов и армян в Киликии, надеясь заставить Францию, отгородившись от Англии, прийти к какому-нибудь соглашению с Турцией»[93].

Особенно критически следует отнестись к трудам и воспоминаниям турецких авторов—историков, политических и военных деятелей, вышедшим в 1960—70-е годы. Новым здесь является то, что в своем стремлении оправдать преступления султана Абдул Гамида II, младотурецких главарей и др., привлекшие внимание мировой общественности в связи с 50-летием геноцида армян в Османской империи, эти авторы доходят до абсурдных, совершенно недоказуемых обвинений против всего армянского населения Османской империи, в том числе и Киликии. В сегодняшней Турции, где марксистская литература запрещена официально, не издаются исторические труды, в которых признавалось право нетурецких и особенно немусульманских народов Османской империи на национально-освободительную борьбу, право сбросить вековое турецкое иго, право на самоопределение. Все движения подвластных народов как в прошлом, так и в настоящее время представляются как «сепаратистские», «противозаконные», «криминальные», а в последних трудах турецких авторов—террористические.

Ближневосточная политика Франции рассматриваемого периода разбирается и в трудах английских авторов. Кроме того, в упомянутом выше многотомном издании «Документы внешней политики Великобритании. 1919—1939 гг.» имеется достаточное количество материала, предоставляющего возможность проследить перипетии французской внешней политики, дипломатической борьбы за господство на Ближнем Востоке и т. д. В томах впервые опубликованы записи бесед лорда Керзона и Клемансо в Париже и Лондоне в 1919—1920 гг., во время которых обсуждался вопрос о Киликии, и ряд других важных материалов. Ясно, что это издание страдает явной тенденциозностью: документы отобраны с расчетом представить в самом благоприятном свете британскую внешнюю политику и в то же время подчеркнуть «агрессивность» Франции. Этот недостаток присущ и работам английских историков, которые изобилуют критикой в адрес Франции, своей сепаратной политикой «предающей» общее дело союзных держав. Так, Г. Армстронг, проведший долгие годы в Турции, не скрывал своего недовольства политикой Франции, которая вступила в тайные переговоры с Турцией и без ведома Англии подписала договор с кемалистами. Необъективность его

доходила до утверждения, что в борьбе турецкого народа против греческого вторжения державы Антанты «сохраняли нейтралитет»[94]. Следует отметить, однако, что уже в работах английских авторов 20-х годов содержалась критика и в адрес своего правительства, а также Франции за их отказ от взятых ими обязательств по отношению к нетурецким национальностям Османской империи[95]. Дж. Бёрт, например, подчеркивал, что именно по настоянию Англии и Франции армяне возвратились в Киликию и были обмануты ими, и эта их вина «ложится черным пятном на западную цивилизацию»[96].

Из других книг довоенных лет представляют интерес работы известного философа и историка-международника Арнольда Тойнби и К. Кирквуда, а также Генри Каминга[97]. Более ценны, однако, работы, опубликованные после второй мировой войны. Среди них выделяются объемистый труд Ж. Мариотта, докторская диссертация Эд. Р. Вер-Ходжа, книги М. Н. Медликотта, Э. Кедури[98] и др. Истории французской колониальной политики 1879—1925 гг. посвятил свою монографию профессор Стефен Робертс[99]. Общим у перечисленных авторов является их стремление обнажить «вероломство» и «нелояльность» французов по отношению к Англии. Но они по-разному расценивают каждый из конкретных шагов, предпринятых французской дипломатией в тот период.

Много интересных материалов приводится в исследовании лорда Кинросса[100]. Хотя книга в целом написана в туркофильском духе, она ценна тем, что ее автору первому удалось «проникнуть» в личный архив Кемаля Ататюрка, а также просмотреть и привлечь в своей работе документы и бумаги адмирала Бристоля, имевшего продолжительные встречи и беседы с Ататюрком. Определенный интерес представляют главы, посвященные переговорам Кемаля с Жорж-Пико и Анкарскому договору.

Меткие оценки французской политики в Киликии содержатся в книге Кристофера Уокера[101].

Весьма ограничена американская историческая литература по рассматриваемой проблеме. Правда, в послевоенные годы в США было издано много книг по Ближнему Востоку и дипломатической истории борьбы вокруг него, но они посвящены турецко-американским или турецко-советским отношениям. Политика других крупных государств, в частности Франции, специально не исследовалась. И все же в работах, вышедших в разное время, приводится значительное количество достоверных материалов, в частности, свидетельств очевидцев событий в Киликии, которые могут служить дополнительным источником для изучения всего комплекса вопросов, связанных с проводимым французской администрацией курсом[102]. Ценными являются переизданное в

1966 г. обширное исследование профессора Г. Говарда, посвященное истории десятилетней дипломатической борьбы великих держав за раздел так называемого «турецкого наследства»[103], и книга Лоуренса Эванса[104], также посвященная истории раздела Османской империи, но в связи с политикой Соединенных Штатов. Среди воспоминаний американских очевидцев и соучастников событий в Киликии в 1918—1923 гг. своим объективным подходом и достоверностью приведенных фактов и сведений выделяются книги — Д. К. Иби о самообороне армян в Хаджине[105], бывшего главного врача американской больницы в Мараше Мейбл Элиот[106] и д-ра Стенли Э. Керра, являвшегося в 1919—1922 гг. членом «Near East Relief». Две первые работы вышли в свет в 20-е годы, книга С. Керра под названием «Львы Мараша»—в 1973 г.[107] Особенно ценна последняя работа, которая выходит за рамки личных воспоминаний автора, ибо он помимо своих наблюдений и записей широко использовал мемуары большого числа участников и очевидцев событий—турок, армян, французов и американцев, привлек документы из архива Венсеннского замка (архив штаба сухопутной армии Франции) и архива Форин оффиса, а также использовал труды турецких, западных и советских историков. В результате автору удалось воссоздать цельную и объективную картину событий в Мараше в годы французской оккупации. В частности, профессор Керр показал борьбу кемалистов против французских оккупантов и борьбу тех же кемалистов против армян, преданных французами. В итоге, как пишет автор в предисловии своей книги, «в 1914 г. 86 тысяч армян жили в Мараше и его окрестных селах. К январю 1923 г. ни одного из них не осталось»[108]. О событиях в Киликии и, в частности, о франко-турецком соглашении 1921 г. говорится во втором томе двухтомной «Истории Османской империи и современной Турции» преподавателей Калифорнийского университета супругов Стэнфорда Шоу и Эзель Курал Шоу[109], труде, в целом крайне тенденциозном, изобилующем фальсифицированными данными и фактами, касающимися истории армянского народа.

Много конкретного материала о французской и турецкой политике в Киликии содержится в рукописных и опубликованных работах и воспоминаниях зарубежных армянских авторов—очевидцев и участников событий, а также в издававшихся в те годы в Адане, Стамбуле и Измире армянских газетах.

В книгах С. Терзяна и А. Погосяна[110] о героической самозащите армян Хаджина; Н. Зейтунцяна и Вард Мехака[111] о последних боях в Зейтуне; Г. О. Галустяна и О. Тер-Варданяна[112] о Мараше; Г. Сарафяна и А. Кесара[113] об истории айнтабских армян; Арама Саакяна[114]—о вооруженной самообороне армян г. Ур-

фы; Кримителя[115] (Крикор-Минас Теллалян); Д. Адамяна, А. Тюрабяна[116]; Л. Чормисяна[117], М. Аветяна[118], А. Атанасяна[119], В. Кеокчяна[120], К. Басмаджяна[121] и других авторов[122] привлечен значительный документальный и литературный материал, помогающий раскрыть действия французских военных и административных властей в Адане, Сисе, Мараше, Айнтабе, Урфе и других оккупированных французами городах. Но несмотря на обилие фактического материала, издания зарубежных армянских авторов в подавляющем большинстве своем лишены научных обобщений и выводов, не дают систематического изложения того или иного вопроса в целом, страдают узкопартийностью оценок. В своей критике французской ближневосточной политики эти авторы удовлетворяются лишь выражением удивления в связи с той неблаговидной ролью, которую сыграла «христианская Франция» в киликийских делах, в судьбах христианского населения Киликии. Совершенно игнорируя весь комплекс экономических, финансовых, политических, культурных и иных интересов, явившихся побудительной и движущей силой внешнеполитической линии французских военно-монополистических кругов на Ближнем Востоке, они считают эту политику таинственной и абсолютно непонятной. Так, рассматривая причины бесславного отступления французских оккупационных войск из Мараша 10—11 февраля 1920 г., многие авторы считают его результатом «громадного военного просчета», «непонятным тактическим шагом», «вечно необъяснимым отступлением», «загадкой» и т. д. Иные же связывают неудачи Франции с туркофильством ее военных деятелей, утверждая, что «если бы не было проявившегося с первых же дней непоколебимого туркофильства генерала Гуро, Франция не потерпела бы поражения в Киликии и не покинула бы ее...»[123].

Критически следует отнестись и к цифровым данным, приводимым зарубежными армянскими авторами. Например, в своей «Истории армянского народа», изданной в Буэнос-Айресе, Ашот Арцруни утверждает, что в Киликии погибло 50 тыс. армян[124], между тем известно, что общее число жертв, понесенных армянским населением в 1919—1922 гг., составило 20—22 тыс. человек. И лишь некоторые армянские историки за рубежом, анализируя французскую политику тех лет, дают ей подобающую оценку. Так, например, Г. Пастермаджян замечает, что французские руководители предпочли отказаться от Киликии, где армянский элемент после войны снова составил относительное большинство населения, с тем, чтобы расправиться с оппозицией арабов[125]. Артак Дарбинян характеризует французскую политику в Киликии, как двурушническую. В связи с событиями в Мараше автор отмечает, что хотя «французские военные власти заверяли армян,

что резня больше не повторится, однако она имела место в Мараше»[126].

Профессор международного права Ливанского университета Ш. Торикян в числе других европейских империалистических держав обвиняет французское правительство в «преступном пренебрежении» к судьбам нетурецкого населения[127]. Патриотически настроенный историк и общественный деятель Аветис Япуджян справедливо критикует тогдашних лидеров киликийских армян за их непонимание французской политики: «Наши руководители игнорировали ту истину, что люди, для которых миллионы своих соотечественников служили пушечным мясом, могли, не колеблясь, сделать жертвами турецкого ятагана несколько десятков тысяч беззащитных армян»[128]. Он же дает в целом правильную оценку Анкарскому договору 1921 г.[129]

В 1983 г. в Париже вышел в свет большой сборник документов «Великие державы, Османская империя и армяне во французских архивах (1914—1918)», собранный и подготовленный к печати историком Артуром Бейлеряном[130]. Хотя материалы этого сборника хронологически не охватывают события исследуемого нами периода, они тем не менее важны для понимания тех шагов французской дипломатии, которые сразу же по окончании войны отразились как в ее ближневосточной политике, так и в конкретных акциях французской администрации в оккупированной Киликии.

Критический анализ зарубежных изданий приводит, таким образом, к заключению, что как в довоенной, так и в современной турецкой, западноевропейской и американской буржуазной историографии рассматриваемые вопросы в целом нашли односторонее и необъективное освещение. Оценки и выводы буржуазных авторов—историков, политических, государственных и военных деятелей, дипломатов и т. д., как правило, крайне тенденциозны и продиктованы стремлением оправдать политику своей страны. Более того, многие исторические факты, политические события в Киликии периода ее английской, а затем французской оккупации, зачастую преподносятся искаженно, либо прямо фальсифицируются. Поэтому автор выражает надежду, что предпринятый им в данном труде критический анализ буржуазных изданий по исследуемой проблеме, раскрывающий одновременно их антисоветскую направленность, послужит задачам борьбы с буржуазной идеологией.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТУРЦИЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Взаимное истребление вовлеченных в первую мировую империалистическую войну народов все еще продолжалось, когда Османская империя вынуждена была выйти из войны. После ряда сокрушительных поражений на Балканском и Палестинском фронтах султанское правительство обратилось к державам Антанты с просьбой о мире.

30 октября 1918 г. на борту бросившего якорь в порту Мудрос (о. Лемнос) английского крейсера «Агамемнон» был подписан договор о перемирии. Военное превосходство Англии на Ближнем Востоке было использовано британским правительством для предъявления турецким делегатам своих условий перемирия. Французский адмирал Амет, уполномоченный своим правительством принять участие в переговорах, не был допущен адмиралом Кальторпом на борт крейсера. Условия перемирия, подготовленные задолго до капитуляции Турции в кабинетах Форин оффиса[1], диктовал Кальторп, хотя они были предложены туркам от имени союзников, которые, как признавал впоследствии французский президент Раймон Пуанкаре, даже не подозревали о существовании такого проекта[2].

Условия Мудросского перемирия предусматривали:

Ст. 1. Открытие Дарданелл и Босфора и свободный доступ в Черное море. Военная оккупация союзниками портов Дарданелл и Босфора.

Ст. 2. Указание союзникам мест расположения мин в турецких водах и оказание содействия в их тралении.

Ст. 3. Сообщение всех сведений о минах, находящихся в Черном море.

Ст. 4. Все союзные военнопленные, все военнопленные и интернированные армяне должны быть собраны в Константинополе для того, чтобы без всяких условий быть переданными союзникам.

Ст. 5. Немедленная демобилизация турецкой армии, кроме войск, необходимых для охраны границ и для поддержания внутреннего порядка...

Ст. 6. Сдача всех военных судов, находящихся ныне в турецких водах или в водах, занятых турками...

Ст. 7. Союзники будут иметь право оккупировать все стратегические пункты, в случае, если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников.

Ст. 8. Свободное пользование союзными судами, всеми портами и причалами, ныне занимаемыми турками, и запрещение врагу пользоваться этими портами...

Ст. 9. Пользование всеми починочными средствами, находящимися в портах Турции и в ее арсеналах.

Ст. 10. Военная оккупация союзниками системы туннелей Тавра.

Ст. 11. Немедленный отход турецких войск на северо-запад Персии за довоенную границу был уже предписан и будет продолжен.

Турецкие войска уже получили приказ эвакуировать часть Закавказья, причем оставшиеся войска будут удалены, если союзники потребуют того по изучении положения на местах.

Ст. 12. Радиотелеграфные станции и кабели будут поставлены под контроль союзников, кроме депеш турецкого правительства.

Ст. 13. Запрещение разрушать какой-либо морской, военный или торговый материал.

Ст. 14. Союзникам будут даны льготы для покупки угля, масел, мазута и морского материала, который можно будет получить из турецких источников, после обеспечения потребности страны. Ни один из этих предметов не может быть вывезен.

Ст. 15. Будут назначены союзные офицеры для наблюдения за всеми железными дорогами, включая те части закавказских дорог, которые находятся ныне под контролем Турции и которые должны быть предоставлены в свободное и полное распоряжение союзных властей с учетом потребности населения. Из этого постановления следует, что союзники имеют право занимать Батум. Турция не сделает никаких возражений против оккупации Баку союзниками.

Ст. 16. Сдача всех гарнизонов в Геджасе, Ассире и Йемене, Сирии и Месопотамии союзному командованию... Уход [турецких войск] из Киликии.

Ст. 17. Сдача всех турецких офицеров в Триполитании и в Киренаике ближайшему итальянскому гарнизону...

Ст. 18. Сдача ближайшему союзному гарнизону всех портов, занятых в Триполитании и Киренаике, включая Мизурату.

Ст. 19. [Эвакуация с турецкой территории всех военных и гражданских немецких и австрийских подданных].

Ст. 21. К турецкому министерству продовольствия будет причислен союзный представитель для ограждения интересов союзников...

Ст. 22. Турецкие пленные будут оставлены в распоряжении союзных держав. Освобождение турецких гражданских пленных и пленных, перешедших возраст военной службы, будет изучено.

Ст. 23. Обязательство для Турции прекратить все сношения с центральными державами.

Ст. 24. В случае беспорядков в одном из армянских вилайетов союзники сохраняют за собой право занять часть его.

Ст. 25. Неприятельские действия между союзниками и Турцией прекратятся в четверг 31 октября 1918 года в полдень по местному времени[3].

От имени Турции договор подписали Хусейн Рауф, Решид Хикмет и Саадулла.

Сразу же после подписания Мудросского перемирия английские войска приступили к военной оккупации как предусмотренных, так и непредусмотренных договором территорий. Так, спустя три дня—2 ноября 1918 года, под предлогом защиты своих путей сообщения в Месопотамии, англичане заняли богатый нефтью Мосульский район, а также один из важнейших портов Средиземноморья—Александретту.

Англия укрепила свое доминирующее положение и в зоне Проливов, послав туда большую часть кораблей своего средиземноморского флота и захватив наиболее важные военно-морские укрепления. 13 ноября английские войска высадились в Стамбуле, а в течение последующих двух дней вместе с французскими и итальянскими войсками они захватили Проливы[4].

9 ноября 1918 г. в Константинополе произошла смена правительства. Во главе султанского кабинета стал министр иностранных дел при Абдул Гамиде II Ахмед Тевфик-паша—представитель кругов, связанных с иностранным капиталом. Новый премьер заключил в декабре 1918 г. с генералом Алленби секретное англо-турецкое соглашение, получившее название десяти дополнительных условий генерала Алленби к Мудросскому соглашению[5].

В начале января 1919 г., опираясь на это соглашение, английские войска оккупировали Киликию и лежащие к востоку от нее территории, хотя по секретному соглашению Сайкс-Пико 1916 г. Киликия должна была отойти к Франции. Объяснялось это также тем, что находящаяся в Бейруте французская бригада была слишком слаба для осуществления оккупации Киликии[6].

Вопрос о разделе оккупированных территорий Османской империи стал предметом обсуждения на открывшейся 18 января 1919 г. Парижской мирной конференции. До этого, во время встречи Клемансо—Ллойд-Джордж в Лондоне, последний добил-

ся того, что во изменение соглашения Сайкс-Пико Франция признала Мосульскую область зоной английского влияния при условии, что часть мосульской нефти будет поставляться Франции, а также будет признан ее мандат над Сирией[7].

В конце того же января 1919 г. Верховный Совет Антанты принял решение об отделении Армении, Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии от Османской империи. В феврале премьер-министр Греции Венизелос обратился к Парижской мирной конференции с требованием передать Греции Измирскую область[8]. Союзные державы приняли по этому вопросу положительное решение, и греческие войска 15 мая 1919 г. высадились в Измире, заняв город и весь прилегающий к нему район.

Подписание Мудросского перемирия и особенно оккупация Измира вызвали протесты по всей стране. Созданные до этого крестьянские партизанские отряды свои основные усилия направили на борьбу против иностранной оккупации.

Для дальнейшего хода войны за независимость Турции огромное значение имела Великая Октябрьская социалистическая революция, победа которой, а также успехи, одержанные на фронтах гражданской войны, являлись вдохновляющим примером для народов Востока. Сам факт существования Советской России имел огромное значение для всех тех народов, которые поднялись на борьбу против крупных империалистических держав за свою независимость и государственную самостоятельность. В азиатских странах наиболее важные последствия имела помощь, оказанная Советской Россией Турции.

Программа национальной войны Турции была разработана и утверждена на Эрзерумском и Сивасском конгрессах.

Эрзерумский конгресс был созван Обществом защиты прав Восточной Анатолии. Он проходил с 23 июля по 7 августа 1919 г. Нас интересует политическая часть принятых конгрессом решений, которая приводится полностью.

«§ 1. Восточные вилайеты Малой Азии, вилайет Трапезунда и санджак Джаник составляют единое неделимое целое и входят в качестве интегральной части в состав Османской империи.

Вилайет Трапезунда с санджаком Джаник, равно как и вилайеты Эрзерума, Сиваса, Диарбекира, Харпута, Вана и Битлиса, именуемые вилайетами Восточной Анатолии, и все автономные санджаки, расположенные в районе этих вилайетов, не могут никоим образом, ни под каким видом и ни по какому поводу быть отчуждены друг от друга и составляют, таким образом, единое целое, все части которого вполне солидарны между собой, будь то в дни несчастья, будь то в дни благополучия, и стремятся в вопросах, касающихся их будущей судьбы, к достижению одной и той же цели. Мусульманские элементы, населяющие эти облас-

ти, естественно, охвачены одинаковыми чувствами взаимного уважения и самопожертвования и считают себя братьями, рожденными от одних родителей, в учете этнического и социального положения каждого из них, равно как и иных условий, свойственных тем местностям, в которых они проживают.

§ 2. Рассматривая всякую оккупацию нашей территории, равно как и всякое вмешательство в наши дела, как тенденцию, направленную к созданию греческой или армянской общины, мы (в целях противодействия сему.—*Ред.*) выдвигаем принцип самообороны и взаимной поддержки.

Мы всецело подтверждаем права, приобретенные христианскими элементами, с которыми мы уже в течение долгих времен проживаем совместно на земле наших отцов, отмечая при этом, что права эти были уже подтверждены законоположениями Оттоманской империи. Имущество, честь и жизнь лиц, причисляемых к этим элементам, находятся и в настоящее время в полной безопасности, в соответствии с учениями нашей религии и нашими традициями. Конгресс, приходя к этому выводу по собственному убеждению, еще раз подтверждает действительность этого принципа.

Но в то же время мы никогда не допустим, чтобы греки или армяне заняли по отношению к нам позицию, могущую создать угрозу нашему существованию, правам мусульман и оттоманскому суверенитету, будь то прямо или косвенно, скрытым или явным, или безразлично каким бы то ни было образом.

Поэтому наша нация считает себя вправе и способной защищаться всеми способами, которые будут в ее распоряжении, будь то материального или морального порядка, с целью принять все меры для предотвращения любого рода попыток, могущих быть предпринятыми греками или армянами с целью нанести ущерб нашей родине. Из этих соображений мы будем рассматривать всякую интервенцию великих держав Антанты, в чем бы таковая ни состояла, как попытку содействовать осуществлению планов и проектов, которые мы отвергаем. Исходя из данного положения, мы ни на миг не проявим колебания в защите наших прав и всего, что нам дорого, используя в этих целях все средства, находящиеся в нашем распоряжении. На сей предмет мы считаем себя вынужденными предпринять меры к нашей обороне, начав соответствующие подготовительные работы.

§ 3. Перед лицом опасности, угрожающей даже самому существованию оттоманского государства, нашей основной целью является сохранение султаната и халифата. В тех случаях, когда согласование целесообразных в этом направлении акций с другими вилайетами будет невозможно, вилайеты Восточной Анатолии выдвигают принцип самостоятельной защиты и обороны. На-

шим желанием является обеспечить при всех обстоятельствах совместную деятельность вилайетов Восточной Анатолии и остальных вилайетов Османской империи с целью осуществления тех священных целей, которые мы перед собой поставили.

Однако, если в силу создавшейся обстановки эти последние будут находиться в положении, исключающем возможность принять активное участие в этом деле, основная наша задача всегда останется неизменной, т. е. вилайеты Восточной Анатолии, составляющие неделимое целое, будут продолжать свою деятельность в целях осуществления наших священных задач.

От участия в активной борьбе освобождаются лишь наши единоверцы, проживающие в областях, оккупированных иностранцами, поскольку они не вправе свободно располагать собой и своими голосами до тех пор, пока не будет положен конец той обстановке рабства, в которой они находятся.

§ 4. В случае, если императорское оттоманское правительство будет вынуждено по распоряжению иностранных держав бросить эти области на произвол судьбы и заявить о своей незаинтересованности в них, мы определим, какие меры следует принять, равно как и какую политическую и военную позицию будет целесообразно занять.

Если оттоманское правительство будет вынужденным (да упасет нас Аллах!) бросить эти области на произвол судьбы и заявить о своей незаинтересованности в них, каковой момент наступит в случае, если всей нашей родине будет угрожать опасность распада, и если должным образом будет установлено, что императорское правительство под политическим давлением держав Антанты было бы вынуждено подписать договоры, обменяться нотами и меморандумами или какими-либо другими подобными дипломатическими документами, которые содержали бы в себе тенденцию к разрыву уз, связывающих восточные вилайеты Анатолии с императорским оттоманским правительством, а также с императорским троном султана и халифа, в восточных вилайетах, границы которых нами определены, будет немедленно создано и провозглашено временное правительство. Задачи этого временного правительства будут заключаться в сохранении связи со священным халифатом и троном оттоманского султана и в воспрепятствовании грекам или армянам попирать землю наших отцов.

В настоящее время администрирование восточными вилайетами будет проводиться в соответствии с той административной организацией, которая существует согласно действующим законоположениям оттоманской империи. Все военные и гражданские власти, равно как и чиновники, обязаны будут действовать в соответствии с этим временным режимом.

Временное правительство предпримет все необходимое для того, чтобы надлежащим образом и официально довести до сведения всех иностранных держав о вновь установленных порядках.

Временное правительство будет избрано конгрессом, выдвинутым нашей национальной организацией. Если это событие произойдет в момент, когда конгресс не будет заседать, то провизорное избрание временного правительства будет возложено на Представительный комитет, который сообщит о факте избрания временного правительства всем вилайетам, приступив немедленно к созыву (чрезвычайного.—*Ред.*) конгресса»[9].

Согласно параграфу 5, Представительный комитет обязывался немедленно разработать порядок общей эвакуации, которая должна была касаться исключительно восточных вилайетов. В параграфе 6 снова подчеркивалось, что семь восточных вилайетов связаны теснымн узами и составляют единое неделимое целое и что невозможно в этих областях отменить права ислама или в какой-то мере уменьшить их. Это решение Представительный комитет обязывался довести до сведения общественного мнения всего мира. «Всякие выступления и пропаганда,—говорилось в конце,—направленные против принципов и решений конгресса, выражающего голос нации, будь то в письменной или устной форме, или всякие аналогичного рода акции будут рассматриваться как измена и преступления против родины и нации».

Параграф 7 возлагал реализацию всех решений, принятых конгрессом, на Общество защиты прав Восточной Анатолии.

Параграф 8 уполномочивал Представительный комитет и местные комитеты Общества «кооптировать в члены комитета лиц, которых они считают специалистами или сведущими лицами, или которые необходимы им для разрешения того или иного вопроса...».

В параграфе 9 отмечалось, что центральные и местные комитеты «вправе свободно действовать в пределах их компетенции», а параграф 10 был посвящен определению доходов Общества защиты прав. «Доход общества состоит исключительно из добровольных пожертвований и взносов населения, сознающего все значение независимости нашей родины».

Наконец, параграф 11 гласил: «Цели и задачи Общества, созданного для того, чтобы защитить суверенную волю нации, смогут быть осуществлены лишь в случае созыва национального собрания, работающего в обстановке полной безопасности и пользующегося абсолютной свободой в своих закономерных действиях и в своем праве контроля...»[10].

Кроме приведенных решений, Эрзерумский конгресс принял 7 августа 1919 г. Манифест следующего содержания:

«Вслед за заключением перемирия наша нация пережила следующие события.

Наметились прогрессивно развивающиеся тенденции, сводившиеся к тому, чтобы нарушить все положения договоров и соглашений.

Произведена оккупация значительных территорий империи, как-то: Смирны, Адалии, Аданы и окрестностей.

Произошли эксцессы, зверства, без числа совершенные греками в Айдыне.

Армянами учинены погромы турок на Кавказе, выявилась их политика уничтожения мусульман, причем армяне готовы и сейчас напасть на нашу территорию.

Произведены приготовления в целях проведения в жизнь иллюзорного проекта создания республики «Понт-эйксейн» на побережьи Черного моря.

Начался наплыв беженцев-греков иностранного подданства в районы побережья в целях демонстрации закономерности и облегчения проведения в жизнь указанного выше иллюзорного плана.

Раздались обращения и призывы к вооруженным бандитам, которые присоединяются к этим так называемым эмигрантам.

Наша нация имела возможность констатировать, что ее территория подвергается величайшей опасности быть расчлененной и в учете упомянутых выше событий, которые могут привести ни к чему иному, как к трагическим для нас результатам, она приняла твердое решение, которое сводится к тому, что центральное правительство, которое не имеет под собой в качестве опоры национальные элементы, не будет при создавшемся тяжелом положении в состоянии противодействовать грядущим опасностям. Впрочем, нация уверена, что под давлением различных влияний центральное правительство будет принуждено подчиниться тяжелым условиям (мира.—*Ред.*), которые будут ему предложены, вследствие чего она уже в настоящее время переживает сильную тревогу»[11].

Затем в Манифесте перечислялись решения, принятые Эрзерумским конгрессом.

Рассмотрим решения и Манифест Эрзерумского конгресса по существу. Столь частое повторение в приведенных документах мнимой опасности христианских народов—греков и армян для мусульманского мира преследовало явную цель разжечь фанатизм и национальную вражду на религиозной почве, цель, на которую указал сам Мустафа Кемаль в своей речи на открытии Эрзерумского конгресса. В этой речи не допускалась даже мысль о самоопределении угнетенных христианских народов империи. Более того, угнетенной выставлялась сама турецкая нация. «Греки и

армяне оттоманского подданства,—утверждал он,—поощряемые и ободряемые оккупацией, дошли до того, что начали устраивать кровавые мятежи»[12]. «Что касается армян,—продолжал Кемаль,—то они питают агрессивные намерения. Они притесняют мусульманское население от Нахичевани до Ольты и предаются в некоторых местностях грабежам и убийствам. Они пытаются уничтожить или принудить эмигрировать всех мусульман, населяющих эти области вплоть до наших границ и, таким образом, реализовать наиболее надежным образом свои намерения по отношению к нашим восточным вилайетам. С другой стороны, они хотят выслать к нам всех оттоманских армян, которых, как они утверждают, около 400 тысяч, и на которых они рассчитывают, как на опору в будущем в своих агрессивных планах»[13].

В то же время М. Кемаль настраивал против армян вождей курдских племен. Так, в письме от 10 августа 1919 г., адресованном предводителю племени Мутки Хаджи Муса-бею, Кемаль утверждал, что якобы армяне «стремятся к тому, чтобы *на территории нашей матери-отчизны, наследии наших предков,* создать Армению»[14] (курсив мой.—*Р. С.*).

Содержание документов Эрзерумского конгресса подтверждало также, что провозглашая принципы независимости Турции, конгресс с самого же начала исключал и полностью отвергал право на национальное самоопределение и независимое существование нетурецких народов Османской империи, их вековую мечту освободиться от нестерпимого турецкого ига. Более того, конгресс, выступавший от имени всей турецкой нации, фактически высказывался за продолжение господствующей линии потерпевших политический крах иттихадистов в национальном вопросе. Так, например, нашедший место в параграфе 1 тезис о том, что проживающие в семи восточных вилайетах мусульманские элементы «считают себя братьями, рожденными от одних родителей», по сути дела повторял младотурецкую позицию непризнания прав иных, кроме турок, мусульманских народов, в частности, курдов. А содержащееся в параграфе 2 утверждение, что якобы «имущество, честь и жизнь лиц, принадлежащих к христианским элементам, находятся *и в настоящее время в полной безопасности*» (курсив мой.—*Р. С.*), свидетельствовало о том, что руководители турецкого национального движения оправдывают и защищают султанскую политику преследований, насилий и погромов христианских народов империи. Провозглашенная в параграфе 2 борьба против опасности, якобы угрожающей восточным вилайетам со стороны греков и армян, означала, что кемалисты первыми же шагами своей деятельности определенно давали знать, что они не намерены отказаться от проводившейся столетиями в Западной

Армении султанской политики преследования армян, а наоборот, что они полны решимости увековечить османское иго на исконной родине армянского народа, где армяне еще к концу XVII века составляли 98% населения[15].

Далее, параграфом 3 резолюции Эрзерумского конгресса руководители турецкого национального движения не скрывали своей цели под видом сохранения целостности Турции сохранить являвшуюся тюрьмой народов разложившуюся Османскую империю.

Что касается провозглашенного Эрзерумским конгрессом Манифеста, то он также преследовал цель оставить в неприкосновенности восточные вилайеты, т. е. сохранить в составе Турции всю Западную Армению, лишив тем самым пережившую геноцид 1915 г. часть армянского народа возможности объединиться и воссоздать свою государственность. Наличие в Манифесте «нового» пункта «об армянской политике истребления мусульман» было призвано служить той же цели путем дезориентации мирового общественного мнения.

Эрзерумский конгресс, как видим, прошел под лозунгом борьбы против греков и армян. «В отношении национальных меньшинств,—отмечает А. М. Шамсутдинов,—конгресс занял шовинистическую позицию, решив не предоставлять им никаких прав и свобод»[16].

«Турецкое национальное движение возникло против попыток создания Великой Армении и Понтийского греческого королевства»,—писала туркофильски настроенная публицистка Берта Жорж-Голи[17].

Обобщая работу Эрзерумского конгресса, его организатор и председатель Мустафа Кемаль подчеркивал именно эту сторону: «Наша страна находится между двух опасностей—греческой опасностью и армянской опасностью»[18], повторяя то, что он считал основным в телеграмме, адресованной султану накануне конгресса.

«Национальное движение,—писал Кемаль,—возникло в целях спасения нашей любимой родины и нашей нации от опасности расчленения и принесения в жертву намерениям греков и армян...»[19]. «Кемаль,—пишет французский историк Поль дю Веу,—призывал турок к национальной священной войне для спасения родины от греков и армян»[20].

Решения Эрзерумского конгресса были развиты на Сивасском конгрессе, созванном от имени Общества защиты прав Анатолии и Румелии 4—11 сентября 1919 г. В отличие от Эрзерумского конгресса конгресс в Сивасе выступал под девизом защиты территориальной неприкосновенности и целостности не только восточных вилайетов, но и всей Османской империи. В целом же

решения, принятые на Сивасском конгрессе, повторяли все основные принципы, провозглашенные на Эрзерумском конгрессе. Так, например, утвержденные на конгрессе «основные положения», в частности, их четыре первых пункта, почти без изменений повторяли первые четыре параграфа резолюции Эрзерумского конгресса, с той лишь разницей, что антигреческая и антиармянская направленность здесь была выражена более определенным и решительным образом: «Мы постановляем всеми своими силами до последней капли крови защищать совместно свою родину от всяких вторжений и в особенности от поползновений создать на ее территории греческое или армянское государство»[21]. «Да упасет нас Аллах от того,—говорилось в параграфе 4,—чтобы нам под давлением иностранных государств не пришлось уступить хотя бы пядь нашей родины, так как это означало бы приближение ее раздела; если даже по каким-либо политическим соображениям или на основании международных соглашений часть нашей территории будет отчуждена в пользу союзников, мы все же будем продолжать свою деятельность и немедленно организуем новое правительство в целях охраны страны от сапога греческих или армянских солдат»[22].

Сивасский конгресс, как и Эрзерумский, принял Манифест, который в принципе повторял Манифест Эрзерумского конгресса[23].

«Политическая деятельность Сивасского конгресса,—пишет Л. М. Шамсутдинов,—была направлена не на установление братской солидарности между порабощенными народами Турции, не на их совместную борьбу против империалистических угнетателей, а на обострение межнациональной борьбы, что было выгодно врагам народов Востока—империалистам. *Этим решением участники конгресса демонстрировали свою приверженность национальной политике младотурок, пытавшихся разрешить армянский вопрос путем физического уничтожения армян или их ассимиляции.* Принятие такого реакционного решения объяснялось тем, что большинство участников конгресса являлись бывшими активными членами распущенной младотурецкой партии, которые не были способны правильно разрешить вопрос о взаимоотношениях различных национальностей. Между тем правильное его решение имело первостепенное значение для судьбы многонациональной Турции, особенно для успешного исхода борьбы за независимость»[24] (курсив мой.—*Р. С.*).

Наконец, Сивасский конгресс принял документ, который очень важен для понимания побудительных причин кемалистского движения. Это—телеграмма М. Кемаля, направленная султану 10 сентября 1919 г. от имени комиссии конгресса.

«Мы очень взволнованы,—говорилось в ней,—и наши сердца все еще кровоточат от вчерашних ран и, проникнутые религиозными и национальными бурными чувствами, они снова глубоко ранены следующими событиями: 1—безвозмездная передача новым государствам, которые еще вчера находились под нашим господством, территории наших дорогих вилайетов, 75—90% населения которых (?!—*Р. С.*) является турецким; 2—ужасные мучения и несчастья, которым подвергаются наши братья и единоверцы, раны которых, причиненные войной, еще не залечились»[25].

Далее в телеграмме отмечалось, что немусульманским соотечественникам страны будут обеспечены равные права, согласно требованиям корана, однако невозможно «хоть одну пядь земли наших вилайетов передать Армении или какому-либо другому государству»[26].

Как видим, и этот документ, принятый Сивасским конгрессом, исключал право на самоопределение проживавших в Турции нетурецких народов, хотя в Манифесте конгресса подчеркивалось, что настал «исторический час, когда народы сами определяют свои судьбы»[27].

Что касается приведенного выше утверждения о том, что якобы от Турции должны были быть отторгнуты в пользу бывших подвластных Османской империи народов области, насчитывающие от 75 до 90% *турецкого* населения, то оно было далеко от истины. Ни один из вилайетов, который мог быть отделен от Турции, не обладал турецким большинством. Наоборот, число турок в каждом из упомянутых в документах конгресса вилайетах, до массовых депортаций и резни армян уступало числу последних. Более того, даже мусульманское население, которое выдавалось за чисто турецкое, никогда не составляло 75—90%. Согласно данным армянского патриаршества в Константинополе за 1912 г., армяне составляли в этих вилайетах 38,9% населения, турки же—25,4%[28]. В «Записке о Турецкой Армении», представленной в Совет народных комиссаров РСФСР в связи с принятием «декрета о Турецкой Армении», отмечалось, что к 1914 г. армяне составляли уже только 42% всего населения Армении (Турецкой), «остальные 58% составляли греки, турки, езиды, кизилбаши, причем 38% всего населения Армении составляли мусульмане. Но все же, перед началом войны армяне составляли самую многочисленную группу населения Армении. При этом нужно принять во внимание также и то обстоятельство, что процент армянского населения очень значительно повысился бы, если бы в Турецкой Армении создались хотя бы самые элементарные гарантии личной и имущественной безопасности, что дало бы возможность вернуться на родину тем сотням тысяч армян, которые в самые последние годы вынуждены были эмигрировать на Кавказ и в разные

страны Европы и Америки, но не порвавших с родиной и в большинстве своем готовых при первой же возможности вернуться на родные пепелища»[29].

Таким образом, во всех программных документах кемалистского движения путем искажения исторической действительности делались попытки обосновать «бесспорные» права Турции на те территории, население которых в благоприятных условиях, созданных крахом Османской империи, и вдохновленное принципами, провозглашенными Великой Октябрьской революцией, могло воспользоваться правом на самоопределение народов и избавиться от векового султанского ига.

В решениях Эрзерумского и Сивасского конгрессов, а также в Манифестах не нашел своего отражения вопрос о дальнейшей судьбе самого многочисленного народа Османской империи—арабов. Этот вопрос, так же как и вопрос всех территорий бывшей Османской империи, обсуждался на созванном в Стамбуле в январе 1920 г. Оттоманском парламенте, который принял 28 января Национальный обет, отразивший основные принципы программы кемалистов. В преамбуле этого документа говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся, члены оттоманского парламента, признали и установили, что независимость государства и будущее нации могут быть обеспечены полным признанием следующих принципов, устанавливающих крайний предел тех жертв, на которые можно было бы согласиться в целях достижения справедливого и прочного мира, и что вне означенных принципов невозможно дальнейшее существование оттоманских султаната и общества.

Ст. 1. Тогда как судьба территорий оттоманского государства, населенных исключительно арабским большинством и оставшихся со времени заключения перемирия от 30 октября 1918 г. под оккупацией неприятельских армий, должна быть определена согласно свободному голосованию населения,—все части страны, находящиеся как в пределах, так и вне упомянутой линии, определенной перемирием, населенные оттоманским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей, проникнутым взаимным друг к другу уважением и чувством самопожертвования и всецело поддерживающим свои расовые и социальные права и бытовые условия, действительно представляют собой единое целое, которое не терпит разделения ни де-юре, ни де-факто по каким бы то ни было причинам.

Ст. 2. Мы соглашаемся в случае необходимости прибегнуть вторично к свободному плебисциту для тех лива[30], жители которых как только стали свободными, присоединились путем всеобщего голосования к матери-отчизне.

Ст. 3. Связанное с вопросами о турецком мире правовое положение Фракии должно быть определено путем свободно выраженной воли населения.

Ст. 4. Безопасность Мраморного моря и Стамбула, который является резиденцией исламского халифата, столицей высокого султаната и центром оттоманского правительства, должна быть вполне обеспечена. При условии сохранения этого принципа мы присоединяемся к решению об открытии Проливов, Мраморного и Черного морей для мировой торговли и сообщения, которое будет принято по взаимному соглашению между нами и всеми другими заинтересованными державами.

Ст. 5. Права меньшинств будут подтверждены и обеспечены нами в пределах договорных принципов, установленных между державами Согласия и их противниками и некоторыми ассоциированными с союзниками державами при гарантии пользования такими же правами мусульманским населением соседних стран.

Ст. 6. Чтобы сделать возможным как наше экономическое и национальное развитие, так и управление, соответствующее современным понятиям о правильной администрации, для нас, как и для всякого другого государства, основным условием существования является обладание нами полной независимостью и свободой в целях обеспечения возможностей нашего развития.

По этой причине мы являемся противниками обязательств, препятствующих нашему политическому, правовому, финансовому и прочему развитию.

Условия погашения наших долгов, каковые подлежат определению, не будут находиться в противоречии с вышеозначенными принципами»[31].

Рассмотрим отраженную в Национальном обете кемалистскую программу. Что имелось в виду под понятием «жертв», о которых говорилось в приведенном документе?

Признание за арабами права на самоопределение вовсе не означало, что руководители турецкого национального движения провозгласили принцип свободного волеизъявления народов и следуют этому принципу. В первом пункте Национального обета просто говорилось, что будет предоставлена возможность самоопределения исключительно тем территориям с арабским большинством, которые к моменту заключения перемирия *были оккупированы неприятельскими армиями.* Как известно, этими неприятельскими армиями были английские войска, которые заняли упомянутые районы, используя получившую в годы войны широкий размах национально-освободительную борьбу арабского народа против турецкого деспотического ига. Именно эти два важнейших фактора—всеобщее вооруженное восстание племен и народов Аравийского полуострова и наличие победоносных анг-

лийских войск—принял во внимание дальновидный и трезвый политик Мустафа Кемаль, включив в Национальный обет пункт о самоопределении арабов, сознавая, что нет такой турецкой силы, которая смогла бы отстоять эти земли для Турции. Этот шаг кемалистского руководства одновременно создавал иллюзию, что турецкое национальное движение в принципе не выступает против самоопределения наций, а, наоборот, признает и уважает это право.

Второй пункт Национального обета относительно дальнейшей судьбы трех санджаков был направлен против неоспоримых исторических прав грузинского и армянского народов. Наличие этого пункта в «программе борьбы за независимость», как называли Национальный обет, говорило о реакционной позиции кемалистов в национальном вопросе, в частности о том, что они одобрили и приняли за основу «плебисцит», якобы проведенный политическим авантюристом Энвер-пашой в Батумском, Карском и Ардаганском округах, плебисцит, истинный смысл и методы проведения которого были разоблачены в ноте правительства Советской России от 20 сентября 1918 г.[32]

Пятый пункт Национального обета также свидетельствовал о том, что кемалистское руководство было намерено следовать политике своих предшественников в национальном вопросе, ибо оно ставило признание и обеспечение прав национальных меньшинств, оставшихся в составе Турции, в непосредственную зависимость от признания прав мусульманского населения соседних стран.

Реакционные стороны Национального обета оказали свое влияние на весь дальнейший ход кемалистского движения. И это было закономерно, если учесть, что подавляющее большинство делегатов Эрзерумского и Сивасского конгрессов и членов палаты депутатов Оттоманского парламента, провозгласившего Национальный обет, были бывшими иттихадистскими деятелями, высокопоставленными чиновниками, крупными феодалами-землевладельцами, представителями высшего мусульманского духовенства и т. д. Они хотя и дали клятву «не возрождать партию «Единение и прогресс»[33], однако своей позицией в ряде кардинальных вопросов—рабочем, национальном и др.—остались верны политической линии младотурок и новыми методами продолжали их политику.

«Остатки партии «Единение и прогресс» последовали за Кемалем, который умно использовал их организации»,—отмечала упомянутая выше Б. Жорж-Голи[34].

Только представители революционных сил эпохи стояли за освобождение всех порабощенных народов. Совет народных комиссаров РСФСР еще 29 декабря 1917 г. принял за подписью

В. И. Ленина декрет о «Турецкой Армении», провозгласивший право армян на свободное самоопределение вплоть до полной независимости[35].

Французские коммунисты также выступали за предоставление права на самоопределение всем угнетенным народам Востока. В своей речи в Палате депутатов 23 декабря 1919 г. Марсель Кашен потребовал от премьер-министра Клемансо четко ответить, какова позиция Франции по отношению к Сирии, Египту, Турции, Константинополю, Дарданеллам, Армении. «Я опасаюсь,—заявил он,—что решения, которые принимаются в этот час, не всегда соответствуют тому, что мы называем справедливостью, т. е. уважением прав народов самим располагать своей судьбой. Именно уважение к национальной независимости *каждого народа,* с точки зрения международной, в настоящее время является истинной справедливостью»[36] (курсив мой.—*Р. С.*).

Турецкие коммунисты также выдвигали в своей программе вопрос о самоопределении угнетенных народов Османской империи, их законное право освободиться от векового османского гнета.

«Коммунистическая партия Турции,—отмечает Р. П. Корниенко,— выступала за разрешение национального вопроса в стране на основе самоопределения *каждого народа,* резко осуждала политику угнетения национальных меньшинств в Турции, требовала создания федеративной республики в целях объединения трудящихся различных национальностей в борьбе за общую цель—передачу власти народу»[37] (курсив мой.—*Р. С.*).

Такое решение национального вопроса не могло, конечно, устроить буржуазных националистов и шовинистов, стремившихся воспользоваться борьбой против империалистических держав для подавления освободительных устремлений подвластных народов Турции. «Внутренняя политика анкарского правительства,—отмечает профессор А. Д. Новичев,—по ряду важнейших проблем ослабляла фронт борьбы за независимость... Оно вело расистскую шовинистическую политику в национальном вопросе в отношении армян и греков, которые подвергались жестоким преследованиям и физическому уничтожению»[38].

Именно в национальном вопросе наиболее четко проявилась внутренняя связь и тождественность младотурецкой и кемалистской политики, которая нашла свое отражение и в политике анкарских правящих кругов по отношению к Западной Армении и Киликии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ДО ПОДПИСАНИЯ АНКАРСКОГО ДОГОВОРА

Политика Франции по отношению к Турции в рассматриваемый период занимает особое место. Франция первая из воевавших с Турцией держав установила дипломатические контакты с представителями реальной власти в стране—кемалистскими руководителями, а затем и с правительством Великого национального собрания Турции. В отличие от своей союзницы Англии Франция не была заинтересована в расчленении Турции и ликвидации ее государственной самостоятельности. Это прежде всего объяснялось особой заинтересованностью французских монополистов и банкиров в турецких делах. Французский капитал накануне мировой войны занимал доминирующее положение в экономике Османской империи. На долю Франции приходилось 60,31% (2 454 417 377 франков) Оттоманского долга, в то время, как у Англии было всего 14,19% (577 499 281 франк)[1]. В Администрации Оттоманского долга, куда входили представители шести стран—Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии и Голландии, французы занимали господствующее положение. Эта администрация совместно с Оттоманским имперским банком создала анонимное общество по управлению всеми табачными предприятиями Османской империи (Régie des tabacs de l'Empire Ottoman), половина капитала которого—20 млн. франков находилась в руках французских капиталистов[2]. Наряду с табачной монополией, французским капиталистам принадлежал ряд концессий на постройку железных дорог: Дамаск—Хама (638 км), Яффа—Иерусалим (87 км), Мудания—Бруса (41 км), Измир—Касаба (701 км), Салоники—Константинополь (510 км) и др., а также концессии на эксплуатацию шахт, портов и т. д.[3] Франция имела подавляющее превосходство над своими основными соперниками Англией и Германией в капиталах, вложенных в частные предприятия. Ее капиталовложения составляли 50,58% (830 856 000 франков), в то время как Англии—только 14,36% (235 818 675 франков), Германии—35,06% (575 903 000 франков).[4]

Капиталовложения иностранных частных обществ в турецкие предприятия распределялись накануне войны следующим образом:[5]

Предприятия	Франция		Англия		Германия	
	франки	%	франки	%	франки	%
Банки	85 000 000	37,77	75 000 000	33,33	65 000 000	28,9
Железные дороги	512 784 000	46,83	114 693 675	10,49	466 078 000	42,61
Порты и причалы	55 375 000	67,97	10 000 000	12,27	16 100 000	19,76
Водное хозяйство	33 000 000	88,65	—	—	4 225 000	11,35
Рудники	42 297 000	100	—	—		—
Другие предприятия	12 400 000	62,82	36 125 000	22,15	24 500 000	13,03
Итого	830 856 000	50,58	235 818 675	14,36	575 703 000	35,06

Как видно из приведенной таблицы, Франция во всех областях превосходила Германию и Англию, причем своими капиталами, вложенными в железные дороги и строительство портов, она имела явное преимущество перед Англией, что же касается угольной промышленности, она полностью была сосредоточена в руках Франции. Если иметь в виду, что кайзеровская Германия, потерпев поражение в мировой войне, лишилась всех своих колоний, сфер влияния и привилегий, то станет еще более понятной та заинтересованность, которую проявляли представители французского капитала в турецких делах. «Политика Франции по отношению к Турции была обусловлена вожделениями ее банкиров»[6],—писал бывший турецкий посол в Берлине Мухтар-паша.

С точки зрения экономических интересов французских капиталистов значительный интерес представляла Киликия. Этот богатый край сулил большие перспективы для развития ряда отраслей французской промышленности. Чрезвычайно плодородная земля Киликии благоприятствовала выращиванию высоких урожаев ценных сельскохозяйственных культур. До мировой войны обрабатываемые площади Киликии составляли 2 600 000 га[7]. На выгодность обработки и вывоза хлопка первыми обратили

внимание германские предприниматели, основав в 1903 г. Германо-левантийское хлопковое общество, которое за короткий срок взяло в свои руки весь вывоз хлопка и приступило к оборудованию нескольких крупных хлопкоочистительных заводов[8]. До войны Франции не удалось достичь твердых позиций как в этой области, так и в хозяйстве Киликии в целом. Теперь, после поражения Германии, эта опасная соперница выходила из игры, создав реальные условия для утверждения там Франции. Специалист по экономике Киликии Ашар высчитал, что только киликийского хлопка было бы достаточно для обеспечения необходимым сырьем всей текстильной промышленности Франции. По его перспективным расчетам, производство зерновых культур Киликии можно было довести с 150 000 тонн (1914 г.) до 1 800 000 тонн[9]. Другой французский экономист Жорж Дебон обращал внимание государственных деятелей и представителей деловых кругов своей страны на огромные перспективы развития экономики Киликии: «В Киликии термометр зимой показывает 13 градусов, весной 21, летом 23 и осенью 20 градусов, как на Корсике. И мы не должны удивляться, наблюдая всюду обработку самых полезных культур—пшеницы, хлопка, табака, маслин, ароматических растений, многих видов целебных растений, кунджута, валонеи и т. д. и т. д.»[10].

Французские интересы в Турции и, в частности, в Киликии не ограничивались, однако, экономическими и денежными сферами, но они включали также сферы политического и культурного влияния. Франция была первой европейской державой, которая еще в 1535 г. заключила с Высокой Портой те соглашения, которые положили начало режиму капитуляций. С этого времени Франция, выступая в роли «покровительницы и защитницы» всех католиков Востока, стала постепенно распространять свое влияние во всей Османской империи, особенно в области литературы, языка и просвещения. Французский язык стал вторым языком для интеллигенции. Франция создала широкую сеть учебных заведений по всей Турции. К 1914 г. общее число французских школ на территории Османской империи достигло пятисот, в которых обучалось 59 414 учеников[11].

Значительное число составляли французские заведения в Киликии. Хотя не все закрытые во время войны французские школы начали действовать сразу, тем не менее к маю 1920 г. здесь функционировало 90 школ, находящихся под официальным покровительством французских властей и 106 частных школ[12].

Свое влияние Франция распространяла и через благотворительные заведения—больницы, приюты, пансионаты, диспансеры, дома для престарелых и пр., широко распространенные в Константинополе и крупных городах Анатолии. «Из всех великих

держав, которые имели материальные интересы в Турции,—отмечает турецкий историк Яхья Акюз,—именно Франция находилась на первом месте»[13].

В политике французских правящих кругов по отношению к Турции наряду с экономическим, финансовым, культурным и иными факторами не менее важную роль играл религиозный фактор. Владея колониями с преобладающим мусульманским населением, христианская Франция очень часто выступала не с защитой христиан Востока, как это пытаются представить апологеты французского империализма, а в поддержку турецкого султана—халифа всех мусульман.

Известно, что почти на протяжении 400 лет, не считая периода короткого единоборства с Наполеоном Бонапартом, вплоть до первой мировой войны между Францией и Турцией не было ни одного серьезного военного столкновения, и франко-турецкие отношения развивались довольно спокойно, без глубоких политических кризисов, и разнообразные привилегии, которыми пользовались французы в Османской империи, были приобретены не силой, а умелой дипломатией и гибкой туркофильской политикой. В конце XIX в., например, эта политика приняла такой характер, что французское правительство открыто выступило с одобрением кровавых преступлений «красного султана» Абдул Гамида против западных армян, а министр иностранных дел Франции Габриель Аното за свое туркофильство удостоился «титула» Анотопаши. Правда, в первой мировой войне Франция и Турция выступали во враждебных лагерях, но это обстоятельство не ухудшило резко их отношений. Даже в годы войны генерал Гуро обращался к солдатам экспедиционного корпуса на Востоке со следующими словами: «Солдаты! Идя на врага, вы будете думать о том, что и на этой турецкой земле вы сражаетесь против нашего ненавистного врага—Германии. Это она подстрекала нас против турок, которые были нашими друзьями. И вы должны проявлять милосердие к турецким солдатам, которые бросят оружие»[14].

И не случайно, что после окончания первой мировой войны во французских влиятельных кругах очень часто раздавались голоса в пользу восстановления и укрепления давней франко-турецкой дружбы.

«Франция—сторонница мусульман; она является таковой по традиции, по своим великодушным стремлениям и ради защиты своих интересов,—писал известный публицист Жак Кайзер. Несмотря на ошибки французской дипломатии, несмотря на теперешнее ее слишком расчетливое по виду и корыстное отношение к Турции, все же большая и постоянно растущая симпатия связывает обе страны...

Война 1914—1918 годов не разрушила глубоких и прочных основ этой солидарности: Франция, сбившаяся на путь англосаксонского империализма, была обязана вернуться к дружбе с Турцией, чему способствовала удивительная лояльность ее североафриканских колоний, которые неоднократно доказывали свою верность восточному халифату. И ислам с нетерпением ждал поворота французской политики. Он знал, что киликийская экспедиция была непопулярна во Франции, и что французские солдаты, которые дрались под Марашем и Айнтабом, удивлялись этой новой войне, которую им навязывали»[15].

Редактор издававшейся в Константинополе на французском языке газеты «Босфор» Мишель Пайарес воспроизводил свои беседы с некоторыми представителями высшего французского офицерства, отражавшими настроения туркофильских кругов Франции. Вот недвусмысленное признание одного из них: «...Мы должны быть целиком и полностью туркофилами, я бы сказал больше—туркоманами! Будем благоразумными и мы станем практичными. Мы обвиняем турок в том, что они воевали против нас. Ну и что? Я считаю, что они правильно поступили... Надо гарантировать этим храбрым людям их национальную независимость и территориальную целостность, и мы в лице их будем иметь самых верных и самых лояльных компаньонов. Что мы ищем тут? Оплот против русского и британского империализма? Сохранение нашего престижа? Свободное развитие нашей торговли? Распространение нашего языка? Уважение наших церквей и наших школ? Защиту наших финансовых интересов? Мы все это будем иметь благодаря франко-турецкому сотрудничеству»[16].

Другой французский офицер призывал опереться на турок с тем, чтобы «вернуть себе то место, которое «было захвачено немцами». При этом он раскрывал перспективы, ожидавшие французов: «...Анатолия таит в своих недрах баснословные богатства, которые никто до сих пор не использовал. Мы получим концессии на эксплуатацию шахт и лесов, и мы сполна возместим те убытки, которые понесли на Востоке. Мы построим железные дороги, трамвайные линии, порты, причалы, дороги, выбирая среди общественных работ такие, которые наиболее выгодны для нашей индустрии. Мы никакой ценой не должны ставить под угрозу наши интересы из-за красивых глаз армян и греков...»[17].

Вопрос о возвращении к прежней туркофильской политике неоднократно становился предметом обсуждения во французском парламенте. «Часто повторяют, что Франция—мусульманская держава,—заявлял политический деятель Эдуар Сулье. И это правильно. Франция является четвертой мусульманской державой. В составе Британской империи 92 миллиона магометан, Голландия насчитывает 36 миллионов, Китай—30 миллионов, а Фран-

ция—23 миллиона. Она опережает Россию, где имеется 19,1 млн. магометан, и Турцию, в которой из 240 млн. магометан всего мира проживает не более 14 600 тысяч. Франция—мусульманская нация... Франция—мусульманская страна»[18].

Из этих же религиозных соображений исходили французские правящие круги, признавая, что их политика по отношению к Турции находит отклик в мусульманских колониальных владениях Франции. «Франция—мусульманское государство, и она должна вернуться к своей старой традиционной политике по отношению к Турции»,—призывал премьер-министр А. Бриан с трибуны Национального собрания[19]. «Франция—великая мусульманская держава»,—повторял президент страны Р. Пуанкаре[20].

Туркофильство французских правящих кругов, которое, как было показано, зижделось на ее экономических, финансовых, религиозных и иных интересах, явилось важнейшим фактором той сепаратной ближневосточной политики, которую Франция стала проводить после войны вопреки противодействию своей могущественной соперницы—Англии.

В этом соперничестве Франция вынуждена была считаться со своей зависимостью от Англии в европейских делах. После победоносного окончания мировой войны Францию больше занимали вопросы получения от Германии военных репараций, Саарского бассейна, Рейнский вопрос, в которых она наталкивалась на сильное сопротивление Англии. По сравнению с этими вопросами вопрос ближневосточный становился подчиненным. Кроме того, сосредоточив все свои военные силы против кайзеровской Германии, Франция на ближневосточных фронтах фактически не вела войны против Турции и, по сравнению с Англией, имела здесь незначительное количество войск, а в средиземноморских водах и проливах господствовал английский флот. В ноябре 1919 г. Англия имела в Леванте 34 пехотных батальона, 15,5 кавалерийских полка, 13 артиллерийских батарей и 5,5 батальона инженерных войск.

Общее число французских войск в это же время составляло 13 пехотных батальонов, 3 кавалерийских полка и 4 артиллерийские батареи[21].

Именно этими двумя причинами, т. е. зависимостью от Англии в европейских делах и явным превосходством английских войск на Ближнем Востоке, следует объяснять тот факт, что Франция часто вынуждена была делать ощутимые уступки Англии, соглашаясь на пересмотр заключенных во время войны тайных договоров о разделе Турции.

Как уже отмечалось, в отличие от Англии Франция не была заинтересована в ликвидации Османской империи и уничтожении

турецкой государственности, ибо в этом случае она лишилась бы всех своих финансовых и экономических привилегий. «Из всех наших национальных интересов в районе Средиземноморья, я не знаю более важного, чем сохранение территориальной неприкосновенности Османской империи»[22],—писал известный востоковед Виктор Берар.

«Расчленение Турции,—отмечал член Палаты депутатов Э. Берние,—равносильно ликвидации французского влияния на Ближнем Востоке»[23].

И если Франция все же принимала участие в разделе стран и земель, входящих в состав Османской империи, то это по той причине, что такой раздел становился неизбежным, и Франция, как крупная колониальная держава, не могла не требовать своей доли.

«Одной из особенностей Франции было то, что она являлась великой империалистической державой,—замечает французский историк Э. Миньо. В 1920 г. французская колониальная империя была второй в мире после Великобритании. Она простиралась приблизительно на 12 млн. квадратных километров, насчитывая 60 млн. жителей, или в полтора раза больше населения самой Франции»[24]. И эта империалистическая держава, требуя свою долю, наталкивалась на сопротивление Англии—еще более мощной империалистической державы, которая после окончания мировой войны, воспользовавшись своей мощью и стратегическими позициями, давала знать своей сопернице, что она не намерена свято соблюдать дух и букву заключенных в годы войны тайных договоров. Начало этим нарушениям со стороны Англии было положено сразу же после окончания войны, когда английские правящие круги, первыми оценив огромные потенциальные возможности богатого нефтью Мосульского района, 2 ноября 1918 г. ввели туда свои войска, в нарушение соглашения Сайкс-Пико, по которому Мосул должен был войти в зону французского влияния. После завершения этой важнейшей акции английский премьер Ллойд-Джордж заявил своему коллеге Жоржу Клемансо, что договор Сайкс-Пико не может оставаться в силе, так как один из его участников—Россия—вышел из игры. И несмотря на возражения Клемансо, что этот договор был заключен между Англией и Францией и, следовательно, имеет реальную силу, Франция, оказавшись перед свершившимся фактом, была вынуждена отказаться от своих притязаний на Мосульский вилайет и от участия в управлении Палестиной. Впоследствии Клемансо, отбиваясь от противников, обвинявших его в том, что Франция выпустила из своих рук такой богатый район, как Мосул, оправдывался следующим образом: «Да, я уступил Мосул. Но забывают сказать о том, что я использовал это как приманку, чтобы заполу-

чить Киликию, хотя некоторые из числа наших хороших союзников очень хотели бы, чтобы мы не получили ее. Киликия была и может стать великолепной страной... Поэтому я сказал англичанам: «Что вы предпочитаете, Мосул или Киликию?» Они мне ответили: «Мосул». Я сказал: «Я даю его вам, и я беру себе Киликию». Разве я виноват, что турки потом выгнали нас из Киликии?...»[25].

Однако и обещанные территории Англия не уступала своей бывшей союзнице без борьбы. Из опубликованных после второй мировой войны английских официальных документов видно, какая острая борьба развернулась между двумя главными членами Антанты. Так, на Парижской мирной конференции, во время встреч глав делегаций пяти держав 18 июля 1919 г., Клемансо жаловался на то, что английский генерал Алленби, руководствуясь полученными от своего правительства инструкциями, «выступает в Турции, как английский полководец, а не как командующий союзными войсками. Его действия своими результатами направлены против французских интересов... Он отказывается дать разрешение французским войскам вступить в Сирию[26]». Сирия же в планах французских империалистов занимала главное место как своими стратегическими позициями, так и географическим положением, играя посредническую роль в торговле между Египтом, Аравией, Месопотамией и Малой Азией. Франция еще в 40-х годах XIX века добилась в Сирии особых выгод для себя. Одним из важнейших средств французского проникновения в Сирию было строительство железных дорог. Накануне первой мировой войны Франция держала в своих руках сеть дорог протяженностью в 788 км—40% всех железнодорожных линий страны. Финансировало эти железные дороги парижское общество „Régie Générale des chemins de fer". Французские железные дороги соединяли друг с другом все основные центры Сирии—Халеб, Хаму, Хомс и Дамаск с выходом на море в Бейруте и Триполи. Эти линии важны были и в том отношении, что они соединяли одну ветвь Багдадской железной дороги с дорогами Египта. Заинтересованность Франции в этом вопросе была столь велика, что накануне войны, в феврале 1914 г., она заключила с Германией договор, по которому Франция отказалась от железнодорожного строительства в Киликии и продала Дейче банку свои акций Багдадской дороги, составлявшие 30% основного капитала, взамен отказа Германии от строительства железных дорог в Сирии[27].

Значительным было и политическое и культурное влияние Франции в Сирии.

После окончания войны, когда казалось, что французским капиталистам удастся еще более укрепить свои экономические и

политические позиции в этой стране, английский империализм и здесь всеми возможными средствами продолжал борьбу против непосредственных интересов своей соперницы.

Однако острая борьба, развернувшаяся вокруг османского наследства, не ограничивалась англо-французским единоборством. Вместо царской России, Германии и Австро-Венгрии в борьбу вступили Соединенные Штаты Америки, которые своей политикой причиняли серьезное беспокойство интересам французского капитала. Созданная империалистическими кругами США комиссия Кинга-Крейна в июне—июле 1919 г., официально обследовав Сирию, представила Парижской мирной конференции свой отчет, в котором предлагалось наряду с Константинополем, Анатолией и Киликией передать Соединенным Штатам также мандат на Сирию[28].

Эти программы, направленные против французских интересов на Ближнем Востоке, вызвали резкое недовольство у апологетов французской колониальной политики. Известный журналист Пертинакс, выступая в «Echo de Paris», требовал, чтобы Франция для сохранения своего традиционного влияния «сосредоточила свои усилия на Сирии и Киликии, где французские интересы были признаны Англией договором 1916 г.»[29].

С критикой «уступок», сделанных правительством Клемансо, выступали и другие известные журналисты и политические деятели—Огюст Говэн, А. Р. Савари и др. Последний в статье, озаглавленной «Сохраним ли мы свое наследство на Востоке?» писал: «Франция, которая обладает столь значительными материальными и моральными интересами на Востоке, и язык которой употреблялся повсюду во всей империи, вскоре сможет измерить степень своих потерь, оставаясь инертной в то время, когда другие работают с умом и методично... Искушенное французское общественное мнение,—предупреждал он,—не откажется от того, что является частью нашего славного и ценного достояния. Франция не удовлетворится только прибрежной частью Сирии. Она не принимает скорлупу без ореха: она хочет иметь Дамаск и Халеб»[30].

Однако не легко было получить «орехи в скорлупе» от такой соперницы, как Англия. Прав профессор И. М. Лемин, причисляя англо-французскую борьбу за раздел Ближнего Востока к самым грязным страницам послевоенной истории[31]. В этой борьбе основной целью британского империализма было поставить Францию перед совершившимся фактом в зоне Проливов и Анатолии. Именно по этой причине английские представители на Парижской мирной конференции всячески затягивали обсуждение турецкого вопроса.

«В течение недель и месяцев,—писал сотрудник английского МИД лорд Е. Перси,—мы задерживали не только разрешение, но даже простое рассмотрение турецкого вопроса... Ни один вопрос, который рассматривался и разрешался на Парижской конференции, не был так интенсивно разработан, как этот; тем не менее это была единственная проблема, о которой британской делегации было запрещено даже упоминать в течение первых четырех, даже пяти месяцев конференции; не было дозволено ни одного заседания ближневосточной комиссии конференции»[32]. Характерно в этом отношении и признание Ллойд Джорджа: на жалобу Клемансо о том, что он на следующий день после перемирия стал врагом Франции, английский премьер-министр ответил следующей фразой: «А разве это не наша традиционная политика?»[33].

Поэтому французская дипломатия, несмотря на сильное противодействие Англии, предприняла ряд шагов, направленных на проведение самостоятельной линии в турецком вопросе. Так, получив после эвакуации английских войск согласие своего правительства, глава французской администрации в Киликии полковник Бремон 28 октября 1919 г. направил в Сивас телеграмму Мустафе Кемалю «с целью установления с ним контакта»[34]. Кемаль ответил ему 30 октября телеграммой, в которой четко оговаривались основные условия турок: 1) не оккупировать Урфу, Айнтаб и Мараш; 2) сделать заявление о том, что оккупация Киликии является временной[35].

Спустя месяц была сделана более серьезная попытка втайне от Англии договориться с кемалистами. Именно с этой целью ездил в Сивас в начале декабря 1919 г. французский верховный комиссар в Сирии и Киликии Франсуа Жорж-Пико.

Следует отметить, что миссия Жорж-Пико к Мустафе Кемалю слабо освещена в исторической литературе, между тем опубликованные в послевоенные годы документы, а также воспоминания политических и военных деятелей Турции проливают свет на ряд сторон франко-кемалистских дипломатических контактов и иных связей в 1919—1921 гг., вплоть до заключения Анкарского договора.

Итак, в начале декабря 1919 г. Жорж-Пико в сопровождении двух офицеров направился из Бейрута в Сивас, где в то время находился Представительный комитет во главе с М. Кемалем.

Одной из целей поездки Жоржа-Пико в Сивас было «именно через лидера националистов Мустафу Кемаля получить точные сведения об их намерениях в отношении Киликии, Малой Армении и Курдистана»[36].

Встреча французского дипломата с Кемалем вызвала большой шум в европейской прессе. Английские газеты обвиняли

союзницу Франции в вероломных сепаратных шагах, французская же пресса сделала предметом обсуждения вопрос, поехал ли Жорж-Пико в Сивас по собственной инициативе или же по поручению французского министерства иностранных дел. На этот вопрос противоречивые ответы даются как в исторической литературе, так и в работах бывших военных деятелей. Так, по мнению Мишеля Пайареса, поездка Жоржа-Пико в Сивас не была согласована с Кэ д'Орсэ, т. к. французский верховный комиссар в Стамбуле Дефранс не одобрял ее, считая, что этот шаг «мог дискредитировать французов в глазах султана, а также не понравиться англичанам, которые заявили, что они признают только императорское (султана.—*Р. С.*). правительство[37]».

Такое же мнение высказывал в свое время и полковник Бремон, подчеркивая, что встреча Пико с Кемалем «не нашла одобрения ни в Бейруте, ни в Константинополе»[38].

Французский историк Жан Пишон дает фактически такую же оценку: «Господин Франсуа Жорж-Пико, которого в Бейруте заменил генерал Гуро, *пожелал* сделать попытку вести переговоры с кемалистами. Он отправился в Сивас и там 5 и 6 декабря имел встречи с Мустафой Кемалем» (курсив мой.—*Р. С.*)[39].

Однако автор фактически опровергает свою же оценку, считая переговоры Жорж-Пико «ответом на секретное соглашение от 12 сентября, заключенное англичанами с законным константинопольским правительством, и на те беседы, которые имел американский генерал Харборд с Мустафой Кемалем в Сивасе 20 сентября»[40]. В таком случае понятно, что Жорж-Пико не мог действовать совершенно самостоятельно, не согласовав своих шагов с правительством, так же, как не являлись результатом личной инициативы упомянутые выше переговоры Харборда и английского генерала Алленби с султанским правительством.

Другой автор—Гонто-Бирон—сивасские переговоры Жорж-Пико связывает с его личной инициативой с той лишь разницей, что Гонто-Бирон несколько иначе трактует цели, которые преследовал французский дипломат, а именно: узнать о планах кемалистов и сообщить об этом французскому правительству с тем, чтобы заключить «соглашение, которое положило бы конец волнениям в Сирии»[41].

Французский военный историк Ремюза́ поездку Жорж-Пико в Сивас объяснял его заботой о ближневосточных интересах Франции. «Жорж-Пико,—писал он,—видит огонь, который тлеет; он предчувствует осложнения, которые Мустафа Кемаль собирается создать для нас и полагает, что можно их избежать путем переговоров»[42].

Из английских авторов к этому вопросу возвращается в своей объемистой монографии о Кемале Ататюрке лорд Кинросс, кото-

рый в отличие от французских историков считает, что Жорж-Пико явился к Кемалю как «представитель французского правительства» и что последний «принял его именно как такового», и они обстоятельно обсудили свое совместное желание вернуться к франко-турецкой дружбе[43].

Более подробно о причинах поездки Жорж-Пико в Сивас и его встречах с Кемалем пишет в своих воспоминаниях генерал Али Фуад Джебесой.

Приведенные им факты свидетельствуют о том, что Кемаль и близкие к нему деятели заранее были осведомлены о поездке Жорж-Пико в Сивас. Находившийся в то время в Кайсери Али Фуад-паша получил от Представительного комитета телеграмму, в которой говорилось, что французский представитель в Сирии Жорж-Пико через Бекир Сами-бея[44] изъявил желание установить контакт с Представительным комитетом и, удостоверившись, что его охотно встретят в Сивасе, на автомашине отправился туда. «Просьба,—говорилось в телеграмме,—облегчить его путешествие и при возможности узнать о целях его поездки и сообщить об этом в Представительный комитет до его приезда»[45].

Прибыл в Кайсери 6 декарбря 1919 г., Жорж-Пико сразу же встретился с Али Фуад-пашой и «имел с ним откровенные беседы». Пико заявил, что скоро во Франции произойдет смена кабинета, в результате которой премьер-министром станет Аристид Бриан и что «все изменится». Далее он продолжал: «Как политика Бриана, так и политика французской нации заключается в том, чтобы на Среднем Востоке, на той части, где имеется турецкое большинство, возникло бы сильное и независимое турецкое государство»[46]. Далее французский дипломат заверяет Али Фуада, что Франция примет все возможные меры для достижения этой цели. Одновременно Пико выражал надежду, что кровопролитные столкновения в Киликии будут прекращены, т. к. этого требуют интересы обеих сторон. «Будущая политика независимой Турции и Франции,—заявляет он,—не должна быть поставлена под угрозу из-за подобных движений»[47].

Резюме своих бесед с Жорж-Пико Али Фуад шифрограммой сообщает Представительному комитету.

Из высказываний французского дипломата нетрудно сделать вывод, что они отражали стремление французских руководящих кругов достичь соглашения с единственной реальной властью в Турции—кемалистским Представительным комитетом. Это подтвердилось во время встреч Жорж-Пико с Кемалем.

Следует сказать, что проявив дипломатическое умение, Кемаль заранее получил сведения о намерениях французского представителя и встретил последнего «в полной готовности». Во время бесед между Кемалем и Пико, которые продолжались два

дня, присутствовали Бекир Сами-бей, бывший морской министр Хусейн Рауф-бей и бывший посол Турции в США Ахмед Рустем-бей. Али Фуад Джебесой, ссылаясь на рассказы упомянутых деятелей, передает интересные подробности об этой встрече.

Прибыв в Сивас, Жорж-Пико оставляет в Представительном комитете свою визитную карточку, которая сразу же вручается Кемалю. Последний, увидев надпись «представитель французского правительства в Сирии и Армении», сообщает Пико, что он «не может принять лица, который прибыл как армянский представитель Франции». Узнав об этом, Пико лично является в здание Представительного комитета и заявляет, что он выступает как представитель армянского правительства, существующего в Ереване, и что он «никакой связи и отношений не имеет с тем государством, которое намереваются создать за пределами власти Ереванского правительства»[48]. Только после такого уточнения полномочий Пико Мустафа Кемаль соглашается принять его.

В начале встречи Пико изложил Кемалю высказанное ранее Али Фуад-паше свое мнение о том, что скоро во французском правительстве произойдут изменения, в частности, кабинет возглавит Бриан и что «новое правительство будет полностью поддерживать турецкую национальную политику»[49]. Подробности о встречах и беседах между Кемалем и Жорж-Пико до нас не дошли, однако упоминавшийся выше французский историк Гонто-Бирон отмечает, что «все основные вопросы, интересовавшие Францию и Турцию, обсуждались, и были приняты решения»[50]. Али Фуад же сообщает, что «после долгих споров между пашой (Кемалем.—*Р. С.*) и Пико было достигнуто абсолютное согласие в турецком, арабском и армянском вопросах»[51].

Наиболее подробно обсуждался вопрос о границах Киликии. Кемаль с начала же решительно заявил, что Турция признает только границы, установленные Мудросским перемирием, и следовательно, не будет признавать те положения о Киликии, которые были установлены специальной статьей османскими делегатами под диктовку английского адмирала Кальторпа. «Если османские правительства, всецело зависимые от Англии, не протестовали против оккупации Киликии,—заявил Кемаль,—националисты напротив—никогда не переставали протестовать против этого». Он сказал Пико, что националисты согласятся уступить лишь Джезире, Ирак и Сирию, но никогда не откажутся от Киликии—«части своего тела»[52].

«Во время бесед в Сивасе,—писал французский журналист Э. Бернье,—господину Пико были указаны те серьезные затруднения, на которые мы могли натолкнуться при желании следовать своей бывшей политике»[53].

Другой вопрос, вызвавший бурные споры на переговорах, был вопрос о национальных меньшинствах Турции. Кемаль упорно защищал принятые на Эрзерумском конгрессе решения, в то время как Жорж-Пико требовал новых дополнительных гарантий безопасности национальных меньшинств, мотивируя это требование обязательствами, взятыми на себя Францией.

Кемаль, вновь проявив дипломатическое умение, смог ввести в заблуждение французского дипломата, создав у него впечатление о наличии «турецких национальных армий». Поверив в существование этих призрачных армий, Пико попросил Кемаля «немедленно дать указание этим армиям остановить свое продвижение в Киликии». Просьбу Пико Кемаль отверг с таким видом, что даже его соратники поверили этому и высказали свое удивление по поводу скрытности Кемаля[54]. В результате бесед Кемаля с Пико был выработан проект соглашения, по которому Франция:

1) «возвращала Киликию Турции, которая признавала право Франции в вопросах местного самоуправления и протекции меньшинств;

2) гарантировала неделимость Турции в противовес Англии, Греции и Италии»[55].

Резюмируя беседы Мустафы Кемаля с Жорж-Пико, следует отметить, что хотя французский дипломат не был уполномочен своим правительством для ведения официальных переговоров, эта встреча имела положительные результаты для кемалистов и отрицательные—для христианского населения Киликии. Большая часть французских историков, рассматривая поездку Пико в Сивас исключительно с точки зрения обеспечения французских интересов в Турции, дает положительную оценку этой поездке и с сожалением отмечает, что соглашение не состоялось. «Проект соглашения,—пишет Ж. Кайзер,—гарантировал Франции значительные права в Киликии и некоторых областях Анатолии и устанавливал мир на границах Киликии»[56].

«Совершенно очевидно,—пишет Жан Пишон,—что если бы переговоры Жорж-Пико закончились успешно, мы бы не пожертвовали бессмысленно нашими солдатами и нашими деньгами в Киликии»[57]. Только Пьер Редан отмечает отрицательные последствия этой встречи: «Поездка Жорж-Пико в Сивас к Мустафе Кемалю подняла цену последнему. В деревнях распространились слухи, что французы покинули Киликию опасаясь наступления кемалистов, и поэтому 21 января Мараш подвергся нападению»[58].

Исключительно положительную оценку дают результатам встречи Жорж-Пико с Кемалем многие турецкие историки.

«Встреча М. Кемаль—Жорж-Пико,—пишет Кюркчюоглу,—явилась политическим успехом турецкого националистического

движения, умножившим к нему уважение. Кемалисты поняли также и то, что французы в Киликии слабы»[59].

С. Сониел подчеркивает важность фактического признания власти кемалистов такой державой, как Франция.

«Их встреча,—пишет автор,—подняла моральный дух и увеличила престиж националистов, которые рассматривали в этом неофициальное признание их движения французским правительством. У них создалось впечатление, что французы не только слабы и уязвимы в Киликии, но и из-за своих противоречий с англичанами легко могут отвернуться от Антанты, если им обещать экономические концессии»[60].

Поездка Жорж-Пико, как было отмечено, вызвала беспокойство и недовольство в руководящих английских кругах, как сепаратный шаг, противопоставленный непосредственно английской политике. «Этот акт,—писал английский агент лорду Керзону,—проливает свет на то сообщение, что французская политика на Ближнем Востоке в настоящее время направлена против британского влияния и интересов»[61]. А английский верховный комиссар в Стамбуле Робек отмечал, что многие французы, в том числе и те, которые занимали официальные посты, симпатизировали движению националистов и желали, чтобы турецкий вопрос был разрешен успешно, «на той основе, которая составляет главный пункт программы националистов, т. е. сохранения неделимости Турции»[62].

И хотя беседы Пико с Кемалем не встретили одобрения во французских правящих кругах, все еще заинтересованных в германских репарациях и поэтому не могущих рассориться со своей бывшей союзницей Англией, последняя решила сделать крутой шаг для окончательного разрешения вопроса о разделе турецкой территории. 16 марта 1920 г. английские войска высадились в Стамбуле. Город официально был объявлен оккупированным англичанами, которые разогнали Османский парламент, сослав большинство депутатов на остров Мальта, а султана и его правительство, которое снова возглавил англофил Дамад Ферид-паша, заставили открыто выступить против анатолийского движения. Шейх-уль ислам объявил кемалистское движение мятежом против султана, а сам Кемаль-паша был объявлен преступником.

Эти акции Англии придали новый размах кемалистскому движению, а разгон Османского парламента ускорил осуществление замысла Кемаля—созыв нового парламента в Анатолии. 23 апреля 1920 года в Анкаре открылось Великое национальное собрание Турции, куда вошли те депутаты Османского парламента, которым удалось избежать ареста или бежать из мальтийской ссылки. В основу своих действий Национальное собрание поло-

жило Национальный обет, принятый Османским парламентом 28 января 1920 года.

В то время как анкарское правительство сплачивало внутренние силы для организации отпора странам Антанты, эти последние окончательно решили вопрос о разделе территорий, входящих в Османскую империю. 18—26 апреля 1920 г. на конференции союзников в Сан-Ремо был выработан проект мирного договора с Турцией[63]. Англия получила мандат на Ирак и Палестину, Франция—на Сирию и Ливан. Одновременно Англия соглашалась на оккупацию Сирии Францией. Таким образом, Франция окончательно согласилась уступить Англии стратегически важный пункт и богатый нефтяными запасами Мосульский район. 24 апреля 1920 г. было подписано англо-французское соглашение о нефти, по которому Англия за уступку Мосула гарантировала Франции 25% будущей добычи мосульской нефти.

На конференции в Сан-Ремо обсуждался и вопрос об Армении. В выступлениях представителей союзных держав было много фарисейства и показной заботы о судьбах армян и совсем мало готовности к эффективным действиям в их пользу. Ллойд Джордж разглагольствовал о том, что союзники взяли на себя обязательства по отношению к Армении, а французский премьер Мильеран ему отвечал, что он не отрицает «моральную ответственность союзников», но они обязаны обсудить, какие действенные меры принять. Закончил последний свою речь заявлением, что «державы не могут взять на себя обязательство о выделении денег»[64].

Что же касается Киликии, Мильеран, в ответ на вопрос Ллойд Джорджа относительно тревожных вестей о предстоящих погромах христианских общин, заявил, что «французское правительство абсолютно ничего не знает об этом», а его министр иностранных дел Бертело безапелляционно добавил, что «не следует придавать слишком большого значения этим слухам, которые носят сильно преувеличенный характер»[65].

Эти заявления французских официальных представителей в момент, когда Киликия, согласно выработанному на конференции проекту, должна была оставаться в составе Турции, показывали, сколь несерьезно подходили они к тем своим обязанностям, о которых говорил сам Мильеран. Будущие события в Киликии подтвердили те опасения и слухи, которые Бертело назвал преувеличенными.

Конференция в Сан-Ремо ознаменовала успех английской дипломатии над французской на Ближнем Востоке. Причиной тому, как прежде, была сильная зависимость Франции от Англии в европейских делах. Упомянутый выше Жак Кайзер отмечает, что «в этот период вся французская внешняя политика натолкнулась на мучительную дилемму: дать свободу действий Англии

на Востоке в надежде заполучить ее поддержку на Рейне или противодействовать Англии на Востоке и таким образом остаться с глазу на глаз с Германией. Первый представитель Франции на конференции Мильеран предпочел пойти навстречу английским требованиям на Востоке, дабы иметь возможность получить поддержку английских союзников на Рейне»[66].

Проект договора, выработанный в Сан-Ремо, не был, однако, принят султанским правительством. Выехавшая в Париж для «обсуждения» проекта 11 мая 1920 года турецкая делегация во главе с Тевфик-пашой отказалась принять условия, продиктованные союзниками.

Убедившись, что даже зависимое от Антанты султанское правительство не соглашается подписать договор с союзными державами, французская дипломатия сделала новую попытку договориться с анкарским правительством. Стремление Франции договориться с кемалистами было обусловлено также тем обстоятельством, что в тот период французские войска встретили серьезное противодействие в оккупированной ими стране—Сирии, население которой, едва освободившись от турецкого господства, не желало подпасть под новое иго[67].

Наконец, необходимость примирения с кемалистами диктовалась их определенными военными успехами, достигнутыми в ряде городов Киликии. Надо добавить, что в результате кемалистской пропаганды турецкие силы были преувеличены, чуть ли не до полумиллиона регулярных войск. Почти все французские газеты того времени требовали немедленно очистить Киликию.

В начале мая 1920 года французы вновь попытались установить контакты с руководящими анкарскими кругами. С этой целью из Стамбула в Анкару отправились два высокопоставленных французских чиновника. Переговоры, где в качестве посредника выступал бывший депутат от Вана Гейдар-бей, не дали, однако, ощутимых результатов[63]. Позднее английский посол в Париже Грэхем телеграфировал Керзону, что во время своей беседы с французским премьер-министром последний признал, что «французские войска находятся в исключительно трудном положении: один батальон в Биреджике был полностью окружен, и Гуро заявил, что не может оказать ему помощь... В создавшейся обстановке другого выбора не было»[39].

Получив согласие своего правительства, генерал Гуро направил для ведения переговоров непосредственно с Кемалем генерального секретаря верховного комиссариата в Бейруте Робера де Кэ. Последний 20 мая прибыл в Анкару в сопровождении директора французского банка в Стамбуле Сава и адмирала Лебона. Вместе с этой миссией в качестве «посредников» приехали губернатор Вана Гейдар-бей и Мазхар Мюфит. Делегация была

встречена турками сдержанно. На следующий день, встретившись с Кемалем в Национальном собрании, Робер де Кэ заявил, что он уполномочен вести переговоры только относительно Мараша и Айнтаба. Кемаль возразил ему, сказав, что он согласен обсудить вопрос о Киликии в совокупности. Во время следующей встречи, 22 мая, у Робера де Кэ уже было согласие генерала Гуро обсудить вопрос о Киликии в целом[70]. После «тяжелых переговоров»[71] с М. Кемалем 28 мая было подписано перемирие, условия которого предусматривали:

прекращение враждебных действий на 20 дней, начиная с 30 мая;

отвод гарнизонов Сиса и Позанты за железнодорожную линию Мерсин—Адана;

эвакуация города Айнтаба и отвод находящихся там постов к французскому лагерю; кемалисты гарантируют, что в городе не будет произведено ни одного нападения на армянский квартал;

обмен военнопленными и политическими заключенными согласно формальностям, которые будут определены французскими и турецкими военными властями[72].

Выше было сказано о причинах, заставивших французов договориться с кемалистами. О целях же, преследуемых анкарским правительством, Кемаль говорил следующее: «Прежде всего, я хотел спокойно провести реорганизацию национальных сил, находящихся в Аданской зоне и на Аданском фронте... Кроме того, я имел в виду и политические выгоды, что конечно, в тогдашних условиях было для нас чрезвычайно важно. Дело в том, что Великое национальное собрание и его правительство не были признаны державами Антанты, наоборот, по вопросам, касающимся будущего страны и нации, эти державы сносились с правительством Дамада Ферида-паши в Стамбуле. В этой связи тот факт, что французы, обходя стамбульское правительство, вступают с нами в переговоры и заключают с нами соглашение по какому-то ни было вопросу, являлся для нас в то время крупным политическим достижением...

Эти переговоры оставили у меня впечатление, что французы готовы эвакуировать Аданскую область»[73].

Перемирие от 30 мая действительно было значительным успехом турок, в то время как французская сторона не получила ощутимых результатов. Она даже потерпела моральное поражение, что в конечном счете привело ее к новым военным неудачам в Киликии.

«Обнародование перемирия,—признавал Пьер Редан,—вызвало полный перелом в настроениях населения Киликии. До этого у нас были сторонники, но с конца мая у населения появилось

недовольство и возмущение; колеблющиеся, которые все еще надеялись, что французские силы придут на помощь имеющимся в вилайете (Аданском.—*Р. С.*) войскам, полностью потеряли уверенность в силу нашего оружия»[74]. Глава французской администрации в Киликии полковник Брémон также признавал, что перемирие «вызвало разочарование» и привело к тому, что те турки, которые раньше верили во франко-турецкую дружбу, теперь вынуждены были отвернуться от французов и примкнуть к кемалистам. Одновременно он отмечал, что широкие обещания Мустафы Кемаля о прекращении враждебных действий также не были выполнены[75].

От франко-кемалистского перемирия, однако, больше всего пострадали киликийские армяне. Если поездка Жорж-Пико в Сивас дала толчок консолидации кемалистских сил, за которой последовало отступление французских войск из Мараша и гибель в результате этого 12 тысяч армян, то миссия Робера де Кэ в Анкару, еще раз обнажив слабость позиции Франции в Киликии и колебания французской дипломатии, ободрила те националистические силы, которые, руководствуясь инструкциями из Анкары, ждали удобного случая для возобновления своих враждебных действий против армян. Понятно, что после ухода французов армяне уже не могли оставаться на своих родных местах, вынуждены были отступать вместе с ними. Так опустел древний город Сис—резиденция армянского католикоса Киликии. Согласно условиям перемирия, французский гарнизон в начале июня 1920 года покинул город в сопровождении 7500 армянских беженцев, которые 7 июня прибыли в Адану вместе с колонной капитана Тайарда[76].

«Эти люди,—писал полковник Бремон,—разоренные, обманутые, разгневанные тем, что вынуждены были покинуть столицу Малой Армении, резиденцию католикоса, пришли, чтобы стать элементом беспорядка в городе Адане, где они устраивались с большим трудом, умножая все усиливающийся голод»[77].

Франко-кемалистское перемирие вызвало в парламенте Франции бурные дебаты о целесообразности дальнейшего пребывания французских войск в Киликии. В общественном мнении Франции шла острая борьба в вопросе определения политики по отношению к побежденной в войне союзнице Германии—Турции. Одни считали, что Франция должна использовать победу для наказания Турции, для восстановления попранных прав малых народов Османской империи, для защиты *всех христиан Востока.* Другие находили, что Франция не должна забывать о своих вековых традиционных связях с Османской империей и должна использовать эти связи для сохранения своих экономических и других привилегий в Турции[78].

В правительственных кругах имелись серьезные разногласия в турецком вопросе. Военная партия во главе с маршалом Фошем требовала принятия более строгих мер для спасения престижа Франции. Правительство Мильерана вынуждено было считаться с позицией правых. В результате Франция на заседании Верховного совета Антанты в Булони 21 июня 1920 г., выступив вместе с Англией, присоединилась к решению о греческом наступлении в Анатолии, а 10 августа 1920 г. вместе с другими союзными державами подписала в Севре мирный договор с султанским правительством.

Согласно Севрскому договору султан сохранял свою столицу в Константинополе. Однако в том случае, если бы Турция уклонилась от лояльного соблюдения условий договора, союзные державы оставляли за собой право пересмотреть это решение (ст. 36). Судоходство в Проливах объявлялось открытым в мирное и военное время для всех торговых и военных судов без различия флага (ст. 37). Для контроля за судоходством создавалась «комиссия Проливов», в которой доминирующую роль должны были играть англо-франко-итальянские империалисты. Восточная Фракия вместе с Адрианополем, Галлиполийский полуостров, а также город Измир с окрестностями передавались Греции. Согласно статье 62 предоставлялась «местная автономия для тех областей, в которых преобладал курдский элемент и которые расположены к востоку от Евфрата, к югу от южной границы Армении», а статья 64 гласила: «Если в течение годичного срока курдское население указанных в статье 62 областей обратится в Совет Лиги наций, указывая, что большинство населения в этих областях желает быть независимым от Турции, если Совет найдет тогда, что это население способно к этой независимости, и если он предложит предоставить ему ее, то Турция отныне обязуется сообразоваться с этим предложением и отказаться от всяких прав и правооснований на эти области».

Статьи 88—93 касались Армении. Турция заявляла, что она признает Армению в качестве свободного и независимого государства (ст. 88). Турция и Армения соглашались представить на третейское решение президента Соединенных Штатов Америки определение границы между Турцией и Арменией в вилайетах Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса... (ст. 89). Сирия, Ирак и Палестина отделялись от Османской империи и должны были стать подмандатными территориями (ст. 94—95), а Геджас признавался Турцией независимым государством (ст. 98).

Режим капитуляций восстанавливался в пользу тех союзных держав, которые прямо или косвенно пользовались им до 1 августа 1914 года, а его выгоды распространялись на те союзные державы, которые не пользовались ими ранее (ст. 261).

В отдельном разделе говорилось о правах национальных меньшинств Турции. По статье 141 Турция обязывалась «предоставить всем жителям страны полную и совершенную защиту их жизни и их свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии». В этом отношении важное значение могла иметь статья 142, гласящая: «Принимая во внимание, что в силу террористического режима, существовавшего в Турции после 1 ноября 1914 года, обращения в ислам в нормальном порядке не могли иметь места, никакое обращение, имевшее место после этого числа не признается...

Чтобы исправить в наиболее широкой мере зло, причиненное лицам во время зверств, совершавшихся в Турции во время войны, оттоманское правительство обязуется оказать всяческую поддержку, свою и оттоманских властей,—розыску и освобождению всех лиц всякой расы и всякой религии, исчезнувших, похищенных, интернированных или лишенных свободы после 1 ноября 1914 года». По статье 144, оттоманское правительство обязывалось принять меры, чтобы «оттоманские граждане нетурецкого племени, насильственно изгнанные после 1 января 1914 года из своих очагов либо страхом перед зверствами, либо в силу всякого иного способа принуждения», возвратились к своим очагам, а также возобновили свои дела. Одновременно оно обязывалось возвратить недвижимое и движимое имущество владельцам, в чьих бы руках оно не оказалось.

В отдельном разделе договора оговаривались финансовые положения. Для «упорядочения» турецких финансов создавалась специальная финансовая комиссия, состоящая из представителей «особо заинтересованных союзных держав»—Франции, Великобритании и Италии, а также представителя Турции, который, однако, должен был иметь лишь совещательный голос (ст. 231)[79].

Как видно из содержания договора, Франция получала не особенно много. Финансовый контроль, в осуществлении которого Франция до войны играла главенствующую роль, теперь должен был проводиться совместно с Англией и Италией. В Проливах Франция занимала подчиненные позиции по сравнению с Англией, а отделением Западной Армении, Курдистана и Измира лишалась больших экономических и финансовых прибылей. Если к этому добавить обязательство Франции уйти из Киликии, то станет понятным то недовольство, которое Севрский договор вызвал во влиятельных политических кругах Франции и подавляющей части французских газет.

«Севрский договор вызвал сильное противодействие в тех кругах Франции,—писал Пайарес,—которые были того странного мнения, что республика (Франция.—*Р. С.*) является мусульманской державой»[80].

Еще не успели высохнуть чернила, как подписавшие договор французские представители стали выступать с различными предложениями об отказе от Севра, а газета «Тан»—рупор министерства иностранных дел «не переставая призывала аннулировать договор»[81].

«Турецкий договор,—писал Пуанкаре,—был подписан в местонахождении национальной мануфактуры... Он и сам предмет хрупкий; быть может—разбитая ваза. Не дотрагивайтесь до него... Несколько раз объявлявшаяся церемония подписания несколько раз откладывалась. Она состоялась, наконец, в атмосфере усталости и безразличия, так что разве кое-кто лишь из внимательных наблюдателей заметил не без меланхолии, что ею освящалось резкое понижение французского влияния на Востоке»[82].

Ратификация договора встретила серьезное сопротивление как в палате депутатов, так и в сенате Франции.

«С первого же часа, признавал председатель совета министров Бриан,—парламент проявил свое отрицательное отношение в вопросе ратификации Севрского договора. И я ясно сказал нашим союзникам, что не следует надеяться на французский парламент в вопросе ратификации Севрского договора в настоящем его виде, ибо этот договор растаптывает французские традиции, резко противоречит нашим интересам, как в данный момент, так и с точки зрения будущего, и что необходимо снова изучить и пересмотреть его»[83].

Сторонники пересмотра Севрского договора исходили из стремления ценой небольших уступок кемалистам вовлечь их в антисоветские комбинации. Летом 1920 года внешнеполитические позиции анкарского правительства значительно укрепились благодаря установлению дипломатических отношений с Советской Россией. В момент и после подписания Севрского договора в Москве находилась турецкая делегация во главе с Бекир Самибеем, которая 24 августа подписала с правительством РСФСР прелиминарный договор. Французская дипломатия для предотвращения советско-турецкого сближения лелеяла мечту заставить кемалистскую Турцию выступить против Советской России, используя возникшие между ними разногласия в территориальных вопросах. Взамен этого предлагалось вернуть Турции Измир и Фракию.

«Я думаю,—писал бывший командующий оккупационным корпусом в Константинополе де Бургонь,—что это явилось бы не слишком дорогой платой за содействие единственной армии в мире, которая могла бы теперь выступить против большевиков»[84].

О необходимости отказа от Севрского договора писали все влиятельные французские газеты. После решающих побед, одержанных молодой Советской Россией в войне против Польши и

Врангеля, антисоветски настроенная французская пресса с еще большим беспокойством писала о том, что недальновидная политика держав Антанты толкает кемалистов в объятия большевиков, вместо того чтобы добиться выступления против них. Кампания против Севрского договора все шире развертывалась во Франции. Депутат Национального собрания Эдуар Даладье писал: «Настало время заключить, наконец, с Турцией такой мир, который бы не расчленял ее... Ничто не было бы столь роковым, как настаивать на Севрском договоре, особенно в момент, когда разгром Врангеля может иметь своим последствием превращение Черного моря в Русское море»[85]. А известный журналист Эрбетт отмечал следующее: «Мы надеемся, что общественное мнение отныне будет смотреть на вещи более трезво и свою прозорливость оно внушит правительствам. Надо пересмотреть абсурдную политику, основанную на концепциях прошлого и игнорирующую нынешние реальности, политику, которая привела к тому, что турецкие националисты сделались союзниками русской экспансии. Именно в Турции находится ключ проблемы»[86].

Официоз МИД Франции газета «Тан» продолжала запугивать читателей русской опасностью: «Необходимо, чтобы Анатолия перестала подвергаться большевизации, а это станет возможным только после пересмотра Севрского договора»[87]. А газета «Виктуар» шла еще дальше, предлагая принять все условия Кемаля, ибо «наилучшим оплотом против русского большевизма в Азии явилось бы согласие с националистической Турцией». Турецкий историк Сониел также пытается «обосновать» мнимой большевистской опасностью стремление антантовских империалистов договориться с анкарским правительством. «Большевики,—писал он,— усилили свою деятельность и стали более опасными в Анатолии, где они могли подписать неестественный и опасный союз с турками, и Кемаль, ставший реальным правителем страны, кроме Стамбула, решил прийти к какому-нибудь другому соглашению»[88].

Одновременно французская дипломатия преследовала цель использовать сближение с кемалистами для ослабления позиций и влияния Англии на Ближнем Востоке, воспользовавшись тем недовольством и возмущением, которые возникли особенно против английского империализма после заключения Севрского договора. Французский историк Тести отмечает, что после Севра отношение кемалистов к французам было относительно миролюбивым, т. к. Киликия оставалась за Турцией, и основное ее опасение насчет намерений Франции к этому времени рассеялось. Между тем Англия продолжала хозяйничать в Константинополе, еще более раздражая турок[89].

На состоявшейся в ноябре—декабре 1920 года второй Лондонской конференции Севрский договор снова стал предметом обсуждения. Франция выступила с требованием частичного пересмотра его условий. В частности, во время встречи руководителей трех союзных держав 2 декабря французский премьер-министр Лейг открыто заявил, что в создавшейся на Ближнем Востоке новой обстановке наилучшим курсом было бы, сохранив договор в целом, улучшить его отдельные стороны[90]. Под этим Лейг подразумевал в первую очередь возвращение Турции района Измира. «Те статьи Севрского договора,—заявил он,—согласно которым у Турции отбираются некоторые из ее наиболее прекрасных владений, глубоко ранили национальную гордость турок, и до тех пор, пока Измир остается в руках греков, не может быть мира в Малой Азии»[91].

Что же касается вопроса о Киликии, то, как уже отмечалось, по Севрскому договору она сохранялась за Турцией, и французы не имели здесь принципиальных возражений.

«Из донесений генерала Гуро было совершенно ясно, что Франция должна эвакуировать Киликию»,—признавал французский поверенный в делах в Лондоне де Флерио[92].

Усилия французской дипломатии привели к тому, что на союзнической конференции в Париже (24—29 января 1921 г.) было принято решение о частичном изменении Севрского договора и о созыве в связи с этим конференции союзных держав в Лондоне.

На конференцию приглашались Греция и Турция, причем последней разрешалось представить две делегации—константинопольского правительства и анкарского правительства. Все старания великого везира Тевфик-паши направить в Лондон единую делегацию не увенчались успехом. По этому поводу между ним и Мустафой Кемалем шла переписка. Кемаль решительно требовал, чтобы в Лондон отправились только делегаты Великого национального собрания, как единственные законные представители всей Турции[93]. Соглашения в этом вопросе не было достигнуто, и анкарское правительство утвердило свою делегацию во главе с министром иностранных дел Бекир Сами-беем. Последний должен был отправиться в Лондон и принять участие в конференции только после получения специального приглашения, адресованного анкарскому правительству. Кемалисты были уверены, что такое приглашение поступит, поэтому, чтобы выиграть время, делегация через Анатолию и Бриндизи выехала в Рим, где министр иностранных дел Сфорца, «симпатизировавший турецкому национальному движению»[94], официально сообщил ей, что представители анкарского правительства приглашаются на Лондонскую конференцию.

На открывшейся 21 февраля 1921 года Лондонской конференции представители султанского правительства, по выражению М. Пайареса «выполнявшие роль немых актеров»[95], слились с анкарской делегацией, и Решид-паша от имени константинопольской делегации официально заявил, что Бекир Сами-бей уполномочен высказать турецкую точку зрения[96].

23 февраля объединенная турецкая делегация представила свои требования, которые сводились к следующему.

Восстановление в европейской части границы, очерченной турецко-болгарским договором от 16 сентября 1913 года, т. е. передача Турции всей Восточной Фракии.

Границы Турции на юге должны проходить по линии, отделяющей ее от районов, населенных арабским большинством. Эта линия будет установлена по соглашению, заключенному между Турцией и заинтересованной стороной. Местности, лежащие севернее от этой линии и населенные турками, а также Киликия должны быть эвакуированы от иностранных войск и возвращены Турции.

Восточная граница Турции должна проходить по турецко-персидской пограничной линии, согласно договору, заключенному между Турцией и Арменией (имелся в виду Александропольский договор от 2 декабря 1920 г.—*Р. С.*).

Измир и все территории Малой Азии, оккупированные греками, должны быть возвращены Турции.

Утверждение принципа свободной навигации в Проливах, с тем расчетом, чтобы обеспечить абсолютную безопасность Константинополя и суверенитет Турции.

Защита меньшинств, их религии и языка будет обеспечена в тех же рамках, которые предусмотрены Сен-Жерменским, Нейиским и Трианонским договорами.

Уважение османского суверенитета.

При определении размеров военных и морских сил иметь в виду протяженность границ страны, равно как и политическую обстановку в соседних странах, с тем, чтобы обеспечить соответственно внутренний порядок и безопасность границ.

Признание финансовой и экономической независимости Турции путем полной отмены режима капитуляций и обеспечения всестороннего развития страны[97].

В дни Лондонской конференции, 26 февраля у лорда Керзона состоялась встреча с Армянской национальной делегацией, которую возглавлял Погос Нубар. Собрались представители Франции во главе с Бертело, Италии—граф Сфорца, Японии—барон Хаяши. От Турции были представитель константинопольского правительства Осман Низами-паша и делегация анкарского правительства во главе с Бекир Сами-беем.

Погос Нубар, изложив вопрос о Киликии, отметил, что здесь положение совсем иное. Учитывая тот факт, что армяне просили применения Севрского договора в отношении их собственной страны, они вряд ли могут оспаривать те пункты договора, которые касаются Киликии. Следовательно, они принимают эти положения, признают, что бóльшая часть территории Киликии должна остаться под турецким суверенитетом. Они не просят бóльшего, чем то, чтобы население Киликии, которое до войны в своем большинстве было армянским и которое даже сейчас насчитывает более 150 тысяч армян, не было бы оставлено в подчинении турецкой администрации[98]. Далее он отметил, что пункты, касающиеся защиты меньшинств, не относятся к Киликии, т. к. в этом районе армяне фактически составляют не меньшинство, а большинство. Поэтому они обращаются к Франции, которая «является их официальной покровительницей», и в зоне влияния которой находится Киликия, с просьбой не покинуть армянское население, а добиться для Киликии режима административной автономии со смешанной жандармерией. Такой режим оставил бы в неприкосновенности турецкий суверенитет над страной (т. е. Киликией.— *Р. С.*) и в то же время обеспечил бы порядок и спокойствие.

На вопрос лорда Керзона, что он имеет в виду, говоря о смешанной жандармерии, Погос Нубар ответил, что такая жандармерия должна быть комплектована из представителей христианского населения, бóльшую часть которого составляют армяне, а также из мусульман[99].

Французский представитель Бертело «напомнил» собравшимся, что «Франция всегда проявляла решимость сделать все возможное для обеспечения защиты христианских меньшинств. Это обязательство отражено не только в Севрском договоре, но и в трехстороннем соглашении. Французское правительство не думает, что будет возможно потребовать для Киликии специальный режим. Ничего подобного не было предусмотрено в Севрском договоре. С другой стороны, Франция решила сделать все, что в ее силах для обеспечения полных гарантий армянскому меньшинству, либо созданием смешанной жандармерии во главе с французскими офицерами, либо другой мерой. При всех случаях,—заключил он,—Франция сохранит свои обязательства, каковы бы ни были ее отношения с Турцией»[100].

Приведенная выше программа заключения мира, представленная турецкой, а точнее, анкарской делегацией, фактически отражала все основные принципы Национального обета, т. е. она не признавала права на самоопределение за армянским и курдским народами, узаконивала захват Карской области и Александропольского округа кемалистами и не обеспечивала никаких серьезных гарантий остающимся под турецкой властью народам.

На заседании конференции 26 февраля союзные державы отвергли турецкие предложения и перешли к обсуждению репарационного вопроса. Одновременно главные державы Антанты— Англия и Франция использовали создавшуюся паузу для ведения сепаратных переговоров с главой турецкой делегации Бекир Сами-беем.

Цель, которую преследовала английская дипломатия, сводилась к тому, чтобы незначительными уступками кемалистам прийти с ними к соглашению и сорвать проходившие в это же время в Москве советско-турецкие переговоры. Бекир Сами-бей пошел навстречу Ллойд Джорджу и во время секретных с ним бесед предложил вовлечь Турцию в антисоветскую группировку, объединив с ней горцев Северного Кавказа и создав, таким образом, буферное федеральное государство[101].

Однако эти тайные переговоры совершенно случайно были преданы гласности и тут же опубликованы в прессе, в результате чего турецкий парламент впоследствии освободил Бекир Сами-бея с поста министра иностранных дел[102].

Что же касается политики Франции, то она на Лондонской конференции преследовала две основные цели: 1—всячески препятствовать советско-турецкому политическому сближению, 2— достичь сепаратного соглашения с кемалистами и одновременно использовать их против Англии.

Стремление французов договориться с кемалистами было столь велико, что Бриан не смог скрыть его от англичан, заявив Ллойд Джорджу: «Я не покину Англии, не придя к соглашению с делегацией Ангоры, т. к. ни парламент, ни французское общественное мнение не согласятся с продолжением кровавой вражды на границах подмандатной Сирии»[103]. И действительно, французская дипломатия добилась своего. 9 марта 1921 года между Брианом и Бекир Сами-беем было заключено политическое, военное и экономическое соглашение следующего содержания:

«1. Прекращение враждебных действий и обмен военнопленными [по силе помещенного к соглашению приложения].

2. Разоружение вооруженного населения и вооруженных банд по соглашению между французским и турецким командованием.

3. Образование полицейских сил [с использованием созданной уже жандармерии] под турецким командованием, имеющим при себе в помощь французских офицеров, предоставленных в распоряжение турецкого правительства.

4. По соглашению между французским и турецким командованием эвакуация в месячный срок [после прекращения враждебных действий] территорий, оккупированных войсками вою-

ющих, к северу от границ по Севрскому договору. Турецкие войска удаляются первыми и займут через восемь дней после эвакуации местности, эвакуированные французскими войсками.

Временные меры будут приняты, поскольку то касается эвакуации территории, предоставленных Севрским миром Сирии и вновь включенных в состав турецкого государства настоящим соглашением в силу их этнического характера.

В силу продолжительного состояния войны и проистекших из него глубоких потрясений французские войска постепенно удаляются в условиях, определенных французскими и турецкими властями, составившими комиссию на следующих общих основаниях: действительное умиротворение, гарантия безопасности сообщения по железной дороге между Евфратом и Александреттским заливом, включая восстановление искусственных сооружений Аманус и моста Джераблуса, право в случае надобности военного конвоя при наличии покушений банд, наказание виновных в западне, устроенной в Урфе.

5. Полная политическая амнистия и оставление в должности киликийского административного персонала.

6. Обязательство защищать этнические меньшинства, гарантировать им абсолютное равенство прав во всех отношениях и учитывать в справедливой мере численное соотношение населения для создания в областях со смешанным населением равновесия при образовании жандармерии и муниципального управления.

7. Франко-турецкое экономическое сотрудничество с правом приоритета на те концессии, которые должны быть предоставлены в видах экономического использования и развития Киликии, эвакуированных французскими войсками районов, а также вилайетов Мамурет-эль-Азиз, Диарбекир и Сивас в той мере, в какой таковое не было бы осуществлено непосредственно оттоманским правительством или оттоманскими гражданами при помощи национальных капиталов.

Концессия французской группе на копи Аргана-Маден.

Концессии, предполагающие монополию или привилегию, будут эксплуатироваться обществами, образованными по оттоманскому закону.

Самое широкое возможное объединение оттоманских и французских капиталов, [могущих достигнуть 50% оттоманского капитала].

8. Установление подобающего таможенного режима между турецкими и сирийскими областями.

9. Сохранение французских школьных и врачебных заведений и благотворительных учреждений.

10. Французское правительство установит особый административный режим для области Александретты, в которой население

имеет смешанный характер, и обязуется предоставить жителям турецкого племени всякие льготы для развития их культуры и пользования турецким языком, который будет иметь там официальный характер в той же мере, что и языки арабский и французский.

11. Передача французской группе участка Багдадской железной дороги между Киликийскими воротами и сирийской границей.

12. Граница между Турцией и Сирией будет начинаться в пункте, подлежащем избранию на Александреттском заливе непосредственно к югу от местности Пайас и направляться большею частью прямой линии к Мейдан Экбесу (железнодорожная станция и местность остаются в Сирии). [Оттуда граница склонится на юго-восток с тем, чтобы оставить в Сирии местность Марсова, а в Турции Карнаба, а также город Килис; потом она достигнет железной дороги у станции Шотенберг, будет следовать по линии железной дороги, полотно которой останется в Турции до Нисибина и достигнет изгиба Евфрата к северу от Азекха и будет следовать по Евфрату до Джезире-ибн-Омара].

Линия турецких таможен будет установлена к северу от дороги, а линия французских таможен к югу»[104].

В приложении к данному соглашению говорилось, что до заключения всеобщего мира между договорившимися сторонами военные действия будут прекращены на Киликийском фронте и на границах Турции с Сирией, как только будут сделаны соответствующие распоряжения французских и анкарских властей, однако не позже, чем в течение одной недели.

Соглашение заключалось без указания на его продолжительность, и военные действия могли возобновиться с той и другой стороны при условии официального уведомления за месяц об отказе от этого соглашения[105].

Франко-турецкое соглашение от 9 марта 1921 года, как видно из его содержания, по сравнению с Севрским договором предусматривало ряд территориальных изменений в пользу Турции, однако оно предоставляло и ряд экономических привилегий Франции, льготы, которые безусловно нарушили бы турецкий суверенитет. Так, соглашение признавало за Францией зону влияния, в то время как Национальный обет не допускал ничего подобного. Поэтому Национальное собрание Турции отказалось его ратифицировать.

Заключив тайное сепаратное соглашение с турками, Франция в то же время пыталась выступить солидарно с Англией, нуждаясь в ее поддержке в репарационном вопросе. 11 марта Бриан и Сфорца предложили туркам, а Ллойд Джордж и Керзон—грекам новые условия мира на следующей основе:

1. Демилитаризация проливов.

2. Эвакуация союзными войсками Константинополя.

3. Участие Турции в контроле проливов; Турция, как и главные державы будет иметь двух представителей в Комиссии проливов.

4. В финансовой комиссии Турция будет иметь не совещательный, а решающий голос.

5. Турецкие вооруженные силы могут насчитывать 75 тысяч человек, из них 30 тысяч солдат и 45 тысяч жандармов.

6. Весь район Измира, кроме самого города, будет освобожден от греческих войск. Измирский порт объявляется свободным для торговли всех стран. Суверенитет султана над вилайетом сохраняется, однако он будет регулироваться согласно режиму автономии христианским губернатором, назначенным Лигой наций. Созданный административный строй может через пять лет подвергнуться изменению, если одна из сторон обратится в Лигу наций.

7. Статут Фракии не изменяется; греки остаются на той территории, которая отошла к ним по Севрскому договору.

8. На восточных границах Турции армянам обеспечивается «национальный очаг»[106], границы которого определит назначенная Лигой наций комиссия.

9. Курдистан будет пользоваться режимом местной автономии с определенными гарантиями курдам и ассиро-халдеям.

10. Турция будет принята в Лигу наций[107].

Перечисленные условия, по сравнению с Севрским договором, содержали в себе ряд уступок туркам, поэтому они не удовлетворили греков, туркам же эти предложения были невыгодны тем, что они противоречили Национальному обету. Между тем, как отмечал М. Кемаль, Турция «приняла участие в Лондонской конференции, чтобы показать всему миру готовность подписать мирный договор, отвечающий положениям Национального обета»[108].

12 марта 1921 года обе делегации—греческая и турецкая—отвергли предложенные им условия. Лондонская конференция закончилась провалом.

Хотя общее соглашение с кемалистами не было достигнуто, французская дипломатия продолжала свои контакты с ними на основе заключенного в Лондоне соглашения, которое встретило в целом хороший прием во Франции. «По возвращении из Лондона,—писал Пуанкаре,—Аристида Бриана превосходно встретили в палате депутатов... Депутаты с особым удовольствием узнали, что Севрский договор подвергся некоторым изменениям...»[109]. Анализируя условия франко-турецкого соглашения в Лондоне, Пуанкаре пытался обосновать предстоящий уход французских войск из Киликии тем, что эвакуация была предусмотрена еще

Севрским договором. «Киликия вне нашего мандата,—писал он по этому поводу. Она всего лишь составляет часть нашей зоны экономического влияния. Поэтому мы должны договориться с турками о той пользе, которую мы можем извлечь из этого преимущества и восстановить их суверенитет в этой провинции. Мы освободим, таким образом, две французские дивизии, которые в данный момент будут более полезны на Рейне»[110]. Сам автор Лондонского соглашения Бриан, опасаясь возможной задержки его ратификации анкарским парламентом, требовал от французских военных властей в Киликии быстро и неукоснительно выполнять все пункты Лондонского соглашения. 29 марта он послал верховному комиссару в Сирии и Киликии телеграмму, в которой просил ясно указать французским генералам на их обязанность проводить в жизнь Лондонское соглашение «с твердостью и в соответствии с обстановкой, диктуемой местными обстоятельствами». «Они не должны забывать,—говорилось далее,—что наши солдаты сражались в Киликии на территории, которую Севрский договор оставлял за Турцией, и что, ускоряя это решение, мы избегаем значительных расходов и пролития ценной крови. Ни общественное мнение во Франции, ни парламент не смогут понять, что соглашение, с такой очевидностью отвечающее интересам и желаниям нации, может быть скомпрометировано колебаниями или отсутствием инициативы на местах»[111].

Французские коммунисты требовали вывода всех оккупационных войск из Киликии и Сирии. На заседании палаты депутатов 15 марта 1921 года Марсель Кашен, выступив с интерпелляцией относительно результатов Лондонской конференции, подчеркнул, что заключенное с кемалистами соглашение «сохраняет у наших дельцов и финансистов надежду на дальнейшие экономические привилегии»[112].

Что же касается протеста Англии, Франции пришлось давать «разъяснения», как только соглашение с турками стало достоянием гласности.

Французские дипломаты старались убедить своих английских коллег в «безобидности» Лондонского соглашения, выпячивая в то же время лояльность Франции по отношению к своим союзникам. Приняв 1 апреля 1921 года английского посла в Париже лорда Гардинга, Бертело «выразил свое сожаление в связи с возникшим недоразумением», заявив в то же время, что «не должно быть никакого неправильного представления о позиции полной лояльности французского правительства по отношению к союзным державам в связи с франко-турецкими переговорами»[113]. Продолжая оправдываться, Бертело напомнил, что еще на Лондонской конференции Бриан неоднократно разъяснял Ллойд Джорджу, что для него было бы невозможно возвратиться в Па-

риж с пустыми руками, и что именно по этой причине переговоры с турками в Лондоне были форсированы[114]. Когда посол указал Бертело на «самое неблагоприятное во всем этом вопросе», т. е. на публикацию полного текста соглашения в журнале «L'Europe nouvelle», показав при этом копию публикации, его собеседник запротестовал, заявив, что «французское правительство ни в коей форме не несет ответственности за эту публикацию, которая, как он полагает, явилась результатом неблагоразумного поступка со стороны турок»[115].

19 апреля Керзон обратил внимание французского посла в Лондоне на то обстоятельство, что заключение мартовского соглашения с представителями анкарского правительства противоречит декларации, подписанной в ноябре 1915 г. в Лондоне Великобританией, Францией, Италией, Россией и Японией относительно незаключения сепаратного мира во время войны, а также неподписания без предварительной договоренности с союзниками какого-либо соглашения о мире в период обсуждения условий мира—после войны. Керзон указал также на несоответствие сепаратного шага Франции с трипартитным соглашением от 10 августа 1920 года, а также с теми статьями Севрского договора, которые касались границы Турции с Северной Сирией[116].

Объяснения, данные французским послом, Керзон назвал «смесью искренности и изобретательности»[117]. Посол заявил, что «все знают о том, что военное положение французов в Киликии настолько непрочно, что они были вынуждены заключить мир с Мустафой Кемалем с тем, чтобы вывести свои войска и избежать таким образом громадных расходов затянувшейся кампании». Далее он стал оправдываться тем, что Бриан действовал, как премьер-министр, а не как министр иностранных дел, т. е. что он не соблюдал «традиционных дипломатических методов», которые в подобных случаях предусматривают информировать другую сторону. Керзон заявил, что слова посла не убедили его[118].

Заключение Францией в Лондоне соглашения с Турцией вызвало большую тревогу у христианского населения Киликии. В Кэ д'Орсэ в Париже и во французский верховный комиссариат в Бейруте посыпались телеграммы и письма с протестами и просьбами. Католикос киликийских армян Саак II в обращении к премьер-министру Бриану 19 марта 1921 г. указывал на необходимость защиты интересов и исконных прав населения Киликии. Напомнив о коллективных демаршах представителей различных христианских общин перед Лондонской конференцией, он выражал сомнение относительно действенности мер обеспечения безопасности христиан.

«Наш печальный опыт,—писал католикос,—как прежний, так и свежий, свидетельствует, в какой степени можно довериться га-

рантиям, которые последовательно давались правительствами различных турецких режимов»[119]. В письме, направленном представителю французского верховного комиссариата в Киликии генералу Дюфио, католикос обращал внимание последнего на статью выходящей в Позанты газете «Yeni Adana», полную ненависти и злобы к армянским обитателям Киликии. «Этими агрессивными статьями, полными лжи и клеветы,—писал он,—националистические лидеры хотят вызвать чрезмерное возбуждение турецких масс, и можно предвидеть, каким будет их поведение по отношению к армянам после их возвращения в Адану»[120].

5 апреля в адрес армянской национальной делегации в Париж была направлена следующая телеграмма представителей различных религиозных общин Киликии: «От имени христианского населения Киликии решительно протестуем против решений, которые снова предают нас режиму, единственной характерной чертой которого на протяжении веков были зверства и избиения, которые даже после перемирия стоили нам жизни 30 тысяч мучеников. Опыт этого ужасного прошлого научил нас понимать, чего стоят какие бы то ни были гарантии и обещания, данные турками. Поэтому от имени человечества требуем эффективной защиты длительным присутствием достаточных военных сил и гарантий на местах, путем эффективных мер, обеспечивающих нашу полную безопасность. В противном случае победоносные союзные державы должны срочно принять меры для эвакуации всего христианского населения в безопасное место. Адана, 5 апреля 1921 г. Пастор армян-протестантов Карапет Арутюнян; епископ армян-католиков Артин Кекликян; епископ армян-григориан Егише Гароян; викарий ассирийцев-якобитов П. Мансур; викарий халдеев П. Тюфенкди; викарий сирийцев-католиков П. Филиппос»[121].

Однако предстоящая эвакуация Киликии волновала не только местных армян. В Константинополе, где проживало более 150 тысяч армян, не подвергшихся депортации в роковом 1915 году, эта весть была встречена с тревогой и страхом.

В своем донесении от 2 мая 1921 года Рамбольд сообщал Керзону, что перспектива ухода французов из Киликии тревожит не только протестантскую, но и все другие религиозные общины константинопольских армян. Посетивший Рамбольда 26 апреля патриарх Завен передал ему подписанный главами трех религиозных общин меморандум, в котором были высказаны их опасения в связи с возможной эвакуацией Киликии французскими войсками. Он настаивал на том, чтобы Франция сохранила мандат на Киликию. Пообещав довести этот меморандум до сведения британского правительства, Рамбольд со своей стороны высказывал мнение, что «события последних двух с половиной

лет и позиция, занятая французскими властями в Киликии, как гражданскими, так и военными, по отношению к христианскому населению этого края, оправдывает опасения духовных руководителей армянской общины»[122]. Далее он сообщал, что французская администрация в Киликии советует армянам либо найти язык с турками, либо покинуть страну: «Если они захотят остаться в Киликии, то это на свой собственный риск, безо всякой перспективы на защиту со стороны французских сил, которые вскоре должны быть выведены»[123]. «Такая политика,—заключал посол,— была бы в полном противоречии с обязательствами, которые французское правительство само взяло на себя, подписав Трипартитное соглашение»[124].

Как было отмечено, Великое национальное собрание Турции на своем заседании 3 мая 1921 г. отказалось ратифицировать франко-турецкое соглашение, и Бекир Сами-бей 12 мая подал в отставку. Однако М. Кемаль не хотел порвать с французами и даже направил в Адану своего представителя для объяснения причин отклонения Лондонского соглашения. Этот представитель, Мюнир-бей, встретившись с генералом Гуро 18 мая 1921 года на станции Енидже, передал ему новые турецкие контрпредложения, которые включали в себя следующие пункты:

1. *Экономика.* Французская зона влияния, которая определена соглашением, неприемлема, т. к. она легко может стать политической. Однако Анкара отнюдь не отвергает экономическое сотрудничество с Францией и поэтому допускает возможность широкого поля деятельности французского предпринимательства: капиталовложения, индустрия, торговля, технические эксперты, для восстановления мира на Ближнем Востоке.

2. *Жандармерия.* После того, как Турция снова обретет власть над Киликией, только она будет иметь право на организацию там жандармерии. Однако националисты хотели бы иметь французских офицеров и инструкторов для жандармерии по всей Турции.

3. *Турецко-сирийская граница.* Анкара требует ректификации установленной в Лондоне линии с тем, чтобы уважать принцип национальностей, удовлетворить претензии Турции и гарантировать экономические выгоды обеих сторон[125].

Эти условия оказались неприемлемыми для французов. Однако «Париж не отказывался договариваться с Ангорой. Франклен-Буйон, личный друг Мустафы Кемаля, возобновил контакты и приступил к переговорам»,—отмечал военный историк генерал Дюэ[126]. Действительно, франко-турецкие дипломатические контакты вскоре возобновились.

В начале июня 1921 года в Турцию был направлен «неофициально» председатель сенатской комиссии по иностранным де-

лам Анри Франклен-Буйон, который до прибытия в Анкару послал туда из Инеболу 7 июня телеграмму. В ней он заверял анкарские круги, что пробным камнем французской политики на Ближнем Востоке было поддержание дружественных отношений с Турцией и что отклонение франко-турецкого соглашения от 9 марта 1921 г. не должно привести к срыву переговоров[127]. Прибыв в Анкару 9 июня 1921 года, Франклен-Буйон в тот же день вступил в переговоры с Кемалем[128]. С турецкой стороны в переговорах принимали участие комиссар по иностранным делам Юсуф Кемаль-бей и начальник генерального штаба вооруженных сил Февзи-паша, с французской—подполковник Сарру из генштаба оккупационной армии в Константинополе. С самого же начала обмена мнениями позиция Кемаля была совершенно ясной и четкой,—замечает французский дипломат Жан-Поль Гарнье[129]. «Я не хочу, чтобы Севрский договор был даже упомянут. С нашей точки зрения такого договора не существует»,—заявил Кемаль, предложив принять за основу переговоров Национальный обет. Французский дипломат вначале отверг этот принцип, ссылаясь на то, что на Лондонской конференции 1921 г. делегаты анкарского правительства ничего не сообщали о существовании этого документа, поэтому смысл и характер его не известны Европе. Франклен-Буйон предлагал положить в основу переговоров Севрский договор, «как совершившийся факт»[130]. Кемаль на это ответил, что Бекир Сами-бей отклонился от своих полномочий, если скрыл существование Национального обета[131]. Столкнувшись с решительным возражением собеседника, Франклен-Буйон попросил временно прервать переговоры для изучения содержания Национального обета[132]. Этот промежуток он использовал для поездки по городам Киликии, а также для посещения Александретты, визиты, которые «одинаково вызвали беспокойство как среди мусульман, так и христиан»[133]. Ознакомление с положением дел в Киликии, равно как и «изучение» Национального обета не привели однако, к полной договоренности с кемалистами, ибо последние продолжали настаивать на безоговорочной отмене капитуляций и других неравноправных соглашений. Французы не хотели идти на это, несмотря на то, что Франклен-Буйон «понял устремления турецкой нации»[134].

Анкарский официоз «Хакимиети миллие» поместила в номере от 15 июля 1921 г. статью под заглавием «Подлинный мир», фактически предав гласности проходящие в Анкаре франко-турецкие переговоры. В ней говорилось, что заключение серьезного и искреннего мира между двумя странами может стать реальностью, «если Франция допустит целостность Турции в границах, зафиксированных в Национальном обете, и если она лояльно признает наше этническое право на Киликию. В таком случае

можно заверить, что препятствия к этому ценному миру исчезнут»[135].

Французский дипломат не достиг успеха и в другой своей миссии—разжигании антисоветских настроений анкарских кругов, хотя в этот период советско-турецкие отношения были довольно напряженными из-за враждебной позиции, занятой турками в вопросе заключения договора с закавказскими советскими республиками. В ходе переговоров Франклен-Буйон предлагал Кемалю поддержку Франции в «восстановлении бывших закавказских правительств»[136]. М. Кемаль на это не пошел, но все же 20 июня 1921 года было подписано временное соглашение о прекращении военных действий на юге[137].

Оценивая результаты завершившихся переговоров, Юсуф Кемаль-бей заявил 27 июня 1921 г. в Национальном собрании следующее: «Вы отлично знаете, что подписанные в Лондоне соглашения были отвергнуты как правительством, так и вашим собранием. Однако наши отношения с Францией находятся на добром пути, и мы движемся в сторону согласия и окончания войны. Я могу это утверждать благодаря заверениям, которые были даны от имени Французской Республики присутствующим здесь господином Франклен-Буйоном...»[138].

В то время как Юсуф Кемаль-бей выступал с подобными заявлениями, его предшественник Бекир Сами-бей совершал турне по Европе, по каждому поводу подчеркивая, что Турция стремится прийти к согласию в первую очередь с Францией. «Правительство Анкары и Национальное собрание страстно желают установить в короткий срок дружбу с Францией»,—заявил он корреспонденту газеты «Эклер». Одновременно Бекир Сами пытался заверить, что Лондонское соглашение не было отвергнуто Великим национальным собранием, оно просто нуждается в частичных изменениях в связи с экономическими и некоторыми другими вопросами[139]. Газета «Тан» поместила заявление Бекир Сами-бея о том, что целью его поездки в Париж является разрешение вопроса о Киликии, что ему кажется вполне реальным[140]. Визиты Франклен-Буйона в Анкару и Бекир Сами-бея в Париж вызвали беспокойство Форин оффиса, однако на обращения их представителей французы отвечали, что переговоры с турками не затрагивают общих вопросов заключения мира, а касаются лишь частных вопросов, таких, как вопросы французских военнопленных, покровительства меньшинств Киликии и другие, связанные с эвакуацией французских войск. В частности, Бриан сказал английскому послу, что французский парламент вряд ли дальше потерпит затраты на содержание 80-тысячного гарнизона в Киликии[141].

Итак, первый визит Франклен-Буйона не завершился заключением договора, но его переговоры с Кемалем и подписание соглашения вплотную приблизили достижение мира между Францией и Турцией. Окончательная договоренность не была достигнута опять-таки из-за зависимости Франции от своей соперницы Англии в европейских делах. Другой причиной было стремление французов проверить действительную силу кемалистов в войне против греков, которые в это время готовились к решительному наступлению.

Таким образом, изучение истории франко-турецких дипломатических связей в 1919—1921 гг. до подписания Анкарского договора, позволяет сделать следующие выводы и обобщения:

1. После окончания первой мирсвой войны и подписания англичанами от имени союзников Мудросского перемирия с проигравшей войну Турцией, французская дипломатия, хотя и с некоторыми колебаниями, стала вести определенную линию на возвращение к довоенным дружественным отношениям с Турцией.

Эта политика французских правящих кругов в целом была обусловлена особыми экономическими и финансовыми интересами французских капиталистов и банкиров в турецких делах. Бóльшая часть облигаций Оттоманского долга приходилась на долю Франции, и она была заинтересована в сохранении целостности турецкого государства, чтобы восстановить свои прежние привилегированные отношения с Турцией и получить как старые долги, так и новые прибыли и льготы.

2. Важное место в стремлении Франции восстановить прежние отношения с Турцией занимал религиозный фактор, т. е. роль и значение в мусульманском мире Турции как центра халифата. Французские правящие круги исходя из того, что во французских колониях проживало 23 миллиона мусульман, считали Францию «великой мусульманской державой» и учитывали тот факт, что враждебная политика по отношению к «стране халифата» вызывает недовольство и отрицательную реакцию в обширных колониальных владениях Франции.

3. Особая позиция, занятая Францией в турецких делах, была вызвана также тем злобным непримиримым антисоветизмом, который был взят на вооружение французским империализмом с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции. Именно этот антисоветизм вдохновлял его на участие в разного рода враждебных шагах против Страны Советов на польском и кавказском фронтах. В этих планах, в частности в происках, направленных против установления и упрочения Советской власти в Закавказье, кемалистской Турции отводилась заметная роль; отсюда и необходимость достижения соглашения с ней даже ценой определенных уступок.

4. Занятие Киликии французскими войсками было продиктовано временными соображениями:

а) Франция согласилась заполучить ее вместо богатой нефтью Мосульской области, в которую Англия, в нарушение соглашения Сайкс-Пико, ввела свои войска и не собиралась уступить Франции;

б) Киликия нужна была Франции для обеспечения безопасности Сирии с севера в период утверждения за Францией мандата Лиги наций, ибо, в отличие от Палестины и Ирака, прочно занятых Англией, в отношении Сирии все еще существовала кемалистская угроза извне[140] и инспирированные англичанами мятежи Фейсала—внутри.

5. Стремление кемалистов к сепаратной договоренности с французами объяснялось их заинтересованностью в выходе из международной изоляции, в разжигании и углублении острых англо-французских противоречий на Ближнем Востоке и провоцировании вражды между двумя главными державами Антанты путем некоторых уступок Франции.

Анкарское правительство было также заинтересовано в скорейшем выводе французских оккупационных войск из Киликии для использования всего потенциала этой богатой области в войне против греков.

6. Франко-турецкие политические и дипломатические связи и контакты после заключения Мудросского перемирия до подписания Анкарского договора можно разделить на два этапа: до и после подписания Севрского договора, при этом инициатива в установлении контактов исходила от французов.

Первый этап был периодом дипломатического зондажа, когда Франция, в результате поездки Франсуа Жорж-Пико в Сивас к Мустафе Кемалю в декабре 1919 г. первая из держав Антанты оценила перспективность установления отношений с кемалистами, как реальными представителями Турции. На втором этапе, т. е. после подписания Севрского договора, французы опять-таки первыми стали добиваться его пересмотра в сторону смягчения условий для Турции. Усилия французской дипломатии ускорили созыв Лондонской конференции союзных держав с участием Греции и Турции.

7. На Лондонской конференции (21 февраля—12 марта 1921 г.) французская дипломатия преследовала две основные цели: всячески препятствовать советско-турецкому политическому сближению, добиваясь срыва проходящих в Москве переговоров, и достичь тайной договоренности с кемалистами, одновременно использовав их против Англии.

Результатом этих усилий явилось франко-кемалистское соглашение от 9 марта 1921 г., заключенное Францией втайне от

своих союзников. Хотя это соглашение не вошло в силу, оно фактически послужило основой для дальнейших переговоров между двумя странами, что привело их к заключению Анкарского договора 1921 года.

8. Новая турецкая дипломатия умело использовала колебания Франции в проведении ближневосточной политики, колебания, вызванные ее зависимостью от Англии в европейских делах.

9. Туркофильская политика сменявших друг друга правительств Франции была наруку кемалистским руководителям, проводящим в национальном вопросе политику своих предшественников—младотурок. Эта политика дорого обошлась нетурецким народам Киликии, особенно армянам, составлявшим относительное большинство ее населения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОЛОЖЕНИЕ АРМЯН В КИЛИКИИ

в 1919—1922 гг.

Киликия расположена на северо-восточном побережье Средиземного моря, занимая территорию, естественными границами которой являются с севера и запада—горы Тавра, с юга—Средиземное море, а с востока—хребет Амануса. Киликию обычно делят на две части—Горную Киликию, которая охватывает северные и северо-восточные районы, и Равнинную Киликию, в которую входят южные районы. Как отдельный край Киликия упоминалась за много столетий до нашей эры. В течение тысячелетий по ее территории прошли египетские, ассирийские, персидские македонские, римские, монгольские, сельджукские и арабские завоеватели.

Киликия подвергалась нашествиям начиная еще с IX века до н. э. В VII веке до н. э. Киликия была завоевана Ассирией, в VI—IV вв. она составляла одну из сатрапий Ахеменидского государства. В конце IV в. Киликия была завоевана Македонией, а после смерти Александра Великого она перешла к Селевкидам. В 83 г. до н. э. армянский царь Тигран Великий присоединил Равнинную Киликию к своему государству, а Горная Киликия отошла к его союзнику Митридату Понтийскому. В 66 г. н. э. римский полководец Помпей превратил Киликию в римскую область. С IV в. Киликия вошла в состав Византии. Во второй половине VII в. арабы завоевали Равнинную Киликию, борьба за которую с Византией продолжалась несколько веков. В середине X в. Византия вновь захватила Киликию и продержалась там до образования армянского государства в конце XI века.

С древних времен основными жителями Киликии были ассирийцы, армяне, евреи, греки. Число армян заметно возросло с конца X в., свидетельством чего является тот факт, что армянский католикос Хачик Аршаруни (973—992) основал там новые епископства.

В 1080—1375 гг. в Киликии существовало армянское государство, основанное в Горной Киликии князем Рубеном (1080—1095).

В 1198 г. Великое Киликийское княжество было преобразовано в Киликийское армянское царство, последний царь которого Левон VI после завоевания его государства войсками египетского султана в 1375 г. нашел приют во Франции, где и скончался в 1393 г. Однако и после падения столицы Киликии города Сис армяне в течение полувека, вплоть до 1424 г., упорно противостояли нашествию завоевателей, фактически держа область в своих руках. В Горной Киликии свое независимое положение сохраняли князья Торос, Степаннос и др. Некоторые княжеские дома, укрепившись в горных районах и крепостях (Улния, или Зейтун, Хаджин, Мараш и др.) сохранили свое полунезависимое существование вплоть до второй половины XIX в.[1]

В 1487 г. Киликия была завоевана Османской империей, господство которой над краем не было прочным и долговечным. В 1640—1865 гг. в Киликии почти полновластным хозяином была династия Козан-оглу, зависимость которой от султанского правительства была лишь номинальной[2]. В 1865 г. султану Абдул-Азизу удалось полностью разгромить Козан-оглу и установить свое господство.

Согласно административному делению Османской империи 1864 г., Киликия составляла отдельный Аданский вилайет, включающий в себя четыре санджака—Адана, Джебель-Берекет, Козан (Сис), Ичиль. Неотъемлемая часть Киликии Марашский санджак входил в Халебский вилайет[3].

Население Киликии по сравнению с другими областями Османской империи имело еще более многонациональный и пестрый состав. До первой мировой войны в Киликии проживали армяне, греки, турки, ассирийцы, курды, туркмены[4], персы, черкесы, сирийцы-христиане, татары, чечены, кызылбаши, цыгане, арабы-марониты и т. д. Перечисленные народности были представлены резко отличающимся друг от друга численным составом. Армяне, например, начиная с 1880-х годов, неизменно составляли относительное большинство населения Киликии. Даже после погромов 1894—1896 гг., организованных султаном Абдул Гамидом, и апрельской резни 1909 г., на заре младотурецкого господства, число армян в Киликии превосходило число турок, арабов или курдов, взятых в отдельности. Изучение данных, приводимых разными авторами, показывает, что наиболее достоверной можно считать статистику Константинопольской армянской патриархии за 1912 г., согласно которой армянское население в Аданском вилайете, Марашском санджаке (округе) и Айнтабском каза (уезде) составляло вместе взятое 407 тыс. человек[5]. Если изъять из этого числа 30 тыс. армян, проживающих в Айнтабе и его окрестностях[6], то получится, что накануне первой мировой войны в собственно Киликии проживало более 350 тысяч армян. По подсчетам иссле-

дователя Киликии К. Басмаджяна, в 1914 г. число армян Киликии достигало 380 тыс., т. е. 43,4% всего населения (875 604 чел.)[7].

В страшные годы геноцида вместе с армянским населением Западной Армении депортации и массовой резне подверглись и киликийские армяне. Своей шовинистической политикой младотурецким правителям удалось наполовину сократить число армянского населения Киликии, однако они не достигли своей цели—очистить Киликию от армян и создать прочное турецкое большинство. Следует указать, что находясь значительно ближе к местам своей ссылки, депортированные из Киликии в Сирийские пустыни армяне понесли гораздо меньше человеческих жертв по сравнению с выселенными из Западной Армении.

После окончания первой мировой войны уцелевшие киликийские армяне вернулись в свои родные края. К концу 1919 г., по данным руководителя французской гражданской администрации в Киликии полковника Бремона, число армян составляло 120 тыс.[8]. По данным Армянской национальной делегации в Париже, к этому же времени в Киликии насчитывалось 130 тыс. армян[9].

Французский историк Поль дю Веу, основываясь на данных французского верховного комиссариата в Сирии и Киликии за 1920 г., дает следующую картину национального состава населения Киликии (только Аданский вилайет): армяне—120 000; арабы ансари—100 000; курды и кызылбаши—30 000; греки—28 000; турки—20 000; черкесы—15 000; ассирийцы и халдеи—5 000[10].

Эти цифры, однако, как и приведенные выше данные Бремона, касались лишь Аданского вилайета, который французские авторы, следуя проведенному султанским правительством искусственному административному делению, отождествляют с Киликией. Между тем, как было отмечено, Марашский санджак составлял неотъемлемую часть Киликии. В литературе общее число населения этого санджака указывается по религиозной принадлежности, а точнее, все население разделяется на магометан и христиан. Что касается турецких авторов, то они обходят вопрос численного состава населения Киликии или, следуя старой османской политике разделения населения по религиозному принципу, рассматривают вопрос по схеме магометане-христиане, или, когда это им выгодно,—магометане-армяне.

Армянское население Марашского санджака, насчитывающее в 1914 г. 86 тыс. человек[11], к январю 1920 г. составляло 22—23 тысячи. Число же турок в Марашском санджаке в литературе не указывается. Вместо этого приводится общее число мусульман. Так, автор книги о Киликии П. Редан указывает цифру 136 000 мусульман, из них 30 000 в самом Мараше[12], включая в это число кроме турок еще и курдов, арабов, черкесов и другие исповедую-

щие ислам народности. Учитывая, однако, что турки были в большинстве, можно заключить, что общая их численность в Марашском санджаке достигала 80 тыс. человек.

Таким образом, к началу 1920 г. все население Киликии, т. е. Аданского вилайета и Марашского санджака, вместе взятых, приближалось к 500 тыс. человек[13], из коих армян было 150—160 тысяч, арабов—ансари—120 тыс., турок—100 тыс. человек. Остальные 120—140 тыс. были курды, черкесы, греки, ассирийцы, сирийцы-христиане и другие народности. Что касается состава населения Киликии с точки зрения религиозной принадлежности, то число мусульман достигало 270—280 тыс., христиан—220 тыс. человек. Между тем, по официальной султанской статистике, до первой мировой войны перед массовой депортацией и резней армян христиане по своей численности превосходили мусульман[14].

Таков был национальный состав населения Киликии в 1919 г., оккупированной сперва английскими, а затем французскими войсками.

Как было выше отмечено, по соглашению Сайкс-Пико Киликия входила во французскую зону влияния. Однако к моменту подписания Мудросского перемирия Франция не располагала на Ближнем Востоке достаточными войсками для осуществления военной оккупации Киликии. Расквартированная в Бейруте французская бригада, как признавал Бремон, «была слишком слаба и не ожидала никакого подкрепления из Франции»[15], поэтому право вступления в Киликию было представлено Восточному легиону, состоящему из трех армянских батальонов, высадившихся в порту Александретты 28 ноября 1918 г.[16] 17—19 декабря 1918 г. легионеры вступили в Киликию.

Какова была обстановка в Киликии?

Согласно статье 16 Мудросского соглашения турецкие войска должны были быть выведены из Киликии. Английский главный штаб установил следующие сроки эвакуации: 13 декабря турецкие войска очищают территорию, лежащую восточнее реки Джейхан, 17 декабря—территорию восточнее р. Сейхан и севернее линии Адана—Тарсус, 21 декабря—участок до Позанты[17].

Остатки 2-й и 7-й турецких армий отступали по направлению к Адане, захватив с собой все вооружение и боеприпасы, которые они затем продали мусульманскому населению. Таким образом, около 25 тысяч винтовок перешло в руки жителей Аданы и окрестных мусульманских деревень[18].

«Под предлогом регулирования деталей эвакуации,—отмечает участник событий Пьер Лиотэ,—турецкие офицеры оставались во всех городах, пытаясь создать очаги ирредентизма. Демобилизованные были трансформированы в жандармов, исламские союзы основались в деревнях для защиты мусульман. Полковник, кото-

рому было поручено дело эвакуации военнопленных, имел секретную телефонную связь со всей Киликией»[19]. Отступление турецких войск контролировал командующий французскими войсками на Ближнем Востоке генерал Гамлен во главе трех батальонов легионеров-армян. Первый батальон занял Ислахие, Топраккале и Дёртйол. Остальные два батальона расположились в Адане (2-й батальон во главе с полковником Ромио), Мерсине (одна рота), Позанты (одна рота) и Тарсусе (остальная часть 3-го батальона)[20]. Этих сил, разумеется, было недостаточно для военной оккупации Киликии, и французское командование было вынуждено согласиться на отправку туда английских войск. Главнокомандующий союзными войсками фельдмаршал Алленби направил в Киликию 19-ю сухопутную бригаду (индийскую) во главе с генералом Лесли. 15 февраля 1919 г. Лесли прибыл в Адану. В его бригаду входило три индийских полка, один английский полк и 6-й индийский каваллерийский полк с пулеметным отрядом. Кроме того, около 6-тысяч индусов, вооруженных и собранных в рабочие батальоны, занимали туннели Тавра и Амануса. Таким образом, военная власть в Киликии сосредоточилась в руках английского командования, и лишь в ноябре 1919 г. английские войска были заменены французскими.

Что касается административной власти, то она после Мудросского перемирия вплоть до 1 февраля 1919 г. продолжала оставаться в руках турецких чиновников. Последние имели в своем распоряжении один жандармский полк из 3 тыс. человек, во главе с бывшим командиром одной из турецких дивизий Кавказского фронта полковником Хашим-беем. Этот полк полностью был укомплектован из участвовавших в войне турецких солдат, которых отступающие турецкие армии под видом жандармерии оставили в Киликии[21].

С конца января 1919 г. по соглашению, заключенному между французским и британским правительствами, административный контроль в Киликии был передан французским офицерам, которые должны были подчиняться маршалу Алленби. 23 января полковник Бремон в сопровождении шести французских офицеров приехав в Хайфу—резиденцию Алленби, назначается им руководителем административного контроля «Северной зоны», включающей Аданский вилайет кроме каза Селевке. Расположенные к востоку от упомянутой зоны районы Мараша, Айнтаба и Урфы, а также город Халеб, составляли отдельную единицу, которая была подчинена английскому каваллерийскому корпусу („Desert Mounted Corps")[22].

1 февраля 1919 г. полковник Бремон возвращается в Адану и приступает к своим обязанностям. В связи с этим официоз министерства иностранных дел Франции газета «Тан» писала, что

якобы «полковник Бремон послан в Киликию со срочной миссией отдать Киликию армянам»[23].

В это же время французский «верховный комиссар в Сирии и Армении» Франсуа Жорж-Пико по поручению своего правительства обращается к находящимся в Халебе, Дамаске и других городах Сирии киликийским армянам с призывом возвратиться в Киликию и сгруппироваться там, чтобы усилить армянский элемент, резко уменьшившийся в годы депортаций и резни[24]. Более 150 тыс. армян, подавляющую часть которых составляли высланные в 1915 г. из Киликии коренные жители[25], откликнулось на этот призыв, подкрепленный заявлением Бремона о том, что «Наше желание—видеть армян хозяевами своей страны. Мы будем вести их, пока они не вырастут и не преуспеют в управлении своими собственными делами. Тогда мы попрощаемся с ними и покинем страну»[26]. Проявив излишнюю доверчивость к этим и другим заявлениям французских представителей, уцелевшие киликийские армяне устремились к родным пепелищам с надеждой на то, что кошмары 1915 г. уже не повторятся.

К концу 1919 г., по данным полковника Бремона, в Адане было 60 тыс. армян, Хаджине—8 тыс., Хасанбейли—1 тыс., Дёртйоле—12 тыс., Османие и его окрестностях—1 тыс., Мисисе—1 200—1 500, в Абдоглу—1 тыс., Наджарлы—1 тыс., Инджирлике—1 200, Тарсусе—3—4 тыс., Мерсине—2—3 тыс.[27] Кроме того, более 50 тыс. армян обосновались в Мараше, Зейтуне, Айнтабе (который также входил в зону оккупированных территорий) и окрестных деревнях[28].

После возвращения армян в Киликии создалась очень напряженная обстановка. Французские административные власти, «пригласив» армян в Киликию, не предприняли серьезных мер для обеспечения их безопасности, хотя им было хорошо известно, что «турки были вооружены, а армяне—нет»[29]. Выше было сказано, что отступающие турецкие армии передали мусульманам Аданы и ее окрестностей 25 тыс. винтовок. Помимо этого, в руках турецкого населения оказалось значительное количество пулеметов[30]. Изданный Бремоном приказ о сдаче оружия не выполнялся мусульманским населением, в частности турками. Более того, мусульманское духовенство призывало турок не сдавать оружия: «исламу не пристало подчиняться»[31]. Лишь небольшое количество, в основном холодного оружия, удалось изъять у турок, которые повсюду имели тайники, где они прятали оружие и боеприпасы[32].

Приказ о сдаче оружия выполнялся в основном христианским населением. Создавалась та же картина, что и во времена султанского деспотизма, когда христиане—«гяуры» не имели права носить оружие, в то время как мусульмане были вооружены до зубов.

В таких условиях полковник Бремон обнародовал 16 апреля 1919 г. распоряжение о возврате имущества вернувшимся из ссылки армянам. Согласно этому приказу, все имущество сосланных в 1915 г. киликийских армян, конфискованное турецкими властями и розданное местному населению, должно было быть возвращено в течение двух месяцев его владельцам. Армянам возвращались также их земельные участки, туркам же, приобретшим эти земли, Земельный банк выплачивал денежную компенсацию[33]. Однако, как замечает американский историк профессор Гельмрайх, «возвратившиеся в свои бывшие жилища армяне натолкнулись на противодействие турецких властей, отрицавших их права на земли, которыми они ранее владели»[34].

Следует сказать, что этот приказ, изданный французскими властями, был сколь справедливым, столь же невыполнимым. Дело в том, что возврат имущества армянам мог быть осуществлен в обстановке осуждения преступлений, совершенных младотурецкой партией в годы первой мировой войны. Но ни султанское, ни кемалистское правительство этого не сделали. Представители султанского правительства, выступив на Парижской мирной конференции с критикой внутренней политики лидеров младотурок, по сути дела не раскрыли и не осудили их шовинистическую погромную политику[35]. Более того, они поощряли деятельность бывших младотурецких преступников, выявив тем самым все фарисейство своих «признаний» в Париже.

Что касается кемалистских руководителей, то они с самого начала своей деятельности заняли шовинистическую позицию в этом вопросе. Выше говорилось о решениях Эрзерумского и Сивасского конгрессов. В речи, произнесенной М. Кемалем перед нотаблями Анкары 31 декабря 1919 г., эти решения получили дальнейшее развитие в смысле оправдания политики предшествующих правительств. «Ни один народ не проявлял больше уважения к верованиям и традициям иноверных элементов, чем наш народ. Можно даже сказать, что наш народ—единственный народ, уважающий религию и национальность тех, кто придерживается верований, отличных от его верований»,—утверждал он.

Далее шло фактическое оправдание зверств и преступлений, совершенных младотурками: «Все, что случилось с немусульманскими элементами, живущими в нашей стране, является результатом проводимой ими политики сепаратизма, политики, инспирированной иностранными интригами и представляющей собой *злоупотребление теми привилегиями, которые мы им предоставили.*

Во всяком случае, нежелательные события, которые имели место в Турции, имеют множество причин, *множество извиняющих обстоятельств*»[36] (курсив мой.—*Р. С.*).

В том же 1919 г. кемалисты открыто высказали свое отношение к потерпевшей политический крах партии «Иттихад ве Тераки», оправдав вступление Турции в мировую войну и повлекшие за этим последствия, пытаясь взвалить вину за случившееся на отдельных лидеров младотурок. «В принципе мы не считаем правильным проявлять по отношению к партии «Единение и прогресс» полную враждебность, которая раздувается немусульманскими элементами и державами Антанты с политической целью»,— писал Кемаль военному министру стамбульского правительства[37]. Такое заявление не было случайным, если учесть, что подавляющую часть делегатов Эрзерумского и Сивасского конгрессов составляли бывшие деятели младотурецкой партии[38].

Как подходили к этому вопросу английские военные и французские административные власти?

Представители этих властей как в самой Киликии, так и в оккупированных «восточных территориях» (Айнтаб, Урфа) неизменно отвергали требования о наказании виновников зверств и избиений под тем предлогом, что это вызовет смуту и нарушит спокойствие и порядок. Более того, они приходили в раздражение всякий раз, когда им представляли списки преступников[39].

Такой подход не мог, конечно, не поощрять преступные элементы, которые после окончания войны некоторое время вели себя сдержанно. «Турки и курды притихли было,—говорилось в корреспонденции из Аманyса,—но когда они увидели, что преступные младотурецкие хозяева свободно разгуливают и даже поощряются, сами набрались смелости. Иттихадистские влиятельные ага, числом 70—80 из Берекета, Акбеза, Ислахие и Бахче провоцировали народ. «Имущество гяуров не возвращайте! Пусть приходят, забирают сами, если осмелятся»,—заявляли они.

В некоторых местностях Киликии в период англо-французского совместного правления, т. е. до ноября 1919 г., были созданы посреднические суды и следственные комиссии, деятельность которых, однако, не контролировалась, что отрицательно сказалось на положении христианского и особенно армянского населения. Прибывшая в мае 1919 г. в Мараш комиссия в составе одного рьяного иттихадистского деятеля в качестве прокурора и одного греческого чиновника как судьи для расследования махинаций и злоупотреблений, допущенных после депортации местных армян, ограничилась ознакомлением лишь с несколькими делами, не найдя ни одного человека, который был бы виновен в преступлениях против 50 тыс. армян г. Мараша и в похищении их имущества[40].

Упомянутая комиссия после долгого разбирательства выпустила на свободу одного курдского бека по имени Тапо, который

с целью грабежа организовал в местечке Айран-Пунар зверское уничтожение сосланных в 1915 г. из Эрзерума 800 армян. Армянский национальный союз в Адане послал ряд телеграмм в министерство иностранных дел в Константинополе, протестуя против решения комиссии, однако безуспешно.

Более того, турецкие судебные власти сами поощряли своих соотечественников советами не возвращать армянам собственность, которая попала в их руки незаконным путем. И те, кто захватил дома, земельные участки и имущество выселенных армян, сами не скрывали этого. Так, они признавали, что член местного суда Осман-эфенди советовал им не покидать домов, а другой член суда Ахмед-эфенди заявлял: «Пусть начнут судебное дело, я предприму все необходимое»[41].

Вопрос о возвращении имущества служил поводом для острых столкновений в Дёртйоле, Хасанбейли, Аруние и других местах Киликии[42]. Поэтому нельзя согласиться с Пьером Реданом, утверждающим, что якобы «примирительные суды разрешили эту проблему и своими решениями удовлетворили все стороны»[43]. Турецкие же авторы, как правило, обходят этот вопрос и лишь некоторые из них, как, например, известный социолог Доган Авджиоглу просто констатируют, что после высылки «около одного миллиона армян из своих мест оставленные ими усадьбы, дома, мастерские и т. д. перешли в руки турецких богачей»[44]. Другой автор, Сабахаттин Селек, по этому вопросу пишет следующее: «Когда армяне из разных концов Анатолии изгонялись в сторону Сирии и Ирака, возникал и другой важный вопрос. Этот вопрос касался имущества сосланных армян. Правительство издало закон, согласно которому должны были быть созданы местные органы с целью организации распродажи оставленного армянами имущества. Вырученные таким образом деньги должны были быть переданы армянам после их возвращения. Однако в силу царившей тогда чрезвычайной обстановки и в результате причин личного порядка имели место большие злоупотребления. Появилось множество богачей, ставших хозяевами распроданного по очень низким ценам имущества армян. Богатство старых богачей умножилось»[45].

Неприемлем и подход Н. З. Эфендиевой к этому вопросу. Она пишет: «Французы сознательно поручали армянам ограбление турецких домов, организацию погромов и т. д. Все это делалось с одной целью: разжечь национальную вражду, чтобы отвлечь внимание турецкого народа от истинных врагов их страны—французских оккупантов и вызвать ненависть турецкого населения к армянам»[46]. Политика французских властей, безусловно, способствовала обострению межнациональных отношений, однако было бы

неправильно умолчать об антиармянской деятельности, развернутой иттихадистами в Киликии, а также о тех насилиях, которые допускали кемалистские чете против мирного армянского населения. Конечно, были случаи, когда армянские легионеры, потерявшие всех своих родных и близких, движимые чувством мести, сами совершали правосудие. Это вызвано было и тем обстоятельством, что со стороны турок ничего не было сделано для их успокоения. Отдельные судебные процессы, организованные над виновниками массовых депортаций и погромов, не дали ощутимых результатов: многих младотурок судили заочно, а приговоренных к смертной казни хоронили с такими почестями, что создавалось впечатление, будто судебные процессы имели своей целью ввести в заблуждение мировое общественное мнение, требовавшее строгого наказания организаторов геноцида армян[47]. Турецкие власти Аданы и других мест Киликии не сделали никаких заявлений, и не предприняли никаких шагов, осуждавших шовинистическую политику младотурок. И это неудивительно, если учесть, что большинство из них были скрытыми ярыми иттихадистами.

Упуская из виду все эти обстоятельства, некоторые французские авторы обвиняют армянских легионеров в том, что они злоупотребляли хорошим отношением командования к ним. «Они (легионеры.—*Р. С.*) продолжали не понимать того,—пишет генерал Дюэ,—что мы защищали турок—наших вчерашних врагов от армян—наших всегдашних друзей»[48].

Рассмотрим подрывную деятельность младотурок в Киликии в связи с возникновением кемалистского движения.

Как было отмечено, после занятия Киликии английскими войсками, а затем утверждения там французской администрации султанские чиновники продолжали оставаться на своих должностях. Полковник Бремон отмечает, что в отличие от Сирии, где бывшие султанские должностные лица были смещены, в Киликии местная власть полностью осталась в руках бывших турецких правителей[49]. многие из которых были рьяными младотурецкими деятелями. Временный вали (губернатор) Аданы Назым-бей и его чиновники организовали в городах и селах, входящих в этот вилайет, группы, примыкающие к комитету «Единение и прогресс», а известный младотурецкий деятель Нехат-паша поощрял создание «исламских союзов», направленных против христианского населения[50]. Это делалось под видом защиты мусульман. Но способы этой «защиты», как отмечал Готро, «резюмировались в двух словах—провокация и клевета. Во всех злодеяниях заведомо обвинялись «армянские банды», в то время, как легион занял такую корректную позицию, что даже губернатор Аданы признал это. Невооруженным армянам,—продолжал автор,—приписывали

вину подготовки актов насилия против турок, в то время как происходило обратное. Проще было ответственность вероломно свалить на жертвы. В таком случае,—продолжает автор,—как избежать кровавых столкновений между вернувшимися несчастными сосланными и демобилизованными, дезертирами и всякого рода бродягами, которые, придя в местности, опустошенные войной, депортацией и погромами, становились владельцами домов и имущества армян»[51].

Следует сказать, что английские военные власти в первой половине 1919 г. сделали некоторые попытки, направленные на пресечение деятельности младотурецкой партии в Киликии, но безуспешно. Так, в начале июня 1919 г. английский генерал Эндрю, прибыв в Мараш, пригласил к себе всех влиятельных иттихадистов города и потребовал от них распустить свои тайные организации. Последние дали обещания, но после его отъезда продолжали свою деятельность[52].

Обстановка в Киликии еще более обострилась осенью 1919 г., когда после соглашения, подписанного 15 сентября между французским и английским правительствами[53], английские войска в Киликии и «восточных территориях»—Айнтабе, Урфе и Биреджике были заменены французскими. От имени представительного комитета обществ защиты прав М. Кемаль 12 ноября 1919 г. телеграммой выразил протест против французской оккупации[54]. В это же время кемалисты начали энергичные действия в Киликии[55].

Почему кемалистское руководство, игнорируя англо-греческую опасность, обратило внимание прежде всего на Киликию, решив начать национальную войну именно с южного фронта?

Следует сказать, что в исторической литературе этот вопрос не нашел достаточного освещения. Непосредственный участник событий полковник Бремон в своих воспоминаниях писал, что побудительные причины этого шага кемалистов до сих пор остаются неясными. И все же он указывал на две вероятные причины.

1. Тот факт, что многие турецкие офицеры получили образование в Германии и еще недавно в союзе с немцами воевали против французов, вызвал особую ненависть к последним. Правда, в прошлом имело место франко-турецкое сближение, но ясно было и то, что на протяжении 30 лет Турция «германизировалась», и последствия этого можно было ликвидировать лишь путем длительных и интенсивных усилий.

2. Французский оккупационный корпус в Киликии, находящийся в то время в заброшенном состоянии, был гораздо более притягательной мишенью, нежели греческая армия в Измире, многочисленная и хорошо снабженная боеприпасами[56].

Другой французский военный деятель, бывший командующий вооруженными силами на Ближнем Востоке, генерал Гуро также отмечал, что хотя целью националистов было вернуть себе Измир, а затем уж Киликию, Мустафа Кемаль не имея для этого достаточно сил (всего лишь две дивизии), не мог выступить против греческих войск, насчитывающих на Измирском фронте 120 тыс. человек и «повернул против французов»[57].

Ранее упомянутый Пьер Редан также видит единственную причину начала военных действий именно в слабой защищенности Аданского фронта, с той лишь разницей, что, по мнению автора, М. Кемаль в данном случае исходил из личного тщеславия: «М. Кемаль, решив, что Киликия несравненно слабее танками и самолетами, нежели греческая зона, стремился достичь успеха против французов, что было ему необходимо для укрепления своего авторитета»[58].

В противовес этому турецкая пресса не только не одобряла, но и осуждала этот шаг Кемаля, считая его «дипломатическим поражением». «Мы должны признать,—писал в газете «Пейями-Сабах» бывший министр внутренних дел Али Кемаль-бей,—что было крупной ошибкой для руководителей национальной армии идти на Киликию, в то время, когда оставались нерешенными вопрос Измира и другие проблемы»[59].

Своеобразно, но односторонне и объяснение военного историка Ремюза́. Он пишет: «Против кого Мустафа Кемаль направит первые удары? Против Русской Армении? Против греков в Смирне? Против французов в Киликии? Дебаты в Бурбонском дворце раскрывают ему нашу нерешительность; по сравнению с греческой армией, насчитывающей 100 тыс. человек, наши войска малочисленны... Нашим постам недостает продовольствия, боеприпасов, снаряжения, а Фейсал интригует в Дамаске. Мустафа Кемаль принимает решение. Он займется греками позже, в настоящий же момент он будет сочетать свои действия против нас с выступлениями сторонников Фейсала»[60].

Из советских авторов этот вопрос затронул ленинградский турколог А. Д. Желтяков, по мнению которого решение Кемаля нанести первый удар иностранным интервентам в Киликии было обусловлено географическим положением Мараша, а также тем, что в городе имелись большие запасы пшеницы[61].

Из приведенных выше мнений и высказываний единственным убедительным доводом можно считать превосходство греческих войск по сравнению с французскими в численном и материальном отношениях. Указанная Бремоном «особая ненависть» к французам в действительности не существовала, а немцам и вовсе не удалось заставить турок отказаться от своих традиционных фран-

кофильских настроений. Близким к истине является то, что турки питали вражду к французам постольку, поскольку французские представители выступали с «заверениями» о защите мирного армянского населения и даже провокационными заявлениями, будто они пришли в Киликию «лишь с намерением привести в порядок эту страну и отдать ее армянам»[62].

Всестороннее изучение фактического материала приводит к выводу, что войну за независимость кемалисты начали именно с Киликии в силу следующих основных причин.

1. Выступление против хорошо вооруженной англичанами греческой армии в этот период могло иметь катастрофические последствия для кемалистов; реальных гарантий успеха не было, но в случае вполне вероятного поражения кемалистское движение могло быть дискредитировано и даже распасться.

2. Заменившие англичан французские военные силы в Киликии были несравненно слабее.

3. Кемалистскому руководству были хорошо известны особая заинтересованность французских финансовых кругов в турецких делах, их туркофильские настроения. В случае успеха, который кемалисты считали вполне вероятным, можно было бы достичь соглашения с Францией и, отделив ее от союзных держав, еще более углубить англо-французские противоречия[63].

4. Для реализации националистической программы, принятой на конгрессах в Эрзеруме и Сивасе, необходимо было какой-нибудь военной победой воодушевить народ, а это в тот период можно было сделать на южном фронте.

Помимо этого, как было показано выше, одной из самых основных задач, выдвинутых Эрзерумским и Сивасским конгрессами, было требование вести борьбу против создания путем самоопределения независимой Армении и консолидации таким образом армянского народа в едином государстве. Выступая на словах в пользу добровольного и свободного самоопределения *всех наций,* кемалисты на деле требовали права на самоопределение и на независимое существование исключительно для турок или туркоязычных народов. В то же время они решительно выступали против свободного волеизъявления угнетенных народов Османской империи—арабов[64], армян, курдов и др. Особо непримиримую позицию заняли кемалисты в вопросе самоопределения армянского народа.

Об этом свидетельствуют как многочисленные факты прошлого, так и недавно опубликованные материалы. Так, даже лорд Кинросс, автор в туркофильском духе написанной монографии об Ататюрке, отмечает, что последний нападал на великого визиря Дамад Ферид-пашу особенно из-за того, что тот согласился с принципом армянской автономии[65].

В вопросе освобождения от векового турецкого господства потенциальную опасность для турок представляла Киликия, где армяне, как было показано, составляли относительное большинство населения. Осенью 1919 г., т. е. в то время, когда кемалистское руководство вынесло решение первый удар направить против французов в Киликии, возвращение армян в свои родные места все еще продолжалось, и Кемаль, разумеется, опасался, что армяне, еще более увеличившись численно, будут бороться энергичнее за армянскую автономию в Киликии.

Последнее обстоятельство значительно ускорило реализацию решений националистов, которые зная хорошо, что турки в Киликии составляли меньшинство, а все магометане, вместе взятые, —относительное большинство, положили в основу своей политики религиозный принцип, разжигая вражду между мусульманским и армянским населением, выступая с откровенными призывами преследовать армян[66]. В октябре—ноябре 1919 г. М. Кемаль обратился с воззваниями объединиться под знаменем ислама. Так, в воззвании от 9 октября 1919 г., обращенном к сирийцам, турецкий лидер призывал единоверцев «оставить в стороне распри и со всей силой выступить против тех предательских групп, которые хотят разделить нашу страну»[67]. «Вы пожалеете, если не внемлете мне»[68],—предупреждал он.

Распространяемые кемалистскими деятелями в Киликии многочисленные прокламации и циркуляры преследовали ту же цель—разжечь фанатизм у местных мусульман, направив его, в в первую очередь, против армянского населения. Приведем одно из таких воззваний.

«О, народ ислама!...

Турецкая интеллигенция была вынуждена вызвать к жизни огромное и замечательное национальное движение, основав партию по защите Анатолии и Румелии. Готовясь нанести первый удар по грекам Измира, она также собирается дать отпор армянским погромщикам Анти-Тавра.

О, месяцами лишенные покоя и счастья наши кровные братья, граждане, будьте уверены, что очень скоро эти черные испытания пройдут, и луна снова засветит на славном горизонте Тавра.

О, мир ислама! О, мусульманские турки! Проснитесь, пока вам слышен голос эзана, пока наша родина не наполнилась звуками церковных колоколов!»[69].

В такой напряженной обстановке французские войска в Киликии заменили англичан. 29 октября 1919 г. первый французский контингент заменил в Мараше уходящие английские войска. В его составе были одна рота 412-го пехотного полка под командованием капитана Фуке, первый батальон армянского легиона и кавалерийский взвод сенегальцев[70]. Через месяц, 29 ноября, назна-

ченный французским администратором Марашского санджака капитан Андрэ, в сопровождении жандармского отряда (125 турок и черкесов, 25 армян, халдеев, ассирийцев) прибывает в Мараш[71]. Город в это время насчитывал 60 тыс. населения, из коих 40 тыс. мусульман, в основном турки, 20 тысяч армян[72]. Обстановка в Мараше была уже достаточно накалена. «Начиная с 19 ноября,—писал полковник Бремон,—когда Кемаль от имени обществ защиты прав Аданы, Мерсина, Джебель-Берекета и Сиса выразил протест против французской оккупации Айнтаба и Мараша, стало очевидным, что мы находимся непосредственно в конфликте с Мустафой Кемалем»[73]. Для организации восстания против французов была направлена в Мараш группа офицеров во главе с Кылыджем Али, «товарищем и другом Мустафа Кемаль-паши»[74]. В самом городе уже несколько месяцев, как развернули энергичную пантуранистскую деятельность бывшие младотурецкие деятели во главе с лидером марашских иттихадистов доктором Мустафой. Этот последний и не скрывал, что их подпольные приготовления к восстанию равным образом направлены против армянского населения города. Доктор Мустафа выразил протест против замены английских войск французскими только по той причине, что в числе последних были и армяне[75]. В состав местного комитета иттихадистов входили знатные лица Мараша Хасан Кадызадэ Хаджи, Коджабаш-оглу Омар, Хюдаи Тахсин, брат доктора Мустафы аптекарь Лютфи и др.

В начале декабря 1919 г. доктор Мустафа отправился в Эльбистан для встреч с находящимися там кемалистскими деятелями. Одновременно он связался по проводу с находящимся в Сивасе М. Кемалем, воспользовавшись тем, что телеграфная линия здесь была вне контроля французской цензуры. Получив соответствующие указания М. Кемаля относительно передачи вооружения и боеприпасов силам националистов этого района, он возвратился в Мараш[76]. К этому времени в городе было создано «Общество защиты прав Мараша», разработавшее программу борьбы против французов. Город был разбит на десять районов; в каждом из них создавались отделения упомянутого Общества, которое возглавлял черкес Аслан-бей. Эти общества стали распространять антифранцузские и антиармянские прокламации, выпускать рукописную газету. В каждом районе создавались вооруженные отряды-чете. К подготовительным работам была привлечена и местная жандармерия[77]. Все эти мероприятия по подготовке к восстанию, как в самом городе, так и в окрестных деревнях, вдохновлялись кемалистами извне, через газету «Adanaya doğru», являвшуюся их рупором[78]. Атмосфера накалялась. Обеспокоенные тем, что мусульманское население вооружается, марашские армяне стали обращаться к французской админист-

рации, привлекая их внимание к надвигавшейся опасности и прося усилить местный гарнизон. Однако каждый раз французские власти успокаивали их словами: «Франция, которая поставила на колени Германию, велика и могущественна...»[79].

Следует сказать, что в эти критические для армян дни французские военные руководители проявляли удивительную беспечность, самоуверенность и незнание сложившейся обстановки. Те французские авторы, которые не задавались целью полностью оградить и оправдать политику своего правительства и военных властей в Киликии, признают факт недооценки ситуации. Одновременно они отмечают, что армяне своевременно предупреждали о нависшей катастрофе, о том, что мутесарриф раздает оружие, что винтовки и пулеметы прибывают на дне повозок, на верблюдах и т. д.[80] Полковник Р. Норман в своих воспоминаниях с опозданием констатирует, что в условиях интенсивной пропаганды националистов слабость французских войск становилась большой опасностью[81].

«Средь бела дня,—пишет непосредственный очевидец происходившего, предводитель францисканских отцов в Мараше бельгиец Матерн Мюре,—кемалистские руководители, вкупе с местными властями, раздавали оружие и боеприпасы населению (мусульманскому.—*Р. С.*) города и его окрестностей, посылали пулеметы, готовили огневые точки в нишах стен и, наконец, строили баррикады...»[82]. Армяне продолжали получать тревожные сигналы о предстоящем нападении турецких чете. 6 декабря Национальный союз армян Мараша через французского тайного агента, турка по происхождению, получил сигнал о том, что турки собираются напасть на Мараш. Знатные армяне города созвали собрание, на котором часть присутствующих подвергла сомнению полученные сведения. Однако председатель Национального союза армян Мараша Арам Багдикян принял решение, пренебрегая опасностью, направиться в Адану и просить помощи у полковника Бремона. Последний обещает послать в Мараш дополнительные военные силы. Багдикян возвратился в Мараш 22 декабря, «когда турки города уже открыто угрожали французам и армянам»[83]. К тому времени, 21 декабря, «Общество защиты прав Мараша» обратилось с письмом к командующему французскими силами Мараша генералу Керету с требованием немедленно вывести из города все французские войска[84]. 27 декабря в Мараше вспыхивает первое антифранцузское восстание. Сигналом к выступлению турецкого населения города послужило появление в Мараше организованной националистами в Эльбистане группы четников. Этот отряд, состоящий из ста всадников, ворвался в город и устремившись к цитадели водрузил там турецкий флаг и одно

из своих религиозных знамен—текке. Отряд исчез прежде, чем французы смогли сориентироваться и что-либо предпринять[86].

Турецкое население города — беднота, ремесленники, в основном низшие слои направили свой гнев в первую очередь против сотрудничавших с французами высшего мусульманского духовенства и богачей. Разъяренная толпа избила восьмидесятилетнего имама Дайи-задэ, который во время молитвы в Большой мечети Мараша призывал мусульман подчиниться французским оккупационным войскам[86]. Затем толпа направилась к дому самого влиятельного лица в городе, крупного феодала-богача Баязит-задэ, угрожая расправиться с ним в случае дальнейшего сотрудничества с французами[87].

Дело в том, что французские оккупационные власти установили тесные связи и пытались опереться на высшее мусульманское духовенство, представителей знати и отдельных курдских шейхов Мараша, накопивших свое богатство грабежом и присвоением имущества армян во время их депортаций в 1915 г. Эти люди, опасаясь, что могут потерять свое состояние в связи с возвращением уцелевших армян, с одной стороны разжигали межнациональную вражду, натравливая турок на армян, с другой—сотрудничали с французскими административными и военными властями для получения их поддержки.

Оценивая выступление 27 декабря 1919 г., надо отметить, что оно прежде всего было направлено *против сотрудничавшей с французами мусульманской верхушки,* а не против всех эксплуататоров вообще. Некоторые исследователи без достаточных оснований придают этому движению слишком сильный социальный оттенок, исходя из того факта, что его участниками были в основном представители низших слоев населения города. Они например, в качестве доказательства приводят тот факт, что автор книги «Мараш в войне за независимость» А. Багдадлыоглу даже не упоминает о восстании 27 декабря, в то время как все французские авторы, в том числе участники интервенции, пишут об этом[88]. Французские авторы, действительно, отмечают, что выступление 27 декабря было «движением низшего плебса, которое затопило нотаблей и служителей религии»[89]. Но они и не скрывают, что городской «плебс» выступил против богатой верхушки именно по той причине, что она сотрудничала с французами. В то же время эти авторы подчеркивают, что «давление было извне», что оно возникло благодаря усилиям кемалистов. «Только простой народ оказал реальную поддержку,—пишет Бремон. Вместе с тем средние слои придерживались нерешительной позиции, а высокие руководители перешли на нашу сторону. Турецкие же чиновники ждали инструкции из Константинополя, чтобы сориентироваться,

и лишь некоторые из них питали открытую симпатию к кемалистам»[90].

Несмотря на то, что движение 27 декабря имело *не непосредственную,* а косвенную антифранцузскую направленность, т. е. его острие было направлено против *временно* сотрудничавших с французскими властями мусульманской верхушки и положившихся на покровительство этих властей армян, французская администрация Мараша подошла к случившемуся несерьезно и оказалась неспособной правильно и быстро сориентироваться. Капитан Андрэ, сразу же после этих событий связавшись по телефону с командующим французскими силами в Айнтабе полковником Фли-Сент-Мари, стал уверять его, что ничего опасного не произошло: «Это была только тревога. Нотабли склоняются в нашу сторону, а мутесарриф колеблется. Дайте мне триста человек, и я наведу порядок»[91]. Полковник, проявив беспечность, приглашает капитана Андрэ в Айнтаб для рассмотрения вопроса на месте, вместо того, чтобы оказать оперативную военную помощь.

30 декабря капитан Андрэ прибыл в Мараш и встретился с полковником Фли-Сент-Мари, который, однако, заявив, что не в состоянии решить вопрос оказания военной помощи, направил его в Адану к высшему командованию[92]. Французский историк дю Веу осуждает позицию, занятую полковником Сент-Мари: «Терялись ценные дни,—пишет он,—Мустафа Кемаль перенес свой главный штаб в Ангору. Он объявил «открытую охоту на армян», наводнил район своими всадниками, угрожал сиротскому дому в Аруние..., тремя сотнями чете отрезал в Пазарджике новую дорогу, ведущую в Айнтаб. И Сент-Мари не понял, ибо в разгар этого движения следовало прежде всего сохранить любой ценой порядок в Мараше, губернатор которого не должен был ни на мгновение покидать его»[93].

С первых же дней нового года положение в Мараше еще более осложнилось. Капитан Андрэ так и не вернулся в город. На его место был назначен майор Морбио, а командующим французскими силами Мараша — майор Роз дез Ордон, контингент которого, состоящий из одного батальона, одной батареи, пол-эскадрона стрелков, в общей сложности 2 тыс. человек, был направлен верховным командованием для усиления находящихся в городе французских сил[94]. К середине января 1920 г. французский гарнизон Мараша насчитывал 3 тыс. бойцов[95]. Генерал Керет, в это время находившийся в Мараше, по распоряжению высшего командования взял на себя общее руководство войсками. Однако связь с высшим командованием была очень слабой, почти прервана. Телеграф не действовал, все аппараты находились в Бейруте, целая эскадрилья дивизии Керета осталась там же. «Не было даже почтовых голубей»,—признавал дю Веу. Мараш вторично был от-

резан от Аданы. Половина французской дивизии была парализована, слепа и нема»[96]. До 21 января 1920 г., кроме упомянутых выше французских сил, в Мараше находилось около 500 армянских добровольцев, присутствие которых в городе было особенно не по душе турецким шовинистам, подготовлявшим план резни армян. Они распространяли ложные слухи о том, что якобы армянские добровольцы и легионеры создают напряженность в городе, что это они угрожают мусульманскому населению. Эта клевета распространялась с целью добиться вывода французским командованием армянских добровольцев из Мараша, оставив тем самым без защиты мирное население.

Следует отметить, что все беспристрастные авторы считают эти обвинения необоснованными. «Если легионеры в момент вступления в Киликию допустили репрессивные акты в Адане, Позанты и вдоль железной дороги, то они вели себя превосходно в Мараше и Айнтабе»[97],—отмечал Пьер Редан.

Еще одно свидетельство. «Среди легенд, распространяемых относительно событий на Ближнем Востоке,—писал Бремон,—была легенда о том, что причиной кемалистского восстания (в Мараше.—*Р. С.*) было использование армянских легионеров. Надо сказать правду. Армянский легион, сильно уменьшенный, насчитывал тогда всего два небольших батальона, всего 400—500 человек. И в колоннах он составлял незначительную единицу. И ни́ в Айнтабе, ни́ в Мараше легион не дал повода к недовольству. Французское командование даже объявило ему благодарность за хорошее поведение»[98]. То же самое подтверждают Матерн Мюре[99] и другие.

Турецким шовинистам удалось, однако, достичь своей цели—удалить армянских легионеров из Мараша в критический для армян момент. 18 января 1920 г. посетившие Морбио турецкие нотабли города предъявили ему ультиматум с требованием прекратить вмешательство во все публичные дела и удалить из Мараша армянских добровольцев[100]. Последний проявил нерешительность, придав еще большую смелость туркам. Морбио, сам навестив Джевдет-бея, у которого собрались 15 именитых граждан города, стал разъяснять им «создавшуюся в городе тревожную обстановку», тщетно пытаясь найти точки сближения. Джевдет-бей решительно заявил: «Невозможно, чтобы оккупация продолжалась»[101]. Пытаясь дать частичное удовлетворение ультиматуму турок, французский глава административной власти согласился на вывод из города армянских легионеров, отправив их в Ислахие «за боеприпасами и продовольствием».

Итак, 21 января в 5.30 час. утра из Мараша был выведен армянский легион во главе с капитаном Фонтеном. В это же

время город покинуло соединение Дельмаса из 412-го пехотного полка, в составе которого были одна рота и взвод пулеметчиков[102].

Изгнав из Мараша армянских добровольцев, турки одновременно стали предлагать «дружбу и сотрудничество» армянскому населению города, заявляя при этом, что их вражда направлена исключительно против французов. Армянам даже предлагались определенные суммы, «как компенсация за поддержку турок»[103].

Могли ли армяне довериться этим турецким «заверениям» и обещаниям, в то время как проливалась кровь их соотечественников за пределами Мараша, а сами они ежечасно сталкивались с угрозами о расправе? Конечно, нет! Но среди армянских нотаблей Мараша и членов Национального союза нашлись лица, которые попытались дезориентировать армянское население города и лишить его бдительности, проповедуя «великодушие» и «благоразумие» в тот момент, когда важно было подготовиться к вооруженной самообороне. С этой точки зрения, характерно обращение национального союза Мараша, в котором говорилось следующее:

«Соотечественники!

Будем говорить открыто. Бесполезные и неуместные выступления против турок могут даже провалить наше дело...

Признаем, что турки нанесли нам столько зла, что забыть это невозможно, но как истинные христиане, как разумные и сознательные люди мы должны простить их и мало-помалу, шаг за шагом стремиться к одной единственной цели—восстановлению наших прежних отношений с турками, ибо, какой бы оборот не приняли события в мире, мы вынуждены жить совместно с турками, *а турки вынуждены жить совместно с нами* (?!—*Р. С.*). Это является роковым. Верно то, что и мы имеем право потребовать, чтобы и турки осознали эту истину и рассуждали, как мы, чего, к сожалению, в настоящее время пока не видно, *однако мы уверены, что настанет пора, когда и они, проникнувшись этой истиной, изменят свою непримиримую политику и враждебное отношение к нам и придут к настоящим гражданским взаимоотношениям.*

Мы, как истинные христиане, как люди, которые правильнее и быстрее постигают требования прогресса и цивилизации, обязаны, не дожидаясь неопределенных изменений в далеком будущем, теперь же попытаться осуществить то, что должно сделать будущее.

Следовательно, мы настоятельно требуем и просим: 1) попытаться восстановить прежние торговые и деловые отношения с турками, в рамках справедливости обеспечив их интересы; 2) в связи с прибытием французских сил остерегаться острых, неуместных выступлений; 3) запретить употребление водки, вина и т. д.»[104] (курсив мой.—*Р. С.*).

Это воззвание к армянскому населению Мараша, как видим, было далеко от оценки истинного положения вещей, оно вовсе не отражало требования времени, ибо добрые намерения и вообще всё, что в нем предлагалось, было невозможно и неосуществимо в условиях создавшейся обстановки.

Таково было положение в Мараше, когда 21 января 1920 г. вспыхнуло давно подготавливаемое антифранцузское восстание, которое длилось до 11 февраля, дня бесславного отступления французских войск из Мараша.

О событиях в Мараше написано много в турецкой, французской, американской и армянской прессе того времени. Свои воспоминания предали гласности и непосредственные очевидцы и участники событий, которые освещаются и анализируются также в исторических трудах. Но не все работы, разумеется, дают правильное представление о происшедшем. Мемуары и свидетельства ряда очевидцев страдают тенденциозным подходом, преувеличенными оценками, необъективным изложением событий, нарочитым замалчиванием важных фактов и т. д. Эти недостатки присущи, в частности, автору книги «Мараш в войне за независимость» Адилю Багдадлыоглу, в которой полностью отсутствует научная объективность, подавляющая часть приведенных фактов не способствует воссозданию истинной картины происшедшего. Что же касается тех варварских актов, которые турки применяли против мирного армянского населения Мараша в течение 20-ти дней, то автор об этом вообще не говорит.

Изучение и сопоставление разносторонних материалов: архивных документов, опубликованных воспоминаний непосредственных участников событий, исследований и т. д. привело к заключению, что наиболее достоверными и внушающими доверие источниками могут служить воспоминания главного врача американской больницы в Мараше Мейбл Эвлин Эллиот, доктора Стенли Э. Керра, аббата Мюре, командира 412-го пехотного полка подполковника К. Тибо, а также книга О. Тер-Вартаняна. Поэтому изложение событий в целом дается на основе фактов и свидетельств названных авторов.

Восстание, как было уже сказано, началось 21 января 1920 г. В этот день к полудню находившийся в Мараше генерал Керет вызвал к себе турецких нотаблей города, в числе которых были мутесарриф (начальник округа), председатель муниципалитета, председатель торговой палаты, начальник жандармерии, комиссар полиции и несколько представителей мусульманского духовенства, и потребовал от них прекратить подготовку мятежа. Турецкие чиновники возразили, что французы не выполняют условий Мудросского перемирия; турецкое население испытывает

чувство беспокойства от того факта, что правительственное здание—конак занято французами, которые контролируют административную власть. Генерал Керет, отмечает Тибо, зная об их двурушничестве и лицемерии, о том, что это они подстрекали к мятежу, снабжая мусульман оружием и продовольствием, задерживает шесть человек из присутствующих в качестве заложников, в том числе начальника жандармерии с тем, чтобы «обсудить с ними условия умиротворения»[105]. Остальные были выпущены на свободу. Не успели последние переступить порог, как выстрелы в сторону конака послужили сигналом к началу восстания, которое «было предусмотрено и готовилось в течение долгого времени»[106].

Вооруженные отряды, ожидавшие этого сигнала, мгновенно заполнили улицы и стали обстреливать патрульные службы французов, открыв огонь и по армянским кварталам[107]. Армяне из кварталов со смешанным населением перебираются в чисто армянские кварталы, укрывшись в церквах, приютах, школах, в зданиях иностранных учреждений, в американской больнице, которые тут же окружаются турками[108]. «План окружения точек концентрации французских войск и христианских кварталов был так хорошо разработан турками,—пишет Мюре,—что любая связь стала невозможной не только между дальними, но и между соседними точками»[109]. Погромщики врывались в дома армян, убивали поголовно всех, а дома сжигали, «чтобы уничтожить трупы»[110].

«Слухи о резне армянских семей, к сожалению, были обоснованы,—замечает Тибо. Разведывательными данными, которые были подтверждены затем, установлено, что только во второй половине 21 января было вырезано две тысячи армян»[111].

Предположив, что сопротивление как французов, так и армян не будет иметь никакого успеха, турки на следующий день предъявили французскому командованию ультиматум, требуя сдачи всех боеприпасов, оружия и средств передвижения. Одновременно они потребовали, чтобы французские солдаты сдались, а офицеры покинули город[112]. Ультиматум был отклонен и бои продолжались до 10 февраля, двадцать один день беспрерывно. «Это были дни ада, истребления, погромов,—пишет очевидец. Дни, которые могли свести с ума человека, если бы эти картины прошли перед его глазами»[113].

Зверства и жестокости приняли новый размах с 23 января, когда вооруженные чете окрестных сел Мараша и кемалистские регулярные отряды под командованием Кылыджа Али хлынули в город. На следующий день они подожгли армянские кварталы, заставив жителей выйти из своих домов и убежищ. С этого времени пожары продолжались беспрерывно днем и ночью. «Большая часть сгоревших домов, это были дома христиан»,—свидетельст-

вует Мюре[114]. «Страшная картина: несчастные люди оказавшись в кольце огня, как сумасшедшие, метались по крышам, пока дома не рушились, и они не исчезали в пропасти пламени и дыма»[115]. «Однако из всех этих зрелищ самым чудовищным,—продолжает очевидец,—был поджог церкви Сурб Аствацацин. Эта церковь находилась на холме, неподалеку от нашего монастыря. Там нашли укрытие 50 французских и армянских бойцов и 2 тыс. беженцев. Полное уничтожение церкви и нашедших там прибежище людей потребовало у турецких повстанцев восемь дней изнурительной работы, и я из окна монастыря в бинокль наблюдал происходившую перед моими глазами трагедию»[116].

В конце концов исступленная толпа фанатиков обливает керосином купол церкви и поджигает ее. Керосин до такой степени пропитал землю навеса, что, воспламенившись, поджег балки, «и с этой минуты вся надежда на спасение исчезла... Тех христиан, которые выбегали из церкви, турки истребляли, оставшиеся же внутри—погибали в пламени огня... Почти никто из них не уцелел. Описать то, что выпало на долю христианского населения, мучительная задача. Это история долгого мученичества»,—заключает очевидец[117].

О нечеловеческих, варварских актах, совершенных над армянским населением Мараша, рассказывает другая очевидица—Мейбл Эллиот[118]. Последняя замечает, что турки особую жестокость проявляли к представителям мужского пола, нещадно истребляя исключительно всех—как зрелых мужчин, так и стариков и мальчиков.

«Иногда я обвиняла армянских мужчин в том, что они в отдельных случаях бросали женщин и детей, пытаясь спасти свою жизнь,—пишет она. Теперь я вижу, что ошиблась: просто-напросто инстинкт сохранения рода заставлял их поступать таким образом потому, что турки стремились в первую очередь уничтожить мужчин и младенцев мужского пола, а женщинам иногда давали возможность спастись, зная, что их дети все равно станут турками. Поэтому первым долгом армянской женщины было спасение мужчин и мальчиков...»[119].

Та же участь постигла и беззащитных женщин и детей, укрывшихся в церкви Сурб Геворк. «Из наших позиций в помещении миссии,—пишет доктор Керр,—мы стали очевидцами этого большого пожара, но нам было неизвестно, что Сурб Геворк стал погребальным костром для нескольких тысяч армян»[120]. Он же рассказывает, как турецкие снайперы вели огонь из минаретов по огромной толпе беженцев, скопившихся у американского колледжа после того, как французы в оборонительных целях разрушили дома одного из армянских кварталов[121].

Следует отметить, что армянское население Мараша, уверовав в силу французского оружия, не предусмотрело средства для самообороны. И все же, встав лицом к лицу с опасностью полного истребления, оно смогло в некоторых случаях сгруппироваться и вместе с армянскими добровольцами дать достойный отпор погромщикам[122]. «Проблема обороны для армян осложнялась тем фактом,—пишет доктор Керр,—что христиане не были собраны в отдельном квартале, а турки к тому же имели доступ к оружию, поступившему под руководством Мустафы Кемаля в период перемирия и сданному на хранение местной жандармерии»[123].

Становясь очевидцами сожжения армянских кварталов одного за другим в то время, как «французские командиры отказывались использовать свои войска для спасения христианского населения»[124], несколько членов персонала американской больницы в Мараше делают попытку выступить с посредничеством между турками и французами. 5 февраля, заручившись согласием генерала Керета, представители американского госпиталя доктор Лиман, доктор Вильсон, доктор Кратерн и доктор Керр встретились с именитыми турками и религиозными вождями Мараша. В результате было подготовлено два письма, одно из которых передали мутесаррифу. Последний ответил письменно вежливым отказом, указав, что «конфликт—это не дело местных властей, а спорный вопрос национального масштаба. Следовательно, любое предложение о мире должно идти от национальных лидеров»[125].

Истребление мирных жителей продолжалось, когда 6 февраля кратковременное воодушевление охватило марашских армян. В это утро над городом пролетел французский самолет, сбросив пакет, который, однако, упал на участок, контролируемый турками[126]. А на следующий день, 7 февраля, к 12 часам появилась большая колонна под командованием полковника Нормана в составе трех пехотных батальонов алжирцев, четырех кавалерийских эскадронов и двух батарей. Колонна шла из Ислахие на помощь французскому гарнизону в Мараше[127]. В последующие дни боев явное преимущество было уже на стороне французов. 8 февраля турки были выбиты из своих позиций в северной части города, и в тот же день произошло соединение частей Нормана с силами генерала Керета. Турецкие четс и регулярные кемалистские отряды, не выдержав орудийного огня, разбежались. А. Багдадлыоглу признает, что Кылыч Али остался без войск[128]. Американский очевидец доктор Керр также отмечает, что турецкое сопротивление было сломлено, и силы националистов начали оставлять город[129]. Убедившись, что им не удастся одолеть французские силы, главари восстания и городские нотабли 9 февраля через главного врача американской больницы Вильсона обратились к французскому командованию с просьбой принять их представителя

доктора Мустафу. Передав генералу Керету это предложение, доктор Вильсон добавил: «Турки капитулируют»[130].

«Всякий, кто сохранил еще ясность ума,—пишет по этому поводу дю Веу,—безотлагательно принял бы доктора Мустафу. Но Керет отложил это на следующий день, с тем, чтобы предварительно переговорить с полковником Норманом»[131].

Поздно вечером того же дня Керет сам направляется за черту города в ставку полковника Нормана, будучи извещен последним, что его колонна не привезла ни продовольствия, ни боеприпасов, а лишь указание гарнизону покинуть Мараш, если положение не изменится в течение 24 часов[132]. В этом последнем случае предусматривалось оставить в городе соответствующую войсковую часть, состав которой должен был определить сам генерал Керет[133]. К 23-м часам Керет возвратился на свой пост командования и отдал приказ о подготовке эвакуации войск из Мараша. А на следующий день, 10 февраля, он принял доктора Мустафу, который с белым флагом в руках явился в его ставку в помещении американского колледжа. В присутствии подполковника Тибо Керет продиктовал условия капитуляции: прекращение огня, сдача оружия, а также выдача двухсот турок, отличившихся в боях в Мараше[134]. Кроме того, он заявил Мустафе, что эти условия будут подтверждены в ноте, которую на следующий день передаст ему доктор Вильсон[135]. Турецкий лидер принял продиктованные Керетом условия и обещал явиться на следующий день для получения письменных пунктов капитуляции. Однако по дороге доктор Мустафа был убит[136].

Итак, как было сказано, независимо от готовности турок капитулировать, генерал Керет отдал приказ об эвакуации французских войск из Мараша. Этот шаг французского генерала в свое время был оценен «непонятной, ничем не объяснимой загадкой», став предметом острых споров и обсуждений в официальных кругах и широкой общественности. К этому вопросу возвращаются в своих мемуарах непосредственные участники событий, очевидцы, а также ряд исследователей как зарубежных, так и советских. Однако по сегодняшний день нет убедительного ответа на вопрос о том, каковы были причины бесславного ухода французских войск из Мараша.

Сам Керет не писал мемуаров и публично не высказывался относительно того, что заставило его отдать приказ об отступлении. Однако он сделал следующее признание аббату Мюре. 11 февраля 1920 г., когда покинувшие Мараш французские части прибыли в Эльоглу, аббат Мюре спросил у Керета о причинах принятия им рокового решения. Генерал ответил, что он «вынужден был повиноваться»[137]. На следующий день, 12 февраля, гене-

рал Керет повторил аббату Мюре свой ответ, сказав, что «вынужден был подчиниться данному ему приказу»[138].

В отличие от Керета другой непосредственный участник «марашской драмы» полковник Норман назвал имена лиц, давших распоряжения об эвакуации Мараша. В своем личном отчете об этой операции он писал, что 8 февраля 1920 г. оптической сигнализацией было сообщено генералу Керету о распоряжении *генерала Дюфио* и что он посоветовал Керету немедленно эвакуировать свой гарнизон, если тут же не наступит умиротворение, т. к. он не сможет оказать помощи. Свою позицию Норман аргументировал тем, что его войска истратили все продовольственные запасы и поэтому лучше было эвакуировать город, а затем вернуться с пополненными боеприпасами и продовольствием, достаточными для того, чтобы гарантировать безопасное положение в будущем[139]. В своей статье, напечатанной в декабре 1920 г., Норман приводил дополнительные доводы, которые побудили его к снятию осады Мараша и отступлению. Говоря о том, что именно он сообщил Керету об инструкциях *генерала Гуро,* внушив Керету необходимость ухода из Мараша, он добавлял следующее: «Моя колонна—последний свободный резерв в Сирии. Франция больше ничего не сможет послать. Надо отступить, чтобы концентрироваться»[140]. Пытаясь обосновать неизбежность оставления Мараша, Норман писал: «Отсутствие продовольствия, невозможность обеспечения снабжением, недостаток ресурсов, средств передвижения, а также густой снег, покрывший весь край привели к мгновенной эвакуации, которая стала окончательной»[141].

Таким образом, оба военачальника, генерал Керет—косвенно, а полковник Норман—прямо, ссылались на указания, полученные ими от вышестоящего командования—генерала Гуро из Бейрута и генерала Дюфио из Аданы. Между тем участник событий французский историк дю Веу, первым написавший обстоятельную монографию о событиях этого периода, опровергает причастность Дюфио к эвакуации Мараша, ссылаясь на письмо, написанное ему главой французской административной службы в Киликии Эд. Бремоном. Последний так разъяснял этот вопрос: «Генералом Дюфио были даны распоряжения, которые не предполагали эвакуацию. Норман возвращался из Бейрута, и он получил свое задание от Гуро. В Адане мы ничего не знали о том, что происходило на самом деле. Генерал Дюфио узнал об эвакуации лишь после того, как он увидел прибытие колонны Нормана. Но до отправки последней (в Мараш.—*Р. С.*) продолжал Бремон,—мы были очень удивлены, получив телеграмму Гуро, в которой говорилось: «Само собой разумеется, что речь идет не об эвакуации Мараша». «И генерал Дюфио,—продолжал Бремон,—сказал мне: «Но почему же он телеграфирует мне подобное? Никто ни-

когда не думал об этом»[142]. «Эта телеграмма, однако, была для отвода глаз»[143],—заключал Бремон.

Итак, Бремон указывал на то, что приказ об эвакуации Мараша фактически исходил от генерала Гуро. В воспоминаниях же, опубликованных задолго до приведенного выше письма, Бремон называл «загадкой» принятое совместно Керетом и Норманом решение о выводе войск из Мараша, категорически отвергая при этом причастность к этому высшего командования.

«Решение было принято не в Бейруте и не в Адане, а в Мараше»[144],—утверждал Бремон, добавляя, что эту «загадку» можно было бы сразу разрешить при наличии телефонной связи. «Вне всякого сомнения,—писал он,—что если бы в Мараше существовал беспроволочный телефон, с помощью которого поддерживалась бы постоянная связь с Аданой, то, безусловно, был бы дан приказ не оставлять город»[145].

Позднее, отвечая автору книги «Вечная жертва европейской дипломатии», марсельскому деятелю Араму Тюрабяну, Бремон фактически опровергал то, о чем писал в своих воспоминаниях, указав, что приказ об отступлении был дан с ведома высшего французского командования, а конкретнее, исходил от генерала Гуро. «Оставление Мараша было санкционировано полковником Норманом, который, получив личные инструкции генерала Гуро, прибыл из Бейрута, чтобы взять на себя командование колонной. Следовательно, логичнее думать,—заключал Бремон,—что эвакуация исходила от воли Гуро, хотя это было завуалировано в телеграмме, поступившей после того, как эвакуация завершилась»[146].

Пытаясь «на всякий случай» снять с себя всякую ответственность за марашскую драму», Бремон снова затемнил вопрос: «Я не имел никакого влияния на дела Мараша с точки зрения военной. Колонна была сформирована *генералом Дюфио* (курсив мой—*Р. С.*). Полковник Норман не то что привез с собой приказ об эвакуации, а сам издал его»[147].

Другой непосредственный участник марашских событий, подполковник Тибо, также обходит вопрос о том, кто же дал указание об уходе французских войск из Мараша. Однако он подтверждает, что заботой Нормана было скорее двинуться дальше. Об этом сообщил ему и Керету капитан Бонуврие, который, возвратившись от Нормана на командный пункт, доложил, что тот «намеревается пуститься в дорогу к Ислахие в полночь 9 февраля, т. к. его войска направляются на Восток, где также вспыхнуло восстание»[148] (имеется в виду восстание в Урфе.—*Р. С.*).

Таким образом, основные участники марашских событий так или иначе признают, что они, как военные, вынуждены были исполнять данный им свыше приказ. В то же время они уходят от рассмотрения этой военной акции в контексте с политикой пра-

вящих кругов своей страны. Избегает этого и Поль дю Веу, пытаясь всю вину за свершившееся взвалить на одного Керета: «Керет, человек слабый и жалкий... не поверил в искренность доктора Мустафы, в готовности турок сдаться не на словах, а на деле, и на удивление истории капитулировал перед мятежниками, которые сами капитулировали»[149]. Поведение генерала Керета считает непонятным, результатом какого-то «таинственного вмешательства» и М. Пайарес[150], который также ничего не говорит о побудительных причинах бегства французов из Мараша. А лорд Кинросс отступление французских войск из Мараша считает результатом «приказа, пришедшего из необъяснимого источника»[151].

В работах зарубежных армянских авторов, посвященных Киликии или истории города Мараша, также нет анализа причин эвакуации французских войск. Многие авторы считают ее результатом «громадного военного просчета», «непонятным тактическим шагом», «загадкой», «вечно необъяснимым отступлением» и т. д.[152]

Среди работ иностранных авторов в этом смысле представляет интерес обстоятельный труд уже упомянутого очевидца доктора Стенли Керра «Львы Мараша», автор которой критически использовал рассказы и свидетельства совершенно разных очевидцев и участников событий: турок, французов, американцев, армян, а также свои личные наблюдения, изложенные в письмах, написанных сразу же после снятия осады Мараша. Сложившуюся к 10 февраля 1920 г. ситуацию автор передает следующим образом: «Генерал (Керет.—*Р. С.*) стоял перед дилеммой. Как вышестоящий офицер и командующий марашским гарнизоном, именно он, а не полковник Норман, был компетентен решать вопрос о том, покинуть или не покинуть Мараш. С другой стороны, полковник (Норман.—*Р. С.*), одолев турецкое сопротивление в Мараше, имел право вернуться обратно в Ислахие»[153]. Далее автор пишет: «Генерал Керет стал определять, может ли он держать Мараш после ухода колонны полковника Нормана. Припасов хватило бы на четыре дня боев. Все планы удовлетворить свои военные нужды через Бель-Пунар и Айнтаб разрушены. Согласно Норману, никакого конвоя не будет отправлено из Ислахие в ближайшем будущем. Если даже мир восстановится, останется опасность, что турки могут возобновить борьбу, после того, как увидят, что колонна Нормана ушла. К тому же турки ждут подкрепления из Диарбекира. И еще майор Корнелу вывел из города свои силы—тринадцать с половиной рот и присоединился к колонне Нормана без разрешения своего командира—генерала Керета. Эти войска можно было вернуть обратно в Мараш только после консультации с генералом Дюфио. Однако аппарата радиосвязи у Нормана не было...»[154].

Итак, автор, в отличие от дю Веу, пытается объяснить вынужденный характер предпринятых Керетом шагов, приведших к эвакуации Мараша. Вместе с тем он старается обосновать и закономерность прихода и мгновенного ухода Нормана. Нет у него только попытки установить связь данной акции французских военных с политикой их правительства.

Действительно ли было «загадочно», «таинственно», «непонятно» и «нелогично» отступление французских оккупантов из Мараша? Конечно, нет!

Анализ приведенного выше материала в свете конкретных внешнеполитических шагов французских правящих кругов приводит к заключению, что уход французских войск из Мараша отнюдь не был случайным, как это пытаются представить французские авторы, но логическим концом ближневосточной политики Франции. В предыдущей главе были раскрыты дипломатические зигзаги французской политики, в частности, в вопросе о Киликии. Марашская эвакуация еще раз показала, что Киликия в планах французских империалистов занимала подчиненное положение по сравнению с Сирией. Приведенное выше признание полковника Нормана о том, что необходимо было сохранить колонну, как резервную силу для Сирии, весьма характерно в этом отношении. Киликия, безусловно, была «лакомым куском» для французских империалистов, однако ее сохранение было связано с гораздо бо́льшими трудностями и испытаниями, нежели это казалось французским колониальным кругам. Между тем, Киликия для Франции не имела того значения, что Сирия, поэтому, столкнувшись с первым серьезным препятствием в Мараше, они предпочли отступить, чтобы сосредоточиться в Сирии и закрепиться там, в своей единственной подмандатной стране. Эвакуация Мараша, таким образом, стала началом вывода всех французских оккупационных войск из Киликии.

Поэтому трудно согласиться с А. Д. Желтяковым и Н. З. Эфендиевой, которые подходят к вопросу о причинах эвакуации Мараша без учета внешнеполитических факторов. Так, А. Д. Желтяков находит, что «настоящей причиной спешного побега французских войск из Мараша было реальное соотношение оккупантов и турецких сил в Мараше и его окрестностях»[155]. Однако автор свое заключение не подкрепляет фактами. Наоборот, приведенные им же, а также многие другие факты подтверждают, что после прибытия колонны полковника Нормана «в турецком лагере создалась кризисная ситуация»[156]. Бо́льшая часть регулярных кемалистских сил рассеялась, турки были обескуражены[157].

Н. Эфендиева отступление французских войск из Мараша также объясняет их военной слабостью. Автор пишет: «Планы руководства национальными силами не составляли секрета для

генерала Керета. Вести, полученные из других районов, тоже были неутешительны. Норман не рисковал войти в Мараш, и Керет знал, что если группа Нормана отступит, его собственные войска попадут в окружение и будут обречены на гибель. Поэтому он решил отступить»[158].

Сделав такой вывод, автор не отвечает на вопрос, почему колонна Нормана, не успев войти в Мараш, должна была тут же отступить, если ее целью было оказать помощь войскам Керета. Факты говорят об обратном: с появлением колонны Нормана французы получили явное преимущество над турками, которые фактически капитулировали. Значит, причина крылась не в военной слабости французов, а в том, что *вывод войск из Мараша принципиально был решен главнокомандующим французскими силами на Ближнем Востоке генералом Гуро, разумеется, не без согласия своего правительства.*

Итак, в ночь на 11 февраля 1920 г. генерал Керет привел в действие данный им приказ о выводе французских войск из Мараша, распорядившись держать его, как военную тайну, в строгом секрете от армянского населения. Между тем, уже с утра 9 февраля стали распространяться слухи об уходе французов. «На обращения армян, обезумевших от этих слухов,—пишет очевидец,—давались ответы, что им нечего бояться, т. к. власти позаботились об их судьбе и сделают для них все, что возможно»[159]. В это же утро делегация армян пришла в резиденцию доктора Лимана с вопросом: «Правда ли, что французы планируют покинуть Мараш?» Присутствующие врачи рассмеялись: «Почему они должны уйти? Они же выиграли сражение!»[160]. Однако в полдень того же дня слух был подтвержден майором Роз дез Ордоном, навестившим персонал американской миссии. В связи с этим жена Вильсона сделала заметку в дневнике: «Мы ничего не дали почувствовать, но наши сердца похолодели, т. к. мы знали, что это кончится резней оставшихся армян»[161].

Упомянутый Лиман, первым сообщивший об уходе французов руководителю повстанцев Кылыджу Али, еще сомневающемуся в таком шаге французов, обратился к нему со следующими словами: «У вас обычай—тот, кто приносит добрые вести, имеет право обратиться с просьбой». Кылыдж Али обещал выполнить его просьбу.—«Я прошу вас прекратить резню христиан»... «Эта просьба конечно не была выполнена»,—завершает свой рассказ очевидец[162].

Армянское население не поверило бы подобным обещаниям и не осталось бы в городе после ухода французов, если бы оно своевременно было извещено об этом. Поэтому за французами смогли последовать лишь те, кто укрылся вблизи французских позиций. Этим армянам, численностью около 5 тыс. человек[163], Керет

разрешил последовать за войсками, бросив остальных на произвол судьбы. Увидев отходящие войска, около двух тысяч безоружных армян, в основном женщины, дети и старики, нашедшие приют в протестанской церкви, попытались догнать их, но все они были вырезаны отрядами преследовавших их четников и озверевшей толпы[164]. Еще бóльшие испытания выпали на долю мирных жителей, «бежавших от варварства турок». «Плачевной была ссылка стариков, женщин и детей,—отмечает Тибо. Бóльшая часть их погибла...»[165]. Много сотен беженцев-армян погибло от пурги и морозов, которые достигали 18 градусов. «Вся дорога от Бель-Пунара до Ислахие, продолжает очевидец, была завалена трупами армян, которые погибли во время рокового отступления из Мараша»[166].

«Даже мгновенный отдых означал гибель,—рассказывает Мюре.—Несчастные люди, пытавшиеся хоть на миг присесть, чтобы передохнуть, уже не в состоянии были подняться. По всей дороге кроме трупов ничего не было... Было просто ужасно наблюдать те душераздирающие сцены, которые открывались нам на протяжении всего пути от Бель-Пунара до станции Ислахие»[167].

«Картина не поддавалась описанию,—пишет другой очевидец,—американский врач Мейбл Эвлин Эллиот.—Охваченные ужасом пять тысяч беженцев пустились в дорогу. Ржание лошадей, крик матерей, потерявших своих детей, плач младенцев, ищущих своих матерей, лязг орудийных лафетов, шум и крик офицеров и пурга... И так четырнадцать часов подряд»[168].

«Обессилевшие матери,—продолжает Эллиот,—больше ничего не чувствуя, несли на своих спинах замерзших младенцев, пока сами обледеневшие не падали на снег...»[169].

Описывая страдания марашских армян, автор заключает, что марашское отступление не следует рассматривать как частное бедствие, нарушившее благополучие и покой людей, каковыми были, например, пожар в Сан-Франциско или потоп Джальвестона. «Этот народ,—пишет Эллиот,—в годы войны прошел в Турции через избиения и депортацию, шесть лет страдал и умирал, как страдал и умирал на дороге в Ислахие... И марашское отступление было для армян возобновлением старой истории, началом тех скитаний и мук, которые все еще не кончились»[170].

К этим трудностям пути прибавлялось и недовольство французских солдат и большинства офицеров тем, что беженцы следовали за ними. К ним не был прикреплен арьергардный эскорт, и при переправах или переходах через мосты армяне оставались в конце колонны, незащищенными[171].

15 февраля 1920 г. отступающие французские войска и уцелевшие в дороге армянские беженцы достигли Ислахие, откуда они поездом добрались до Аданы. «Даже в Ислахие,—свидетель-

ствует очевидец,—французские солдаты, а также офицеры всякий раз, когда встречали армянских беженцев, не упускали случая осыпать их бранью и оскорблениями»[172].

После начала эвакуации Мараша и до прибытия на станцию Ислахие армяне, по разным данным, потеряли от 3-х до 5-ти тыс. человек, а французы—1 200 убитыми и ранеными[173].

Что же касается общего количества потерь армянского населения как во время боев в Мараше, так и в пути изгнания, мы здесь встречаемся с противоречивыми данными[174]. Сопоставление данных, взятых из разных источников, приводит к выводу, что число армян, погибших от турецкого ятагана и в пути бегства составило более 12 тысяч (из общего числа 22 тыс.), ибо, по достоверным данным, после ухода французов в городе оставалось менее 8 тыс. армян и около 2-х тыс. человек достигли Ислахие. Число уцелевших, таким образом, не превышало 10 тысяч человек,

Уцелевшим в Мараше армянам, однако, не пришлось долго оставаться в родном городе. После ухода французских оккупационных войск городская чернь, вдохновляемая турецкими властями, стала преследовать мирных, безоружных жителей, выводить путем обмана молодых людей из города и убивать, сажать в тюрьмы и т. д. В городе появились объявления: «Армяне! Пока вы живы и пока есть время, убирайтесь из города и из страны...»

Несмотря на заверения турецких властей о том, что в Мараше восстановилось «нормальное» положение, как пишет очевидец, «всякий, кто жил в Мараше в это время, мог засвидетельствовать, что *все* армяне заперлись в стенах своих церквей до конца февраля... В течение этого времени турецкое население грабило дома армян»[175]. Последние настолько ослабли от голода, что не могли двигаться. Иностранные миссионеры и врачи американской больницы делали тщетные попытки раздобыть для них пищу. «Никто не хотел продавать нам зерна или что-либо другое,—пишет доктор Керр. Не достигнув успеха в своих попытках уничтожить армян, турки теперь надеялись уморить их голодом»[176].

К тому же в городе распространились ложные слухи о намерении французов вернуться обратно в Мараш. 22 июня 1920 г. дервиш Али Джезар во время богослужения в Улу Джами—большой мечети сказал, что якобы французские войска приближаются к Марашу и необходимо сражаться против них. «Но в первую очередь,—добавил он,—должны быть уничтожены враги в самом городе»[177]. Армянам пришлось снова запереться в оставшихся неразрушенными церквах, в американской миссии и в немецком госпитале[178].

При создавшихся условиях марашские армяне не могли дольше оставаться в родном городе и вынуждены были в массовом порядке покинуть его и искать приют у гостеприимных ара-

бов в Халебе, Дамаске, Бейруте и других городах Ближнего Востока.

При оценке событий в Мараше большинство французских авторов подходит к вопросу с точки зрения падения авторитета Франции на Ближнем Востоке, выдвигая на первый план соображения престижного характера.

«Наш престиж требовал, чтобы мы взяли обратно Мараш. Но никто и не думал об этом»,—пишет Ремюза[179].

«Потеря Мараша была страшным ударом по нашему авторитету»,—добавлял Бремон[180].

«Марашская драма,—писал Пайарес,—одна из самых печальных страниц нашей истории. Быть может, никогда не станет известно о закулисной стороне этого дела, и это лучше с точки зрения нашей национальной чести»[181]. Ту же мысль проводят историк Тести и другие авторы, не придавая значения тому, каким бедствием обернулась французская политика армянскому населению Киликии[182].

Однако ни один из указанных авторов не пытался, по крайней мере, отрицать ту истину, что отступление французских войск из Мараша привело к гибели тысяч невинных людей, как это делал небезызвестный Пьер Лоти. Искажая исторические факты, он заявил, что «легенды о резне армян в Мараше являются самой циничной клеветой, выдуманной с целью служения самым крайним антифранцузским шагам»[183].

Крайне тенденциозной и полностью противоречащей истине является и оценка, данная событиям в Мараше М. Кемалем.

«Утверждения относительно армянских погромов, несомненно, не отражали действительного положения вещей,—безапелляционно заявил он на II съезде Народно-республиканской партии в 1927 г.—Как раз наоборот. В южных районах армяне, вооруженные иностранными войсками и осмелевшие, благодаря получаемой ими поддержке, притесняли мусульман. Движимые чувством мести, они повсюду проводили политику резни и истребления турецкого населения. Таким образом произошла трагедия в Мараше. Объединившись с иностранными войсками, армяне орудийными выстрелами и пулеметным огнем до основания разрушили такой старый мусульманский город, как Мараш.

Они убили тысячи невинных и беззащитных матерей и детей. Именно армяне были творцами этой дикости, *не имевшей прецедента в истории.* Мусульмане стали сопротивляться и защищаться только для того, чтобы охранить свою честь и свою жизнь. Телеграмма, посланная своему представителю американцами, оставшимися вместе с мусульманами в городе все двенадцать дней, пока продолжалась резня, в ясной и не вызывающей сомнений форме назвала виновников этой трагедии.

Мусульмане Аданского вилайета ежеминутно подвергались риску истребления со стороны вооруженных с ног до головы армян.

Эта политика угнетения и истребления мусульман, которые требовали только обеспечения своей жизни и независимости, должна была привлечь внимание и вызвать сострадание цивилизованного человечества. Как можно было в этих условиях принимать всерьез утверждения, которые противоречили тому, что происходило на самом деле»[184] (курсив мой.—*Р. С.*).

Мировое общественное мнение, однако, очень скоро убедилось, кто были истинными «творцами» «марашской трагедии». Эти события нашли широкий резонанс в ряде стран, вызвав протесты общественности против нового насилия в отношении уцелевших после геноцида 1915 г. армян.

В английской палате общин Ллойд Джорджу был сделан запрос, какие меры принимаются для обеспечения безопасности христиан. Английский премьер-министр ответил, что якобы французское правительство предусмотрело срочные меры для отправки пополнений генералу Гуро «с целью стабилизации положения и предотвращения новых нападений против армян»[185]. А на заседании палаты лордов 11 марта 1920 г. с критикой политики союзных держав выступил лорд Брайс, обвинив свое правительство в том, что английские войска, захватив Киликию, не обезоружили турецкие армии и не потребовали освобождения территорий Армении и Киликии из-под турецкого суверенитета для защиты безопасности христианского населения[186]. Отвечая лорду Брайсу, министр иностранных дел Керзон пытался заверить палату, что Франция не намеревается отказываться от своих определенных обязательств защиты армян и что безопасность меньшинств этого района, т. е. Киликии, будет ею обеспечена[187].

Подобными пустыми заверениями пытались успокоить армянское население Киликии и французские руководители. Отвечая на тревожную телеграмму константинопольского армянского патриарха Завена от 27 февраля[188], председатель совета министров А. Мильеран лицемерно успокаивал его тем, что «французское правительство, верное традициям, которые его связывают с армянским населением, глубоко озабочено вопросом принятия неотложных военных и дипломатических мер по обеспечению его защиты»[189].

«Успокоительные» слова расточал французский премьер-министр и киликийскому католикосу Сааку, который после марашской резни выехал в Европу просить оказать помощь. «Франция сделает все необходимое,—ответил ему Мильеран,—не только для обеспечения настоящего армян, но и для их будущего развития и создания сильной Армении»[190].

Эти заверения, кроме дипломатической лжи, ничего иного не содержали. Сразу же после марашских событий господствующие во французских правящих кругах настроения отразила газета «Тан» от 15 февраля 1920 г.: «В Киликии, где должен продолжать развиваться турецкий флаг, мы надеемся, что Франция не потребует никакого права на суверенитет и никакого права постоянной оккупации. Только с чистой совестью наша дипломатия может вступить в переговоры, путем которых и разрешится восточный вопрос»[191].

И французская дипломатия «с чистой совестью» делала попытки прийти к соглашению с кемалистским правительством, жертвуя для этой цели опять-таки «с чистой совестью» безопасностью и законными правами христианского населения Киликии, защиту которых Франция официально взяла на себя.

После Мараша жертвой французской политики стал город Хаджин, который, в отличие от Мараша, Айнтаба и Урфы, полностью был предоставлен на произвол судьбы: ни один французский солдат не вошел в Хаджин для оказания помощи местным жителям.

Один из древних городов горной Киликии Хаджин до первой мировой войны насчитывал 30—35 тыс. исключительно армянского населения[192], которое в 1915 г. было предательски обезоружено и выслано в Сирийскую пустыню, где многие погибли.

После Мудросского перемирия, как было отмечено выше, ответственные политические и военные деятели держав Антанты не скупились на обещания пережившим трагедию 1915 г. киликийским армянам. Посетивший Хаджин французский полковник Норман «заверял», что «отныне каждый армянин должен жить свободно, и никто не посмеет нанести ему вред»[193].

Поверив пустым обещаниям, уцелевшие хаджинцы возвратились в свой родной город. Первый караван хаджинцев в количестве 550 человек прибывает в Хаджин 22 марта 1919 г., а уже к концу года в Хаджине обосновалось 6 тыс. армян[194].

Вернувшиеся в Хаджин армяне за короткий срок восстановили сожженный и разрушенный город, в котором сохранилось лишь здание национальной школы. Однако созидательный труд хаджинцев длился недолго. После успеха в Мараше кемалистские офицеры и многочисленные скрытые иттихадисты развернули лихорадочную деятельность, создавая новые отряды чете с целью осады Хаджина. От дружески расположенного курдского шейха из Газ Бела армяне получили весть о том, что ведутся приготовления возле Эверека и Кесарии, чтобы с наступлением весны войска пошли на Хаджин[195].

Нависшую опасность хаджинцы решили встретить организованно, с оружием в руках. Для руководства обороной города соз-

дается военный совет во главе с бывшим солдатом народного героя Андраника Саркисом Джебеджяном. По его приказу призываются все лица мужского пола от 16 до 50 лет. Военные силы разделяются на четыре роты. Создаются авангардные и резервные группы, вводится строгая военная дисциплина, роются окопы и т. д.[196] Нехватало, однако, оружия. Из 800 бойцов только 300 имели личное оружие[197].

22 февраля С. Джебеджян созывает заседание комитета самообороны и сообщает его членам, что турки готовятся к наступлению на Хаджин[198]. Посовещавшись, комитет принял решение направить в Адану, к главе французской администрации в Киликии полковнику Бремону делегацию из трех человек, чтобы информировать о создавшемся положении и просить оказать помощь. Делегация, в составе которой были предводитель Хаджина архиепископ Петрос Сараджян, директор национальной школы Арутюн Хачатрян и пастор армян-протестантов Шмавон Пороян, получила следующий наказ: «1) просить у Бремона военной и материальной помощи, т. е. оружие, боеприпасы и деньги; 2) создать из проживающих в Адане хаджинцев добровольческие отряды и отправить их в Хаджин; 3) о результатах сообщить телеграммой в Хаджин с указанием—оказывать сопротивление или отступать»[199].

В тот же день, 22 февраля, упомянутая делегация отправилась в путь и на следующий день прибыла в город Сис, где пробыла неделю из-за отсутствия безопасности на дорогах.

«Вся равнина,—пишет очевидец,—была заполнена отрядами четников, которые не только грабили путешественников, но и сжигали и опустошали те турецкие деревни, которые отказывались присоединиться к ним»[200].

Об этом же пишет американская миссионерка Д. Иби: «Однажды турчанка из деревни Язбаган пришла к американцам и рассказала о том, как турецкие деревни вначале отказались помочь националистам в их атаках против Хаджина, но их сопротивление оказалось бесполезным, т. к. разбойники подожгли две деревни, заставив другие перейти на их сторону»[201]. Она же рассказывает, как простые крестьяне выражали недовольство тем, что им запрещали поддерживать отношения с жителями Хаджина. «Наши семьи в лохмотьях. Мы нуждаемся в хаджинских торговцах, а они нуждаются в продуктах наших хозяйств,—говорили они.—Мы не хотим этой войны»[202]. Автор вспоминает, что среди посещавших американскую миссию турок, черкесов, курдов были лица, которые в глубине души сочувствовали и симпатизировали находящимся в осаде хаджинцам, рассказывали о своих друзьях—армянах, их гостеприимстве и т. д., но многие, движимые фанатической ненавистью, кричали: «Мы должны уничтожить армян!»[203].

24 января в армянском кафедральном соборе г. Сиса члены делегации встретились с французским администратором города капитаном Тайярда и сообщили ему о цели своей миссии. Последний заявил, что полковник Бремон может предоставить оружие и боеприпасы, «но вы не надейтесь,—добавил он,—что мы можем выделить солдат для защиты Хаджина или для переброски оружия»[204].

И все-таки делегация решила достичь Аданы и там попытаться организовать помощь Хаджину.

4 марта, воспользовавшись тем, что французский отряд направлялся в Тарсон, члены делегации присоединились к нему и 5 марта вечером прибыли в Адану. 7 марта делегаты Хаджина вместе с Миграном Тамадяном, представителем Армянской национальной делегации в Киликии, явились к Бремону, который по сути дела дал тот же ответ, что и Тайарда́, с той лишь разницей, что предоставление оружия и продовольствия он связал с организацией армянских добровольческих отрядов. Уже 9 марта 200 молодых людей были готовы к отправке в Хаджин, однако военные власти, вопреки обещанию Бремона, отказались снабдить их оружием, аргументируя тем, что они должны добраться до Сиса и только там получить необходимое вооружение. Между тем им было хорошо известно, что вся равнина Чукуровы заполнена вооруженными до зубов четниками. На следующий день члены делегации снова посетили Бремона. Последний заверил их, что произошло недоразумение, добавив при этом: «Пусть двести молодых людей отправляются вечером. Я выясню вопрос»[205]. В тот же день становится известно, что обещанные армянским добровольцам оружие и боеприпасы, из-за ошибочных действий Тайарда́, полностью попали в руки турок. Упомянутый капитан поручил восьмидесяти добровольцам, уроженцам Сиса и Хаджина, перебросить в Хаджин большое количество винтовок, патронов и взрывчатых материалов, но не обычным путем, а через Якбасан, местность, где преобладали турецкие деревни. Проявив благоразумие, добровольцы решили идти через горы, более безопасным и коротким путем, однако в последний момент Тайарда́, узнав об их намерении, приказывает идти по избранному им пути. Многочисленные чете только этого и ждали. Они окружили отряд и в неравном бою большинство армянских добровольцев погибло. Только 18—20 бойцам удалось спастись. Сорок тюков с вооружением перешло в руки турок[206].

Так завершилась «помощь» французских властей Хаджину. Спустя несколько дней, 14 марта, Бремон, в беседе с архиепископом П. Сараджяном и М. Дамадяном еще более открыто и решительно выразил позицию, занятую французами в этом вопросе:

«Излишне и бесполезно,—заявил он,—отправлять Хаджину помощь или добровольческие отряды через труднопроходимые горы. Об отправке солдат нечего и думать...»[207]

«...Мы поняли,—писали в связи с этим представители Хаджина,—что предоставлены своей собственной судьбе и что было бы рискованно ждать помощи от других»[208].

Таким образом, официальный представитель Франции в Киликии, «забыв» о гарантиях, данных армянам его правительством, категорически отказывался от оказания помощи осажденным мирным жителям[209], считая в то же время излишним отправку в Хаджин добровольческих отрядов.

Впоследствии полковник Бремон обосновывал свое поведение тем, что на многочисленные обращения представителей армянского населения об отправке в Хаджин одного отряда армянского легиона, французские власти не могли реагировать положительно по той причине, что «нельзя было допустить, чтобы носящий французский мундир отряд, которому мы не в состоянии были оказать помощь, отправился в далекую область, расположенную на высоте Альпийских гор»[210].

В это же время турки передали городским властям Хаджина письма, в которых заверялось, что христиан армян не тронут, если они останутся нейтральными. Хаджинцы дали следующий ответ: «У нас нет тяжбы с вами. Мы лишь защищаем свои дома и свою жизнь. Французов в Хаджине нет»[211]. Французы же послали руководителю армянской общины следующую телеграмму: «Мужайтесь! Через десять дней ни одного турка не останется в вашем окружении»[212].

14 марта из Хаджина через Сис была послана в Адану тревожная телеграмма: «Если помощь не поступит, знайте, что Хаджин стерт с лица земли»[213].

Что оставалось делать в подобной ситуации? Казалось, было два выбора: отступить организованно в город Сис, пока Хаджин еще не был полностью осажден турками, или остаться в городе и принять неравный бой, рискуя подвергнуть уничтожению шеститысячное население, бо́льшую часть которого составляли женщины и дети.

Сами хаджинцы и находящиеся в Адане их представители считали, что разум диктует выбрать первое и отступить. Именно такого содержания телеграмму отправил в Хаджин руководитель делегации архиепископ Петрос Сараджян. Телеграмма была получена в Хаджине[214].

Однако по иному отнеслись к дальнейшей судьбе хаджинцев влиятельные члены Национального совета Киликии во главе с М. Дамадяном. Как отмечает участник событий К. Измирлян, «те, кто делал высокую политику в Киликии, считали, что отступление

хаджинцев будет рассмотрено не только как унижение, но и как отрицание национальных прав на этот район»[215].

И действительно, 14 марта 1920 г. под влиянием полученного от Бремона письма, в котором говорилось, что «полный уход хаджинцев, без сражения, будет неприглядным фактом перед лицом Европы» и что поэтому, «с точки зрения высокого авторитета Армении необходимо, чтобы это отступление не имело места»[216], М. Дамадян отправляет в Хаджин следующую телеграмму: «Хаджин. Армянскому национальному союзу. Эмиграция—против национального достоинства. Вы продолжайте битву, достойную армянина и с храбростью хаджинца. Через несколько дней вам будет послана помощь из 1 200 человек. Пошлем и самолет. Вы на холме Сурб Саркис возведите белый крест, чтобы пакеты были сброшены в это место.

М. Дамадян,
главы религиозных общин,
Земляческий союз Хаджина»[217].

На следующий день М. Дамадян созывает собрание представителей Национального союза и различных партий для обсуждения положения Хаджина. Он извещает собрание, что полковник Бремон через главу французской администрации в Сисе капитана Тайярду дал телеграфное указание каймакаму Хаджина К. Чаляну, чтобы «готовились к уходу женщины, малолетние дети и старики, которых встретят и доставят в Сис солдаты, выделенные французами. Мужчины же, способные носить оружие, должны остаться в Хаджине и оборонять его»[218].

В то же время Дамадян сообщает, что полковник Бремон поручил ему «уговорить хаджинцев действовать в соответствии с высоким приказом». На это К. Чаляном был послан ответ, что хаджинцы не хотят расставаться со своими семьями и защищать пустой город, поэтому приняли решение эвакуироваться полностью[219].

Указание Бремона о частичной эвакуации Хаджина становится предметом длительных споров на упомянутом собрании, которое в конце концов приняло решение «дать указание хаджинцам не отступать, остаться в городе, т. к. скоро поступит необходимая материальная и военная помощь». Собрание постановило также, чтобы телеграмма была направлена в Хаджин за подписью архиепископа Сараджяна, не зная о том, что накануне последний направил в Хаджин телеграмму о немедленном отступлении в город Сис. Когда об этом стало известно собранию, оно, после некоторых колебаний, поручило П. Сараджяну отправить в Хаджин новую телеграмму с требованием не покидать город. Сараджян отказался подчиниться и М. Дамадян, под свою личную ответственность, посылает в Хаджин телеграмму: «Не отступать,

сопротивляться и ждать помощи»[220]. Узнав о самовольном поступке М. Дамадяна, архиепископ заявил, что допущена роковая ошибка и поручил члену делегации хаджинцев Ш. Пороянy телеграммой подтвердить его, Сараджяна, позицию: «Настаиваю на вчерашней моей телеграмме. Выполняйте пункт за пунктом, не слушая других»[221].

Эта последняя телеграмма, однако, не дошла по назначению, т. к. накануне телеграфная линия между Сисом и Хаджином была прервана. Таким образом, последней телеграммой, полученной хаджинцами, оказалась вышеприведенная телеграмма М. Дамадяна, имевшая трагические последствия для шеститысячного населения города. Об этом стало известно лишь после падения Хаджина, когда вырвавшиеся из вражеского окружения члены комитета обороны рассказали о случившемся: 14 марта, получив телеграмму П. Сараджяна, хаджинцы созвали собрание и приняли решение следовать указаниям своего предводителя. Народ немедленно стал готовиться к организованному отступлению. Однако не прошло и суток, как пришла телеграмма Дамадяна, которая ввела защитников города в заблуждение. Они подумали, что политика изменилась, можно надеяться на реальную помощь, поэтому не следует покидать город[222].

Надо сказать, что если бы армянским добровольцам даже удалось добраться до Хаджина или если бы французы предоставили оружие и боеприпасы защитникам города, все равно последним вряд ли удалось бы продержаться долго в осажденном Хаджине, отражая атаки намного превосходящих регулярных войск. Ибо, несмотря на заявления французских властей, что «город и его территория являются частью французской оккупационной и административной зоны»[223], они и не намеревались отправить в Хаджин войска или вооружение.

Такая политика французских колониальных и военных кругов, а также недальновидные шаги армянских национальных лидеров, безусловно, были наруку кемалистам, продолжавшим турецкую традиционную политику угнетения и истребления армян, политику, жертвой которой стало и население осажденного Хаджина.

В нашу задачу не входит детальное освещение истории героической самообороны Хаджина, однако изложение отдельных эпизодов этой эпопеи необходимо для выяснения причин его падения.

Как уже говорилось, с 15 марта 1920 г. город Хаджин полностью был отрезан от внешнего мира. Зная о бойцовских качествах хаджинцев и о предпринятых ими оборонительных мерах, командующий турецкими силами в Киликии Козан-оглу Доган в первые дни осады пытался лестью и обманом убедить хаджинцев

в бесполезности сопротивления. 17 марта он отправил письмо комитету самообороны Хаджина с предложением «прийти к взаимопониманию и сглаживанию споров и разногласий». А письмо последнего от 28 марта уже носило форму ультиматума: «Хаджинцы! Турецкая империя объявила джихад. Разноплеменное население Анатолии, дружно объединенное под славным национальным знаменем, мужественно борется во имя свободы турецкой нации... Жаль, что вы нашему национальному движению приписываете иные цели. Наша цель—освободить соплеменников, которые вот уже восемнадцать месяцев стонут под кровавым знаменем капиталистической Франции и выдворить их дикие войска из нашей священной земли. Ваши оборонительные меры, какими бы они ни казались непреодолимыми, не смогут помочь вам выстоять и двух часов против нашей армии. Поэтому вы должны сдать нам полученные от французов оружие и боеприпасы, которые коварная Франция захватила у нас.

Откройте нам дорогу, чтобы мы смогли выполнить веление шариата, т. е. пожертвовать всем, чтобы спасти священную землю Анатолии—Киликию»[224].

Комитет самообороны Хаджина ответил на это:

«Если вашей целью является изгнание Франции из Киликии, то здесь нет ни одного французского офицера или солдата. Турки хорошо знают об этом. Хаджин не является ни дорогой в Киликию, ни ее оплотом. Столица Киликии—это город Адана, и вы должны занять ее в первую очередь. В этом случае мы охотно подчинимся восстановлению турецкой администрации. До тех пор, пока Адана и Сис находятся под властью французов, мы не сложим оружия.

В течение шестисот лет мы жили, как рабы, под игом турецкого господства, терпя всяческий гнет...

Оставьте нас, господа, в покое, дайте нам жить мирной жизнью.

Да, мы знаем о ваших тайных планах—ломать, разрушать и превращать в пепел все армянское...

Мы не покоримся тем условиям, которые против наших интересов. Оставьте нас в покое, чтобы мы смогли сохранить в неприкосновенности нашу вековую дружбу с турками Магары»[225].

Не добившись успеха, Доган-бей прибегает к косвенным переговорам, направив в Хаджин воспитательницу американского приюта Д. Иби, которая охотно взяла на себя миссию посредницы, но безуспешно—турки отвергли те условия безопасности, которые выдвигали хаджинцы: в целях безопасности не сдавать оружия до подписания окончательного мира[226]. Между тем в ультиматуме, предъявленном Доган-беем 16 апреля, выдвигались следующие условия:

«1) Поднять в Хаджине турецкий флаг; 2) сдать оружие и все боеприпасы; 3) установить в Хаджине турецкое национальное правление, которое было бы компетентно вынести справедливый приговор мятежникам».

Эти условия, естественно, не могли быть приняты хаджинцами. Обсудив «новые» предложения Доган-бея, комитет самообороны отверг их, считая, что они не внушают доверия народу Хаджина и что в этих предложениях содержится «тайный заговор против шеститысячного армянского населения»[227].

Разъяренное упорством защитников города, турецкое командование сосредоточило вокруг Хаджина дополнительные силы, подвергнув город мощному орудийному обстрелу. 30 апреля турки перешли в наступление, но, понеся несколько сот жертв, вынуждены были приостановить атаку. Во время контрнаступления хаджинцев в руки турок попал документ, из которого стало известно, что Доган-бей, потерпев неудачу, послал в Анкару Мустафе Кемалю телеграмму следующего содержания: «Наши атаки оказались тщетными. Хаджин невозможно занять силой. Буду ждать до тех пор пока не сдадутся, изнуренные голодом. Продовольствия у них осталось всего на несколько месяцев»[228].

Положение осажденного города становилось все тяжелее. Мужественные защитники особенно страдали от нехватки боеприпасов. Прорвавшиеся в Адану двое посланцев Хаджина сообщили, что на каждую винтовку осталось всего пятнадцать патронов[229].

Однако самым тяжелым ударом для хаджинцев было заключенное 30 мая 1920 г. франко-кемалистское перемирие, по которому французские войска покинули город Сис и отступили в Адану вместе с армянским населением, осложнив задачу тех армянских добровольцев, которые все еще надеялись пойти на помощь обороняющемуся городу. «Эвакуацией Сиса,—замечала находящаяся в то время в Киликии известная писательница Запел Есаян,—Равнинная Киликия открывала свои ворота перед врагом, лишившись всякой военной опоры»[230].

14 июня 1920 г. М. Дамадян пригласил к себе членов земляческого союза Хаджина, находящихся в Адане, и сообщил им, что единственным выходом для спасения населения осажденного Хаджина является примирение с турками и прекращение борьбы. Он предложил земляческому союзу направить соответствующее письмо хаджинцам с американским миссионером доктором Доддом[231]. Присутствующие, в конце концов, соглашаются с Дамадяном, предложив ему самому определить условия мира. В этот же день Дамадян, посоветовавшись с упомянутыми представителями земляческого союза, в их присутствии записывает условия примирения:

«Хаджинцы должны признать турецкую администрацию и флаг, не сдавая, однако, своего оружия.

Для установления спокойствия и порядка в городе должна быть создана смешанная жандармерия.

Должен быть произведен обмен пленными между армянами и турками»[232].

Наконец, письмо от 14 июня 1920 г. было готово. В конце письма говорилось: «Было бы бессмысленно отсюда давать вам указания; предложенные условия предоставляются на ваше рассмотрение, что является логичным в создавшейся нынче обстановке. Поэтому решайте соответственно с вашей волей и возможностями, выбирая из двух зол наименьшее»[233].

Письмо, скрепленное печатью земляческого союза Хаджина и за подписью его членов, передается М. Дамадяну для организации доставки его в Хаджин на аэроплане. Однако, через несколько дней, оно возвращается обратно с той аргументацией, что, мол, не было возможности доставить его в Хаджин.

Надо сказать, что ни в одном из воспоминаний участников событий не указывается, почему все-таки письмо не было доставлено в Хаджин, ведь кроме аэроплана можно было найти другие средства—отправить письмо через гонцов, с упомянутым выше доктором Доддом или другим миссионером и т. д.

На одно обстоятельство обращает внимание уже цитированный выше К. Измирлян. Он отмечает, что как только распространилась весть об отправке письма в Хаджин, его содержание вызвало крайнее недовольство у хаджинцев Аданы: «Признание турецкого флага и правления—позор, равный смерти. Это означает добровольно стереть свои права. После этого у нас не будет права что-либо потребовать. Немыслимо ждать какой-то пользы от такого перемирия, которое только сломит воинственный пыл мужественно обороняющихся хаджинцев. Стыдно, чтобы многочисленные армяне Аданы бросили Хаджин на произвол судьбы. Для нации, если она захочет, все возможно. Можно отправить силы в Хаджин. Нация должна подняться на ноги и т. д.»[234].

Из приведенных фактов можно сделать вывод, что основной причиной неотправки письма в Хаджин было, пожалуй, недовольство проживающих в Адане более двух тысяч хаджинцев. Это подтверждается также фактом созыва 27 июня 1920 г. многотысячного митинга во дворе школы Абгарян, целью которого, как пишет очевидец, было выразить протест против духа этого письма и призвать народ добровольно записаться в отряды по оказанию помощи Хаджину. После упомянутого собрания земляческий союз Хаджина, подписавший приведенное выше письмо, склоняется к попытке организовать помощь защитникам. С этой целью создается «чрезвычайная комиссия экспедиции по оказанию помощи

Хаджину», которой в течение июля-августа 1920 г. удается собрать лишь 300 добровольцев, исключительно хаджинцев.

Чем было вызвано подобное безразличие к судьбе сражающегося Хаджина?

По нашему мнению, среди многих причин основными были неуверенность в успехе предпринимаемого дела, разочарованность в политике французских правящих кругов, особенно после подписания Севрского договора, по которому Киликия оставалась под турецким суверенитетом, а также стремление каждого прийти на помощь непосредственно своим землякам и безразличие к судьбе своих соотечественников из других мест. Запел Есаян справедливо отмечала, что «у добровольцев было весьма произвольное настроение: хаджинцы хотели идти на помощь Хаджину, зейтунцы—Зейтуну и т. д.»[235].

Эти и другие причины помешали своевременно организовать и довести до конца дело оказания помощи Хаджину, что, быть может, дало бы возможность осажденным при поддержке добровольческих отрядов прорвать вражеское кольцо и спастись.

Однако даже организованный с большим трудом отряд добровольцев не смог отправиться на помощь Хаджину. После подписания Севрского договора французские власти в Киликии пытались распустить упомянутый отряд требуя его отправки в районы Миссиса, Инджирлика и Ахарджи под предлогом сбора урожая. И если это указание не было выполнено в августе, то 22 сентября 1920 г. французским властям удалось добиться своей цели: оцепить Ахарджу, разоружить отряд из 300 добровольцев и выслать его из Киликии[236].

Так печально окончилось добровольческое движение по оказанию помощи борющемуся Хаджину, который после семимесячной героической обороны пал в неравном бою.

15 октября 1920 г. кемалистские войска перешли в наступление по всем направлениям и, сокрушив артиллерийским огнем оборонительные линии, ворвались в город. До самого конца сражались мужественные хаджинцы против жестокого врага. Заняв город, противник поджег его и вырезал почти все население, в том числе женщин, детей, стариков и раненых. Только отряду из 378 бойцов удалось прорвать осаду и, ведя бои с преследующим противником, достичь Джейхана и затем Аданы[237].

Иностранные очевидцы, представители благотворительных и миссионерских заведений рассказали миру о жестокости наступавших на Хаджин турецких орд. «Человеческая совесть была чужда им,—пишет Д. Ибп. Это были безумцы, полные ярой ненависти и дикости»[238].

«Миссионеры питали надежду,—продолжает очевидец,—что

турки не применят пушек против обороняющихся армян, но на вторую ночь они повернули пушки на хаджинцев»[239].

«Турецкий офицер Энвер-бей с гордостью показывал подзорную трубу, через которую они наблюдали уцелевшие дома, прежде чем произвести выстрелы из пушек»[240].

«Ворвавшись в город,—завершает свой рассказ очевидец,—они вступили в смертельную схватку с мужественными защитниками.... Резня была ужасная. Зачем повторять ее страшные и отвратительные детали»[241].

Так пал героический Хаджин, жертва коварной политики французских империалистов и шовинистической политики кемалистской Турции.

Касаясь событий в Хаджине, большинство турецких историков предпочитает обойти молчанием «хаджинский случай», который, как признавала «Адана постасы», «произошел катастрофическим образом, и повсюду в мире он должен иметь плохой резонанс»[242]. Освещая же ход боев в Хаджине, турецкие авторы пытаются оправдать гнусное преступление, совершенное над мирными жителями города, взваливая вину на жертвы. Так, Али Саиб называет хаджинцев «бандами чете», которые якобы преследовали и угнетали турецкое население[243]. Упомянутый выше бывший начальник гарнизона Сиса Реджеб Далкыр, безоговорочно оправдывая депортацию хаджинцев в 1915 г., утверждает, что после войны они вернулись обратно, умалчивая о том, что большинство их погибло в пустынях Сирии[244]. Ничем не обосновано и его утверждение о том, что «посланный генералом Андраником Джебеджян вооружал даже армянских женщин *с целью истребления турок*»[245] (курсив мой.—*Р. С.*).

Известный военный и политический деятель Али Фуад Джебесой также умышленно искажает действительную картину, утверждая, что якобы «армяне Хаджина громили и уничтожали все вокруг и совершали разбойничьи нападения на население»[246]. По его мнению, предпринятые кемалистскими регулярными войсками действия против армянского населения Хаджина преследовали цель «освободить наших братьев, подвергающихся нападениям в Козане и Хаджине»[247].

Автор с особым удовлетворением отмечает тот факт, что «только небольшой части хаджинцев удалось спастись, остальные были уничтожены»[248].

Что касается французских авторов, то они, за исключением некоторых, воздают должное отчаянной и героической самообороне хаджинских армян. Вместе с тем многие историки разными аргументами и «обоснованиями» старательно оправдывают политику своего правительства и военных властей, умалчивают об их ответственности за трагический исход борьбы киликийских армян,

в частности, хаджинцев. Так, говоря о событиях в Хаджине, П. Редан ограничивается констатацией того факта, что «хаджинская оборона против вооруженного сильной артиллерией противника является одной из прекрасных страниц истории»[249].

«Армяне, собравшиеся в здании школы Абгарян,—пишет Ремюза́,—умоляли французов прийти на помощь своим «братьям», но генерал Дюфио не имел для этого необходимых средств»[250].

Полковник Бремон, отвечая на упреки упомянутого выше А. Тюрабяна, утверждал, что якобы генералом Дюфио были приняты «все меры с целью оказания помощи Хаджину»[251], хотя известно, что за все время осады над Хаджином пролетел один французский самолет, сбросив *ящик патронов* (курсив мой,—*Р. С.*). Пытаясь снять с себя всякую ответственность, Бремон заявил, что он дал все необходимые распоряжения для своевременной эвакуации хаджинцев. «К сожалению,—продолжал он,—армяне не поверили в опасность и в то же время поверили в то, что мы можем оказать им поддержку. Генерал Дюфио и я знали о том, что генерал Гуро принял решение оставить город, но мы не могли огласить его, потому что это привело бы к турецкому наступлению»[252].

Немало написано о хаджинской эпопее зарубежными армянскими авторами—участниками и очевидцами событий, партийными деятелями, историками. В этих работах много односторонних суждений, самооправданий, взаимных обвинений и т. д.

Наиболее объективными представляются мнения и оценки, высказанные некоторыми представителями патриотически настроенных армянских организаций. Так, известный писатель Аршак Чопанян, член Армянской национальной делегации в Париже, находившийся после падения Хаджина в Бейруте, обратился с письмом к генеральному секретарю французского верховного комиссариата в Бейруте Роберу де Кэ, в котором высказывалась мысль о том, что хаджинцы, как и армяне других городов Киликии, фактически стали жертвой французской политики. В письме решительно отвергались распространенные турками слухи о том, что хаджинцы не были истреблены и что якобы между ними и турками было подписано саглашение. «После катастрофы Хаджина,—писал А. Чопанян,—турки распространили ложные слухи о том, что никто в Хаджине не был убит, что 200—300 хаджинцев были направлены в Сис, а более одной тысячи—в окрестности Кесарии, где с ними хорошо обращались. Все это является чистейшей ложью. Сведения, идущие из прямых источников, увы, убеждают нас в том, что эти тенденциозные слухи о гуманизме, якобы проявленном по отношению к христианам, абсолютно не подтвердились фактами и имеют своей целью усыпить армян»[253].

Другие авторы пытаются анализировать причины трагедии Хаджина в тесной связи с деятельностью армянских национальных организаций Киликии. В статье «Место героического сражения Хаджина в истории армянского освободительного движения» прогрессивный деятель армянской общины Буэнос—Айреса А. Грачян пишет: «Быть может, правы те, кто считает, что организованное отступление привело бы к менее катастрофическим последствиям и к меньшим человеческим жертвам. Однако существенным является вопрос: можно ли было вообще избежать трагедии Хаджина?» На этот вопрос автор отвечает, что можно было бы избежать

«а) если французские власти и оккупационные армии не заключили бы с анкарским правительством тайного соглашения, направленного против армянской Киликии; б) если армянские руководители оказались бы настолько умными, чтобы проникнуть в тайны коварной и корыстной дипломатии союзников; в) если руководители Армянского национального союза Аданы воздержались бы от организации сентиментально-патриотических выступлений, меньше играли бы в партийность и более серьезно позаботились бы об оказании реальной помощи страдающему народу»[254].

Еще более убедительно раскрыл некоторые из причин трагедии Хаджина старейший деятель Ливанской компартии А. Мадеян. «В падении Хаджина,—пишет он, —нельзя не видеть и недостатка того национально-политического образа мышления, когда рокового значения решения принимались без достоверного знания реальных условий и действительного положения вещей. При этом всегда недооценивались сила и возможности врага и переоценивались наши собственные силы и возможности без того, чтобы попытаться понять те истинные побудительные причины, которые определяли политическую ориентацию в дипломатии»[255].

Итак, что привело к падению Хаджина?

Критический анализ изложенного выше материала приводит к следующим выводам:

1. Уцелевшие в годы депортаций и массовой резни остатки хаджинских армян вернулись к своим очагам, будучи уверенными, что оккупировавшая Киликию Франция обеспечит их безопасность и мирную жизнь.

2. Эта уверенность, основанная на непонимании или недооценке империалистической и колониалистской сущности ближневосточной политики Франции, значительно притупила бдительность киликийских армян, в том числе и хаджинцев, помешала им с первых же дней возвращения в свой родной город позаботиться о мерах безопасности.

3. Упование хаджинцев на покровительство «всесильной»

Франции привело также к недооценке турок, обладавших вековым опытом подавления освободительного движения угнетенных народов.

4. Недооценка сил кемалистов, умело использовавших в своей борьбе против французских оккупантов младотурецкие организации в Киликии, сопровождалась и переоценкой армянскими лидерами собственных возможностей.

5. В падении Хаджина велика ответственность французских колониальных и военных кругов и их администрации в Киликии, провокационная линия поведения которых фактически подбадривала турок, поощряя их враждебные действия против осажденного города.

6. События в Хаджине—осада, взятие города и резня его мирного населения—со всей ясностью раскрыли истинную сущность национальной войны кемалистов на южном фронте. При этом была разоблачена ложь относительно ведения борьбы против французов в Хаджине, ибо, в отличие от Аданы, Мараша и других городов Киликии, в Хаджине вообще не было ни одного французского солдата.

По иному развивались события в Урфе и Айнтабе, городах, которые тоже входили во французскую зону оккупации.

Город Урфа в январе 1919 г. был занят английскими войсками, которые пробыли там до начала ноября, когда они были заменены французскими. Французский гарнизон Урфы состоял всего лишь из одного батальона алжирских стрелков, насчитывая в своем составе 12 офицеров и 461 солдат, из них—100 фрунцузов, остальные—алжирцы, сенегальцы и тунисцы[256].

Выступления против оккупационных сил в Урфе начались сразу же после ухода англичан, однако они приняли организованный характер с прибытием в г. Урфу 29 декабря 1919 г. Али Саиб-бея, назначенного султанским правительством начальником жандармских сил города. Следуя призыву Мустафы Кемаля, Али Саиб переходит на его сторону и становится инициатором создания 9 января 1920 г. Общества защиты прав Урфы, которое заменило действующую в городе до этого тайную организацию «Пробуждение». Али Саиб освобождает из тюрем всех заключенных, в том числе уголовных преступников[257]. Начинаются подготовления к освобождению города от французских оккупантов. Для этой цели Али Саиб решил использовать находившиеся в районе Урфы курдские племена, а также курдов, проживавших в самом городе.

7 января 1920 г. Али Саиб обращается к курдским аширетам с призывом «защитить мусульманскую религию и отечество». В воззвании говорилось следующее: «...Вожди племен! Вам хорошо известно, что сорок лет тому назад Россия также попыталась создать Армению из наших восточных вилайетов. И если не храбрость и вера наших отцов, нас там не было бы сейчас. Во всем

мире только свободные и независимые турки и курды являются защитниками исламской веры. Сегодня ислам и родина находятся в опасности. Они устремили свой взор на вас—наследников Саляхэддина Эюби, который победоносно защитил Иерусалим от христианского мира. Мы чувствуем теплоту крови, которая была пролита врагом на наших оккупированных землях, и тех кровавых столкновений, которые имели место в Мараше в течение двух дней. Айнтаб готов к восстанию, и племя Анезе вскоре будет здесь. Уговорите Хашим-бея (вождь племени Анезе.—*Р. С.*), и если между вами имеется какое-либо недоразумение, оставьте его на будущие времена и спешите объединиться против французов в Урфе. Урфа ждет вас. Выполнение моих тайных указаний обеспечит наше освобождение. Настало время, чтобы вы доказали всему миру, что являетесь вождями самых известных и самых благородных племен...

7 января 1336 [1920] г. Али Саиб»[258].

Это тайное воззвание Али Саиба свидетельствовало о том, что кемалистские руководители взяли на вооружение наиболее характерную сторону национальной политики турецких султанов—политику насаждения взаимной ненависти и вражды подвластных Османской империи народов и натравливания их друг на друга как на национальной, так и на религиозной почве[259].

Воззвание Али Саиба находит отклик у нескольких курдских племен, вожди которых, однако, спешили в Урфу не для участия в освободительной борьбе, как это представлено в работах некоторых исследователей[260], а просто для применения насилия над христианским населением города и участия в его разграблении и уничтожении. И если бы армянское население Урфы не организовало самооборону, оно, безусловно, удостоилось бы той же участи, что и сотни тысяч западных армян в годы геноцида.

Итак, 28 января 1920 г. предводитель племени Анезе Хашим во главе 600 всадников прибывает в Урфу для участия в осаде города. Кроме этих сил в сражениях принимали участие следующие курдские племена: племя Милли—150 чел., племя Буджак—150 чел., Бадилли—250, Дойерли—100, Изоли—100, Шейханли—100, всего, таким образом, 1 450 человек[261].

7 февраля Али Саиб посылает командиру французских войск ультиматум—немедленно вывести из города французский гарнизон. В случае невыполнения требования он угрожает атаковать в течение 48 часов[262]. В ультиматуме заверялось, что «все права наших христианских соотечественников находятся под нашей защитой»[263].

Спустя час после доставки ультиматума французскому командованию поступает ответ последнего на турецком языке, который гласил:

«Всем племенам, находящимся вокруг Урфы

Я получил ваше письмо. Мы не находимся в состоянии войны с вами. Приказ об уходе с вашей территории зависит исключительно от согласия генерала Гуро. Я сообщил ему о вашем требовании. Дабы не дать повода для инцидентов, которые могут привести к прекращению существующих между нами в настоящее время дружественных связей, я прошу вас подождать до получения его ответа. Выражаю твердую надежду, что этот ответ не преминет дойти до нас.

7 февраля 1920 г.

Руководитель французской администрации
в Урфе Сажу»[264].

После получения этого письма Али Саиб с еще бо́льшей энергией стал готовиться к наступлению против позиций французских войск. К тому же к туркам поступило из Северека одно горное орудие[265].

9 февраля турецкие силы вплотную подошли к позициям французов и открыли по ним огонь. Начались окопные бои, которые длились около двух месяцев, до отступления французских войск из Урфы. За это время французский гарнизон был полностью отрезан от внешнего мира и именно в тот период, когда запасы продовольствия почти иссякли. К этому обстоятельству прибавилось падение боевого духа солдат, вызванное бесславным бегством французских войск из Мараша.

13 февраля Али Саиб посылает новое письмо командиру французских сил Оже, требуя немедленной сдачи оружия и боеприпасов и обещая в этом случае обеспечить отход французских сил в выбранное им место[266]. Не получив ответа, Али Саиб приказывает открыть орудийный огонь по французским войскам, которые, отступив со своих прежних позиций, сосредоточились в зданиии больницы и на ее территории.

28 февраля 1920 года посланный генералом Дюфио аэроплан сбросил на позиции французских войск листовки, в которых говорилось: «Ваши трудные дни подходят к концу. Скоро вы получите помощь и снабжение»[267].

Однако обещанная генералом Дюфио помощь не поступила, и французский гарнизон, изнуренный недостатком продовольствия, вынужден был прекратить сопротивление. Французское командование соглашается вступить в переговоры с мутесаррифом Урфы и Али Саибом через посредничество директрисы американских благотворительных заведений мисс Холмс.

9 апреля майор Оже соглашается вывести французские войска из города на следующих условиях:

1. Немедленное возвращение французских солдат, попавших в плен 18 февраля.

2. Гарантии безопасности гарнизона в течение его отхода до Араб-Пунара.

3. Десять человек из числа знатных людей города должны сопровождать колонну.

4. Предоставление вьючных животных (60 верблюдов и 30 лошадей) для транспортировки обоза.

5. Абсолютное обеспечение жизни нетранспортируемых раненых солдат, остающихся в госпитале доктора Вишера[268].

6. Почтение к могилам солдат, павших во время военных действий.

7. Снабжение армянского населения города и гарантии его безопасности, равно как и безопасности американской миссии и французских религиозных учреждений.

8. Немедленное прекращение вражды.

9. Подписание этой конвенции командиром французских сил, с одной стороны, и мутесаррифом от имени муниципалитета и командующим национальными силами—с другой[269].

К этим условиям было приложено заявление майора Оже, обращенное к мутесаррифу. В нем Оже заявлял, что моральная обязанность принуждает его отвести свои войска, якобы для того, чтобы «не дать умереть с голоду более чем 6-тысячному армянскому населению»[270]. Турецкая сторона безоговорочно принимает условия французов, и 10 апреля перемирие было подписано. Перед отступлением майор Оже не настаивает на том, чтобы десять нотаблей сопровождали колонну, согласившись на то, чтобы с ними были несколько жандармов. 11 апреля французские войска шли из города по направлению к своему лагерю близ Тель-Абиада. Но не сделав и десяти километров пути, они подверглись нападению курдских аширетов и вооруженных чете. В неожиданном и неравном бою почти весь французский отряд был истреблен, за исключением одного офицера и нескольких солдат[271].

Какую позицию заняло армянское население Урфы в развивающихся событиях?

Накануне первой мировой войны в г. Урфа насчитывалось около 30 тыс. армян[272]. В дни высылок и резни 1915 года они дорого продали свою жизнь, оказав героическое сопротивление турецким регулярным войскам. Большинство их пало в неравном бою, а оставшиеся были сосланы в пустыню Дейр-Зора.

После окончания первой мировой войны общее число уцелевших армян Урфы не превышало 6 тыс. человек[273]. В течение 1919 г. они из разных мест возвратились в свой родной город. Мутесарриф Урфы Али Риза-бей, который остался в городе для организации сопротивления французским оккупационным силам, и вышеупомянутый Али Саиб разными обращениями к армянам пытались заверить их, что они могут чувствовать себя в совершенной безопасности, что турки ничего не собираются предпринимать против них.

Так, в письме, направленном Армянскому национальному союзу Урфы, Али Саиб заверял, что «жизнь, честь и собственность армян останутся неприкосновенными», что его действия «направлены только против французов и армяне должны помочь туркам в этом деле»[274]. Но армянское население города, проученное поведением турок в 1915 г., хорошо знало, чего стоят эти заверения. Оно единодушно решило «соблюдать строгий нейтралитет в продолжение всего периода военных действий». Армянские жители Урфы стали вооружаться, укреплять свои кварталы, готовясь к обороне. Этот вооруженный нейтралитет они соблюдали как до, так и после ухода французских войск[275].

На обращения турецкого командования о переходе армян на сторону турок руководители Национального союза армян Урфы ответили: «Какова бы ни была конечная судьба армян Урфы, мы хотели показать всему миру наше твердое и лояльное отношение и подтвердить нашу корректность в течение всего промежутка развивающихся событий».

Исходя из этой позиции, армянские лидеры ответили мутесаррифу и Али Саибу следующее: «Армянам хорошо известно, что Урфа не станет частью территории Армении, и они решили остаться абсолютно нейтральными в сражениях между двумя странами, одна их которых желает заново оккупировать земли, другая же стремится защитить эти земли и сохранить их за собой. Армяне станут повиноваться любому хозяину Урфы, кто бы он ни был»[276].

На следующий день, утром 8 февраля 1920 года, бои между французами и турками возобновились, и последние подвергли мощному орудийному обстрелу не только французские позиции, но и армянский квартал, где был смертельно ранен один человек. Через час турецкий жандарм с белым флагом в руках явился к армянам с письмом от мутесаррифа, в котором говорилось, что стрельба по армянскому кварталу была результатом ошибки. Несмотря на это, армяне и в последующие дни понесли жертвы; погибли мужчины, женщины, несколько сирот из американского приюта, всего 21 человек[277]. И все же армянское население не поддалось провокации и не открывало огня, сохранив провозглашенный нейтралитет на протяжении всего периода осады. Этот нейтралитет не нравился ни французам, ни туркам, но именно он предотвратил угрозу новых насилий и избиений.

Что касается дальнейшей судьбы армянского населения Урфы, то после ухода французских войск местные власти некоторое время не беспокоили его. С начала же 1921 года и особенно после заключения Анкарского договора турки стали преследовать армян, прибегать к насилию, подлым убийствам и другим методам, имеющим своей целью изгнать армян их Урфы. Враждебное

окружение и антиармянские вылазки, поощряемые властями, вынудили армянское население покинуть родные пепелища и эмигрировать на чужбину. В течение 1922 и первых месяцев 1923 года все проживающие в Урфе армяне, за исключением нескольких семей, покинули родные очаги и перебрались в г. Халеб и его окрестности. Древняя Эдесса полностью лишилась своих старых обитателей—армян.

Несколько иначе развивались события в городе Айнтабе.

После окончания первой мировой войны, в течение около одного года (с 11 декабря 1918 по 5 ноября 1919 г.) Айнтаб пережил период английской оккупации. За это время возвратились в свой родной город те айнтабские армяне, которым удалось выжить, находясь в ссылке в пустынях Сирии и Месопотамии. Их было в общей сложности более 10 тысяч, еще около 8 тысяч армянских беженцев прибыло из других мест, преимущественно из Себастии. К концу 1919 г. население Айнтаба превышало 40 тыс. человек[278], из коих около 18 тыс. армян, остальные—турки и несколько сот семей курдов и черкесов[279].

29 октября 1919 г. французские войска вошли в Айнтаб, а 11 ноября командующий английскими силами майор Милз передал город французскому полковнику Фли Сент-Мари. 23 ноября созданный в городе Исламский комитет организовал митинг турецкого населения, направленный против французской оккупации Айнтаба. За этим последовал письменный протест, посланный упомянутым комитетом в адрес местных французских властей. В нем, в частности, говорилось, что оккупация Айнтаба противоречит условиям Мудросского перемирия и создает затруднения для турецкой администрации. При этом делались ссылки на «вильсоновские статьи»[280].

Вскоре Кылыдж Али, ранее отличившийся в боях в Мараше, был назначен М. Кемалем командующим национальными силами Айнтабского округа. Он посылает телеграмму протеста французскому верховному командованию в Адане, комплектует людей в свои чете из окружных сел Айнтаба и вооружает их[281]. Вооружалось и турецкое население Айнтаба. В течение декабря 1920 г. имел место ряд случаев убийства армян в городе и его окрестностях[282].

Айнтабские армяне, убедившись в том, что военные приготовления равным образом направлены против них, стали серьезно заботиться о мерах самозащиты. Их решимость противостоять надвигающимся бедствиям стала непоколебимой после событий в Мараше, особенно после того, как турки начали открыто угрожать бойкотом, резней, устраивать антиармянские митинги[283].

В конце января 1920 г. в городе Айнтабе создается комитет самообороны во главе с опытным офицером Адуром Левоняном.

Армянский квартал города был разделен на районы, назначены командиры отрядов, взято на учет оружие, находящееся в руках боеспособного населения, назначены дозорные, созданы красный крест, интендантская служба, налажено производство гранат, снарядов и т. д. «Армянские женщины и дети работали рядом с мужчинами, перевозили необходимые стройматериалы—камни, балки и т. д.»[284].

21 февраля знатные турки города собрались в здании муниципалитета, пригласив на встречу 25 представителей армян, которым предложили солидарность на следующих условиях: армяне во всех случаях, даже если они будут подвергнуты оскорблениям или унижениям со стороны турок, должны прямо обращаться к турецкой администрации; они не должны запираться в своих домах, должны выходить на рынок и общаться с населением. Армянские делегаты, в свою очередь, выдвинули следующие условия: турки не должны появляться в городе вооруженными; бойкот с их стороны должен быть снят[285].

Эти предложения, принятые обеими сторонами, были тут же нарушены турками. Воодушевленные успехом в Мараше, они, не скрывая своей враждебности, усиливают бойкот, избивают первого же армянина, появившегося на рынке, другого убивают. В начале марта вероломно были убиты в окрестностях Айнтаба семнадцать сасунских мельников. Все это делалось с целью запугать армян и заставить их выступить на стороне турок против французов. При этом турки открыто заявляли, что в противном случае они сотрут и уничтожат армян-франкофилов[286].

Для укрепления немногочисленного французского гарнизона 26 марта 1920 г. в Айнтаб была направлена колонна генерала Андреа, состоящая из трех пехотных полков и 200 кавалеристов, имея на вооружении также 4 танка[287]. По дороге ведя бои против турецких чете, Андреа 28 марта вступил в Айнтаб, но уже 1 апреля рано утром покинул город и двинулся в сторону Килиса, забрав с собой часть французских сил, расположенных в Айнтабе, и все уцелевшие пушки[288].

Турки как будто этого и ждали. Спустя всего два часа после ухода генерала Андреа вооруженные четники стали организованно наступать на армянские кварталы. Армянским защитникам удалось, однако, быстро забаррикадировать проходы между улицами и создать крепкую оборонительную линию.

«Поведение айнтабских армян, их дух в те критические дни выше всякой похвалы,—писал очевидец событий президент американского колледжа Джон Мэррил.—В течение трех месяцев, которые предшествовали событиям 1 апреля, армяне отчетливо поняли, что надежда их безопасности зиждется на сохранении мирных, спокойных отношений с турками. Именно такая политика

была взята на вооружение армянскими руководителями, хотя она содержала в себе опасные семена. Когда было совершено внезапное нападение на армян, последние справедливо могли ответить, что они подверглись нападению безо всякой причины и вправе организовать самооборону безо всякого духа мстительности»[289]. Автор одновременно подчеркивал организованность и несгибаемую волю защитников: «В период самообороны армяне выявили большие способности, находчивость, мужество. Не имели пороха—нашли пути его изготовления. Не имели снарядов—смогли изготовить их. Не имели патронов—добились их производства. Они даже отлили две пушки»[290].

Таким образом, первая осада Айнтаба ознаменовалась тем, что армянское население города не имея абсолютно никакой поддержки, в течение двух недель—с 1 по 16 апреля—оказывало мужественное сопротивление наступавшим турецким чете, которым так и не удалось пробить брешь в позициях защитников и ворваться в армянские кварталы. «Французы в первые дни боев выступали в роли простого зрителя»,—отмечал очевидец[291].

16 апреля в восточной и западной частях города появились свежие французские силы во главе с полковником Норманом, которые осадили турецкий квартал и потребовали от мутесаррифа вывода чете из Айнтаба. Последний отклоняет это требование. Но когда на следующий день другая французская колонна, идущая от Килиса во главе с полковником Дебиевром достигла Айнтаба и расположилась на высотах западной части города, турки, зажатые с востока и запада, прекратили боевые действия[292]. Городские власти даже заверяли в своих добрых намерениях и в то же время заявляли, что не имеют никакой власти над отрядами чете[293].

28 апреля колонна Нормана и бóльшая часть колонны Дебиевра покинула Айнтаб и направилась в сторону Джераблуса[294]. Армянский квартал второй раз оказался лицом к лицу с турками. И уже на следующий день, 29 апреля, заменивший Кылыджа Али Арслан-бей обратился к защитникам с угрожающим письмом: «Вы, османские подданные, поднимая оружие против своего правительства, должны знать, что этот ваш поступок не останется безнаказанным». В письме требовалось от армян в течение 24 часов сдать оружие и заявить о своей покорности, «в противном случае, мы не отвечаем за невинную кровь, которая может быть пролита»[295].

Аналогичное письмо турецкие лидеры отправили французам и американцам. Американцы, в частности, в своем ответном письме отмечали, что «армяне против вас не питают вражды. Их поведение—это простая самооборона, которая является лишь священным долгом»[296].

Следует сказать, что часть мусульманского населения, которая еще в 1915 г. выступила против приказов турецких властей о насильственной депортации армянских жителей Айнтаба[297], не одобряла антиармянских действий националистических лидеров. В частности, среди турецких жителей Айнтаба было немало таких, кто начал сознавать, что армяне вынуждены были вовлечься в борьбу, чтобы защитить свою жизнь и честь. Один из очевидцев рассказывает, что на баррикадах, отделяющих турецкие и армянские кварталы, можно было слышать разговоры следующего характера:

«—Гражданин, как Ваше имя?

—Арутюн. А Ваше?

—Мухаммед.

—Мухаммед, послушай, что я тебе скажу. У вас, особенно у крестьян, совсем нет ума. Ваши офицеры живут вволю, едят, пьянствуют, а таких несчастных, как вы, посылают против нас.

—В самом деле, вы правильно говорите. Какая у нас с вами была тяжба? Мы с вами как братья жили. Да будут прокляты те, которые нас ввергли в эту беду!»[298].

Мы привели этот диалог еще и потому, что в своих воспоминаниях, посвященных событиям в Айнтабе, турецкие авторы умышленно обходят молчанием факты недовольства низших слоев турецкого населения города приспособленческой позицией имущих слоев и богачей, требовавших прекращения борьбы против французов. Эти настроения отчетливо выявились в тяжелые месяцы осады турецкого квартала французскими оккупационными войсками.

Вместе с тем, турецкие авторы вынуждены признать, что националистические лидеры очень часто сталкивались с большими затруднениями при вербовке крестьян в отряды чете. Так, участник боев в Айнтабе Юзель свидетельствует, что Кылыдж Али имел долгие беседы с жителями окрестных сел, уговаривая их принять участие в национальном движении, и часто добивался успеха лишь угрозами и обещаниями[299]. Сами четники, окружившие армянский квартал, признавали, что они пришли «истребить гяуров и овладеть их имуществом». Один из очевидцев писал, что именно с этой целью пришли из Адиямана, Малатии, Урфы, Мараша, Килиса турки, курды, черкесы, тюркмены и представители разных аширетов. Прождав несколько дней и увидя, что «гяуры» встречают их с оружием в руках, они отказывались от своей затеи и убирались прочь[300].

Армяне, в свою очередь, во время боев в Айнтабе осознали, что политика Франции, так же как и политика любой империалистической державы, является в сущности вероломной и коварной.

«Айнтабские армяне стали постигать намерения французов,— писал участник событий.—Могу сказать, что самой большой пользой этой самообороны было то, что глаза армян Айнтаба открылись. Все убедились в том, что ни один европеец и не думал заботиться о них, что чужой всегда оставался чужим, что каждая нация старалась в свою пользу, и было бы глупостью полагаться на других для достижения своей независимости»[301].

Особенно сильное разочарование и падение духа вызвало у айнтабских армян заключенное 30 мая 1920 г. франко-кемалистское перемирие, которое французское командование пыталось держать в тайне от армянского населения. Согласно его условиям, французские войска должны были быть выведены из Айнтаба. Правда, условия этого перемирия не были соблюдены ни французами, ни кемалистами, но армянское население Айнтаба пришло к убеждению, что французские войска в любой момент могут покинуть оккупированные ими территории, если турки предложат условия, отвечающие французским интересам.

Перемирие от 30 мая 1920 г., как было показано в предыдущей главе, способствовало консолидации националистических сил и лучшей организации дальнейшей борьбы с французами. В дни перемирия турецкие власти Айнтаба сделали новые попытки привлечения армян на свою сторону для их выступления против французов. 13 июня мутесарриф Айнтаба заверял армян, что «турки *на сей раз* искренни, надо поверить им, и всем вместе, как детям одной родины, сотрудничать в деле ее защиты от чужеземного врага»[302] (курсив мой.—*Р. С.*)..

Подобные призывы турецких националистов были, однако, далеко не искренни, являясь пустыми декларациями, сделанными из тактических соображений. Эти заявления преследовали лишь цель вывести армян из состояния вооруженного нейтралитета и склонить их присоединиться к туркам в борьбе против французов. В действительности же, как показали последующие заявления того же мутесаррифа, отношение кемалистских деятелей к армянам, по сути дела, не отличалось от линии, проводимой младотурецкими шовинистами. Так, в письме от 24 сентября 1920 г., адресованном генералу Андреа, руководитель турецких национальных сил Айнтаба Йоздемири упомянутый мутесарриф обвиняли французов в том, что якобы они «стараются подчинить Турцию игу армян, которые явились палачами турок»[303].

В этих условиях армянское население не могло, конечно, довериться турецким заверениям и открыть свои позиции перед силами националистов. 28 июля, накануне возобновления боев против французов, собрание представителей армян Айнтаба направило турецкой стороне письмо, в котором говорилось: «Мы нейтральны. Если на нас не будет совершено нападение, мы без

повода никогда не будем стрелять в турок, и мы никогда не присоединимся к французам. Если бои возобновятся (между турками и французами.—*Р. С.*), то северные и южные дороги (Су Бурджа, Ак Йол и Паша Сокакы) мы оставим открытыми для военных перевозок, а центральная дорога (Балыклы Эплаган) будет открыта только для невооруженных лиц»[304].

26 июля, для подготовки наступления против французов, в Айнтаб прибыл бывший младотурецкий деятель полковник генерального штаба Саляхаддин Адиль-бей[305]. 29 июля турецкие войска нанесли первые орудийные залпы по французским позициям. Бои возобновились. В этот же день к Айнтабу продвинулась пятитысячная колонна генерала Андреа, которая 9 августа войдя в Айнтаб, осадила турецкий квартал[306]. Французским силам турки противопоставили отряд из 1500 бойцов «остатки 5-й и 9-й слабых дивизий»,—как отмечает Джебесой[307]. Во время обоюдной перестрелки армянское население оказалось между двух огней, и часть его, около 5000 человек, почти все не айнтабцы, оставили город, «уставшие от боев и политической и материальной необеспеченности»[308].

20 ноября 1920 г. французы получили новое подкрепление: из Аданы прибыло соединение полковника Губо в составе 13 пехотных батальонов, 11 батарей, полутора кавалерийских полка, одной эскадрильи самолетов[309].

Осажденные были окружены и лишены всякой помощи извне. «Если так будет продолжаться, продовольствия хватит всего на пять дней»,—говорилось в записке, направленной Саляхаддин Адиль-бею 7 января 1921 г.[310]

20 января 1921 г. командир осажденных национальных сил Йоздемир направил письмо Саляхаддин Адиль-бею, в котором предупреждал, что если в короткий срок помощь не подоспеет, то он вынужден будет вместе со своими бойцами прорвать окружение и уйти, т. к. продовольствия совсем не осталось и люди погибают с голоду [311]. Ожидаемая помощь не поступила, и Йоздемир во главе нескольких небольших отрядов, прорвав цепь, бежал из осажденного города. 8 февраля 1921 г. два парламентария от имени турецкого населения Айнтаба явились к генералу Андреа с предложением о капитуляции, прося одновременно, чтобы о его условиях было сообщено населению. В этот же день Андреа принял турецких делегатов, уполномоченных ознакомиться с условиями капитуляции. От их имени доктор Меджид сделал следующее заявление: «В турецком квартале произошел переворот. Йоздемир бежал, прорвав французскую линию и присоединился к Кенаан-бею. Офицеры уже не имеют авторитета. Население предоставлено собственной судьбе, и поэтому его делегаты явились вести переговоры»[312].

На следующий день, 9 февраля, турецкие уполномоченные подписали условия капитуляции города: признание французского мандата; "одинаково почетные условия для всех сдавшихся регулярных бойцов; уничтожение укреплений; вооруженным армянам запрещается вступать в турецкие кварталы, а вооруженным туркам—в армянские; никаких контрибуций (денежных взысканий); ни одно племя не должно оставаться в городе; помилование руководителей; уважение к вероисповеданию, личности и собственности[313].

Таким образом, в отличие от Урфы, французским оккупационным войскам в Айнтабе удалось одержать временную победу и остаться в городе. Положение армянского населения, однако, от этого не улучшилось. Спустя месяц, 9 марта 1921 г. в Лондоне было подписано франко-турецкое соглашение, которое хотя и не вступило в силу, но привело армян к убеждению, что чрезвычайно опасно связывать какие-либо надежды с французской политикой в Киликии. Как только подробное содержание этого соглашения стало известно айнтабским армянам, возникли неуверенность и паника, положившие начало массовой эмиграции. Французские власти Айнтаба пытались удержать армян от этого шага, но тщетно. 16 ноября от имени армян Айнтаба и Килиса викарий Нерсес Тавукчян направил телеграмму председателю Совета министров Франции А. Бриану, в которой говорилось: «Мы, армяне, доведенные с 35 тысяч до 12 тыс. из-за турецких зверств, вернулись в наш город Айнтаб, следуя предписанию союзных держав и на средства французского правительства. Нам было дано обещание обеспечить наши права и нашу жизнь и возместить наши убытки. Взамен этого в присутствии французской армии турки причинили нам большой материальный ущерб, убили наших людей, они добивались нашего уничтожения. Доверившись обещаниям, мы пошли на всякого рода жертвы, но уход французов из Айнтаба погасил все наши надежды. Амнистия, пожалованная убийцам, которые убивали на их глазах невинных армян, ввергла нас в панику. Наше теперешнее состояние мы оцениваем как нашу выдачу врагу. Поэтому мы, армяне Айнтаба и Килиса, решили покинуть город, сдав французским представителям наше недвижимое имущество.

Просим моральной и материальной помощи для переброски армян в местности, находящиеся за пределами турецкого влияния»[314].

Итак, армяне Айнтаба, несмотря на мужественную самозащиту, вынуждены были покинуть свой родной город и эмигрировать на чужбину. Когда 25 декабря 1921 г. последние французские солдаты покидали Айнтаб, в городе оставалось всего 3 500 армян.

Первое время турецкие власти не беспокоили армян, но с начала 1922 г. турки стали нападать на армянские кварталы,

прибегать к насилию, высылать молодых людей из города и т. д. 9 ноября 1922 г. газета «Гази Антеп» выступила с редакционной статьей, озаглавленной «Подальше от нас», предлагая армянскому населению убраться из города. В последующие месяцы вынуждены были эмигрировать и оставшиеся в городе армяне. В январе 1923 г. в Айнтабе оставалось всего 5—6 армянских семей[315].

Таким образом, айнтабским армянам (так же, как и армянам Урфы) благодаря героической самообороне удалось избежать резни, но они вынуждены были уступить перед шовинистической политикой кемалистов и навсегда покинуть родные края.

Ближневосточная политика французских правящих кругов имела катастрофические последствия и для судеб мужественных зейтунцев. Действительно, трагически сложилась судьба зейтунцев в годы первой мировой войны и после ее окончания—в период французской оккупации Киликии.

Зейтунцы, на протяжении десятилетий оказывавшие героическое сопротивление кровавым турецким пашам, неизменно выступавшие в авангарде национально-освободительной борьбы армянского народа[316], в 1915 г. почти без борьбы и сопротивления сдались врагу. Внемля киликийскому католикосу Сааку, который призывал к покорности и подчинению, знатные армяне Зейтуна, как бы потеряв свою былую бдительность и дальновидность, не смогли настроить 30-тысячное исключительно армянское население на самооборону против угрожавших вторгнуться в Зейтун турецких регулярных сил. В первые же месяцы после объявления Турцией войны России, турецкие части стали постепенно проникать в «орлиное гнездо», как называли Зейтун. В марте 1915 г. число турок в казарме города достигло пяти тысяч[317]. 24 марта прибывшая из Мараша в Зейтун делегация, как пишет очевидец, «разъяснила» критическое положение, и «зейтунцы подчинились». Только 22 непокорных, запершись в монастыре Сурб Аствацацин, стали отражать атаки многочисленных регулярных войск Хуршида-паши, окруживших монастырь. Ночью храбрецам удалось вырваться из окружения и уйти в горы[318]. Наутро турки штурмом взяли монастырь и сожгли его. 9 апреля знатные армяне Зейтуна были вызваны в казарму и сосланы в неизвестных направлениях. Далее турецкие власти прибегли к осторожным и хитрым шагам для дезориентации жителей Зейтуна и разобщения их. Так, спустя 7—8 дней после упомянутых событий, они сослали только жителей кварталов, прилегающих к монастырю, а затем, в течение двух недель сохраняя спокойствие в городе, организовали высылку окрестных деревень, заранее отрезав пути сообщения, чтобы в городе об этом никто не знал. После этого депортация жителей города возобновилась. Сперва высылают 400 семей, через два дня—500 семей и т. д. Подобным коварным путем в течение ап-

реля—мая депортации подверглось все армянское население Зейтунского округа—более 30000 человек[319].

Бо́льшая часть зейтунцев погибла в страшные годы геноцида: около 8000 человек осталось на дорогах ссылки, став жертвой резни, голода и эпидемий в Султание, Кара-Пунаре и других местах, а приблизительно 19 тысяч было уничтожено в концентрационных лагерях в пустыне Дейр-Зора в течение 1916 г.[320]

После окончания войны жалкие остатки уцелевших зейтунцев из Халеба и других пунктов Сирии собрались в г. Мараше, который в то время был оккупирован английскими войсками, а в течение мая—сентября 1919 г. направились в свои родные края. Сам город Зейтун был разрушен турками и лишь на восточной и западной окраинах его оставалось несколько полуразрушенных домов. Возвратившимся пришлось устроиться в помещении казармы. Был создан национальный совет во главе с Арамом Чолакяном. В первую очередь надо было раздобыть оружие. Народ стал вооружаться всеми возможными средствами. Инциденты, имевшие место в январе 1920 г. в районе Фрнуза, подтвердили необходимость этого шага. 26 января армянскую деревню Кучег окружили турецкие чете, организованные кемалистскими агентами. Жертвой этого внезапного нападения стали 69 человек, в основном дети и женщины. Прибывшим на помощь двенадцати храбрецам удалось дать достойный отпор погромщикам и спасти оставшихся 120 армян, перебросив их в Зейтун. В конце 1920 г. число обосновавшихся в Зейтуне жителей достигло 1058 человек.

30 января 1920 г. зейтунцы направили в Мараш делегацию. Последняя обратилась к командующему французскими силами в Мараше генералу Керету с просьбой обеспечить французское военное присутствие в Зейтуне, а если это невозможно, то предоставить зейтунцам вооружение, достаточное для самообороны. Керет отклонил просьбу представителей Зейтуна, хотя в это время в его распоряжении было более 6000 винтовок, недавно отобранных у турок[321].

Оступление французских войск из Мараша в феврале 1920 г. придало смелость отрядам четников, которые поспешили осадить крепость. Однако перейти в наступление против зейтунцев они еще не решались. И вообще следует сказать, что само коренное турецкое население окрестных сел с давних пор поддерживало дружественные отношения с зейтунцами. «В деревнях турки были миролюбивы, и если бы власти не настраивали их, они сами ничего плохого против нас не допускали»,—писал очевидец[322]. Со своей стороны зейтунские армяне, как отмечает Керр, «проявляли заботу об установлении хороших взаимоотношений со своими турецкими соседями»[323]. Что касается проживавших в нескольких близлежащих деревнях черкесов, они за весь период осады ока-

зывали поддержку зейтунцам, добывая для них продовольствие, доставляя соль и т. д. С марта по август 1920 г. осажденные зейтунцы были полностью отрезаны от внешнего мира. В этот период они проводили хозяйственные работы; обрабатывали брошенные в годы изгнания сады и огороды. В это же время восстановившаяся в Мараше турецкая администрация искала средства для подчинения непокорных зейтунцев. В начале 1921 г. они направляют в Зейтун «комиссию», требуя от армян немедленно сдать оружие и заявить о своем повиновении. Зейтунцы решительно отвергли это требование. «Из своего опыта 1895 и 1915 годов,— пишет доктор Керр,—зейтунцы знали, что быть разоруженными означало быть уничтоженными, поэтому они отвергли эти предложения»[324].

Спустя несколько месяцев, в ответ на просьбу направить для переговоров смешанную делегацию, в Зейтун прибыл 17 июня 1921 г. секретарь военного трибунала Мараша Эдиб-бей. Последний передал «приглашение» турецких властей «не теряя времени направить в Мараш полномочную делегацию». Национальный совет, после долгого совещания, дал свое согласие. 20 июня три представителя зейтунцев отправились в путь, но, прибыв на следующий день в Мараш, они были взяты под стражу. 25 июня делегаты Зейтуна в сопровождении двух рот солдат и пушек были отосланы обратно. Вместе с ними в Зейтун был направлен командующим турецкими силами в Киликии Саляхатдин-пашой Рафаел Херлакян. Последний был уполномочен «попытаться убедить зейтунцев, что лучше уступить, нежели быть уничтоженными»[325]. Встретившись с руководителем самообороны Арамом Чолакяном, Херлакян передал обещание турецкого командования обеспечить безопасность зейтунцев в случае их повиновения.

«Я согласен с вашими словами о том, что Саляхатдин-паша искренен,—ответил Чолакян. Но что будет с нами, если его отправят на фронт? Его преемник в Мараше не обратит никакого внимания на эти обещания». После этого ответа Арам Чолакян созывает своих бойцов (200 человек) и предлагает голосовать: сражаться или сдаваться. «Смерть—да! Капитуляция—нет!»— таков был ответ собравшихся[326]. Члены же национального совета предложили дать возможность выбора каждой отдельной семье. В результате, 741 человек—сироты, вдовы и семейные согласились следовать за Херлакяном в Мараш, а остальные решили остаться на своих позициях для продолжения отчаянной борьбы[327].

Сдавшиеся 27 июля на милость врага зейтунцы под предводительством Херлакяна достигли Мараша, где им благодаря Саляхатдин-паше действительно оказывалась некоторая помощь продовольствием до тех пор, пока последний не был переброшен

на греческий фронт[328]. После его отъезда власти Мараша обманным путем заставили беженцев перейти из американского колледжа в «более удобное помещение», откуда их 23 августа отправили в сопровождении жандармов в сторону Адиямана и Диарбекира.

«Арам-бей (Чолакян.—*Р. С.*) был прав,—замечает доктор Керр,—предсказывая, что обещание, данное Саляхатдин-пашой, окажется мертвой буквой»[329]. В самом деле, об участи этих людей нет определенных сведений. Известно только, что 17 человек погибло в пути, несколько мужчин бежало в Халеб, а 8 человек — в Айнтаб. «Журналь де Деба» поместила статью под заглавием «Депортация зейтунских армян», в которой отмечалось, что эта новая ссылка зейтунцев ничем не отличалась от депортации 1915 г. «Сосланы были все—старики, дети, женщины,—писал очевидец. Им не было предоставлено ни одного фургона. Представители американской «Near East Relief» хотели дать им продукты на дорогу. Сперва им не разрешили, но затем, после упорных требований, согласились, чтобы каждому было выдано по 50 г. хлеба»[330]. Далее говорилось, что во время «путешествия» в первый же день погибло 11 человек. «Одна молодая женщина была продана жандармами черкесу, другая, с двумя младенцами, исчезла. Старуха, которая не была в состоянии догнать свой караван, скончалась под ударами жандармов. Старик умер от жажды, не получив глотка воды, о которой он умолял. Было строго запрещено давать хлеб и воду несчастным сосланным...»[331].

Некоторые авторы считают, что все сосланные погибли в пути изгнания[332].

Что же касается участи несдавшихся зейтунцев, то они три дня самоотверженно отбивались от многочисленного противника, но в конце концов вынуждены были отступить под орудийным огнем. В ночь на 30 июня 1921 г. отряд численностью 318 человек (из них 72 женщины, девушки и подростки) прорывает вражеское кольцо и уходит в горы. Наутро турецкие солдаты, не встретив сопротивления, ворвались в казармы и безжалостно уничтожили укрывшихся там 50 человек—женщин, стариков и детей, которым не удалось бежать [333].

Упомянутый же выше отряд стал продвигаться на юго-запад, в направлении Фрнуза, с целью достичь Джейхана—зоны французской оккупации, но вскоре бойцы убедились, что это невозможно—регулярные кемалистские части, вооруженные пушками и пулеметами, закрыли дорогу отступления. Было принято решение вернуться в Зейтунские горы. Разделившись на три отряда, бойцы стали продвигаться в разных направлениях. Один отряд из 32 бойцов пытался добраться до Османие, но в неравных боях все кроме четверых, погибли. Спасшиеся 20 июня 1921 г. достигли Османие[334]. Два других отряда, идя разными путями, соедини-

лись в неприступных горах. Здесь 50 человек—все женщины и подростки, изнуренные непрерывными боями и лишениями, просят дать им возможность добраться до Мараша, чтобы сдаться турецким властям и соединиться со своими пленными родными. Эта группа добралась до моста Джейхана, однако неизвестно, удалось ли им достичь Мараша, или они стали жертвами чете.

Последняя большая группа из 153 человек, ведя беспрерывные бои с преследующим их противником, два месяца бродила в горах, пока ей не удалось прорвать вражескую линию и выйти к Джейхану. 3 сентября 1921 г. горстка мужественных зейтунцев достигла города Килиса во французской зоне оккупации. Их было всего 118 человек[335]. Кроме того, отколовшиеся от группы 11 бойцов, каждый в отдельности, достиг Османие. Таким образом, в оборонительных боях погибло 24 человека, в том числе последние могикане освободительной борьбы зейтунцев Арам Чолакян и его заместитель Ованес Симонян. «Община зейтунских армян прекратила свое существование и даже название было стерто с карты Турции, и Зейтун был переименован в Сюлейманлы» —пишет Керр[336].

К такому печальному концу пришла вековая освободительная борьба героического Зейтуна. Анкарские правители, в новых условиях применив шовинистическую политику своих предшественников—младотурок, в числе других городов Киликии очистили и Зейтун от коренного армянского населения.

Какую роль играли в развернувшихся в Киликии событиях действующие там армянские политические партии и организации?

Детальное изложение данного вопроса выходит за рамки настоящего исследования, поэтому здесь мы рассмотрим лишь те его аспекты, которые соприкасаются с франко-турецкими отношениями.

Следует сказать, что обосновавшиеся с начала 1919 г. в Адане и действующие там филиалы армянских политических партий—мелкобуржуазная партия гнчакистов, либеральная партия рамкавар и националистическая партия дашнакцутюн с самого начала своей деятельности проявили явное непонимание колониалистской сущности проводимой французскими властями политики. Руководители киликийских армян всерьез думали, что Франция оккупировала Киликию с целью ее последующей передачи армянам для образования там независимой армянской области или даже республики.

Иную позицию занимал предводитель армян-григориан Аданы архиепископ Мушег, который придерживался того мнения, что Франция оккупировала Киликию с целью ее окончательного захвата, поэтому и относилась враждебно к стремлениям армян добиться автономии Киликии под французским протекторатом[337].

С другой стороны, все армянские лидеры явно недооценивали силу кемалистского движения, потенциальные возможности турок. Они упускали из виду то обстоятельство, что османские турки на протяжении многих веков сами вели захватнические и победоносные войны, не зная иностранной оккупации, и поэтому они не могли смириться с чужеземным игом. При этом армянские руководители не понимали истинных целей союзных держав и безо всяких оснований переоценивали их силы в Киликии, закрывая глаза на то, что их войска находились там в качестве оккупантов. Они не хотели понять, что французские войска пришли в Киликию не для защиты христианского населения, а для реализации ближневосточной политики французских империалистических кругов. Талантливая армянская писательница и общественная деятельница Запел Есаян в своем отчете о положении в Киликии справедливо замечала в этой связи, что «основой всей нашей критики и недовольства является то, что мы всерьез думаем, что французы пришли в Киликию для нас, что они должны быть нам благодарны за то, что они пришли для нас, и поэтому они обязаны служить нам в соответствии с нашим пониманием и представлением дел»[338].

Более того, армянские национальные лидеры со всей серьезностью пытались разъяснять официальным представителям Франции, какую выгоду она могла извлечь от оккупации Киликии. Из многочисленных фактов самым примечательным, пожалуй, является высказывание деятеля гнчакской партии Седрака Шагена, который в беседе с руководителем французской гражданской администрации в Киликии полковником Бремоном в начале августа 1920 г. заявил следующее: «Мы готовы сотрудничать с вами в деле удаления пагубной турецкой руки и утверждения независимости Киликии под покровительством Франции. Вы только дайте свое согласие, и мы возьмем на себя львиную долю тягот, и будьте уверены, что этот шаг воскресит вековую мечту Франции: из рук врага будет вырван превосходный экономический рынок, богатейший источник хлопка»[339].

Другим вариантом подобного образа мышления выглядело обращение киликийского католикоса Саака Хапаяна к премьер-министру Франции А. Мильерану 31 марта 1920 г., в котором заверялось «что армянин никогда не ставил и не будет ставить разницы между собой и французом»[340].

В этом же духе высказывались другие гнчакские деятели. «Мы от вас ожидаем многого,—говорил Бремону редактор органа гнчакистов газеты «Таврос» А. Кенчян,—ибо подобно тому, как мы себя чувствуем французами, говорящими по-армянски, так же рассматриваем вас, как армян, говорящих по-французски»[341].

Другой деятель гнчакской партии Ф. Ханзадян обвинял руко-

водство своей партии в том, что оно не откликалось на «искренние предложения» французских правящих кругов, обстоятельство, которое, по его мнению, толкнуло их к кемалистам, приведя к франко-турецкому сближению. Считаем целесообразным привести полностью соответствующий отрывок из его письма, адресованного Исполкому американской секции этой партии и лидеру гнчакистов С. Сапах-Гуляну:

«Вступившие сразу после перемирия на киликийскую землю ответственные государственные лица Франции неоднократно заявляли, что эта земля является страной армян и что они пришли сюда с тем, чтобы организовать армян, как дружественную силу. Эти заявления имели искренний характер, однако, тогдашние наши руководители и жалкие так называемые делегаты, не желая серьезно разобраться в нашей действительности и в наших задачах, оставили все на роковое стечение обстоятельств. Французские же капиталистические правительства, разочаровавшись в бездарной деятельности армян, избрали другой путь действий, который привел их к туркам, а мы стали рассматриваться, как ненадежный элемент в глазах французских властей в Киликии.

После этого естественный ход событий привел к тому, что Франция еще шире подготовила почву для франко-турецкого сближения, вступив в пагубные как для нас, *так и для себя, переговоры с Кемалем*»[342] (курсив мой.—*Р. С.*).

По сути дела, таких же нереалистических и наивных, усыпляющих бдительность позиций придерживались представители других партий—рамкаваров и дашнаков, а также руководители Армянской национальной делегации в Париже. Так, на заседании упомянутой делегации 11 июня 1920 г., проходившем под председательством бывшего министра иностранных дел Османской империи Габриела Норатункяна, Погос Нубар заявил, что «одной из целей занятия французами Киликии было защитить местных армян. Именно с этим намерением они собрали уцелевших армян в Киликии, обещав им покровительство и безопасность...»[334]

Следуя подобным ложным представлениям, армянские национальные лидеры Киликии, полномочный представитель Армянской национальной делегации Мигран Тамадян, киликийский католикос Саак, Национальный совет Аданы продолжали возлагать надежду на военную и материальную помощь «рыцарской Франции» даже после того, когда судьба Киликии, как было показано выше, фактически была предрешена уже на конференции в Сан-Ремо. А еще раньше, как выяснилось из опубликованных английских документов, слывущий «другом армян» Жорж Клемансо в беседе с Ллойд Джорджем заявлял, что «армяне—опасный народ, и не стоит иметь дела с ними. Они требуют больших денег,

но дают очень маленькую компенсацию... Франция не намерена отныне тратить какую-либо сумму на Армению»[344].

Были и другие французские деятели, которые высказывались достаточно откровенно. Так, заменивший Бремона на посту французской администрации в Киликии майор Аслер не скрывал, что «Франция заняла Киликию, исходя исключительно из своих собственных интересов»[345].

Совершенно очевидно, что при таких противоречивых высказываниях официальных представителей Франции только критический анализ проводимой ими реальной политики мог выявить «добро и зло» предпринятых ими акций. Делался ли такой анализ армянскими деятелями, взявшими на себя заботу об армянском населении Киликии? Нет, не делался. Односторонне переоценив экономическое значение Киликии для Франции, они не смогли понять, что французские интересы в Киликии были побочными и занимали подчиненное положение по сравнению с политическими и экономическими интересами Франции во всей Турции, и поэтому французские империалистические круги готовы были пожертвовать и Киликией, и ее христианским населением, если бы правительство Кемаля хотя бы в минимальной степени признало эти интересы и согласилось бы оплатить французским банкирам хотя бы часть многомиллионной задолженности. Они не понимали, что для Мильерана, Лейга, Бриана и других французских руководителей, как отмечала французская «Юманите», «важно было не освободить армянский народ, а еще лишний раз сослужить службу клерикально-капиталистическому империализму»[346].

Итак, лелея мечту увидеть армянскую Киликию свободной и независимой, армянские национальные органы провозгласили Киликию автономной страной, независимой от турецкого суверенитета, под покровительством Франции, не позаботившись даже о том, согласна ли Франция взять на себя это покровительство.

Первым провозгласивший «Республику Рубинянов» деятель дашнакской партии Минас Верацин в распространенной 2 августа 1920 г. прокламации заявлял:

«Армянам Киликии!

Сегодня, 2 августа 1920 г. от имени автономных армянских национальных сил провозгласил автономию междуречья Джейхан—Сейхан вплоть до моря.

Враг, с которым мы вступили в соприкосновение, отступает, предавая огню деревни.

Исторические часы переживаем мы...

Наша цель—установить в этой стране армянский автономный режим *под покровительством Франции*»[347] (курсив мой.—*Р. С.*).

Затем, «командующий [несуществующими] национальными силами автономной армянской Киликии Двуречья» спешил изве-

тить об этом Аданское правление социал-демократической гнчакской партии: «Сегодня, 2 августа, в присутствии наших сил провозгласил автономную страну (между реками Сейхан и Джейхан до моря) *под французским покровительством...*

Находимся в столкновении с вражескими силами, и если Европа не услышит нас, мы продолжим борьбу против кемалистов *всеми нашими силами...*»[348] (курсив мой.—*Р. С.*).

Это хвастливое заявление хотя и опередило, но не помешало осуществлению давно подготовляемого акта гнчакской партии—провозглашению автономии *всей Киликии,* что и имело место 4 августа 1920 г. В этот день члены Армянского национального союза, предводители трех религиозных общин, представители армянских партий, равно как и руководители других христианских общин Аданы во главе с М. Дамадяном явились к полковнику Бремону и передали ему декларацию о провозглашении «христианской независимой республики Киликии» под суверенитетом Франции.

«Сегодня, 4 августа в полдень,—говорилось в декларации,—господин представитель единой армянской делегации, Армянский национальный союз, предводители трех армянских религиозных общин, религиозные и светские делегаты греческой, ассирийской, халдейской, сирийской общин, представившись совместно руководителю административной службы Киликии полковнику Бремону, торжественно вручили ему официальный документ, подписанный выше перечисленными лицами, относительно отделения Киликии от турецкого государства и создания правления из местных христиан под *французским покровительством*»[349] (курсив мой.—*Р. С.*).

Принимая «официальный документ», полковник Бремон обязался сообщить об этом своему правительству[350]. М. Дамадян, однако, не удовлетворился провозглашением «автономной» Киликии. Он создал «правительство» из шести министров—представителей трех армянских партий, а также ассирийца Лиент Жана. Утром 5 августа 1920 г. члены возглавляемого Дамадяном «кабинета» явились в резиденцию турецкого губернатора (вали) Аданы, заняли пустующий в этот момент кабинет и сообщили ему по телефону, что отныне он лишен власти. Узнав о происшедшем, Бремон по телефону приказал «положить конец комедии» и разойтись, но встретив возражение со стороны Дамадяна, он лично явился во главе небольшого отряда и разогнал собравшихся[351].

События 4—5 августа 1920 г. не принесли никакой пользы армянам Киликии, но они послужили удобным предлогом французским административным и военным властям для подавления даже малейшего недовольства армян. Полковник Бремон тут же заявил, что он прерывает всякие сношения с полномочным представителем Армянской национальной делегации, а прибывший в сентябре в Адану генерал Гуро приказал немедленно распустить

армянский легион, разоружить и распустить добровольческий отряд, который готовился пойти на помощь осажденному Хаджину, а также изгнать из Киликии сотни «беспокойных элементов».

Спустя несколько месяцев тот же Гуро заявлял на сенатской комиссии по иностранным делам Франции 9 декабря 1920 г., что «надо изменить Севрский договор приемлемым для турок образом», ибо «турки долгое время были нашими друзьями, а затем *нашими храбрыми и лояльными врагами*»[352] (курсив мой.—*Р. С.*).

Весьма характерно, что все случившееся никак не отразилось на позиции, занятой армянскими национальными кругами, действующими как в самой Киликии, так и за ее пределами. Так, на состоявшемся 5 сентября 1920 г. в г. Эвиане заседании Армянской национальной делегации была утверждена программа ее действий, в которой по-прежнему утверждалось, что она будет добиваться превращения Киликии в автономную страну *под протекторатом Франции*[353]. Далее в упомянутой программе говорилось, что для достижения этой цели Армянская национальная делегация окажет всяческую поддержку армянам Киликии

«1—предоставляя им деньги;

2—подстрекая, поощряя и организуя под начальством генерала Андраника движение добровольцев, которые со всех концов стекутся в Киликию для поддержки армянских бойцов, сражающихся против банд Мустафы Кемаля;

3—выступая с демаршами перед французскими властями, сперва перед теми, которые находятся в Сирии и Киликии, затем перед центральным правительством»[354].

Однако вся беспомощность этой программы отчетливо выступала в ее заключительной части, где говорилось, что «национальная делегация с силах попросить у президента Вильсона оказать любезность склонить Францию к тому, чтобы она согласилась взять Киликию под *свое покровительство*»[355] (курсив мой.—*Р. С.*)

Таким образом, весь приведенный материал при критическом его рассмотрении позволяет сделать следующие выводы:

1. В развернувшихся в Киликии в 1918—1922 гг. событиях нашли свое отражение империалистическая и колониальная политика французских монополистических кругов, с одной стороны, и принципы кемалистской национальной политики—с другой.

2. Проводимая в Киликии в рассматриваемый период политика французских властей имела катастрофические последствия для многонационального населения этого края, в частности для армян, составлявших более одной трети населения. Поощряя разного рода обещаниями возвращение армян в Киликию, французские империалисты в то же время заигрывали с турками, стремясь достичь сепаратного соглашения с ними даже ценой отказа от определенных гарантий безопасности христианского населения.

3. Возглавляемая кемалистами борьба в Киликии была сколь справедлива против оккупировавших ее французских войск, столь же несправедливой, носящей шовинистический характер по отношению к христианскому населению. Такая политика турецких националистов имела своей целью помешать прежде всего киликийским армянам обосноваться в родных местах, что могло создать опасность для сохранения Киликии в составе Турции. Поэтому кемалисты и стали применять по отношению к армянскому населению политику жестоких преследований и поголовного истребления, даже в тех местах (Хаджин, Зейтун), где не было ни одного французского солдата и где армяне, после отчаянного сопротивления, были почти полностью вырезаны турецкими регулярными частями и вооруженными бандами, выдававшими себя за борцов национально-освободительного движения.

4. Попытки буржуазных историков, особенно турецких и американских, оправдать в той или иной форме насилие и погромы, учиненные над мирными жителями Киликии, лишены каких бы то ни было оснований. Они продиктованы стремлением «обосновать» свершившееся—уничтожение или изгнание из родного края коренных жителей, обитавших здесь еще задолго до образования турецкого государства, законными гражданами которого, к тому же, они являлись.

5. Действующие в этот период в Киликии армянские политические партии и организации своей недальновидной и неосмотрительной политикой и, зачастую, безответственными действиями усугубляли и без того сложное положение армян. Из-за своей социально-классовой сущности будучи не в состоянии понять экономические и политические мотивы туркофильской политики французских империалистов, они слепо доверились их обещаниям, явно недооценив силу кемалистского движения. Они не смогли *вовремя* понять, что кемалисты пришли в новых условиях продолжить расистскую и шовинистическую политику младотурок в национальном вопросе, хотя уже в 1919 г., после Эрзерумского и Сивасского конгрессов, было совершенно ясно, что кемалисты не признают права на самоопределение за подвластными народами Османской империи, и не уступят им ни одной пяди земли, особенно армянам. В результате такого непонимания как французской, так и кемалистской политики, армянские лидеры Киликии, руководители местных органов, распоряжавшиеся судьбами киликийских армян, фактически дезориентировали их, связав гарантии безопасности не с организацией их самообороны, а с помощью французских властей и немногочисленных оккупационных войск.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

АНКАРСКИЙ ДОГОВОР 1921 г. И СУДЬБА КИЛИКИЙСКИХ АРМЯН

Заключение Анкарского договора 1921 г. между Францией и Турцией явилось логическим завершением тех дипломатических акций обеих сторон, прежде всего Франции, о которых говорилось выше. Исходя из своих экономических, финансовых, религиозных, культурных и иных интересов в Турции, Франция продолжала искать новые пути для завершения своих дипломатических усилий и подписания сепаратного соглашения с Анкарой.

Спустя некоторое время, А. Франклен-Буйон в сентябре 1921 г., уже после Сакарийского сражения, снова оказался в Турции и до поездки в Анкару для возобновления переговоров имел в Константинополе встречу с французскими высокопоставленными офицерами на предмет будущего соглашения с кемалистами. В связи с этим Рамбольд сообщал, что как стало известно, в готовящемся соглашении имеется секретная военная статья о том, что после эвакуации Киликии Франция оставит кемалистам военные запасы, технику и снаряжение, достаточные для двух дивизий[2]. Франция соглашалась также разрешить кемалистам использовать отрезок Багдадской железной дороги во французской зоне, идущий к Мосулу через Биреджик и Урфу, в случае военных действий между кемалистами и королем Фейсалом[3].

Переговоры с Юсуф Кемаль-беем и другими представителями Анкары начались 24 сентября. И на этот раз Франклен-Буйон столкнулся с решительной позицией Анкары в вопросах иностранных зон влияния, создании смешанной жандармерии в Киликии и особенно режима капитуляций. Во время одной из встреч Франклен-Буйон спросил у Юсуфа Кемаля: «Неужели турки думают, что они смогут отменить все капитуляции?». На что последний ответил: «Великое национальное собрание никогда не позволит туркам сложить оружие до тех пор, пока капитуляции не будут упразднены»[4]. Разногласия возникли и в вопросе национальных меньшинств, однако и здесь, как отмечает Сониел, кризис вскоре пришел к концу, т. е. Франклен-Буйон, получив инструкции из Парижа, согласился со статьями Национального пакта[5].

20 октября в два часа ночи франко-турецкий договор был подписан, а уже в 5 часов утра Франклен-Буйон покинул Анкару. 25 октября он появился в Париже с договором в руках. Такая поспешность в оформлении договора объяснялась тем, что премьер-министр Бриан хотел использовать «разрешение» киликийской проблемы для получения вотума доверия в парламенте перед своей поездкой на Вашингтонскую конференцию. Следует также учесть, что французское правительство в переговорах с представителями Анкары при рассмотрении вопроса о Киликии всегда исходило из своих интересов в Сирии, стремясь скорее покончить с «дорогостоящей экспедицией» в Киликии, чтобы создать надежные границы для Сирии. Характерно, что при обсуждении этого вопроса в палате депутатов, в тот самый день, когда Франклен-Буйон в тайне от французских парламентариев подписывал договор с кемалистами, Бриан, отражая нападки ряда депутатов, выражал удовлетворение правительства тем, что вражда прекращена, и больше не будет проливаться кровь французских солдат[6].

Франко-турецкий договор, известный в литературе, как Анкарское соглашение или как договор Франклен-Буйона, в опубликованном тексте содержал следующие статьи:

«Ст. 1. Договаривающиеся стороны заявляют, что с момента подписания настоящего соглашения состояние войны между ними прекращается; армии, гражданские власти и население немедленно будут поставлены в известность об этом.

Ст. 2. Начиная с момента подписания настоящего соглашения военнопленные воюющих сторон, равно как и французские и турецкие заключенные, будут освобождены и соответственно препровождены в близлежащие города, предназначенные для этой цели. Льготы этой статьи распространяются на всех заключенных обеих сторон, независимо от времени и места их заключения или взятия в плен.

Ст. 3. В течение максимум двух месяцев со времени подписания настоящего соглашения турецкие войска отступят на север, а французские войска—на юг от линии, отмеченной в статье 8.

Ст. 4. Прием и сдача территорий, которые будут иметь место в течение срока, предусмотренного статьей 3, осуществятся согласно условиям, выработанным смешанной комиссией, созданной военным командованием обеих сторон.

Ст. 5. Обе договаривающиеся стороны объявят о полной амнистии в эвакуируемых ими районах сразу же после перехода к ним этих территорий.

Ст. 6. Правительство Великого национального собрания Турции заявляет, что права меньшинств, торжественно признанные в Национальном обете, будут подтверждены им на той же основе, которая установлена конвенциями, заключенными на этот

предмет между державами Антанты и их противниками и некоторыми из их союзников.

Ст. 7. Специальный административный режим будет установлен для района Александретты. Жители этого района, принадлежащие к этой национальности, будут пользоваться всеми возможными облегчениями для развития своей культуры. Турецкий язык в этом районе будет иметь официальное значение.

Ст. 8. Линия, упомянутая в статье 3, устанавливается и уточняется следующим образом: пограничная линия будет проходить непосредственно к югу от местности Пайяс в районе залива Александретты и направится к Мейдан Экбесу (оставляя за Сирией железнодорожную станцию и населенный пункт).

Оттуда она направится к юго-востоку с таким расчетом, чтобы оставить за Сирией населенный пункт Мерзифон, а за Турцией—Карнаб, равно как и город Килис; там линия соединится с Багдадской железной дорогой, платформа которой останется на турецкой территории до Нусейбина; оттуда она будет следовать по старой дороге между Нусейбином и Джезире-ибн-Омаром, где она соединится с Тигром. Населенные пункты Нусейбин и Джезире-ибн-Омар, равно как и дорога, останутся за Турцией, однако обе страны будут иметь одинаковые права в пользовании этой дорогой. Станции и вокзалы секции между Чобан-беем и Нусейбином будут принадлежать Турции как составляющие части платформы железной дороги.

Комиссия, состоящая из представителей обеих сторон, будет создана в течение одного месяца с момента подписания настоящего соглашения для фиксации упомянутой выше линии. Эта комиссия приступит к работе в эти же сроки.

Ст. 9. Могила шаха Сулеймана, деда султана Османа, основателя османской династии (известна как могила Турка-Мезара), находящаяся в Джабер-Калеси, останется с состоящими при ней службами собственностью Турции, которая будет иметь право содержать там сторожей и поднимать турецкий флаг.

Ст. 10. Правительство Великого национального собрания Турции соглашается на передачу концессии на отрезок Багдадской железной дороги между Бозанти и Нусейбином, равно как и на различные ветки, построенные в Аданском вилайете, назначенной французским правительством группе со всеми правами, привилегиями и выгодами, в частности, касающимися эксплуатации и перевозок.

Турция будет иметь право совершать свои военные перевозки по железной дороге от Мейдан-Экбеса до Чобан-бея в Сирийском районе, а Сирия будет иметь право совершать свои военные перевозки по железной дороге от Чобан-бея до Нусейбина по турецкой территории.

На этом отрезке и в его разветвлениях в принципе не может быть установлен какой-либо дифференцированный тариф. Однако оба правительства сохраняют за собой право разработать в случае надобности в общем соглашении все отклонения от правила, которые станут необходимыми.

В случае невозможности прийти к соглашению каждая сторона будет иметь свободу действий.

Ст. 11. После ратификации настоящего соглашения будет создана смешанная комиссия для заключения таможенной конвенции между Турцией и Сирией. Условия, как и продолжительность этой конвенции, будут определены названной комиссией. До заключения вышеупомянутой конвенции обе страны сохранят свободу действий.

Ст. 12. Воды Кувейка будут распределены между городом Алеппо и оставшимся за Турцией районом на севере с тем расчетом, чтобы справедливо удовлетворить обе стороны.

Город Алеппо равным образом может использовать за свой счет воды Евфрата на турецкой территории для удовлетворения потребности области.

Ст. 13. Оседлое население или полукочевники, имеющие пастбища или собственность по ту или другую сторону линии, фиксированной в статье 8, будут продолжать пользоваться своими правами. Они смогут, исходя из необходимости использования своих прав, свободно, не выплачивая ни пошлин за пастбища, ни таможенных или других пошлин, транспортировать с одной стороны линии на другую свой скот, сельскохозяйственные инструменты, семена и сельскохозяйственную продукцию, имея в виду, что установленные пошлины они заплатили соответственно в тех странах, где они проживают»[1].

Важное значение имела и нота, с которой обратился в тот же день к Франклен-Буйону комиссар по иностранным делам Великого национального собрания Турции Юсуф Кемаль-бей. Считаем необходимым привести полный текст указанной ноты.

«Ваше Превосходительство!

Мне приятно надеяться, что заключенное между правительством Национального собрания Турции и правительством Французской республики соглашение, имеющее целью установить окончательный и длительный мир, приведет к восстановлению и консолидации тех тесных отношений, которые существовали в прошлом между двумя нациями, и правительство Французской республики постарается разрешить в духе сердечного согласия все вопросы, касающиеся независимости и суверенитета Турции.

С другой стороны, правительство Великого национального собрания, желая благоприятствовать развитию материальных интересов между двумя странами, поручило мне заявить Вам, что оно расположено предоставить концессию на железо-хромовые и

серебряные месторождения, находящиеся в долине Харшида, французской компании сроком на 99 лет, в течение 5 лет с момента подписания настоящего соглашения для осуществления этой концессии обществом, созданным согласно турецким законам с участием турецкого капитала, доходящего до 50%.

Кроме того, турецкое правительство готово рассмотреть с величайшей благосклонностью другие заявки, которые могли бы быть сделаны французскими группами на горные, железнодорожные, портовые и речные концессии при условии, что упомянутые заявки будут соответствовать взаимным интересам Турции и Франции.

С другой стороны, Турция желает воспользоваться сотрудничеством французских профессоров-специалистов в профессиональных школах. По этому поводу она позже сообщит французскому правительству об объеме этих потребностей.

Наконец, Турция надеется, что с момента заключения соглашения французское правительство не откажется разрешить французским капиталистам войти в экономические и финансовые отношения с правительством Великого национального собрания Турции»[8].

Как видно из содержания Анкарского договора и приведенной ноты, для Франции и Турции принципиальное значение имели статьи 1, 3, 4, 6, 7 и 10, остальные касались менее важных вопросов.

Статья 1 о немедленном прекращении военных действий и статьи 3 и 4 об уходе французских войск по сути дела возвещали о военной победе турок и, разумеется, имели гораздо бо́льшее значение для Турции, получавшей возможность перебросить свои войска на западный фронт для борьбы против греков. Кроме того, весь экономический потенциал Киликии отныне мог быть использован анкарским правительством для военных целей. Таким образом, за счет южного фронта несравненно усиливался западный фронт. Помимо этого, важное значение имело и то обстоятельство, что для получения оружия кемалисты могли пользоваться Мерсинским портом и железной дорогой. Турецкий историк Акшин отмечает в этой связи, что «одной из выгод, получаемых от этого договора, являлось то, что с точки зрения добычи оружия и боеприпасов мы уже не были связаны только с русскими, а могли получать подобную помощь также с юга»[9].

Действительно, последующие события показали, что отвоевание у французов Киликии имело существенное значение для побед, одержанных кемалистскими войсками в течение 1922 г.

Статья 6 о «защите» проживающих в Турции национальных меньшинств знаменовала собой явный успех анкарского правительства, ибо вместо конкретного признания прав меньшинств,

вопрос подменялся тем «торжественным» и ни к чему не обязывающим определением, которое содержалось в Национальном обете. Уступка Франции в этом вопросе усугублялась тем, что в отличие от Лондонского соглашения от 9 марта 1921 г., по которому турецкое правительство обязывалось обезоружить население Киликии, в Анкарском договоре таковой пункт вовсе отсутствовал. Это означало, что вооруженные до зубов турецкие чете и созданные с целью грабежа и убийств христиан многочисленные банды могли беспрепятственно продолжать свое дело.

Далее, эвакуация Киликии, ранее сопровождаемая рядом условий, теперь должна была производиться без каких-либо гарантий со стороны Турции. И еще: в муниципальном управлении в тех областях, где имелось смешанное население, должны были участвовать представители различных национальностей, чего уже не было в анкарском договоре.

Статья 7 договора об «особом административном режиме» Александреттского санджака в сущности также являлась большой уступкой, которая делалась Францией Турции за счет сирийского народа. Упомянутая статья впоследствии послужила поводом для анкарских правящих кругов вынести вопрос об Александреттском санджаке на арену международной дипломатии и путем сговора с французскими империалистами присоединить его к Турции[10].

Что касается статьи 10 о предоставлении концессий французским капиталистам, то здесь, конечно, анкарское правительство принципиально отклонялось от своей прежней позиции и делало уступку империалистам, которая, однако, была менее значительной по сравнению с получаемыми выгодами. Из приведенной выше ноты Юсуф Кемаль-бея видно, какими условиями сопровождалась передача концессии. Анкарское правительство в любой момент могло заявить, что данная концессия противоречит национальным интересам Турции.

Кроме этого имелось еще одно обстоятельство, не нашедшее отражения в договоре, но выгодное Франции. Это—возможность сосредоточения французских войск в Сирии и укрепления границ последней.

Другим выигрышным моментом, также прямо не зафиксированным в договоре, но имеющим важнейшее значение с точки зрения колониальной политики Франции в будущем, был факт достижения согласия с кемалистами и отказа борьбы с ними. Признание анкарского правительства Францией было, разумеется, большим успехом для кемалистов. В то же время оно было встречено с энтузиазмом во всем мусульманском мире, особенно в колониальных владениях Франции. «Наконец-то,—отмечал парижский еженедельник «L'Europe Nouvelle»,—имя Франции приобре-

тает новый блеск не только на Ближнем Востоке, но и во всех тех мусульманских странах, где, несмотря на ошибки и неудачи Турции, постоянно царит авторитет халифата... Мы можем надеяться на то, чтобы снова занять в глазах мусульманского мира то законное место, которое, увы, было потеряно за несколько лет до войны отчасти из-за германских интриг, отчасти же по причине нашей собственной беспечности»[11].

Наконец, Анкарский договор кроме опубликованного текста содержал секретные статьи. Согласно последним, Франция должна была продать Турции оружие и боеприпасы на общую сумму 200 млн франков, в том числе 10 тыс. комплектов обмундирования, 8 тыс. маузеров, 5 тыс. лошадей, 12 самолетов, а также пушки типа „Creusot"[12].

Эти секретные статьи Анкарского договора, направленные против могущественного ближневосточного соперника Франции— Англии, были призваны укрепить французские позиции в регионе и восстановить довоенное положение Франции. Поэтому неудивительно, что подписание франко-турецкого договора имело в Англии впечатление разорвавшейся бомбы, хотя английская дипломатия после двух поездок Франклен-Буйона в Турцию знала, конечно, о том, что Франция делает новые попытки сепаратного соглашения с анкарским правительством[13].

Английская печать обрушилась на Францию с обвинениями в вероломстве, нарушении союзнических обязательств, подрыве авторитета Великобритании и т. д. «Франция бросила вызов союзникам,—писала «Daily chronicle». Одно из двух: или мы являемся союзниками, или таковыми не являемся. Анкарский договор показывает, что мы не являемся союзниками[14].«Франко-ангорский договор,—добавлял дипломатический корреспондент газеты «Observer»,—является не только насмешкой над межсоюзнической солидарностью, но и коренным образом нарушает некоторые основные принципы союзников. Так, например, анкарское правительство окончательно признано Францией как единственная исполнительная власть в Турции...»[15]. А известный политический обозреватель Джордж Глазго находил, что более важен вопрос о том, продолжает ли Антанта существовать, или она распущена сепаратными шагами Франции. «Если Франция отвергает дух сотрудничества и действует одна,—вопрошал автор статьи,—должна ли Великобритания следовать ее примеру, и если да, то что же останется тогда от Антанты»[16]. И лишь консервативная «Таймс» с сожалением признавала, что «французы первыми правильно поняли создавшееся в Малой Азии положение», выражая в то же время досаду по поводу того, что одновременно с франко-турецким соглашением не был заключен общий мирный договор[17].

Вслед за неофициальными протестами английских газет пос-

ледовали дипломатические демарши Форин оффиса, с трудом скрывающие недовольство поведением своей «союзницы». Подписание договора «внушило чувство удивления и страха Керзону»[18], который незамедлительно потребовал объяснений.

Из опубликованных английских документов становится очевидным, что британское правительство фактически получило подтверждение о подписании договора уже 21 октября. Английский посол в Париже Гардинг сообщал Керзону, что во время своей встречи с Брианом последний пытался умалить значение сепаратных шагов Франции, приведя как довод то обстоятельство, что первые предложения относительно границ Сирии и выдачи французских военнопленных были отклонены анкарским парламентом. В то же время Бриан отметил, что из полученной от Франклен-Буйона информации стало известно о том, что Мустафа Кемаль озабочен скорейшим заключением соглашения с Францией и решил оказать нажим на Великое национальное собрание, поставив вопрос о доверии. И уже в конце беседы Бриан признал, что согласно последней информации, полученной французским правительством, ВНСТ дало свое согласие, и договор будет подписан «сегодня или завтра»[19], т. е. 21 или 22 октября, в то время как Анкарский договор был уже подписан.

Подтверждение о заключении договора в Анкаре поступило также от агенства кемалистов в Стамбуле Гамид-бея, сообщившего английскому послу Рамбольду, что «Франция хочет эвакуировать Киликию в течение нескольких недель после того, как соглашение будет одобрено французским правительством»[20]. Из беседы стало также известно, что А. Франклен-Буйон 22 октября прибыл в Стамбул и в тот же день отправился в Париж с намерением повидаться с Брианом до отъезда последнего в Вашингтон[21].

Дальнейшим шагом Керзона было требование представить полный текст договора. 29 октября Кэ д'Орсэ передало английскому посланнику в Париже Читэму ноту с приложением текста Анкарского договора и приведенного выше письма Юсуф Кемаль-бея[22].

Изучив оба документа, Керзон пригласил к себе 3 ноября французского посла Сент-Олера для получения «разъяснений». Никакие разъяснения, однако, не были даны французским послом кроме того, что «соглашение, подписанное Франклен-Буйоном, носит чисто локальный характер», и доказательством этого служит тот факт, что вопросы об Измире, Фракии и заключения окончательного мира не обсуждались на переговорах с представителями анкарского правительства[23].

Керзон заявил послу, что все возражения британского правительства изложены в специальном меморандуме, который будет передан французскому правительству в ближайшее время.

А до этого,— добавил он, ему хотелось бы устно информировать посла о содержании английского меморандума, которое сводится к следующему:

1. Анкарское соглашение является сепаратным миром, и оно противоречит заключенному в ноябре 1915 г. Лондонскому пакту, запрещавшему союзникам подписание сепаратных договоров.

2. Сепаратные соглашения несовместимы с деятельностью Антанты.

3. Анкарское соглашение ослабляет авторитет Франции в деле совместного урегулирования союзниками вопросов, касающихся Востока.

4. Меньшинства лишаются покровительства, несмотря на наличие предоставленного Франции мандата.

5. Предусмотренный по статье 3 договора уход французских войск в течение двухмесячного срока противоречит соглашению, заключенному между Англией, Францией и Италией в Париже 10 августа 1920 г.

6. Согласно договору от 20 октября 1921 г., железная дорога проходит по турецкой территории, и тем самым она лишается той безопасности, которая ей была обеспечена, когда она проходила полностью по территории французской зоны.

7. Экономические концессии противоречат тройственному соглашению.

8. Письмо Юсуф Кемаль-бея требует ответа[24].

После вручения 5 ноября английского меморандума британское посольство в Париже передало для опубликования во французских газетах новый меморандум, в котором, в частности, говорилось:

«В течение последней недели французская пресса открыто заявляла, что: а) заключенный в Анкаре Франклен-Буйоном договор весьма незначительно или вовсе не отличается от того соглашения, которое Бриан и Бекир Сами-бей подписали в марте 1921 г., б) британское правительство никогда не выступало против этого соглашения, за исключением тех устных возражений, которые не оставили письменного следа». Далее было сказано, что «при наличии непрерывно повторяющихся подобных утверждений посольство Его Величества считает необходимым представить факты таковыми, какими они являются в действительности.

Договор Франклен-Буйона содержит следующие новые положения.

Прекращение состояния войны, согласно статье первой, которое предполагает заключение мира между Францией и анкарским правительством и признание последнего Францией, как законной власти Турции.

Согласие Франции по статье шестой с требованиями нацио-

налистов (имеются в виду кемалисты.—*Р. С.*) относительно защиты интересов национальных меньшинств значительно отличается от условий, предусмотренных Севрским договором.

По статье восьмой имеет место изменение границы, пролегающей между Нусейбином и Тигром.

Туркам предоставляется право использования Багдадской железной дороги на территории Сирии с целью обеспечения военных переброс ок.

Письмо Юсуф Кемаль-бея, в котором помощь, предоставляемая Францией Турции в вопросах ее независимости и самостоятельности, связывается с обещаниями о предоставлении различных концессий идет гораздо дальше тех условий, которые содержались в соглашении, заключенном с Бекир Сами-беем»[25].

Как видим, в представленных британским правительством официальных возражениях акцент ставился на нарушении Францией своих союзнических и договорных обязательств. На самом же деле под этими растяжимыми формулировками скрывалась обеспокоенность Англии тем влиянием, которое Франция могла приобрести как на Ближнем Востоке, так и во всем мусульманском мире, опередив ее в «умиротворении» Ближнего Востока.

«Если франко-турецкое соглашение причинило такое беспокойство Англии,—писал С. Касьян,—побудило правительство Ллойд Джорджа представить Бриану две решительные ноты, дало повод английской прессе поднять шум, то причиной тому является не только то, что ее *материальные* интересы на турецкой территории ущемляются, но и то, что, теряя свое «моральное» влияние в Турции, она может потерять ее и в других мусульманских колониях...»[26].

Вопрос о защите национальных меньшинств Турции, который английская дипломатия и пресса выставляли столь остро, был выдвинут ими не для покровительства христианскому населению, а с целью дискредитации Франции, ее неустойчивой и вероломной политики.

Какой ответ противопоставила французская дипломатия английским протестам и обвинениям?

Следует сказать, что Кэ д'Орсэ и французское посольство в Лондоне некоторое время хранили абсолютное молчание, не выступив с официальным заявлением и предоставив французской прессе самой «обосновать» необходимость заключения Анкарского договора. А французская печать в своем подавляющем большинстве встретила подписание франко-турецкого договора аплодисментами, возвеличивая Бриана «за замечательный дипломатический успех». Рупор французского МИД газета «Тан» расценила договор как «благодеяние для всего мира»[27].

«Она (французская печать.—*Р. С.*) забыла неслыханные

злодеяния младотурок,—писал редактор газеты «Босфор» Пайарес. Она забыла Мараш, Урфу, Айнтаб, Сис, Хаджин... забыла все, чтобы вспомнить лишь о тех связях традиционной дружбы, которые соединяют Францию с Турцией»[28].

«Защита» Анкарского договора во французских газетах не проходила, однако, односторонне. Часть из них предпочитала смягчить недовольство и гнев англичан, придавая совершившемуся характер частной, локальной акции. Речь идет, писали газеты, не о договоре, имеющем широкое политическое значение, не о соглашении, решающем все спорные вопросы между союзниками и Османской империей, а лишь о специальном соглашении, имеющем своей целью установление настоящего мира между Францией и Турцией и полюбовного разрешения тех спорных вопросов, которые возникали ввиду их соседства в Малой Азии[29].

Ряд органов печати видел основное значение договора в поднятии авторитета Франции в мире ислама. Еженедельник «L'Europe Nouvelle» поместил статью Поля Брюзона, озаглавленную «Ангорский вопрос и мусульманское общественное мнение», в которой автор, полемизируя с английскими журналистами, категорически заявлял, что только Франция правомочна решать, соответствует ли тот или иной шаг ее интересам. Анкарский договор выгоден ей потому, что «Франция является великой мусульманской державой»,—заключал автор[30]. Затем, чтобы показать место Алжира, Туниса, Марокко и других колоний в туркофильской политике Франции, автор цитировал статью из алжирской газеты «Икдам», которая, как нам кажется, действительно является примечательной. «Как алжирский магометанин,—отмечал автор статьи Махмед Баллуд,—мы счастливы констатировать позицию Франции в грекотурецком конфликте, и мы можем сказать, что за политикой Кэ д'Орсэ с пристрастием следят все мусульмане, освобожденные Францией. Многие признаки показывают, что с колониальной точки зрения наша нынешняя внешняя политика дает хорошие результаты... Умиротворение Сирии протекает нормально, рифы в Марокко сами признают силу Франции, и, быть может, они воздают должное ее промусульманской политике тем, что воздерживаются от вторжения на нашу территорию. В Алжире, Тунисе, Мадагаскаре нет даже намека на волнения, и протесты, которые имеются там—внутреннего порядка; они не только не направлены на отделение этих колоний от Франции, но, наоборот, они способствуют более тесному сближению с жизнью метрополии...»[31].

Анкарский договор с воодушевлением был принят не только в североафриканских владениях Франции, но и на Арабском полуострове, в частности, в Сирии и Ливане. Газета «Le Temps» не скрывала своей радости в связи с тем, что франко-турецкий дого-

вор был встречен с удовлетворением мусульманами Бейрута и внутренних областей: «Мусульмане счастливы от той услуги, которую Франция оказала исламу, оставив халифат в Константинополе и сохранив весь его авторитет»[32].

Что же касается реакции официальных французских кругов, то, как было отмечено, в первое время французская сторона хранила молчание. Когда 27 октября французский сенат стал обсуждать подписанный Франклен-Буйоном договор, Бриан, выступив с разъяснениями, подчеркнул, что необходимость договориться с турками и заключить с ними локальное соглашение возникла после того, как «стало очевидным, что на Востоке невозможно установить всеобщий мир»[33]. «Мы встретили в Турции горячую симпатию к Франции,—заявил Бриан. Встретили бурное желание исправить ошибку и вернуться к старым традициям»[34].

Некоторые члены сената выступили с возражениями, обвинив правительство в отклонении от Лондонского соглашения от 9 марта 1921 г. Сенаторы Муте, Лямарзель и Фланден остро критиковали Анкарское соглашение за то, что в нем вовсе не обеспечены права христиан. Последний оратор наполнил «о мученичестве армян в годы войны», об услуге, оказанной ими делу союзников, «теми, которые находились под французским флагом или сражались в русских армиях...»[35]. Напомнив сенату об обещаниях, данных президентом Пуанкаре в феврале 1919 г., Фланден критиковал правительство Бриана за то, что ни одно из этих обещаний не нашло отражения в Анкарском договоре. Они были подменены обычными посулами кемалистского правительства защитить интересы меньшинств, интересы, якобы признанные в Национальном обете. «В подобных условиях,—заключал он,—это расплывчатое пустословие не может успокоить население Киликии»[36].

Судьба населения Киликии после ухода французских войск стала предметом беспокойства французской общественности, многих членов парламента, особенно тех, кто трезво оценивал создавшуюся для христиан угрозу. Помимо выступлений в палате депутатов и сенате с критикой так называемых гарантий безопасности были и письменные обращения к правительству. Так, 25 ноября 1921 г. бюро группы сенатской комиссии по иностранным делам направило на имя председателя совета министров А. Бриана письмо, в котором, в частности, говорилось: «На своем заседании от 2 ноября сенатская группа по внешним делам, насчитывающая 113 наших коллег, занялась переговорами, которые велись в Ангоре, и выслушала представителей Армянской национальной делегации.

Горячо желая восстановления традиционного согласия между Францией и Османской империей, группа вместе с тем проявила обеспокоенность в связи с опасностью, которую может создать для

находящейся под французским мандатом Сирии новая линия границы, подставляющая Александретту под турецкие пушки; она особенно обеспокоена мыслью, что слишком быстрая эвакуация Киликии чревата риском привести к резне население, которое Франция репатриировала в Аданский вилайет.

В соответствии с этим группа поручила через свое бюро настоять перед правительством на том, чтобы отступление наших войск было строго подчинено предварительному учреждению неоспоримых гарантий, долженствующих обеспечить безопасность христианского населения и уважение прав меньшинств.

Бюро группы: Э. Фланден—
председатель и др.»[37].

17 декабря 1921 г. с письмом к Бриану от имени многих своих коллег обратился депутат Марсель Абер. «То, что беспокоит меня и вызывает тревогу у очень большого числа членов парламента,—писал он,—это забота об обеспечении безопасности жителей Киликии, которые считали, что они окончательно поставлены под нашу защиту... Нам кажется недопустимым, чтобы эта безопасность была скомпрометирована Анкарским соглашением; наоборот, нам кажется необходимым принятие всех предосторожностей с тем, чтобы гарантировать эту безопасность.

Обязательства, взятые на себя подписавшими Анкарское соглашение сторонами, недостаточны для того, чтобы уменьшить беспокойство населения...».

«Воспоминание о страшных погромах,—говорилось далее,—жертвой которых они были, всегда свежо в воображении этих несчастных людей, и оно может вызвать с их стороны отчаянные акты, приведя либо к изгнанию, которое опустошит страну, либо к насилию, которое послужит поводом для новых избиений.

В любом случае Францию будут считать ответственной за печальные события, которые могут произойти, даже если они будут спровоцированы теми, кто заинтересован извлечь из них пользу для себя.

Вот почему члены Армянской национальной делегации используют все свое влияние, чтобы успокоить соотечественников. Однако их усилия будут бесполезными, если Франция вместе со своими союзниками не найдет немедленно средства смягчить это вполне оправданное беспокойство...»[38].

Этой критике Бриан противопоставил «государственные интересы страны», т. е. необходимость положить конец вражде, указав в то же время на невозможность содержания в Киликии 100-тысячной французской армии. Это было сказано между прочим. Об основных же побудительных причинах, заставивших ускорить подписание договора с кемалистами, Бриан признавался во вто-

рой части своего ответа: «С другой стороны,—заявил он,—Анкарское соглашение позволяло Франции мирно осуществлять свой мандат на Сирию и обеспечить себе моральную выгоду во всем мусульманском мире»[39].

Таким образом, Бриан в парламенте повторил то, о чем французская пресса писала сразу же после подписания договора, а именно две наиболее важные причины договоренности с кемалистами и обе—колониалистского характера: 1) сконцентрировать все внимание на Сирии для упрочения позиций Франции в этой стране; 2) восстановить морально-политический престиж Франции в ее мусульманских владениях.

За этим последовал обмен нотами между правительствами двух союзных держав. 18 ноября 1921 г. французский поверенный в делах де Монтиль передал Форин оффису ноту, в которой содержался ответ на меморандум Керзона от 5 ноября. В этой ответной ноте французская сторона акцентировала внимание на двух пунктах английских возражений: вопросе о христианских меньшинствах и вопросе о продаже кемалистам оружия. По первому вопросу в ноте была выражена уверенность, что Анкарский договор обеспечивает безопасность христианского населения Киликии, по второму же—начисто отрицалось согласие французов продать кемалистам оружие и военное снаряжение. В качестве доказательства приводилась телеграфная инструкция, данная Брианом генералу Гуро относительно установления строгого контроля за тем чтобы при эвакуации французских войск оружие и амуниция прямо или косвенно не перешли в руки кемалистов[40]. Спустя четыре дня, 22 ноября поступила другая нота: Гардингу был передан ответ французского правительства на британскую ноту от 17 ноября относительно принятия мер «для обеспечения безопасности армян и других» после ухода французских войск. В этом ответе, «тон которого имел язвительный характер», повторялись обычные заверения со ссылкой на гарантии, данные анкарским правительством. «...Французское правительство,—говорилось далее,—сделает все, что в его власти, для обеспечения сохранения мира в Киликии, если его усилиям не будет противодействовать вредное вмешательство извне»[41].

«Французское правительство давало знать,—писала по этому поводу газета «Stamboul»,—что оно в вопросах меньшинств добилось гарантий, в то время как союзники по сегодняшний день не смогли получить никаких гарантий...»[42].

2 декабря Бриан вернулся из Вашингтона, а 3 декабря он имел продолжительную беседу с Гардингом, во время которой посол снова говорил о том «разочаровании и раздражении, которое вызвало в Англии заключение Анкарского соглашения»[43]. Французский премьер дал знать, что ждет ответа на вторую ноту

в связи с Анкарским договором. На что Гардинг ответил, что из частного письма, полученного от Керзона, ему известно, что его правительство не желает продолжения бесполезной полемики. Бриан также не желал продолжать полемику и сказал, что «полностью удовлетворен тоном и общим содержанием последней английской ноты, и поэтому никакого последующего ответа не будет»[44].

Обзор откликов на Анкарское соглашение во Франции хотелось бы завершить весьма характерным признанием его «автора»—Франклен-Буйона, сделанным в феврале 1922 г. Оно примечательно тем, что «герой Ангоры» (как его называли газеты) раскрывал все те выгоды и преимущества, которые Франция извлекла из этого договора либо собиралась получить в будущем. Подчеркнув, что Анкарский договор дает возможность Франции восстановить мир на границах Сирии и свою традиционную политику в Турции, он добавлял к этому: «Франция оказала всем своим союзникам такую услугу, ценность которой будет проявляться каждый последующий день»[45]. А эта «услуга» заключалась в том, что Франция устами Франклен-Буйона заявляла, что она может взять на себя миссию посредника «между Англией и Турцией, готовой на всяческие жертвы для обеспечения своей независимости...». «Франция,—продолжал он далее—выполняет свои обязанности лояльного союзника путем справедливого урегулирования своих частных интересов, подготавливая то всеобщее соглашение, которое завтра всем принесет выгоду...»[46].

Как был принят Анкарский договор в турецких кругах?

Турецкая печать (как стамбульская, так и анкарская) встретила договор «с огромным удовлетворением и явным восторгом». Подавляющая часть газет разных направлений оценила франко-турецкий договор как большую политическую победу анкарского правительства. Выходящая в Стамбуле влиятельная газета «Tevhidi efkâr» писала: «Этот успех поистине достоин считаться совершенной дипломатической победой, которая еще более важна, чем та, что мы одержали над эллинами на берегах Сакарии три-четыре недели тому назад»[47]. Известный журналист Юнус Нади в передовой статье газеты «Yeni gün» от 29 ноября 1921 г. подчеркивал то обстоятельство, что турецко-французское соглашение вызвало переполох в английских руководящих кругах и подтвердило тем самым, что Турция поступила правильно, заключив соглашение с Францией. «Франция в настоящее время освобождает занятые ею наши земли и, таким образом, помогает нам поднять силу нашей сопротивляемости»,—заключал автор. Более детально турецкая пресса обсуждала 6-ю статью договора относительно прав национальных меньшинств. Громкие рассуждения турецких журналистов и политических комментаторов по этому вопросу

звучали как бы предупреждением проживающим в стране инонациональным элементам, давая им знать, что никакой уступки не может быть, что будет продолжаться национальная политика прежних правительств. «Вопроса прав меньшинств не существует»,—возвещала газета «Vakit»[49]. «В Анатолии существует только одна нация—турецкая нация»,—категорически заявлял официоз кемалистов «Хакимиети миллие» (от 8 ноября 1921 г.). А газета «Ileri» (от 11 ноября 1921 г.) разъясняла своим читателям, почему никакая уступка не может быть сделана национальным меньшинствам: «Анкарский договор сам по себе является огромной заслугой в обеспечении интересов христианских меньшинств на Востоке»[49].

Таким образом, по мнению анкарского официоза, кемалистскому правительству больше нечего было делать в вопросе прав национальных меньшинств, так как оно свое отношение высказало в самом тексте договора. Это свое мнение газета подкрепила «новыми» моментами. Так, в номере от 28 ноября того же 1921 года она писала: «Мы склонны уважать права национальных и религиозных меньшинств нашей страны и *забыть* те преступления, которые были совершены в ходе всеобщей войны и нынешних военных действий в Анатолии. Турки не являются мстительной нацией»[50] (курсив мой.—*Р. С.*). Итак, призывалось забыть не насилия, совершенные над армянами, греками, сирийцами-христианами, халдеями и другими народами в период первой мировой войны и на заре кемалистского движения, забыть не массовые депортации, погромы и геноцид, а «преступления» этих народов. После подобного искажения исторической действительности, фактического оправдания преступлений младотурецкой клики, турецкая печать находила возможным призывать население не покидать своих жилищ, оставаться на месте. Об этом будет сказано ниже. Приведем сперва мнение турецких руководящих деятелей, а также оценки, данные официальной историографией.

Мустафа Кемаль, который вначале вел переговоры с Франклен-Буйоном лично, важнейшее значение Анкарского договора видел в том, что «национальные стремления (Турции.—*Р. С.*) впервые признавались и оформлялись в договоре, заключенном с западной державой»[51]. Более того, как отмечал он в своем воззвании, адресованном мусульманам Кавказа, «начиная с тех времен, когда турецкое могущество было сломлено у ворот Вены, это был первый мир, условия которого продиктованы Турцией»[52].

Другим достижением, как отмечал он, было то, что «чрезвычайно важные районы нашей родины освобождались от оккупации, ни в какой мере не жертвуя нашей политической, экономической, военной или какой-либо иной независимостью»[53]. Эта оценка почти без изменений повторена в официальной истории Тур-

ции «Tarih»[54], а в вышедшей в 1963 г. биографии Ататюрка подчеркивается, что «Анкарское соглашение было величайшей победой, которую одержал Гази Мустафа Кемаль в политической сфере»[55].

Основываясь на общей оценке М. Кемаля, турецкие политические деятели приложили все усилия, чтобы представить статью 6-ю договора, посвященную национальным меньшинствам, как великодушный шаг кемалистов. Бывший иттихадист, член Великого национального собрания Ахмет Рустем-бей выступил со статьей «Мир на Востоке и франко-турецкое соглашение» в издающемся в Париже журнале «Orient et Occident». «Статья 6,—комментировал он,—имеет своей целью сказать, что немусульманские общины империи *уже наделены политическим и гражданским равенством,* задача, которую Антанта с таким упорством пытается разрешить»[56] (курсив мой.—*Р. С.*). «Значит,—продолжал автор,—весь вопрос заключается в утверждении их прав на той основе, которая оговорена для меньшинств других стран»[57]. Короче говоря, автор повторял старую песню о равенстве проживающих в Османской империи народов, равенстве, которое исключало «дополнительное» обеспечение каких-либо гарантий их безопасности.

«Проблема гарантии прав меньшинств Анатолии меньше всего заботит нас,»—как бы резюмировал этот вопрос бывший член оттоманского парламента Эбузиадэ Велиф-бей в газете «Tevhidi efkâr» от 24 февраля 1922 г.[58]

Анкарские круги воспользовались заключением франко-турецкого соглашения, а также ранее подписанных договоров—Александропольского и Карского для того, чтобы вообще исключить армянский вопрос из дальнейшего обсуждения с державами Антанты. Во время встречи с Керзоном 18 марта 1922 г. Юсуф Кемаль-бей фарисейски заявил, что «отношения его правительства с правительством Армении—дружественные», что Карский договор, «заключенный между двумя дружественными странами, разрешил принципиальные вопросы между ними, и что все усилия его правительства направлены на устранение вражды между армянами и *мусульманами*»[59] (курсив мой.—*Р. С.*). На это Керзон возразил, что «армяне на юге были в такой степени напуганы правлением Анкары, что после эвакуации Киликии они тысячами убежали оттуда, и анкарскому правительству не удалось убедить армян в своей дружбе и покровительстве»[60].

Подобными возражениями Керзон лишь обнажал лицемерие, неизменно проявляемое государствами Антанты к судьбам христианских подданных Турции. Ибо, несмотря на то, что «вопрос об армянском очаге в Киликии», наряду с вопросом о Фракии и Измире, фигурировал в дальнейших дипломатических контактах представителей Англии и Франции с турками, судьбы населения

Киликии, в частности армян, стали все меньше беспокоить их при обсуждении будущего мира с Турцией[61]. В этом отношении весьма характерно письмо Пуанкаре в ответ на телеграмму Керзона от 30 января 1922 г., касающееся ближневосточного урегулирования.

«Относительно вопроса о Турецкой Армении,—писал Пуанкаре,—я думаю, как и лорд Керзон, что трудно сохранить условия Севра, но я считаю, что решение армянского вопроса не следует искать в Киликии, где, если можно так выразиться, уже нет армян»[62].

Таким образом, фактически создав обстановку, вынудившую армян эмигрировать на чужбину, Франция устами главы своего правительства заявляла, что и в Киликии невозможно найти уголок для армян, ибо их там не осталось.

В свете приведенных высказываний турецких политических деятелей, как и руководителей держав Антанты, не трудно представить ту трегогу и отчаяние, которые охватили христианское население Киликии. «Ангорское соглашение повергло в печаль 200 тысяч киликийцев... Верховный комиссариат в Сирии и Кэ д'Орсэ ежеминутно получали волнующие протесты, но ничто не могло их смутить»,—писал М. Пайарес, добавляя, что Франция «осталась глухой к мольбам христиан, внезапно обнаружив, что является мусульманской державой»[63].

В телеграмме, адресованной французскому парламенту от имени Армянского национального союза Халеба, говорилось: «Проживающие в Халебе более 20 тысяч армян с ужасом смотрят на предстоящее возвращение турецкого режима в Киликии... Мараш, Хаджин, Зейтун еще дымят. Проученные горьким прошлым, считаем турецкие гарантии пустым местом...»[64].

«Не надо скрывать от армянского народа ту горькую истину, что мы, наперекор обещаниям, данным в 1917 г. Национальной делегации, покинуты Францией и через два месяца будем сданы нашим чудовищным палачам»,—писала издающаяся в Париже армянская газета *«Արձագանք Փարիզի»*. «Для армян Киликии,—заключала газета,—есть два выбора—изгнание или резня, о чем дают знать даже французские журналисты»[65].

Желая успокоить охваченное паникой христианское население и, прежде всего армян и греков, Франклен-Буйон, который сразу же после передачи текста договора Бриану вернулся в Адану в качестве председателя смешанной комиссии по эвакуации[66] вместе с французским консулом Ляпортом и с согласия турецких властей организовал в ряде городов Киликии собрания представителей различных христианских общин, пытаясь убедить их в действенности обещанных гарантий. То же самое делал генерал Гуро из Бейрута, обратившись к населению Киликии (8 ноября 1921 г.) со следующим призывом: «Объявлена полная амнистия.

Права меньшинств установлены на той же основе, что и в тех соглашениях подобного рода, которые были заключены в Европе в конце мировой войны. Наиболее существенным является то, что ангорское правительство обязывается обеспечить защиту свободы, жизни и имущества всех жителей независимо от их происхождения, национальности, языка или вероисповедания.

Оставайтесь же у своих очагов, на своих полях, своей работе, живите вместе под османской властью, которая торжественно взяла на себя обязательство покровительствовать вам, и будьте уверены, что вам обеспечена полная забота со стороны Франции. Уйти—это значит прибегнуть к авантюре с сомнительным исходом. Остаться—значит сохранить плоды трудов ваших предков и в мирных условиях довести до процветания Киликию, Килис и Айнтаб»[67].

28 ноября 1921 г. с совместным призывом к населению Киликии обратились Франклен-Буйон и представитель министерства внутренних дел анкарского правительства Гамид-бей:

«Христиане Киликии! Вам говорят, что амнистия останется без последствий. Это неправильно. Будет провозглашена всеобщая и немедленная амнистия. *Прошлое мертво или забыто,* пусть никто, абсолютно никто не беспокоится.

Договор обеспечивает *полную свободу* вашей личности, равно как неприкосновенность вашего имущества.

Вам говорят, что согласно закону будет отобрано 40% вашего имущества. Это неправда. Закон об изъятии имущества, который применялся в период Сакарийского сражения, ныне аннулирован. Он больше не существует...»[68].

Подобные пустые заверения не могли, конечно, внушить доверия христианскому населению Киликии. Французский историк Поль дю Веу метко заметил: «Чем больше французские власти расхваливали искренность кемалистов, тем больше они приводили в ужас армян»[69].

«Можно с уверенностью сказать,—пишет в своих воспоминаниях упомянутый выше Артак Дарбинян,—что те, кто подписал эти воззвания-декларации, были убеждены в том, что не найдется ни одного человека, кто бы поверил их словам и их заверениям»[70]. И действительно, «страшное воспоминание о резне 1915 г. было слишком свежо у несчастного армянского населения, чтобы оно могло позволить себе поверить всем этим призывам»,—писал проф. А. Мандельштам[71]. Еще более свежи были в памяти киликийских армян те злодеяния, которые совершили турецкие регулярные части и разные банды в Мараше и Османие, Хасанбейли и Хаджине. Им было также известно, что в Адане создано тайное общество—«Национальная месть» (Intikami Milli)[72]. Наконец, к предосторожности вело и то обстоятельство, что даже уполно-

моченные турками Аданы делегаты выразили свой протест против оккупации города кемалистскими войсками. В начале ноября 1921 г. они обратились к генералу Дюфио с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мы Мустафу Кемаля и кровавые чете знаем лучше вас, и нам известно, что и сейчас они будут совершать те же зверства и те же преступления»[73].

«Даже турки, принадлежащие к старой партии,—писал Джозеф Бёрт,—те, которые настороженно смотрели на намерения кемалистов, предупреждали армян не верить обещаниям анкарского правительства»[74].

И прав был видный армянский историк Лео, отмечая, что «армяне хоть один раз имели мудрость не поверить международным негодяям, проученные, конечно, тем фактом, что те же кемалисты уничтожили 20 тыс. армян в Киликии...»[75].

Не обеспечив безопасности армян, греков и других народов Киликии, французские власти вместе с тем пытались помешать их массовой эмиграции. Исполняющий обязанности министра иностранных дел Перетти де ля Рокка дал указание «подавить движение беженцев». Как отмечал упомянутый выше М. Пайарес, Франция «опустилась до крайней низости, отказав армянам в разрешении покинуть Киликию, если Америка, Англия и Греция не пошлют корабли, чтобы собрать эти человеческие обломки». Он же свидетельствует, что «разъяренный Франклен-Буйон... вместо того, чтобы сжалиться над судьбами армян, обзывал их негодяями»[76].

Еще большую враждебность проявили кемалисты, запретив владельцам фургонов перевозить имущество эмигрирующих христиан. При этом имелось в виду, что это имущество достанется туркам[77].

Только после энергичных телеграфных протестов генерала Дюфио Верховный комиссариат Франции в Бейруте согласился нанять корабли и принять армянских беженцев в Сирии.

В течение декабря 1921 г. большая часть христианского населения Киликии покинула свои родные места, эмигрировав на острова Кипр и Мальта, в Палестину, Сирию и другие страны, причем самыми мучительными были переживания основной массы населения—армян[78]. 19 декабря последний французский батальон покинул Адану, а на следующий день турки победоносно вошли в город. Из Айнтаба французские войска ушли 25 декабря. «Большинство армян ушло вместе с ними. Остальных заставили бежать решением центральной комиссии (Heyeti merkeziye)»,—признавал турецкий очевидец[79].

После вынужденного изгнания христиан Киликии газета «Тан» безапелляционно утверждала, что якобы «кемалистские власти засвидетельствовали свое крайне доброжелательное отно-

шение ко всему населению без различия расы и вероисповедания... Миссия Франклен-Буйона добилась у правительства Ангоры необходимых гарантий для остающегося в Киликии христианского населения». Основываясь на этих сведениях, полученных «из верного источника», газета, вопреки истине, заключала, что «среди населения царят доверие и спокойствие»[80]. Не это ли «спокойствие» помешало Национальному собранию Турции запретить проезд через Анатолию Фритьофу Нансену, когда великий ученый и гуманист собирался посетить Киликию в качестве представителя Лиги наций по вопросам меньшинств?[81]

4 января 1922 г. эвакуация Киликии и прилегающих к ней районов французскими властями была полностью завершена. Согласно данным французского верховного комиссариата и разведывательной службы армии Леванта, число эмигрировавших жителей Киликии за период с 1 декабря 1921 г. по 4 января 1922 г. составило 49 951 человек, из них через Мерсинский порт выехало 37 885 человек, в том числе армян—30 305, греков—6 392, сирийцев—1 129, европейцев—59 чел. Через станцию Александретта выехало 12 066 человек, из них около 10 000 армян. Из района Айнтаб—Килис в Сирию эмигрировало 4 500 человек, почти все—армяне. По тем же данным, к 1 января 1922 г. в Киликии оставался 3 761 христианин (сирийцев—2 660, армян—637, греков—518). В районе Айнтаб—Килис оставалось еще около 5 500 человек[82].

Приведенные цифры, однако, не были достоверными и окончательными. Они не включали в себя тысячи людей, которые бежали из Киликии без «официальной» регистрации, тайными путями, а также число тех армян, которые вынуждены были покинуть Киликию еще до заключения Анкарского договора 1921 г. Если учесть, что число армян во французской зоне оккупации к концу 1919 г. составляло более 160 000 и что около 22 000 армян погибло в Мараше, Хаджине, во время боев в Урфе, Айнтабе, Османие, Зейтуне, Фындыджаке, а также учесть эмигрировавших в 1920—1921 гг. армян, то можно считать достоверным, что к моменту подписания Анкарского соглашения в Киликии оставалось более чем 100-тысячное армянское население, которое почти полностью эмигрировало в течение ноября—декабря 1921 г. и начале 1922 г.

Так трагически завершилось упование армян на покровительство «рыцарской» Франции.

«Все торжественные обещания, данные армянам, были таким образом преданы забвению»,—заключал французский историк Жан Пишон[83]. «В течение войны—как бы добавлял к этому М. Пайарес,—мы давали обязательство освободить все угнетенные народы. И это обязательство отражалось не только на страницах

всех наших газет во главе с «Temps», но и во всех речах наших министров. Но кто помнит об этом сегодня?»[84]

Всемирно известный востоковед проф. Жак де Морган писал в 1922 году: «Оставив Армению на произвол судьбы, державы совершили больше чем одно преступление... Европа показала себя не только эгоистичной, бесчеловечной, но и неосмотрительной»[85].

Заслуживает внимания также оценка пагубной для армян туркофильской политики Франции, данная известным американским юристом доктором Гербертом Адамсом Гиббонсом. «Во время войны,—писал он в октябре 1921 г.,—одним из тяжелых обвинений, выдвинутых против Германии, была ее дружба и союз с Турцией во время армянских погромов. Германию считали ответственной за погромы на том основании, что она могла положить конец резне, используя свое влияние союзницы. Это верно. Но не является ли истиной и то, что в настоящее время Франция достойна порицания и должна в какой-то степени нести ответственность за резню армян и греков в 1920—1921 гг. Французские генералы вели переговоры с националистами в Киликии, не выдвигая условий положить конец погромам. Французские дипломаты вели переговоры с возглавлявшим анкарское правительство Кемаль-пашой, глядя сквозь пальцы на резню армян и греков.

В период войны единственной заботой немцев было использовать турок и не допускать риска обидеть их, протестуя против избиений. Точно то же самое делают сейчас французы»[86].

И действительно, Франция продолжала заигрывать с кемалистами, не обращая внимания на недовольство своей «ближайшей» союзницы. 12 января 1922 года кабинет Бриана подал в отставку, а уже 16 января новый премьер и министр иностранных дел Пуанкаре вел беседу в Кэ д'Орсэ с лордом Керзоном на предмет созыва конференции с целью пересмотра Севрского договора. Воспользовавшись сменой правительства, Керзон попытался снова заговорить о вреде, нанесенном «делу союзников» заключением франко-турецкого договора. «Правительство Его Величества было очень огорчено и возмущено соглашением Франклен-Буйона,—заявил он Пуанкаре.—Мы протестовали и требовали объяснений... Оно всегда было твердо убеждено, что единственный путь достижения решения—это абсолютное понимание между союзниками».

Пуанкаре уклонился от прямого ответа, сказав, что ему понадобится некоторое время для изучения всех обстоятельств[87].

Выступая же в парламенте, Пуанкаре повторил объяснения, данные его предшественником.

«Подписание соглашений в Ангоре,—подчеркнул новый глава правительства,—освободило нас в Малой Азии от тех забот,

которые оказывали отрицательное влияние на наш сирийский мандат»[88].

Анкарский договор вызвал самые противоречивые суждения и оценки. Нашлись авторы, которые написали, что «Ангорский договор является надувательством, равным которому трудно найти в истории»[89], имея в виду, что Франция была обманута кемалистами.

Из французских авторов первым дал оценку Анкарскому договору Жан Шликлен в книге, вышедшей в 1922 г. Отмечая, что договор «с одинаковой страстностью был подвергнут нападкам или поддержан как во Франции, так и у наших союзников», автор далее писал, что договор «является первым шагом, сделанным Францией на пути достижения восточного мира, равно как и первой манифестацией своей политической независимости в Леванте, где у нее свои собственные интересы, которыми она не имеет права напрасно жертвовать»[90].

Другие авторы акцентировали услугу, которую Франция оказала как союзным державам, так и Европе в целом, «оградив новую Турцию от советской угрозы». «Соглашение от 20 октября,—писал Морис Перно,—это заурядное применение превосходного принципа. В час, когда анатолийские националисты, представляющие наиболее живой и деятельный элемент всей турецкой нации, колебались между Европой и Азией, и когда их присоединение к азиатской системе, организованной Берлином и Москвой, подвергала многие европейские державы серьезной опасности, долг этих держав заключался в том, чтобы проявить умеренность по отношению к туркам и отвести таким образом те крайние решения, которые продиктованы злобой и отчаянием. Первой приняв это разумное решение, Франция руководствовалась своими частными интересами, но тем самым она одновременно сослужила службу делу Европы и делу мира»[91].

Известный историк Ренэ Пинон пытался обосновать заключение Францией договора следующим образом: «Ангорское соглашение стало необходимостью из-за той политики, которую вела Англия по отношению к нам на Востоке. Однако оно ни в какой степени не направлено против британских интересов»[92].

Жак Кайзер, оценив договор, как одинаково полезный и почетный для Турции и для Франции, отмечал затем те преимущества, которые получала Франция: «Ангорский договор дает Франции значительные экономические выгоды; он восстанавливает во всем их объеме моральные привилегии Франции. Он успокаивает брожение, которое глухо нарастало в Марокко и в Тунисе и по-видимому, начинало проявляться в Алжире»[93].

Некоторые французские авторы подчеркивают значение Анкарского договора для Турции. Так, Жан-Поль Гарние пишет, что

договор «имел капитальную важность, т. к. заключал в себе отказ Франции от Севрского договора, фактическое признание анкарского правительства, обещание справедливого мира и независимости турецкой нации»[94].

Академик Эдуар Бонфу, напротив, находит, что именно в интересах Франции было «договориться с Анкарой с тем, чтобы сохранить на месте (в Киликии.—*Р. С.*) только минимум необходимых войск»[95].

Ряд авторов, пытаясь оправдать вероломство правящих кругов Франции по отношению к беззащитному населению Киликии, ссылается на финансовые затруднения, на «невозможность содержания стотысячной армии», на «необходимость положить конец безвыходной и дорогостоящей войне» и т. д.[96] С другой стороны, они признают, что основной заботой Франции было «сосредоточение усилий на сирийских территориях, в отношении которых она взяла на себя миссию осуществления мандата»[97].

«В самом деле,—писал бывший министр иностранных дел Жорж Боннэ,—очевидно, что из-за нашего мандата на Сирию и Ливан, в наших самых высоких интересах было нормализовать отношения с Турцией»[98].

В турецкой историографии оценка Анкарского договора сводится в основном к повторению в той или иной форме оценки, данной Кемалем. Последний в своей речи на открытии третьей сессии меджлиса 1 марта 1922 г. подчеркнул значение договора прежде всего для Турции. «Особое значение этого соглашения,—заявил Кемаль,—состоит в том, что Франция, важнейший столп антантовской группировки, навязавшей нам Севрский договор, признала фактическую и юридическую невозможность его применения. По этому соглашению, вместе с признанием ряда наших прав, имеющих весьма важное моральное значение, мы добились освобождения части территории нашего дорогого отечества»[99].

Бывший сенатор Сади Кочаш повторяет официальную точку зрения, акцентируя при этом важность переброски войск на основной—западный фронт против греков[100]. Ряд турецких историков рассматривает факт заключения Анкарского договора как успех на пути обострения англо-французских противоречий. «Это соглашение,—пишут Гёнлюбол и Сар,—было важным политическим успехом для анкарского правительства... Вслед за восточным вопросом (имеется в виду нашествие на Армению и захват Карской области.—*Р. С.*) был разрешен также южный вопрос. Это соглашение явилось также причиной обострения отношений между Англией и Францией»[101]. Об этом же пишут другие турецкие авторы, отмечая, что» «соглашение стало причиной того, что западные державы еще больше углубились в свои споры вокруг Турции»[102]. Некоторые авторы с удовлетворением подчеркивают, что подписа-

нием Анкарского договора «вопрос о Южной Армении (имеется в виду Киликия.—*Р. С.*) полностью провалился»[103]. Омер Кюркчюоглу отмечает выгоду от договора для обеих сторон: «Можно сказать,—пишет он,—что и Франция обеспечила себе военную, практическую и общеполитическую выгоду»[104]. Другой историк—А. Акшин оттеняет те преимущества, которые давала Турции эвакуация французскими войсками Киликии, т. е. что она могла пользоваться Мерсинским портом и железной дорогой. «Одной из выгод этого соглашения,—добавлял автор,—было то, что в вопросе добычи оружия и боеприпасов мы уже не были связаны только с русскими, а могли получать аналогичную помощь также с юга»[105].

Особо высокую оценку Анкарскому договору дает Саляхи Сониел, характеризуя его как «величайшую победу националистической дипломатии»[106]. «С подписанием Анкарского соглашения,—добавляет автор,—Франция стала очень популярной в Турции»[107].

Почти все английские авторы, освещающие обстоятельства заключения Анкарского договора, единодушны в том, что это был сепаратный, «вероломный» и «нелояльный» шаг французов, направленный против интересов Англии. Так, первый из английских историков, затронувший этот вопрос, А. Тойнби писал еще в 1922 году: «Соглашение между Францией и турецким националистическим правительством, подписанное в Ангоре 20 октября 1921 г., было сигналом опасности... Сепаратный мир (и в действительности это был сепаратный мир) между Францией и националистами затруднил заключение всеобщего мира на Востоке и создал опасное напряжение в Антанте. Вред, нанесенный перспективам общего ближневосточного урегулирования был очевиден»[108]. Известный историк проф. Мариотт расценивает Анкарский договор как «результат французских интриг»[109], в то время как проф. М. Медликотт приходит к заключению, что Франция, чувствуя свою военную и политическую слабость в Сирии и будучи уверенной в том, что Великобритания не поддержит ее в европейских делах, склонилась к тому, что не следует поддерживать неразумную политику греков, что и привело к заключению Францией Анкарского договора[110]. Проф. Эд. Вер-Ходж подчеркивает значение договора только для Турции, которая еще больше стабилизовала свою позицию[111]. Несколько иного мнения придерживается проф. М. Андерсон. Он считает, что «провал англо-французского сотрудничества в Малой Азии завершился подписанием Анкарского договора, по которому Франция признавала националистическое правительство». И несмотря на то, что Александретта осталась за подмандатной Сирией, «договор во многих отношениях был невыгоден Франции, в частности из-за его несостоятельности предоставить ей те экономические привилегии и экстерриториальные

права, на которые рассчитывали парижские политики. Поэтому,—заключает автор,—подписание договора было несомненно большим дипломатическим успехом, достигнутым турецкими националистами»[112].

Как видно из приведенных оценок и высказываний английских авторов, ни один из них не пытается рассмотреть Анкарское соглашение с точки зрения обеспечения прав национальных меньшинств Турции. Лишь Кристофер Уокер, современный молодой историк, пишет в связи с Анкарским договором следующее:

«Армяне поняли направление французской политики и пришли к выводу, что единственной для них альтернативой было покинуть страну. Турки, ставшие хозяевами положения, дали некоторые ничего не стоящие заверения тем, кто помышлял остаться (в Киликии.—*Р. С.*), но конечный результат для всех был один и тот же: тревога, угнетение и конфискация имущества, скрепленные ледяной бесчеловечной бюрократией...». «Помимо предательства французов,—продолжает автор,—были и другие факторы, заставившие армян уйти, прежде всего—безжалостный турецкий расизм»[113].

Что касается откликов в работах американских авторов, их гораздо меньше. Проф. Гарри Говард видит значение Анкарского соглашения не только в том, что оно устанавливало сепаратный мир с Турцией без консультаций с Англией, но и в том, что оно «фиксировало окончательную линию расхождения в политике обеих стран в Леванте». При этом автор утверждает, что по Анкарскому договору «Франция *уступила* Турции 10 тысяч кв. км. территории...»[114] (курсив мой.—*Р. С.*). Другой историк—Р. Дэвисон считает, что «Анкарский договор зарегистрировал великий триумф турецкой дипломатии так же, как и Московский договор»[115].

Болгарский историк А. Ахмедов к причинам, приведшим к заключению Анкарского договора, относит примененную кемалистами «политику блефа», основываясь на недавно ставших доступными документах французского МИД относительно того, что кемалисты одновременно вели секретные переговоры с английским верховным комиссаром в Стамбуле Г. Рамбольдом с тем, чтобы заставить французов пойти на уступки и ускорить подписание соглашения. Однако автор оговаривается относительно того, что такие переговоры действительно имели место. И все же, по мнению автора, «хорошо организованная игра» кемалистов привела к тому, что французы поверили в нее и ускорили подписание мира[116].

Ничуть не облегчило тревожное состояние нетурецких народов Киликии и обсуждение их участи на заседаниях Совета Лиги наций.

Еще до заключения Анкарского договора, 3 сентября 1921 г., в адрес Совета Лиги наций была направлена телеграмма от имени

турецких армян, в которой говорилось: «Смешанный армянский совет—верховный представительный орган армян Турции, констатируя, что политика истребления, снова проявившаяся недавно в резне в Зейтуне и особенно в Марзване, продолжается с ожесточенностью в неоккупированной части Турции, настоятельно просит Лигу наций поставить армянский вопрос на повестку дня настоящей сессии и ускорить его разрешение во имя человечности»[117].

После же подписания Анкарского соглашения 16 ноября 1921 г. в Лигу наций была послана телеграмма следующего содержания: «Начавшаяся эвакуация Киликии вызывает общую панику среди христианского населения. Во имя человечности просим принять срочные эффективные меры для спасения ста тысяч несчастных. Патриарх Завен, епископ Назлян, проф. Безджян»[118].

Позже, 12 января 1922 г., на имя председателя Совета Лиги наций была направлена следующая телеграмма от президента Международной филармянской лиги[119] известного швейцарского египтолога Эдуарда Невиля: «В момент, когда ваш Совет собрался в Женеве с тем, чтобы заняться делами Армении, мы хотели бы подтвердить наши письма от 16 февраля, 20 июня, 3 сентября и 16 ноября 1921 г., призывающие высокую власть Совета Лиги наций защитить свободу и жизнь армянского народа.

Узнав о том, что на будущей неделе в Париже созывается франко-англо-итальянская конференция для рассмотрения ближневосточного вопроса и, следовательно, Армении, мы к своим просьбам, содержащимся в предшествующих письмах, хотели бы добавить пожелание создать и направить в Киликию международную комиссию с тем, чтобы подготовить учреждение специального режима, способного обеспечить спокойствие и процветание страны, что, как нам кажется, будет единственной возможной гарантией безопасности армян этого района»[120].

Совет Лиги наций на заседании 14 января 1922 г. обсудил вопрос «о положении армян в Киликии». Председатель напомнил членам Совета, почему этот вопрос встал на повестку дня проходящей 16-й сессии. «Весть об эвакуации Киликии вызвала большие волнения среди армян,—сказал он. Осведомившись о жалобах, исходящих от армянского населения и от высшего католического духовенства армян, бельгийское правительство нашло, что долг Лиги наций заняться вопросом будущего армянского населения»[121]. Выразив свое удовлетворение в связи с тем, что «эвакуация не вызвала никакого печального инцидента», он признал, что «будущее остается мрачным, и Совет должен подсказать основным союзным державам необходимые меры для сохранения будущности этих жителей». Председатель напомнил[122] членам и о

том, что «армянскому народу были даны обещания»[122], после чего Совет выслушал разъяснения французского делегата.

С изложением французской политики по отношению к Киликии выступил бывший министр иностранных дел Габриель Аното, тот самый Аното, которого французская пресса за проявленное им в годы абдулгамидовских погромов туркофильство назвала Анотопашой. Напомнив о том, что «покровительство» Францией немусульманских общин Востока имеет многовековые традиции, Аното заверял Лигу, что французское правительство приняло «все необходимые меры предосторожности для защиты христианского населения Киликии». После этого он стал утверждать, что якобы статья 6—Анкарского соглашения обеспечивает безопасность населения. Этой статьей, как заявил Аното, «военные руководители Ангоры взяли на себя обязательство предоставить меньшинствам Киликии полную защиту их жизни и свободы; свободное отправление своих культов, равенство перед законом, включая доступ к общественной деятельности, свободное пользование родным языком даже в суде, право создавать и руководить собственными благотворительными, религиозными, общественными и учебными учреждениями»[123]. В этой «успокоительной» речи французский представитель информировал членов Совета Лиги наций, что его правительство, принимая во внимание нынешнюю ситуацию в Киликии, направило туда специальную миссию во главе с «генеральным консулом, весьма компетентным в восточных делах»[124].

В своем восхвалении французской политики в Киликии Аното дошел до того, что стал утверждать будто многие бежавшие из Киликии лица, ободренные полученными оттуда новостями, думают о возвращении в родные очаги[125].

«Правительство республики,—заключал он,—осознавая свои старые традиции великодушного покровительства христианским общинам Востока, следовательно и меньшинствам Киликии, не колеблясь представило Совету Лиги эти откровенные разъяснения, ожидая вместе с тем, что окончательный договор, заключенный между Турцией и союзниками, уточнит права этнических и религиозных меньшинств и те условия, при которых эти права были бы гарантированы Лигой наций»[126].

Приняв к сведению и фактически одобрив выступление французского представителя, Совет Лиги наций принял на том же заседании следующую резолюцию:

«Совет Лиги наций,

принимая во внимание, что испытания армянской нации усугубились и продолжались из-за тех обстоятельств, которые, к сожалению, задержали установление окончательного мирного режима на Востоке;

надеясь, что уже начавшиеся переговоры между основными союзными державами позволят достичь удовлетворительного урегулирования решаемых вопросов, равно как и полного умиротворения районов, так долго опустошаемых войной и насилиями, от которых особенно пострадало армянское население;

напоминает основным союзным державам о резолюции Ассамблеи от 21 сентября 1921 г., в которой их представители приняли участие, относительно сохранения будущего армянского народа;

принимает с удовлетворением к сведению заявления представителя Франции о том, что французским правительством приняты меры для защиты армянского населения;

обращает внимание основных союзных держав на крайнюю необходимость принятия всевозможных мер для обеспечения защиты меньшинств Османской империи и заявляет о своей готовности сотрудничать во всем том, что будет направлено к достижению этой цели»[127].

Как видим, резолюция, одобренная Лигой наций, кроме констатации горькой участи лишившихся родины людей, не содержала в себе ни одного реального предложения, могущего привести к созданию армянского национального очага, гарантированного от насилий и разрушений, от страха физического уничтожения. Более того, поверив на́ слово обещаниям французского представителя, Лига наций не только не осудила коварную политику Франции по отношению к народам Киликии, но, наоборот, одобрила ее.

Равным образом Лига наций не осудила и шовинистическую политику анкарских кругов, приведшую к массовой эмиграции армян, греков и других жителей Киликии.

Изучение истории заключения франко-турецкого договора от 20 октября 1921 г. и критический анализ содержания самого договора в свете новых документальных источников позволяет сделать некоторые выводы и обобщения.

1. Подписание Анкарского договора не было отдельным, локального значения актом французской дипломатии, как это пытались представить в свое время правящие круги Франции, а также многие французские журналисты, историки и др. К нему вела вся предыдущая внешнеполитическая линия правящих кругов: встреча Ф. Жорж-Пико с Кемалем в Сивасе в декабре 1919 г., заключение перемирия 30 мая 1920 г., инициативы в пересмотре Севрского договора, секретные переговоры с турками в Лондоне и подписание соглашения от 9 марта 1921 г., тайные и явные поездки А. Франклен-Буйона в Анкару в июле—сентябре 1921 г. и т. д.

2. Стремление Франции к сепаратной договоренности с Турцией в нарушение своих союзнических обязательств было вызвано следующими основными соображениями: а) максимальное восста-

новление своих довоенных финансово-экономических, политических и культурных позиций в Турции; б) восстановление своего несколько пошатнувшегося авторитета в мусульманских колониальных владениях, отрицательно реагировавших на враждебные действия Франции против «страны Халифата»; в) сосредоточение всех своих усилий и военного потенциала в Сирии, которую кемалисты настраивали против Франции; г) использование Турции в антисоветских целях на Кавказе; д) ослабление все возрастающего влияния своей ближневосточной соперницы—Англии.

3. Анкарское соглашение давало ряд выгод каждой из сторон, однако гораздо больше получила от него Турция. На международной арене она вышла из дипломатической изоляции, во внутренней жизни кемалисты упрочили свои позиции. Занятием Киликии и других территорий, оккупированных французскими войсками, анкарское правительство добилось возможности переброски с южного на западный фронт военных сил, которые были так необходимы для продолжения борьбы с греками; при этом оно могло использовать в военных целях весь экономический потенциал такой богатой области, какой была Киликия.

4. Подписанием Анкарского договора туркофильски настроенные империалистические круги Франции фактически бросали христианское население Киликии—армян, греков, сирийцев и др.—на произвол судьбы, а точнее, на произвол враждебно настроенных властей и вооруженной толпы мусульманских фанатиков, тайно и явно подстрекаемых к насилию этими же властями.

5. В Анкарском договоре, в частности в статье 6 «О меньшинствах», кемалистам удалось закрепить шовинистические положения Национального обета, направленные против права на самоопределение нетурецких народов распавшейся Османской империи. Пагубные последствия договора сказались в первую очередь на христианах Киликии, особенно армянах, которые не получив никаких реальных гарантий безопасного существования и, исходя из трагического опыта прошлого, были вынуждены покинуть свою исконную землю и эмигрировать на чужбину.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФРАНЦИЯ И ТУРЦИЯ В ЛОЗАННЕ

Развитие событий летом и в начале осени 1922 года значительно ускорило созыв Лозаннской мирной конференции.

9 сентября турецкие войска вошли в Измир, после чего для держав Антанты стало очевидным поражение греков в войне. Что же касается Франции, она гораздо раньше предугадала это и, исходя из своих особых интересов в Турции, тайно и явно поддерживала турок. Используя религиозный фактор как средство запугивания своей ближневосточной соперницы—Англии, французская дипломатия призывала последнюю оказать нажим на Грецию с целью достижения компромиссного соглашения и скорейшего подписания договора. Еще во время встречи министров иностранных дел трех стран в Кэ д'Орсэ 23 марта 1922 г. Пуанкаре указывал на «большие затруднения», которые могут возникнуть в вопросе ислама в целом, от Марокко до Индии. «Даже в Марокко,—заявил он,—султан относится с истинным уважением и религиозной почтительностью к султану в Константинополе. Простой факт подписания Анкарского соглашения имел наилучший эффект... Было бы настоящей катастрофой для каждой из трех держав с такими обширными мусульманскими интересами, если бы им не удалось привести турок к заключению мира»[1].

Вместе с тем Франция пыталась разыгрывать и антисоветскую карту. Выступив вторично на упомянутой встрече, Пуанкаре «напомнил», что «при всех случаях, в наших общих интересах сохранить спокойствие и порядок во всем исламском мире, который большевики пытаются тревожить...»[2]. В то же время французы пытались оказать помощь анкарскому правительству путем тайной передачи ему военного снаряжения. В связи с такой «недружелюбной» акцией своей союзницы Керзон послал английскому послу в Париже Чарльзу Гардингу копию телеграммы британского верховного комиссара в Багдаде государственному секретарю по делам колоний, в которой, в частности, говорилось: «Такая акция была бы не только прямым нарушением политики нейтралитета главных союзников по отношению к греко-кемалист-

скому конфликту, но она была бы также несовместима с видимостью союзнического сотрудничества и взаимопонимания между Францией и Великобританией на Ближнем Востоке»[3].

Пуанкаре начисто отверг эти слухи, заявив, что они «абсолютно необоснованы»[4]. Более того, он указал английскому послу, что подобный шаг «был бы самоубийственным для их же собственных интересов, так как очевидно, что любое оружие, использованное против англичан в Месопотамии, может быть в конце концов использовано и против самих французов в Сирии»[5].

После взятия Измира 20 сентября 1922 г. было созвано совещание в Кэ д'Орсэ между председателем совета министров и министром иностранных дел Франции Пуанкаре и британским государственным секретарем по иностранным делам Керзоном, на котором присутствовали также Ларош и Массигли (Франция) и Гардинг и Форбс Адам (Великобритания)[6]. Пуанкаре зачитал телеграмму, полученную от генерала Пелле из Смирны, в которой последний сообщал о своей беседе с Кемалем. Пелле «побуждал Кемаля не злоупотреблять своей победой (над греками.—*Р. С.*) и показать Европе, что турецкое государство, во главе которого он находится, является современным цивилизованным организмом»[7]. В этой же телеграмме говорилось, что «Мустафа Кемаль уверял в своей дружбе с Францией и свое желание избежать конфликта с союзниками (т. е. с державами Антанты.—*Р. С.*), однако он открыто заявил, что в настоящее время не может остановить свои войска от оккупации ими всех территорий, охваченных Национальным обетом»[8]. Исходя из этого Пуанкаре внушал необходимость скорейшего созыва мирной конференции. Он не забыл еще раз напомнить о том, что «Франция—мусульманская держава и не может пренебречь той серьезной обстановкой, которая создалась во всех ее мусульманских колониях». При этом Пуанкаре сослался на телеграмму из Туниса, в которой сообщалось, что в связи с победой, одержанной турецкими войсками и взятием Измира, М. Кемалю было направлено множество поздравительных телеграмм[9].

В эти же дни чрезвычайно активную деятельность развернул Анри Франклен-Буйон, который из Парижа отправил телеграмму М. Кемалю, советуя ему ничего не предпринимать до его приезда в Измир[10]. В то же время французское правительство заверяло, что Франклен-Буйон не уполномочен предлагать какие-либо дополнительные условия[11].

О содержании бесед Франклен-Буйона с Кемалем мы узнаем из донесения английского верховного комиссара в Стамбуле Горация Рамбольда, в котором он, ссылаясь на генерала Гаррингтона, сообщал Керзону, что Франклен-Буйон «представил позицию союзных правительств в таком аспекте, что поощрил нацонали-

стов с их претензиями». До этого Рамбольд отмечал: «Из одного хорошо информированного источника я узнал, что он (Франклен-Буйон.—*Р. С.*) обязался, что Франция окажет на конференции поддержку в деле полной реализации Национального обета, включая полную отмену капитуляций, которые задевают здесь французские интересы, принимая во внимание большие суммы вложенного капитала, точно так же, как и британские»[12]. И не случайно, что во время переговоров в Мудании, которые начались 3 октября 1922 года, турецкие представители, «втайне поддерживаемые французами»[13], заняли очень твердую и устойчивую позицию и отвергли крайние требования английских делегатов.

6 октября турецкое правительство заявило представителям союзных держав, что оно не примет участия в будущей мирной конференции, если до ее открытия греческие войска не уйдут из Восточной Фракии. Союзники согласились с этим требованием турок, и 11 октября 1922 г. в Мудании был подписан договор о перемирии представителями Англии, Франции и Италии (верховные комиссары в Стамбуле генералы Гаррингтон, Шарпи и Момбелли), с одной стороны, и представителем Турции Исмет-пашой—с другой. Через три дня свою подпись под договором поставил представитель Греции. Муданийское перемирие предусматривало: прекращение военных действий между Турцией и Грецией с 15 октября; эвакуацию греческих войск из Восточной Фракии до реки Марицы; пребывание союзнических войск в Стамбуле и зоне Проливов до заключения мирного договора; обязательство Турции не перебрасывать свои войска в зону Проливов и ограничиться лишь вводом в Восточную Фракию контингента жандармерии в количестве не более восьми тысяч человек.

Новую активность проявила французская дипломатия и после подписания Муданийского перемирия. Не случайно, что турки приняли приглашение направить своих представителей на мирную конференцию в Лозанну «после того, как Франклен-Буйон заверил их, что мирные переговоры начнутся немедленно»[14]. Французские дипломаты продолжали поддерживать свои особые, «внесоюзнические» контакты с турецкими коллегами. Франклен-Буйон даже сообщил туркам, что именно он представит Францию на предстоящей конференции. Узнав об этом и хорошо зная о явных туркофильских настроениях Франклен-Буйона, Керзон сделал все возможное, чтобы последний не поехал в Лозанну[15].

Вместе с тем до открытия конференции Франция внешне показывала свою солидарность и единство с ближайшей союзницей—Англией. «Абсолютно важно,—говорил Пуанкаре, чтобы правительство Его Величества и французское правительство сохранили единый фронт во всех вопросах перед лицом невыносимых требований турок»[16].

В то же время Пуанкаре торопил англичан с открытием конференции, предупреждая, что «всякая отсрочка может вызвать катастрофу»[17].

«Турки знали, что они могут полагаться на помощь России и мусульманских стран на Востоке и на помощь Франции, а возможно, и Италии—на Западе»[18],—пишет Сониел.

После достижения договоренности о созыве конференции в Лозанне Пуанкаре пригласил Исмета в Париж в качестве своего гостя с целью прощупать настроение и намерения турок. Исмет принял его приглашение и прибыл 13 ноября 1922 г. в Париж, где его встретил А. Франклен-Буйон, подготовивший встречу с Пуанкаре. На следующий день в Елисейском дворце Пуанкаре принял Исмета, которого сопровождал Мюнир-бей. Однако в этой беседе Пуанкаре не удалось узнать ничего нового. «Оба государственных мужа стремились обнаружить слабые места друг друга, подобно двум борцам перед выходом на ковер»[19]. Тогда Пуанкаре попытался выяснить турецкую позицию через Франклен-Буйона, но Исмет ничего не разгласил, хотя и заявил журналистам, что он «остался очень доволен встречей»[20].

Пытаясь склонить в пользу Турции общественное мнение Франции, Исмет в своем интервью журналистам отметил, что Турция выбрала демократическую форму правления, и она не собирается нанести какой-либо ущерб французским школам и торговым интересам в Турции. Она всего лишь желает, чтобы решения Национального обета были признаны полностью. «Турки верят, что французы их поймут»,—заключил он свою беседу с журналистами[21].

В этот же день вечером Исмет встретился с военным министром Пенлеве и Франклен-Буйоном. В ходе беседы турецкий дипломат пожаловался на то, что вопреки своим ожиданиям он не встретил наилучшего понимания со стороны французов. Франклен-Буйон на это ответил, что во Франции все еще есть люди, которые пока не осознали справедливость дела Турции. Поэтому Исмет должен проявить упорство с тем, чтобы сделать понятными и приемлемыми точку зрения и требования своей страны[22].

После трехдневного пребывания в Париже Исмет-паша вернулся в Лозанну.

В день открытия Лозаннской конференции, 20 ноября 1922 года, Керзон сообщал Кроуву, что французы и турки остановились в одной и той же гостинице и что «контакт между ними постоянный и тесный»[23].

Первая деловая встреча делегаций состоялась 21 ноября. Были созданы три основные комиссии: 1) территориальный и военный вопросы—председатель лорд Керзон, 2) режим иностранцев и меньшинств в Турции—председатель Гаррони, 3) фи-

нансовый и экономический вопросы, порты и железные дороги, меры по здравоохранению—председатель Камилл Баррер[24].

Территориально-военная комиссия начала свою работу с обсуждения вопроса о границах Турции в Европе. Дискуссии по этому вопросу начались на заседании от 23 ноября; турецкая делегация потребовала восстановления довоенной границы Турции в Европе (во Фракии) от Черного моря до долины реки Марицы, а также проведения плебесцита в Западной Фракии. Франция вместе с Италией поддержала позицию Керзона, который наотрез отказался от проведения плебесцита в Западной Фракии, считая, что у турок нет никаких прав на этот район[25].

Упомянутая комиссия перешла затем к обсуждению вопроса о Мосуле, который непосредственно интересовал лишь две страны—Англию и Турцию. По этому вопросу Исмет еще 26 ноября имел частную беседу с Керзоном, сообщив ему о том, что он намерен потребовать возвращения Мосула Турции[26]. На первых встречах делегаций обеих стран турки и слышать не хотели о другом варианте решения Мосульского вопроса. Исмет заявил Керзону, что «он никак не может вернуться обратно в Ангору без Мосула»[27]. Из опубликованных недавно новых документов Форин оффиса становится очевидным, что Турция готова была «даже порвать с Советами», если бы Англия согласилась на передачу ей Мосульского вилайета[28].

Основной же заботой Керзона было окончательное решение вопроса о Мосуле, т. е. безоговорочное сохранение Мосула в составе подмандатного Ирака. Турки прилагали максимальные усилия для урегулирования конфликта в свою пользу. Когда в в январе 1923 года переговоры по этому вопросу зашли в тупик, Анкара попыталась сблизиться с французским правительством для получения поддержки, но безуспешно[29]. «Франция и Италия,—писал Г. В. Чичерин,—отошли в сторону и предоставили Англии одной торговаться в этом вопросе»[30].

И все же французская дипломатия, несмотря на свои вынужденные тактические уступки Англии, вызванные осложнениями в Руре и необходимостью получения английской поддержки, в целом продолжала искать пути к договоренности с турками, исходя из своих интересов в Турции. 4 января 1923 г. Керзон сообщал Кроуву, что, по-видимому, Франция получила определенные заверения в признании и сохранении за ней довоенных концессий[31]. А еще до этого Керзон с возмущением писал Линдсею о том, что Пуанкаре, не поставив в известность ни английское правительство, ни делегации союзных держав, направил М. Кемалю 30 января телеграмму, в которой давал знать, что Франция намерена вести сепаратные переговоры с Турцией для сохранения французских

интересов в случае, если союзники будут неспособны подписать всеобщий мир[32]. Далее говорилось, что своей позицией Франция ободряет турок и оказывает им потенциальную поддержку[33].

По предложению Керзона британское правительство направило Франции 3 февраля ноту протеста, в которой, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества не находит возможным обойти молчанием акцию французского правительства, которую оно рассматривает не иначе, как шаг, подрывающий совместные усилия союзников и подвергающий опасности перспективы мира, выработанные в течение прошедших месяцев в Лозанне»[34]. «Ответственность за подобную катастрофу и ее неизбежные последствия для отношений между Францией и Великобританией полностью будет ложиться на французское правительство»,—говорилось далее[35]. Однако эта угроза Керзона не имела должного воздействия на Францию, которая добивалась соглашения любой ценой. Французский дипломат Жорж Боннэ, долгие годы проработавший вместе с Пуанкаре, признает, что последний прибегал к сепаратным шагам и тайно поддерживал турок. Когда Керзон представил Исмету условия мира и дал всего четыре дня на размышление и подписание договора, Пуанкаре дал знать турецкому дипломату, что «мирный договор это не ультиматум и что в его власти не соглашаться с этим»[36]. Во время очередной встречи с Пуанкаре Керзон напомнил, что еще 5 сентября 1914 года союзники взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира, на что Пуанкаре ответил, что «эта договоренность была в силе только в период войны, и что Франция свободна действовать, как ей заблагорассудится»[37]. И все же Франция, будучи зависимой от Англии в европейских делах, не могла идти наперекор акциям своей бывшей союзницы, особенно в тех вопросах, которые имели антисоветский аспект. Так, при обсуждении вопроса о Проливах, представляющего жизненный интерес для советских республик (Россия, Украина, Грузия), французский делегат Баррер поддержал английскую позицию, которая заключалась в требовании полной свободы прохода через Проливы военных кораблей, а также вооруженных судов и военной авиации в ущерб безопасности черноморских государств.

Вместе с тем французская дипломатия пыталась внушить англичанам необходимость заключения мира с турками любой ценой. Бомпар предлагал Керзону направить в Анкару генерала Пелле «для консультаций»[38]. Он также внушал ему, что если турки не подписывают договор, то союзники должны предложить им другой, более приемлемый проект[39].

Протурецкая линия поведения французских дипломатов проявилась и в вопросе национальных меньшинств, который дискутировался на ряде заседаний территориально-военной комиссии в

течение декабря 1922—января 1923 гг. Следует отметить, что к этому времени французское общественное мнение высказало свое отношение к так называемому армянскому национальному очагу, на уровень которого был низведен вопрос о судьбах Западной Армении и сотен тысяч беженцев, рассеянных по всему миру в результате политики геноцида. По инициативе известного ученого профессора Коллеж де Франс Антуана Мейе 8 декабря в адрес Лозаннской конференции было направлено следующее воззвание:

«Ужасающее положение, в котором в настоящее время находится армянское население Турции, является позором для цивилизованного мира.

Со времен Берлинского конгресса, на котором турецкое правительство обещало ввести реформы в управление армянскими провинциями империи и шесть европейских держав обязались проследить за их выполнением, это несчастное население кроме резни ничего не получило.

В период войны союзники торжественно заявили, что освобождение Турецкой Армении является одной из целей борьбы, которую они вели. Статья 22 пакта Лиги наций и решения, принятые союзными правительствами после победы, закрепили это обещание; Лига наций своими многочисленными резолюциями, принятыми единогласно, подтвердила необходимость сохранения будущего армянской нации путем создания национального очага, который был ей обещан. Эти обещания еще не выполнены, и армянский народ испытал бедствия гораздо более тяжкие, чем те, которые обрушились на него перед войной. В результате преданности делу союзников в течение восьми лет погибло более одного миллиона двухсот тысяч армян, ставших жертвой избиений, депортаций, эпидемий и голода. Оставшиеся в живых вынуждены были покинуть родную землю и бежать в разные страны: более 600 тысяч несчастных находятся без крыши над головой, под тентами, в барачных лагерях, лишенные поддержки в результате того, что все трудоспособные мужчины были задержаны и сосланы в глубь страны. Гуманность и справедливость, честь союзников и интересы самих турок требуют положить конец этим мукам Армении и создать безотлагательно национальный очаг с тем, чтобы эти толпы беженцев смогли там собраться и жить в безопасности.

Интеллектуальная элита Франции всегда поддерживала дело этого древнего, трудолюбивого и миролюбивого народа, друга литературы и искусств, народа, который на протяжении веков оказал так много услуг цивилизации. Поэтому одной из главных задач Лозаннской конференции должно быть принятие необходимых мер для обеспечения его существования и сохранения его национальной культуры. Мы твердо надеемся, что представители

Франции и других стран, принимающих участие в конференции, дадут этому вопросу столь высокой моральной значимости то справедливое решение, которого требует совесть человечества.

Париж, 8 декабря 1922 года»[40].

Под этим воззванием поставили свои подписи 75 представителей французской общественности во главе с Анатолем Франсом, в том числе 16 академиков, 15 сенаторов и членов палаты депутатов Франции, редакторы ряда газет и журналов, известные писатели—члены Гонкуровской академии и др.[41]

12 декабря 1922 г. состоялось заседание упомянутой выше комиссии, посвященной правам национальных меньшинств. Открывая заседание, Керзон напомнил о принципиальном согласии Турции на гарантию прав национальных меньшинств и, указав на заинтересованность союзных держав в их судьбе, призвал турецкую делегацию «серьезно обдумать проблему меньшинств»[42]. Перейдя затем к армянам, он отметил, что армянское население Карса, Ардагана, Вана, Битлиса и Эрзерума «фактически исчезло» и «остается лишь около 130 000 армян в Турецкой Армении из населения, ранее насчитывавшего около 3 млн. человек».

«Поэтому просьба,—лицемерно восклицал английский дипломат,—чтобы Турция нашла для армян в какой-либо части своей азиатской территории, в северо-восточных провинциях либо на юго-восточных границах Киликии и Сирии, центр желаемой ими группировки»[43].

Еще более «показательной» была речь, которую произнес на упомянутом заседании председатель французской делегации Баррер. «Франции,—похвастался он,—всегда удавалось сочетать усилия, прилагавшиеся ею в течение веков в целях улучшения положения всех народов Востока с дружеским отношением к оттоманскому правительству». Призывая затем Турцию оценить должным образом значение национальных меньшинств для экономической жизни страны, Баррер демагогически выдвинул ничего не значащую просьбу, а именно: чтобы «оттоманские подданные армяне, потерпевшие во время войны столь сильный урон и подвергшиеся столь тяжким страданиям, заняли значительное место в *наших заботах о справедливом отношении ко всем без различия меньшинствам*»[44] (курсив мой.—*Р. С.*). Эти и подобные им словесные заявления западных дипломатов не могли, конечно, иметь какого-либо воздействия на представителей анкарского правительства. В своем пространном ответном слове Исмет-паша категорически отверг просьбу о предоставлении армянам, насильственно выселенным из родных мест, какого бы то ни было «национального очага», аргументируя свой отказ тем, что это «повлечет за собой расчленение Турции», что «несовместимо с национальным суверенитетом»[45]. Более того, он не постеснялся заявить, что «до поло-

вины XIX века армяне жили в Турции мирно и вполне свободно»[46] и лишь после того, как «Россия... через эчмиадзинского католикоса подстрекнула армянских интеллигентов России создать противотурецкое движение между их русскими и оттоманскими единоверцами», положение ухудшилось[47]. Кончил Исмет свою в сущности обвинительную речь изложением официальной турецкой версии: «Ответственность за все бедствия, которым подвергался армянский элемент в Оттоманской империи, падает, таким образом, на него самого, так как правительство и турецкий народ только прибегали, во всех без исключения случаях, к репрессивным мерам или к репрессалиям лишь тогда, когда их терпение истощалось»[48].

На следующем заседании территориально-военной комиссии, 14 декабря 1922 года, коснувшись событий в Киликии, Исмет продолжал свою фальсификацию, заявив, что «армяне покинули Киликию до ухода французов и, следовательно, до прихода турецких войск и что они так поступили вопреки советам и настояниям турецких властей, уговаривавших их остаться в своих жилищах». Отрицая турецкие зверства и погромы, заставившие часть киликийских армян покинуть свои пепелища еще до заключения Анкарского договора, турецкий дипломат, повторяя избитую султанскую версию, утверждал, что якобы «это население было вынуждено уйти против своей воли благодаря агентам революционного комитета, действовавшим с политической целью»[49].

Керзон высмеял аргументации и объяснения Исмета, спросив, «как случилось, что три миллиона армян, живших в Малой Азии, уменьшились до 130 000? Покончили ли они самоубийством или добровольно исчезли?», на что последний ответил в завуалированной форме: «Обращаясь к судьбе тех, *кого теперь не достает в предыдущих статистических данных* (курсив мой.—*Р. С.*), следует принять во внимание недавние войны и войны, навязанные Турции»[50].

Однако дело дальше этого вопроса Керзона не пошло. Правда, в опубликованных за последние годы новых томах «Документов внешней политики Великобритании» помещена дипломатическая переписка, могущая создать впечатление, что Керзон в самом деле отстаивал интересы бездомных армян, но все это делалось «для истории», для оправдания себя в глазах будущих поколений[51]. С другой стороны, эти документы вновь выявляют те острые противоречия, которые имелись между Англией и Францией—двумя бывшими союзницами—в их ближневосточной политике. Так, в 18-м томе приводится ответ Керзона на письмо Исмет-паши, которое не публикуется в документе. В своем ответе Керзон указывает, что он отвечает Исмету не только от своего, но и от имени своих коллег—Баррера и Гаррони, которые отсутствуют. В этом

ответе Керзон «обосновывал» необходимость выслушать представителей болгарского правительства и армянской общины, ссылаясь на решение подкомиссии по вопросу меньшинств[52]. В то же время он отмечал, что турецкие представители отвергли это предложение, не представив никаких доводов.

В своем письме Керзону Кроув отметил в этой связи, что «турецкое упрямство», возможно, является результатом изменения французской позиции и поэтому предлагал поставить перед Францией определенный вопрос: «Присоединяетесь ли Вы к нам, чтобы воспрепятствовать силой турецкому продвижению?». «Если они ответят отрицательно, продолжал Кроув,—тогда мы должны заявить, что не будем воевать одни и целиком выведем свои войска, даже из района Галлиполи»[53].

Никакие угрозы или ультимативные требования, однако, не были предъявлены французам, да они и не могли бы повлиять на позицию турок, весьма ловко играющих на англо-французских противоречиях.

9 января 1923 г. Керзон сообщил Кроуву, что в ответ на его постановку вопроса об армянских, ассиро-халдейских и болгарских беженцах «Исмет-паша снова категорически отказался даже обсудить идею о национальном очаге для армян или любых других меньшинств...»[54].

В день временного прекращения переговоров—4 февраля 1923 года—делегация Великого национального собрания Турции вручила председателям британской, французской и итальянской делегаций на Лозаннской мирной конференции письмо, в котором, в частности, говорилось: «Вопрос о национальных меньшинствах, который является очень важным, особенно для Турции, был решен согласно желанию союзных держав в результате дискуссий, где мы всегда были расположены примирительно»[55].

По возобновлении же конференции 23 апреля 1923 г. вопрос о меньшинствах и главным образом о правах изгнанных из своих родных мест армян дважды поднимался на заседаниях территориально-военной комиссии. 4 июня, при обсуждении параграфа, касающегося возвращения беженцев-армян, вынужденно покинувших Турцию в течение 1921—1922 гг., французский делегат генерал Пелле высказался за распространение на них амнистии, указав, в частности, что Сирия дала убежище около 100 000 армян. В ответ на это Исмет повторил турецкую версию о том, что некоторые армяне могут вернуться в Турцию, но «просьба о допущении к возвращению 100 000 армян совершенно меняет вопрос; она имеет прямое отношение к *безопасности государства*»[56] (курсив мой.—*Р. С.*). На заседании же 17 июня Пелле присоединился к пустому предупреждению своего английского коллеги Горация Рамбольда, что в случае отказа Турции принять на своей терри-

тории сотни тысяч изгнанных собственных подданных, «на нее обрушится критика всего цивилизованного мира»[57]. При этом он напомнил, что «начиная с 4 июня обращал внимание турецкой делегации на положение многочисленных турецких подданных—по большей части христиан или армян, покинувших свои очаги в эпоху эвакуации Киликии французскими войсками либо позднее»[58]. Однако турки, правильно оценив истинный вес словесных упражнений представителей западных держав, заявили устами Исмет-паши, что «турецкая делегация изложила во время предыдущих собраний свою точку зрения по поводу *армянских эмигрантов*. Она полагает, что не представляет интереса вновь возвращаться к этому вопросу»[59] (курсив мой.—*Р. С.*).

В своем пренебрежении к вопросу о дальнейшей судьбе лишившихся родины западных армян, которых он назвал «эмигрантами», Исмет-паша дошел до того, что заявил представителям Армянской национальной делегации П. Снапяну и известному писателю Л. Башаляну: «Армяне вообще любят путешествовать, они покидают свои места и перебираются в Стамбул»[60].

Апологет Исмет-паши турецкий историк Караджан идет еще дальше в фальсифицировании исторических фактов, голословно утверждая, что будто бы «вопрос об армянской родине был поднят христианской Америкой и некоторыми английскими протестантами», называя этот вопрос нелепым. «И Риза Нур-бей,—заключает автор,—увидев, что державы Согласия подняли вопрос об армянской родине, собрал свои бумаги и покинул зал»[61].

Профессор международного права А. Н. Мандельштам заметил, что одним из пороков Лозаннского договора явилось «отсутствие в нем всяких санкций за акты, направленные против прав человека, совершенные турками в период мировой войны, равно как и отсутствие каких-либо оговорок о восстановлении в правах лиц и о возврате имущества»[62].

Таким образом, рассмотрение вопроса о национальных меньшинствах и, в частности, армянского вопроса, на конференции в Лозанне еще раз выявило двурушническую и вероломную по отношению к угнетенным нациям бывшей Османской империи политику западных империалистических держав, преследовавших свои конкретные цели в торге с новыми представителями рухнувшей империи. С другой стороны, именно в Лозанне нашла свое завершение шовинистическая политика Турции по отношению к нетурецким народам, хотя ее представители фарисейски заявляли, что они признают «право на самоопределение *всех* народов, проживающих на земном шаре»[63] (курсив мой.—*Р. С.*).

Оценивая результаты Лозаннской конференции с точки зрения удовлетворения справедливых требований армянского народа, французский исследователь истории геноцида Жан-Мари Карзу

замечает: «В Лозанне, и это находится в соответствии с устремлениями Национального обета 1920 года, нет ничего для Турецкой Армении. Ничего! Ни независимости, ни мандата, ни национального очага, ни специфического статуса, ни автономии. Ничего! Нет даже добрых старых реформ 1914 года. И этот последний международный договор по этому вопросу был составлен точно таким образом, как будто никогда не существовало ни армян, ни Армении к западу от Арарата»[64].

Однако, если Ж.-М. Карзу критикует турецкую политику в армянском вопросе, то другой современный автор, Элизабет Бауэр, критикует политику западных империалистических государств. «Армения была полностью принесена в жертву экономическим и политическим интересам представленных там (на Лозаннской конференции.—*Р. С.*) наций,—пишет она.—Вопреки взятым на себя обязательствам, западные державы оставили родину и драгоценное наследие армян под чужеземным покровительством турок...»[65].

Единственной державой, которая могла выступить с защитой прав угнетенных народов, в частности армян, была Страна Советов, однако западные империалистические державы не допустили ее к участию в обсуждении вопроса о национальных меньшинствах Турции. В связи с этим народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил председателю международной Филармянской лиги Эдуарду Невилю письмо, датированное 26 января 1923 г., в котором говорилось: «Во время интересной беседы, которую я имел с Вами и с делегатами Филармянской лиги, которые Вас сопровождали, я имел случай констатировать, что на Лозаннской конференции Россия, Украина и Грузия устранены от обсуждения армянского вопроса, несмотря на то, что лишь их участие могло действительным образом содействовать благоприятному решению этого вопроса...»[66].

А на следующий день, 27 января 1923 г., делегаты трех советских республик направили председателям Лозаннской конференции ноту следующего содержания: «Российско-украинско-грузинская делегация, несмотря на то, что она была произвольно устранена от обсуждения почти всех вопросов, рассматривавшихся на конференции, всегда тем не менее полагала, что представляемые ею страны по существу могут содействовать действительным образом разрешению этих вопросов. Среди проблем, которые не могли получить разрешения в Лозанне вследствие исключения России и ее союзников, может быть упомянут вопрос о судьбе армянского населения...

Российско-украинско-грузинская делегация считает долгом добавить, что она уведомила о вышеизложенном американскую миссию на Лозаннской конференции и другие заинтересованные круги»[67].

Турецкая делегация взяла верх и при определении прав иностранцев в Турции. Исмет заявил, что «правительство Великого национального собрания Турции в состоянии обеспечить иностранцам все гарантии справедливого правосудия и следить за их претворением в жизнь при полном отправлении своего суверенитета и безо всякого иностранного вмешательства. Оно равным образом расположено к тому, чтобы приступить к изучению вопроса для внедрения тех реформ, которые оправдали бы прогресс нравов и цивилизации»[68].

В напряженной обстановке, очень остро, проходили в Лозанне заседания, где обсуждались вопросы о капитуляциях, Оттоманском долге, финансово-экономические статьи проекта договора. Наиболее заинтересованной из западных стран здесь была Франция, которая сколь легко отказалась от своих обязательств по отношению к христианским народам Турции и, в частности, Киликии, столь же упорно отстаивала свои привилегии, полученные ею в Османской империи. Причем французское правительство надеялось на частное рассмотрение этих вопросов с турками. Была даже идея отправки в Анкару генерала Пелле в сопровождении одного из представленных в Лозанне финансовых экспертов. Керзон узнав об этом, воспротивился подобному сепаратному шагу французов. Несмотря на это, Бомпар стал добиваться секретных встреч с турками. Однако, как замечает Сониел, «его усилия послужили лишь тому, что они ободрили турок, которые рассчитывали на американскую поддержку взамен на нефтяные концессии»[69]. При обсуждении вопроса о капитуляциях на заседании 2 декабря 1922 года французский делегат Баррер поддержал предложение итальянца Гаррони о замене режима капитуляций системой гарантий, пытаясь обосновать такое компромиссное решение вопроса «выгодностью» привлечения иностранного капитала в Турцию»[70].

Однако турки остались непреклонны, т. е. отказались признать капитуляции в какой бы то ни было форме. В турецкой прессе началась кампания, в первую очередь направленная против Франции. «Ныне Париж, а не Лондон является препятствием к миру»,—писала «Илери»[71].

Сильное противодействие турок вызвали также попытки западных держав сохранить юридические капитуляции. 16 января 1923 г. Исмет написал Керзону и прибывшему в Лозанну американскому послу в Риме Чайльду, что «Турция никогда не сможет согласиться с юридической системой, отличной от тех, которые находятся в силе в других странах»[72]. В такой же категорической форме ответил полковнику Мужену, прибывшему в Анкару для урегулирования вопросов, связанных с реализацией условий Ан-

карского договора[73], председатель совета министров Хусейн Рауфбей, добавив при этом, что «Великое национальное собрание не имеет никакой власти признать юридические капитуляции»[74].

Сам Мустафа Кемаль заявил журналистам в Измире, что французские и итальянские делегаты, создавая затруднения в разрешении вопроса о юридических и финансовых капитуляциях, состязаются с британской делегацией в действиях, направленных против турецких интересов[75]. Он пригрозил французам турецкой интервенцией в Александретте и стал подстрекать Сирию на борьбу за определение своей собственной судьбы[76]. В период же между возобновлением работы конференции анкарское правительство предприняло ловкий дипломатический ход для «устрашения» французов. 9 апреля 1923 года Великое национальное собрание Турции приняло решение о предоставлении концессий на строительство железных дорог, портов и на эксплуатацию недр двум заокеанским бизнесменам—американцу Артуру Честеру и канадскому полковнику Клейтону Кеннеди. Этот, по выражению Р. Дэвисона «ловкий шаг турецкой дипломатии», явно затрагивавший интересы французских капиталистов в Турции, вызвал страшное недовольство и протесты во Франции. Газета «Матэн» устами известного журналиста Пертинакса выступила с требованием «показать Ангоре, что Франция не боится конфликта и готова принять вызов»[77]. Генерал Пелле заявил, что этим актом прямо нарушаются французские права, завоеванные до войны, но это заявление не произвело никакого эффекта на турок. Последние стали оправдывать свой шаг тем, что ранее «предоставленные французам концессии не имеют законной силы, т. к. их условия не были обсуждены с Великим национальным собранием Турции»[78].

Очень острые споры возникли и при обсуждении вопроса оплаты довоенных долгов и, в первую очередь, Оттоманского долга. Во всех финансовых статьях договора больше всех была заинтересована Франция, как крупнейшая из всех турецких кредиторов. Финансовая задолженность ей со стороны турецкого правительства в начале 1914 года составляла 940 млн. золотых франков[79]. При этом французы требовали, чтобы ежегодное погашение производилось не по курсу бумажного франка, а в золотых франках[80]. На вопрос Исмет-паши, платят ли французы золотом проценты по своим долгам, последовал ответ, что право Франции вытекает из ее победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побежденной Турции[81]. Этот ответ не имел, однако, никакого воздействия на турок. Исмет-паша руководствовался строгими инструкциями из Анкары не соглашаться платить золотом[82]. «Если бы Турция,—заявил он,—приняла экономические положения договора, как они ныне предложены союзниками, то она была бы поставлена в положение экономического рабства»[83].

Переговоры зашли в тупик. Французское правительство потребовало от своих представителей убедить делегатов союзных держав представить туркам что-то вроде ультиматума, однако англичане на это не пошли[84]. В конечном счете французы вынуждены были шаг за шагом отступить от своих позиций. «Франция никогда не представляла себе,—писал один из французских журналистов, ранее поддерживающий турок против англичан,—что этот мир может быть заключен за ее счет»[85].

11 июня Рамбольд сообщал Керзону, что его французский коллега передал ему телеграмму своего правительства относительно вопросов, оставшихся еще неразрешенными. Французское правительство соглашается сразу же после ратификации Турцией мирного договора начать эвакуацию своих войск, которая завершится в течение двух месяцев. Французы возражают против сдачи «Гёбена» туркам, считая, что такая уступка могла нарушить морской баланс в бассейне Восточного Средиземноморья. Однако если британская делегация готова сдать крейсер туркам, они не будут чинить препятствий этому[86].

При определении границ Сирии с Турцией турецкая делегация отказалась от своего требования подтвердить в Лозаннском мирном договоре Анкарское соглашение 1921 года при условии, что французская сторона соответствующей декларацией и сопроводительным письмом подтвердит его действительность[87]. В то же время Исмет потребовал, чтобы сирийская граница определялась в соответствии с первоначальным текстом союзных держав. Генерал Пелле, возглавлявший французскую делегацию на заключительной стадии второго этапа переговоров в Лозанне, заявил, что, не желая вызвать раздражение турок, французская делегация предлагает отредактировать параграф, касающийся Антиохии и Александретты следующим образом: «Положения настоящей статьи (16-й.—*Р. С.*) не несут в себе посягательства на те частные оговорки, которые внесены и могут быть внесены Турцией и пограничными странами ввиду их соседства»[88].

Турецкая делегация дала согласие на такую формулировку.

Итак, несмотря на уступки империалистам в некоторых принципиальных вопросах, в целом турецкая дипломатия взяла верх в ряде наиболее важных для Турции вопросах. И нельзя не согласиться с Р. Дэвисоном, который подчеркивает тот факт, что «Турция была единственной из побежденных в 1918 году наций, оказавшейся способной в течение немногих лет опрокинуть [принятые по отношению к ней] решения и как равная с равными вести переговоры с союзными державами для заключения нового договора»[89].

Таким образом, исследование истории дипломатических отношений между Францией и Турцией накануне Лозаннской мирной

конференции 1922—1923 гг. и их позиции на самой конференции в свете новых документов и фактов приводит к следующему заключению:

1. Позиция Франции в Лозанне была обусловлена по крайней мере двумя факторами: 1) зависимостью от Англии в вопросах, касающихся взаимоотношений с побежденной, но не сломленной Германией; 2) задачей максимального сохранения своих прав и привилегий в потерпевшей крах Османской империи, восстановления своих экономических и финансовых позиций в этой стране и получения своих долгов.

2. Возросшая зависимость Франции от Англии в период Лозаннской конференции, связанная с осложнениями в Рурской области, вынудила французскую дипломатию уступить своей сопернице в главных для последней вопросах—Мосульском и Проливов, ничего не получив взамен.

3. Французская дипломатия проиграла и турецкой дипломатии: поддержав тайно и явно Анкару в греко-турецкой войне в надежде на восстановление режима капитуляций—своих исключительных привилегий—и на достижение новых выгодных позиций в послевоенном турецком хозяйстве, Франция взамен ничего не получила, а потеряла очень много по сравнению с тем, что она имела в Турции до войны.

4. Руководствуясь алчными устремлениями капиталистических монополий, правящие круги Франции, в погоне за компромиссными соглашениями с анкарским правительством, легко и откровенно принесли в жертву этой своей политике интересы угнетенных народов османской Турции. В Лозанне они окончательно отказались от тех своих письменных обязательств и заверений по отношению к угнетенным народам Империи, которыми долгие годы обманывали их.

5. Особенно ощутимо сказалась эта политика Франций на судьбе Западной Армении и Киликии и их армянского населения, пережившего страшный геноцид 1915 года, в результате которого только в 1915—1922 гг. погибло более 1,5 млн. армян. Надежды оставшихся в живых и вернувшихся в Киликию и другие родные им места армян рухнули из-за коварной политики французской империалистической буржуазии, способствовавшей продолжению кемалистами шовинистической политики младотурок в национальном вопросе.

6. При оценке французской политики в Лозанне следует неизменно учитывать ее антисоветский аспект. Наиболее враждебной линии по отношению к Стране Советов в этот период придерживалась именно Франция, которая всячески старалась помешать советско-турецкому сближению, пытаясь использовать в этих

целях проимпериалистически настроенные круги турецкой буржуазии.

7. Турция, весьма умело используя в своих интересах острые англо-французские противоречия и занимая твердую и гибкую позицию, одержала победу в наиболее важных вопросах, добившись полной отмены режима капитуляций во всех его проявлениях, отмены финансового и всякого другого контроля империалистических держав и самого главного для себя—сохранения территорий проигравшей войну Османской империи, за исключением тех ее оккупированных частей, которые невозможно было вернуть силой. Поэтому, можно заключить, что несмотря на те уступки, которые сделала Турция империалистическим державам, в целом турецкая дипломатия, играя на противоречиях западных держав, одержала в Лозанне крупную победу.

8. В Лозаннском мирном договоре отразилась и позиция Турции в вопросе определения дальнейшей судьбы угнетенных народов Османской империи—позиция непризнания права на свободное самоопределение за армянами, курдами, ассирийцами и др. Более того, Турция добилась запрета на возвращение в страну даже своих законных граждан, насильственно изгнанных из родных мест, либо вынужденных временно покинуть страну под страхом физического уничтожения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Окончание первой мировой империалистической войны застало Францию и Турцию в совершенно разных ситуациях: победоносная, ставшая первой континентальной державой Европы Франция и проигравшая войну, потерпевшая крах Османская империя. Два государства, которые, по определению В. И. Ленина, являлись: одно—«финансовой олигархией»[1], другое—«самой варварской деспотией в Европе»[2]. И вот, страна финансовой олигархии, исходя прежде всего из своих *финансовых* интересов, добивается сохранения целостности одного их самых деспотических государств в мировой истории. К этому фактически вела основная линия ближневосточной политики Франции в первые послевоенные годы. Другими наиболее важными факторами французской политики по отношению к побежденной Турции были: религиозный—значение «страны Халифата» для мусульманских колониальных владений Франции; стратегический—значение Турции для обеспечения безопасности границ подмандатной Франции Сирии и военно-политический—место Турции в антисоветских планах французских империалистов. Совокупностью этих и других интересов и определялась линия французской дипломатии на всех этапах франко-турецкого диалога 1919—1923 гг., начиная от первых контактов Франсуа Жорж-Пико с М. Кемалем вплоть до окончания Лозаннской мирной конференции. И именно этим следует объяснить неизменное стремление французских правящих кругов найти пути для сепаратной от союзников договоренности с кемалистами в ущерб интересам тех народов Турции, о защите прав которых они разглагольствовали и во время войны, и после ее окончания.

В результате, империалистические вожделения Франции по отношению к Турции в конечном счете потерпели крах, но такая политика Франции принесла неисчислимые страдания и бедствия оккупированной французскими войсками Киликии, особенно ее христианским народам. В частности, армянское население, составлявшее относительное большинство даже после огромных потерь в годы массового геноцида 1915—1916 гг., понесло новые человеческие жертвы и, лишенное твердых гарантий безопасности, вынуждено было, уступив грубой силе, эмигрировать на чужбину.

Рассматривая же ход развития франко-турецких отношений с точки зрения турецкой политики, можно заключить, что если султанское правительство в Константинополе на первом этапе контактов с державами Антанты вело соглашательскую линию в ожидании успехов кемалистского движения, то руководители этого

движения, с самого же начала взявшие на себя ответственность за судьбы Османской империи, сумели подчинить национально-освободительное движение, возникшее под воздействием идей Великой Октябрьской революции, наиглавнейшей цели—сохранению максимально возможной территории развалившейся Османской империи. Для достижения этой цели кемалисты, будучи выразителями интересов буржуазно-помещичьих классов и высшего офицерства, выдвинули с одной стороны, национально-патриотические, а с другой—шовинистические лозунги, направленные как против иностранных оккупантов, так и против нетурецких народов. В итоге, кемалистам удалось удержать максимальную территорию бывшей Османской империи и отказаться лишь от тех земель (арабские страны), которые они не были в силах отстоять. При этом кемалисты ловко играли на англо-французских противоречиях, с одной стороны, и на антисоветизме стран Антанты—с другой.

Принципы национальной политики кемалистов, сформулированные в решениях Эрзерумского и Сивасского конгрессов, были основаны на непризнании права на самоопределение за угнетенными народами Османской империи, хотя анкарские руководители на словах заявляли, что они признают «право на самоопределение за *всеми народами* земного шара»[3] (курсив мой.—*Р. С.*).

Национальная политика кемалистов нашла свое оформление и первоначальное применение в их акциях в Киликии. Основной направленностью этой политики было путем физического истребления, насильственного изгнания, либо создания невыносимых условий принудить к эмиграции и избавиться таким образом от тех народов, которые предъявляли свои законные человеческие права и, прежде всего, право на безопасное существование и мирный, созидательный труд на тех землях, где они обитали на протяжении многих веков еще задолго до появления турок в Анатолии.

Политика кемалистов в национальном вопросе была своего рода продолжением национальной политики младотурок с той лишь разницей, что если младотурки осуществили геноцид армянского народа при попустительстве кайзеровской Германии и под прикрытием мировой войны, то кемалисты продолжали это дело, прикрываясь лозунгами национально-освободительной войны, при попустительстве французских колониальных кругов.

Таким образом, за новую трагедию западных армян, тех, кто испытал на себе последствия политики геноцида в 1915 г., т. е. тех, кто чудом уцелев в годы депортации и массовой резни, погиб в 1920—1921 гг. в Киликии, равным образом несут ответственность шовинистические круги турецкой буржуазии и колониальные круги французской империалистической буржуазии.

Киликийские армяне, численностью более 160 тысяч человек, те, кому удалось выжить в годы депортаций в Сирийскую пустыню, вернулись к родным очагам, доверившись обещаниям французских властей, их лицемерным заявлениям о том, что якобы одной из целей войны является освобождение угнетенных народов Османской империи. Представители официальной Франции, скрыв свои империалистические и колониальные устремления на Ближнем Востоке, ввели в заблуждение армян, которые наивно поверили им на слово и не смогли понять разницу между Францией Жореса и Анатоля Франса и Францией Клемансо и Пуанкаре, т. е. не сумели отличить отношения официальных властей от отношения передовой французской общественности, которая неоднократно поддерживала армянский народ в дни самых тяжких испытаний, гневно осуждая абдулгамидовские зверства и младотурецкие преступления.

Оценивая же критически деятельность армянских политических партий и их лидеров, можно заключить, что они, так же как руководители других национальных организаций, действующих как в самой Киликии, так и за ее пределами, в силу своей классовой ограниченности, разобщенности и отчасти из-за беспринципных разногласий и местнических тенденций, легко поддались лицемерным заверениям французских руководителей и не смогли вовремя разгадать их коварную и вероломную по отношению к западным армянам политику.

С другой стороны, руководители киликийских армян не смогли *вовремя* раскрыть шовинистическую сущность проводимой кемалистами линии в отношении нетурецких народов, особенно христиан. Более того, недооценив реальную силу турок, они не позаботились всерьез о средствах самозащиты, лелея надежды на покровительство «сокрушившей Германию» Франции. Вследствие подобного непонимания истинных целей как французской, так и турецкой политики в Киликии, они, эти лидеры, фактически дезориентировали своих соотечественников, не нацелив их на организацию самообороны, что могло привести к значительно меньшим потерям.

Особенно наглядно, по сравнению с печальной участью западных, в том числе киликийских армян, вырисовывается благоприятный исход освободительной борьбы другой части армянского народа, той, которая связала свою судьбу с революционной борьбой российского пролетариата, с русским народом. Благодаря помощи Советской России народ Восточной Армении установил в своей стране Советскую власть и, войдя в союз равноправных советских республик, получил условия для мирной и созидательной жизни, добившись огромных успехов в социалистическом строительстве.

R. G. SAHAKIAN

LES RELATIONS FRANCO-TURQUES ET LA CILICIE EN 1918—1923

Résumé

La politique française envers la Turquie durant la période de la guerre nationale de celle-ci occupe une place particulière. La France était la première puissance de l'Entente qui a établi des contacts diplomatiques avec le Gouvernement de la Grande Assemblée Nationale de la Turquie et qui a signé avec lui un accord politique, ne tenant pas compte de l'avis de ses alliés. Cela s'explique avant tout par l'existence des intérêts économiques et financiers particuliers des capitalistes français dans l'Empire Ottoman. La part de la France dans la Dette Publique Ottomane s'élevait à 61% et elle détenait la Régie des Tabacs, plusieurs importantes concessions de constructions de fer, exploitation de mines, de ports etc. La France occupait aussi une place importante dans la sphère de l'influence culturelle: la langue française était considérée comme deuxième langue pour les intellectuels et d'après les données statistiques de 1914 le nombre des écoles françaises en Turquie s'élevait à cinq cents. La France étendait son influence aussi par l'intermédiaire des institutions de bienfaisance: orphelinats, hôpitaux, pensionnats, dispensaires, asiles de vieillards etc., que l'on trouvait à Constantinople et presque dans toutes les grandes villes de l'Anatolie.

Le facteur religieux jouait de même un rôle bien défini. Les milieux gouvernants français déclaraient souvent: «La France est une grande puissance musulmane» en admettant que leur politique envers la Turquie peut avoir ses répercussions dans les dépendances coloniales musulmanes de la France.

De la sorte, les intérêts des monopoles français exigeaient la sauvegarde de l'Etat turc pour récupérer leurs avoirs et garantir leurs revenus, au moment où la Grande Bretagne s'efforçait à démembrer la Turquie vue d'en occuper les territoires les plus riches et plus importants au point de vue stratégique.

La France comme concurrente de l'Angleterre au Proche-Orient ne pourrait pas permettre le renforcement de cette dernière et lutta de toutes ses forces pour obtenir les territoires qui lui étaient promis durant la guerre, en premier lieu la Syrie où la France avait des intérêts particuliers. Pourtant la Grande Bretagne profitant de sa nette prépondérance militaire au Proche Orient et du fait que la France dépendait d'elle dans les affaires européennes (questions de la Saare, de réparations de guerre, de la Rhénanie etc.), s'efforçait soumettre la politique française aux intérêts de sa propre politique au Proche Orient. D'après les documents concernant la politique extérieure britannique publiés les dernières années il devient évident qu'une lutte acharnée a été menée entre les Alliés d'hier au sujet du partage de l'héritage ottoman et le dépit avec lequel la Grande Bretagne consentit «à céder» à la France les territoires qui lui étaient promis par des accords, entre autres la Syrie. Et malgré que l'Angleterre réussît bien souvent à prendre le dessus envers sa rivale, la diplomatie française durant ces années-là a entrepris certaines mesures en vue de défendre sa propre ligne politique dans la question turque. Déjà à la fin de 1919 elle a fait les premières tentatives d'entrer en pourparlers avec les Kémalistes, à l'insu de l'Angleterre. Justement, dans ce but au début de décembre 1919 Georges-Picot, Haut-commissaire français en Syrie et en Cilicie, partit pour Sivas. Ce voyage n'était pas le fruit d'une initiative personnelle: Georges-Picot mena des conversations avec Moustapha Kémal comme représentant du gouvernement français et ce dernier le reçut comme tel.

Les résultats de ces pourparlers furent les suivants: un projet d'accord suivant lequel la France s'engageait à rendre la Cilicie à la Turquie et aussi garantissait l'intégrité territoriale de cette dernière. La Turquie reconnaissait les droits de la France dans les questions de l'administration locale et de la protection des minorités nationales en Cilicie. Malgré que ce projet ne reçut pas l'assentiment du gouvernement français qui était obligé de prendre en compte le mécontentement du Foreign Office, la mission de Picot a été le premier pas dans la voie du sondage diplomatique franco-kémaliste qui a abouti à la conclusion de l'accord d'Ankara en 1921. Le pas suivant dans ce sens ont été les pourparlers de Robert de Quai à Ankara, terminés par la signature du cessez-le-feu du 30 mai au 19 juin 1920 qui a été beaucoup plus favorable au gouvernement d'Ankara qu'à la France. «...Le fait même, a écrit Kémal, que Français, négligeant le gouvernement de Stamboul, entrent en pourparlers et concluent avec nous des accords au sujet de n'importe quelle question, cela a été pour nous en ces temps-là une grande conquête politique... Ces pourparlers m'ont fait l'impression que les Français sont prêts à évacuer le vilayet d'Adana».

La deuxième étape des relations franco-turques commence après la signature du traité de Sèvres.

Le traité de Sèvres, qui signifiait la victoire de la diplomatie britannique sur la française, suscita un vif mécontentement comme au Parlement Français de même dans les milieux gouvernementaux qui exigeaient d'annuler ce traité.

«Dès la première heure, a reconnu A. Briand; le Parlement a manifesté son opposition à la ratification du traité de Sèvres. Il est apparu dès le premier moment, et je l'ai dit hautement à nos Alliés qu'il ne fallait pas compter sur le parlament français pour ratifier le traité de Sèvres tel qu'il était, qu'il heurtait trop violemment les traditions françaises, qu'il était trop violemment en contradiction avec nos intérêts, et du moment, et de l'avenir et que c'était une nécessité de le remettre à l'étude et de le modifier».

L'une des raisons de ce mécontentement était que le traité de Sèvres d'après les millieux influants antisoviétiques poussait la Turquie kémaliste dans «les bras ouverts» des Bolchéviks. C'est pourquoi il fallait faire certaines concessions aux Kémalistes en vue de les attirer dans le bloc antisoviétique. Et même si ce dernier but ne fut pas atteint, la diplomatie française réussit pourtant à prendre le consentement de l'Angleterre à revoir en partie les clauses du traité de Sèvres.

A la conférence de Londres commencée le 21 février 1921 la diplomatie française poursuivait deux principaux objectifs: empêcher par tous les moyens le rapprochement politique soviéto-turc et entreprendre des pourparlers secrets avec les Kémalistes, les utilisant dans le même temps contre sa rivale, la Grande Bretagne. La diplomatie française arriva à réaliser ce dernier but en signant le 9 mars 1921 un accord politique, militaire et économique avec Békir Sami-Bey, ministre des Affaires Etrangères du gouvernement d'Ankara. Il est vrai que cet accord ne fut pas ratifié par la Grande Assembée Nationale de la Turquie, en tout cas il a servi ultérieurement de base à la conclusion de l'accord d'Ankara.

Après la conférence de Londres un certain refroidissement eut lieu dans les rapports turco-français causé par ce que la Grande Assemblée Nationale de la Turquie annula le 3 mai l'accord du 9 mars 1921. Alors commence une nouvelle étape, l'étape de visites réciproques et de nouveaux contacts diplomatiques qui furent couronnés par la signature de l'accord d'Ankara. Toutes ces péripéties de la politique française au Proche-Orient eurent leurs conséquences néfastes pour population multinationale de la Cilicie. Le fait est qu' à la différence de l'Anatolie occidentale et centrale, où vivait une masse compacte de Turcs, la population d'un demi-million de personnes de la Cilicie (le vilayet d'Adana et le sandjak de Mara-

che, qui en fut séparé artificiellement en 1884 et rattaché au vilayet d'Alep) au début de 1920 comprenait un peu plus de 100.000 Turcs, 160.000 Arméniens, 120.000 Arabes-Ansaris, et 120.000 personnes d'autres nationalités: Turkmenes, Grecs, Syriens, Kurdes etc.

Ainsi, la population chrétienne de la Cilicie formait plus de 200.000 personnes. Ayant supporté à plusieurs reprises toute la violence de la politique chauvine d'Abdul-Hamid et des Jeunes-Turcs, il est compréhensible qu'elle ne désirait plus se soumettre à l'expérience d'assimilation et à la destruction physique de la part des Turcs surtout quand il devint évident que les Kémalistes rejettent décidément le droit d'autodétermination aux peuples de l'Empire Ottoman. C'est pourquoi quand en novembre 1919 les troupes françaises vinrent remplacer les forces anglaises en Cilicie, la population chrétienne les a soutenu dans l'espoir que justement «la France chrétienne» peut créer des conditions pour une telle autodétermination. Le temps a démontré qu'elle s'était profondément méprise. Les milieux impérialistes français en ercourageant le retour des Ciliciens dans leurs propres foyers se désistèrent vite de leurs promesses en fournissant toute la possibilité aux unités régulières kémalistes et aux diverses bandes à déverser toute leur fureur sur la population chrétienne, spécialement sur les Arméniens, survivants du génocide de 1915. L'administration française en Cilicie a été coupable aussi de ce que, en «garantissant» la sécurité des habitants, en particulier, celle des Arméniens, elle n'a pris aucune mesure pour prévenir l'activité ennemie d'un grand nombre d'agents Jeunes-Turcs membres de ce même parti qui a organisé le génocide des Arméniens occidentaux. L'administration française a été responsable de ce que, en publiant le 6 avril un décret concernant la remise de leurs biens, maisons et terres aux survivants arméniens, elle n'a pas assuré l'accomplissement des clauses de ce décret, créant de la sorte une tension entre les populations arménienne et turque; cette dernière, travaillée par les agents jeunes-turcs se refusait à rendre à leurs propriétaires les biens injustement accaparés.

Ces aspects mêmes et d'autres aspects de la politique française et de celle des Kémalistes en Cilicie sont traités unilateralement et tendencieusement et même sont passés sous silence par les historiens contemporains turcs et français. Malheureusement certains turcologues soviétiques dans leurs travaux sur la guerre de l'indépendance de la Turquie de 1919—1922 présentent les faits de telle manière, comme si en Cilicie comme en Anatolie la guerre nationale du peuple turc contre les conquérants étrangers aurait soulevé à la lutte toutes les populations, toutes les nationalités. Ces auteurs ne se donne ent pas la peine de rétablir le véritable tableau

de la structure nationale de la population cilicienne; cela qui rendrait évident qu'une bonne moitié des habitants de la Cilicie non seulement ne sympatisait pas et ne soutenait pas le mouvement kémaliste mais au contraire s'était élevée contre ce mouvement pour s'en défendre. Or c'est en Cilicie que pour la première fois on constata les deux faces contradictoires de ce mouvement: d'un côté anti-impérialiste, de l'autre chauvin et destructeur. Et c'est justement poussé par la peur que cette moitié de la population cilicienne pouvait présenter ses droits humains légitimes, les milieux dirigeants d'Ankara prient la décision de porter le premier coup en Cilicie, en y envoyant quelques officiers kémalistes pour organiser la résistance aux conquérants français. Il y a eu, bien entendu, d'autres raisons qui ont poussé les Kémalistes à commencer la guerre non pas sur le front occidental contre les Grecs, mais en Cilicie, par la lutte contre les Français. En voici les raisons.

1. Les opérations contre l'armée grecque bien équipée par des armes anglaises, pouvaient avoir des conséquences catastrophiques pour les Kémalistes; il n'y avait pas des garanties réelles de succès et dans le cas d'une défaite éventuelle le mouvement kémaliste aurait été discrédié aux yeux des masses populaires et pouvait même se disloquer.

2. Les forces françaises ayant remplacées les troupes anglaises en Cilicie étaient relativement plus faibles.

3. Les dirigeants d'Ankara étaient bien au courant du fait que les milieux influents français etaient favorablement disposés envers la Turquie et étaient particulièrement interressés aux affaires turques. Dans le cas d'un certain succès bien éventuel il serait possible d'entrer en pourparlers séparément avec la France en approfondissant d'avantage par ce moyen les contradictions anglo-françaises.

4. Pour la réalisation des décisions des Congrés d'Erzéroum et Sivas il était indispensable d'enthousiasmer le peuple par une victoire militaire quelconque et à cette période-là cela n'était possible qu'en Cilicie.

Conséquemment, dans le courant d'un seul mois éclatèrent deux insurrections à Marache: le 27 décembre 1919 et le 21 janvier 1920. La première était dirigée principalement contre les notables turcs de la ville qui collaboraient avec les Français, et non contre tous les exploiteurs comme cela est présenté dans les travaux de certains auteurs. La deuxième insurrection minutieusement préparée par les agents kémalistes en étroite liaison avec les Jeunes-Turcs influents de Marache, poursuivait le but de rejeter les troupes françaises hors de la ville et dans le même temps régler les comptes aves la population arménienne de Marach et des environs. Ce but

fut atteint: durant les combats de 20 jours à Marache (du 21 janvier au 11 février 1920) une partie de la population arménienne de la ville (plus de 8000) fut massacrée d'une manière barbare par les Turcs, plus de 3000 ont péri pendant leur fuite et ceux qui étaient restés (8000) furent obligés de quitter leurs foyers après la retraite des troupes françaises trouvant asile en Syrie.

Mais la raison principale de la triste retraite des troupes françaises de Marache était la nécessité de renforcer les forces d'occupation françaises en Syrie, pays qui dans les plans des milieux coloniaux français occupait une place beaucoup plus importante que la Cilicie.

Après Marache, la population arménienne de Hadjine a été la victime de la politique de félonie des dirigeants français à l'égard des Arméniens.

Hadjine, l'une des antiques villes de la Cilicie montagnarde, avait jusqu'a la première guerre mondiale, une population de 30—35 mille habitants, exclusivement Arméniens, dont la plus grande partie a été victime de la politique du génocide des Jeunes-Turcs: elle a été déportée par force et massacrée dans le Désert syrien.

Après la fin des hostilités, les survivants de Hadjine rentrèrent au cours de l'année 1919 dans leur ville natale et restaurèrent ses ruines en un court laps de temps par leur travail constructif. Cependant, peu après la retraite des troupes françaises de Marache les forces régulières kémalistes et plusieurs groupements de tchétés s'attaquèrent aux habitants paisibles de Hadjine, malgré qu'aucun soldat français ne s'y trouvât.

Se trouvant dans l'encerclement durant 7 mois (du 15 mars au 15 octobre 1920) la population de Hadjine dont le chiffre atteignait 6 mille, a opposé une courageuse résistance aux bachibouzouks turcs qui reussirent, grâce à leur supériorité militaire, à occuper Hadjine le 15 octobre 1920 et à massacrer presque toute la population y compris les femmes, les vieillards et les enfants sans armes. Rien que 380 combattants parvinrent à percer l'encerclement et se délivrer.

Les tentatives de certains historiens de passer sous silence ses événements ou bien de les présenter comme une épisode de la lutte de libération nationale de la Turquie sont dépourvues de tout fondement historique. Le massacre des survivants du génocide de 1915 à Hadjine par les Kémalistes a confirmé la continuation de la politique nationaliste des Jeunes-Turcs par les Kémalistes et a démontré que ces derniers, dans de nouvelles circonstances, poursuivent la vieille politique de leurs prédécesseurs. Dans la chute de Hadjine est coupable aussi le commandement des forces françaises en Cilicie qui avait refusé de fournir des armes aux défenseurs héroïques de Hadjine.

Les événements ont pris une autre tournure à Ourfa et à Aïntab, villes qui se trouvaient comme la Cilicie, dans la zone d'occupation française.

A Ourfa la lutte armée contre les conquérants français était dirigée par le chef de la gendarmerie de la ville, Ali Saïb qui peu après sa nomination à ce poste s'était aligné du côté des Kémalistes. En organisant cette lutte, il appliquait dans le même temps la vieille méthode de la politique du Sultan, de ranimer la haine et l'inimitié parmi les peuples dominés par l'Empire Ottoman. En particuliers, il excitait certaines tribus kurdes contre la population arménienne d'Ourfa, s'élevant à la fin de 1919 à environ 6 mille personnes.

Entre autres, en 1914 près de 30 mille Arméniens vivaient à Ourfa et qui en la terrible année de 1915 avaient opposé une résistance héroïque aux troupes régulières turques, et cédant devant les forces inégales furent déportés dans les déserts de la Mésopotamie où ils périent en grande partie. Le même sort attendait les survivants Arméniens à Ourfa s'ils n'avaient eu recours à une neutralité qui n'était du goût ni des Français ni des Turcs, mais ce qui fournit la possibilité de sauver la vie à 6 mille personnes. Cependant, après le départ de la garnison française (en avril 1920) les autorités kémalistes locales, les massacreurs jeunes-turcs et autres commencèrent à poursuivre les Arméniens, à avoir recours à la force, aux lâches assassinats etc., les obligeant ainsi à quitter leurs foyers et s'établir à Alep et dans la région.

A Aïntab le nombre des Arméniens atteignait 18.000 dont 10.000 étaient originaires de la ville, survivants des massacres dans les déserts de Deir-Zor et environ 8.000 repliés du vilayet du Sivas. Les dirigeants kémalistes s'efforçaient de les attirer dans la lutte contre les Français; mais les Arméniens s'y refusèrent, tenant compte de la triste expérience du passé. Dans ces circonstances les tchétés s'attaquèrent aux positions des Arméniens d'Aïntab le 1er avril 1920. Ces derniers se défendirent courageusement durant 2 semaines, jusqu'au 16—17 avril, quand les Français se tenaient sur des positions d'observateurs. Il y eut plusieurs cas où les Turcs de la ville et les paysans des villages environnants exprimèrent leur vif mécontentement contre ceux qui les avaient attirés dans une lutte contre leurs voisins arméniens. De pareils faits sont négligés d'une manière préméditée par les auteurs turcs ainsi que le fait que les Turcs, Kurdes, Tcherkesses et autres venus de Malatia, Ourfa, Marache, Killis et d'ailleurs dans le but de «piller et massacrer les Guiavours», bien souvent sont rentrés chez eux,devant l'autodéfense acharnée des Arméniens. Cette juste lutte des Arméniens d'Aïntab qui dura plus d'une année les sauva de massacres

bien probables. En tout cas, ils ne purent rester dans leur ville natale par suite des événements ultérieurs. Déjà le cessez-le-feu franco-kémaliste de mai-juin 1920 et plus tard l'accord de Londres du 9 mars 1921 avaient convaincus les Arméniens que la France est en mesure de s'entendre avec Ankara à n'importe quel moment, les abandonnant à leur sort. C'est pourquoi ils furent obligés de quitter leurs foyers et de s'établir à Alep. Le 25 décembre 1921, au moment où les derniers soldats français quittaient Aïntab, il ne restait que 3500 Arméniens dans la ville. Dès le début de 1922, le quartier arménien fut l'objet d'attaques armées de la part des Turcs, qui en même temps envoyaient les jeunes Arméniens, sous différents prétextes, hors de la ville et les tuaient d'une manière félonne etc. Le 9 novembre 1922 le journal «Gazi Antep» dans son éditorial intitulé «Loin de nous» «invitait» les derniers Arméniens de quitter la ville. Il ne restait plus rien à ces derniers que d'émigrer en Syrie et dans d'autres pays.

Zeïtoun, le porte-étendard de la lutte de libération nationale arménienne connut aussi un sort tragique. Les Arméniens de Zeïtoun qui durant des dizaines d'années avaient opposé une résistance héroïque aux pachas sanguinaires turcs, avaient prêté foi en 1915 aux appels du Catholicos des Arméniens de Cilicie, Sahak II, de ne pas se révolter et cela donna la possibilité aux troupes régulières turques depénétrer dans le «nid des aigles» de désarmer les vaillants défenseurs de la ville et de déporter toute la population de la ville et des villages arméniens des environs, plus de 30 mille personnes dont la majorité (environ 27 mille) furent tué sur les chemins de déportation et dans les camps de concentration de Deir-Zor pendant les terribles massacres de 1916. Après la fin des hostilités, 1058 survivants de Zeïtoun rentrèrent dans leur ville natale détruite jusque dans ses fondements. Et malgré que la-bas, comme à Hadjine il n'y eût aucun soldat français et que les paysans Turcs des environs, depuis des temps reculés, avaient entretenu des relations de bon voisinage avec les Zeïtouniotes, les troupes régulières kémalistes forcèrent les Arméniens de cette ville, sous le feu de leurs canons, à battre en retraite. Les 600 Arméniens dont la plupart étaient des femmes, des enfants et des vieillards, laissés à la merci des vainqueurs, furent déportés à Marache et vers le Sud. D'après des témoins oculaires étrangers, cette dernière déportation des Arméniens de Zeïtoun ne différait en rien de la déportation de 1915. Au sujet du sort ultérieur de ces gens, on ne sait rien de précis. Probablement ils furent tués sur le chemin d'exil. Le groupe des défenseurs qui s'étaient repliés les armes à la main, dans les montagnes, répondant toujours aux charges des ennemis qui les poursuivaient, atteignirent Killis, en zône d'occu-

pation française. Le nombre des survivants de Zeïtoun n'était plus que de 127 personnes.

Ainsi, la politique française en Cilicie et en général sa politique au Proche-Orient, eut des conséquences désastreuses pour les peuples de Cilicie, surtout pour les Arméniens qui étaient rentrés dans leur pays natal, justement répondant à l'appel des autorités françaises, mais ces dernières, en violation de leurs promesses, n'assurèrent pas leur sécurité. Au surplus, la politique française d'entente séparée par un compromis avec les Kémalistes qui mena à l'accord d'Ankara fournit la possibilité aux milieux Kémalistes de mettre en oeuvre les desseins chauvinistes de leurs prédécesseurs, les Jeunes-Turcs et de «nettoyer» définitivement la Cilicie des Arméniens.

La signature de l'accord d'Ankara fut précédée de deux voyages en Turquie de Franklin—Bouillon, president de la commission des Affaires Etrangères du Sénat Français. La première fois il arriva à Ankara en «visite non-officielle» le 9 juin 1921 et le même jour il entra en pourparlers directs avec M. Kémal. Malgré que ces entretiens de deux semaines ne fussent pas couronnés de succès pour la raison que la France refusait encore d'accepter comme base (de pourparlers) le «Pacte national» kémaliste, en tout cas ils démontrèrent que «la France désirait à tout prix conclure un accord de paix». Békir Sami Bey qui se trouvait à Paris à cette époque a déclaré que de son côté «le gouvermement d'Ankara et l'Assemblée nationale désiraient au plus bref délai se lier d'amitié avec la France».

Franklin—Bouillon visita Ankara encore en septembre. Les pourparlers qui cette fois durèrent 37 jours se terminèrent par la signature, le 20 octobre 1921, de l'accord d'Ankara, or, la victoire remportée par les troupes turques à Sakaria influa grandement sur la décision du gouvernement turc. Il ressort de l'analyse des clauses de l'accord d'Ankara que la Turquie gagna beaucoup plus que la France. La cessation des opérations militaires et l'évacuation de la Cilicie créèrent la possibilité de lancer d'importantes forces militaires sur le front occidental, contre les Grecs.

L'art. 6 concernant la «protection» des minorités nationales était une évidente victoire du gouvernement d'Ankara; en effet, au lieu de la reconnaissance des droits des minorités, cette question fut liée aux declarations «solennelles» et imprécises du «Pacte national». Les concessions de la France sur ce point devenaient encore plus grandes du fait que, contrairement à l'accord de Londres du 9 mars 1921, dans l'accord d'Ankara ne figuraient plus les clauses l'obligation du gouvernement turc de désarmer les populations de la Cilicie; cela signifiait que les milliers de «tchétés» armés jusqu'-

aux dents, les bandes armées, organisées dans le but de pillages et violences et toutes sortes d'autres malfaiteurs pouvaient continuer de terroriser impunément les populations chrétiennes sans armes.

L'art. 7 concernant le régime administratif spécial du Sandjak d'Alexandrette constituait aussi une sérieuse concession que la France fit contre les intérêts du peuple syrien. Ce même article servit ultérieurement de prétexte aux dirigeants d'Ankara de faire de la question d'Alexandrette un objet de marchandage de la diplomatie internationale et de rattacher d'une manière illégale Alexandrette à la Turquie au moyen de combinaisons impérialistes. En outre, selon les clauses «verbales» de l'accord d'Ankara la France consentit à vendre à la Turquie des armes et du matériel de guerre pour une somme de 200 millions de francs, entre autres des canons du type Creusot et quelques avions.

Que reçut la France?

Conformément à l'art. 10, le gouvernement d'Ankara, en renonçant à ses positions antérieures, accorda aux capitalistes français certaines concessions, mais avec cette réserve bien essentielle: «si elles ne sont pas en contradiction avec les intérêts nationaux de la Turquie». En outre, la France eut la possibilité de concentrer toutes ses forces militaires dans sa dépendance principale, la Syrie et d'en renforcer les frontières.

La France tira aussi un profit moral et politique de l'accord d'Ankara: son autorité en fut rehaussée dans ses dépendances coloniales musulmanes qui accueillirent avec une grande satisfaction la fin de la guerre contre «le Pays du Califat». «Les Musulmans sont heureux, a écrit «Le Temps», de ce service rendu à l'Islam par la France, en laissant le Califat à Constantinople et en lui sauvegardant toute son autorité».

Quant à la population chrétienne de la Cilicie même, elle fut prise de peur et d'alarme. «L'accord d'Ankara, a écrit M. Paillarès, rédacteur du journal «Le Bosphore» de Constantinople, a jeté dans l'angoisse 200 mille Ciliciens». Et les appels des autorités françaises et turques invitant les populations chrétiennes à «rester sur place» devinrent vains. Le prof. A. Mandelstam, qui connaît bien la Turquie, a écrit: «Les terribles souvenirs des massacres de 1915 étaient trop frais chez la malheureuse population arménienne pour qu'elle pût avoir confiance en ces appels». L'éminent historien arménien Léo avait raison de conclure que «les Arméniens du moins une seule fois eurent la sagesse de ne pas se fier aux scélérats internationaux, étant édifiés, bien sûr, par le fait que ces mêmes Kémalistes avaient anéanti 20.000 Arméniens en Cilicie».

Le 4 janvier 1922 les derniers soldats français évacuèrent la Cilicie et les districts y attenant. Entre temps, presque toute la

population chrétienne, à l'exception de quelques milliers, en quittant leurs lieux de naissance émigrèrent vers la Syrie, la Grèce, Chypre et d'autres pays.

A la conférence de Lausanne les puissances impérialistes occidentales reconnurent les revendications nationales de la Turquie et dans le même temps renoncèrent facilement à toutes leurs promesses concernant la défense des intérêts légitimes des petits peuples, promesses aux moyens desquels elles avaient trompé durant de longues années ces mêmes peuples.

Les milieux dirigeants français surtout, à la poursuite des compromis avec le gouvernement d'Ankara ont sacrifié facilement les intérêts des Arméniens occidentaux et ceux des Arméniens de Cilicie victimes du génocide de 1915. Les espérances des survivants rentrés en Cilicie se sont écroulés à cause de la politique perfide de la bourgeoisie française qui a servi aux Kémalistes dans leur politique chauvine dans la question nationale.

En examinant la politique française à Lausanne il faut toujours tenir compte de son aspect antisoviétique. C'était justement la France qui à cette époque s'en tenait à une position la plus hostile au pays des Soviets et qui faisait tout son possible pour empêcher le rappochement soviéto-turc cherchant à utiliser dans ces buts les milieux proimpérialistes de la bourgeoisie turque.

La Turquie en employant bien habilement dans ses intérêts les contradictions anglo-françaises et se tenant sur une ferme position a remporté la victoire dans les questions les plus importantes parvenant à la suppression totale des capitulations, de toute sorte du contrôle, y compris le contrôle financier de la part des puissances impérialistes et ce qui était l'essentiel pour elle—à la conservation de tous les territoires de l'Empire Ottoman qui a perdu la guerre sauf les parties lesquelles il n'était pas de force à faire rendre. C'est pourquoi malgré les concessions de la Turquie aux pays impérialistes, la diplomatie turque spéculant sur les contradictions des puissances occidentaux a remporté une victoire importante à Lausanne.

Dans le traité de paix signé à Lausanne s'est reflétée également la position de la Turquie dans la question de l'avenir de ses sujets non-turcs, c'est-à-dire le rejet du droit de autodetermination des Arméniens, des Kurdes, des Assyriens et d'autres.

En outre, la Turquie a refusé le retour au pays même ses légitimes citoyens exilés de force de leurs propres habitations ou bien forcés de les quitter provisoirement sous la menace d'extermination physique.

On voit avec évidence par rapport au triste sort des Arméniens occidentaux y compris les Arméniens de Cilicie, l'issue favorable

de la lutte libératrice de l'autre partie du peuple arménien celle qui a lié sa destinée à la lutte révolutionnaire du prolétariat de Russie, au peuple russe. Grâce à l'aide de la Russie Soviétique le peuple de l'Arménie Orientale a établi dans son pays le pouvoir soviétique et peu après la R. S. S. d'Arménie est entrée dans l'Union des Républiques Socialistes Soviétiques égales en droits. Cet acte historique a permi au peuple arménien d'obtenir pour la première fois dans son histoire plusieurs fois millénaire la possibilité de se développer en sécurité, fixant comme résultat les réalisations remarquables dans l'édification du socialisme.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

1. Подробно об этом см.: **Микаелян Г. Г.** История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.
2 О депортации киликийских армян см.: Геноцид армян в Османской империи. Ереван, 1982, с. 318—324.
3 **Սահակյան Ռ. Գ.** *Թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները և Կիլիկիան 1919—1921 թթ., Երևան, 1970։*
4 **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 41, с. 227.
5. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 42. с. 125.
6 **Фрунзе М. В.** Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1929, с. 355.
7 **Чичерин Г. В.** Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
8 **Мясникян А. Ф.** Избр. произ. Ереван, 1965, с. 434—441, 579—660.
9 Цит. по: Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1961, с. 604.
10 **Կասյան Սարգիս.** *Ընտիր երկեր։ Երևան, 1967, էջ 135։*
11. Там же, с. 229.
12 *«Կարմիր աստղ», 1922, № 24։*
13. Постановления IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, Пг.—М., 1922, с. 84—92.
14 Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First series. Edited by E. L. Woodward and Cohan Butler.—Volumes 1—4, 8, 13, 17—21. London, 1947—1978 (далее—Documents...).
15 Раздел Азиатской Турции, с. 20—21.
16 **Сокольский Н.** Очерки современной Турции. Тифлис, 1926, с. 125.
17 Там же, с. 126—127.
18 **Сандомирский Г.** Франция на Востоке.—Вестник НКИД, 1921, № 1—2, с. 21—33.
19 **Сперанский А. Ф.** Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны.—Новый Восток, 1922, № 2, с. 126—146.
20 **Бутаев И.** Проблемы Турции. Л., 1925.
21 **Астахов Г.** От султаната к демократической Турции. М.—Л., 1926.
22 **Гурко-Кряжин В. А.** История революции в Турции. М., 1923.

---

* Полные данные об источниках и литературе даются в **Библиографии.**

23 **Гурко-Кряжин В. А.** Ближний Восток и Державы. М., 1925, с. 3.
24 **Епископосов Г. А.** Современная эпоха и «переоценка ценностей» в буржуазной идеологии. М., 1983, с. 82—83.
25 **Желтяков А. Д.** Национально-освободительная борьба турецкого крестьянства юго-восточной Анатолии в 1918—1920 гг.—Вестник ЛГУ, 1957. № 8, Серия ист., яз. и лит., вып. 2, с. 202--214; **его же.** Антифранцузское восстание в Мараше в 1920 году. Ученые записки ЛГУ, 1962, № 304. Серия востоковед. наук, вып. 14, с. 30—42.
26 **Миллер А. Ф.** Чанакский кризис и вопрос о проливах. В кн.: Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983, с. 208—221.
27 **Новичев А. Д.** Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959 .
28 **Хейфец А. Н.** Советская дипломатия и народы Востока. М., 1968.
29 История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 134—327.
30 **Боев Ю. А.** Ближний Восток во внешней политике Франции. Киев, 1964.
30а **Саркисян Е. К.** Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, 1962.
31 **Аванесов С. С.** Положение национальных меньшинств в Турции. Ереван, 1963.
32 **Багиров Ю. А.** Турция на Лозаннской конференции. Баку, 1957 (на азерб. яз.).
33 Պողոսյան Հ. Մ. *Չեյթունի պատմությունը 1409—1921 թթ. Երևան, 1969։*
34 Աւգումանյան Մ. Վ. *Արհավիրքից վերածնունդ։ Երևան, 1973։*
35 Նայյան Ա. Ա. *Հայաստանի միջազգային-իրավական դրությունը։ Երևան, 1967։*
36 Գալոյան Գ. Ա. *Պատմության քառուղիներում։ Ազատագրված ժողովրդի վերածնունդը։ Երևան, 1982։*
37 **Шамсутдинов А. М.** Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг. М., 1966, с. 129.
38 См. Новая и новейшая история стран Ближнего и Среднего Востока. Сборник. Тбилиси, 1983, с. 65.
39 **Филипенко Д. Н.** Турецко-французские отношения в период национально-освободительной войны в Турции (1918—1922). Автореф. канд. дис. Киев, 1964.
40 **Торосян Ш. Т.** Общественно-политическая жизнь киликийских армян. Автореф. канд. дис. Ереван, 1969.
41 **Эфендиева Н. З.** Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии (1919—1921 гг.). Баку, 1966, с. 115—116.
42 **Торосян Ш. Т.**, с. 21.
43 **Азимов. Т. А.** Турция в международных отношениях 1918—1922 гг., Автореф. канд. дис. Киев, 1965, с. 10.
44 **Bellet.** La question de Cilicie. Discours prononcé le 24 Décembre 1920 à la Chambre des Députés. Extrait du «Journal Officiel». Paris, 1921, p. 31.
45 Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series. Vol. 17. London, 1970, p. 245.
46 **Ayoub Ch.** Les mandats orientaux. Paris, 1924, p. 66.
47 **Bernard P.** Six mois en Cilicie. Aix-en-Provence, 1929, p. 45.

48 Alem J.—P. L'Arménie. Paris, 1962, p. 66.
49 Testis. L'oeuvre de la France au Levant (Syrie et Cilicie). Extrait de la «Revue des deux mondes» du 15 février et 1 mars 1921.—Paris, 1921, p. 46.
50 Там же, с. 35.
51 Bardoux J. De Paris à Spa. La bataille diplomatique pour la paix française (février 1919—octobre 1920). Paris, 1921, p. 311.
52 Annales de la Chambre des Députés. Session ordinaire de 1918. Paris, 1918, p. 3716.
53 Gauvain A. L'Europe au jour le jour. Tome XIV. Traités 1919 (Mars 1919—janvier 1920). Paris, 1923, p. 439.
54 Gauvain A. Five Years of French Policy in the Near East.—Foreign Affairs. December 15, 1924, vol. 3, No. 2, p. 280, 283.
55 Nicol E. Les Alliés et la crise orientale. Paris, 1922, pp. 27, 56.
56 Driault E. La Question d'Orient 1918—1937. La paix de la Méditerranée.—Paris, 1938, p. 102.
57 Tongas G. Ataturk and True Nature of Modern Turkey. Translated from the French by Major F. F. Rynd. London, 1939, p. 13, 15.
58 Loti P. La mort de notre chère France en Orient. Paris, 1926, p. 87—88.
59 Lyautey P. Le Drame Oriental et le rôle de la France. Paris, 1924, p. 175.
60 Brémond E. La Cilicie en 1919—1920. Paris, 1921, p. 19.
61 De Zara Ph. Moustafa Kémal dictateur. Paris, 1936, p. 218.
62 Général Catroux. Deux missions en Moyen Orient (1912—1922). Paris, 1958, p. 22—25.
63 Benoist-Méchin J. Le loup et le léopard. Moustapha Kémal ou la mort d'un Empire. Paris, 1954, pp. 262, 271.
64 Sperco Willy. Moustapha Kémal Ataturk (1882—1938). Paris, 1958, p. 86—87.
65 Grousset R. Le réveil de l'Asie. L'impérialisme britannique et la révolte des peuples. Paris, 1924, p. 26.
66 Bonnefous E. Histoire politique de la Troisième République. Tome 3 ème. L'après-guerre 1919—1924. Paris, 1959, p. 245.
67 Général du Hays. Les Armées françaises au Levant 1919—1939. Tome 1—2. Château de Vincennes, 1978—79.
68 Там же, т. I, с. 121; т. 2, с. 230, 233.
69 du Véou P. La passion de la Cilicie 1919—1922. Paris, 1954.
70 Thobie J. Intérêts et impérialisme français dans l'Empire Ottoman 1895—1914. Paris, 1977.
71 Ternon I. Les Arméniens. Histoire d'un génocide. Paris, 1977.
72 Histoire des Arméniens. Sous la direction de Gérard Dédéyan. Toulouse, 1982, p. 503—504.
73 Wormser G. La République de Clémenceau. Paris, 1961.
74 Margueritte V. Aristide Briand. Paris, 1932.
75 Miquel P. Poincaré. Paris, 1961.
76 Margueritte V., p. 230—231.

77 **Aydemir** Ş. S. Tek adam. Mustafa Kemal, c. 1—3.—Istanbul, 1975—1976. Ero же. Ikinci adam. Ismet Inönü, c. 1—3.—Istanbul, 1975—1976.
78 **Karacan** A, N. Lozan konferansı ve Ismet Paşa. Istanbul, 1943, II изд.: Lozan. Istanbul, 1971.
79 **Saip** Ali. Kilikya faciaları ve Urfanın millî mücadeleleri. Ankara, 1924 (арабский шрифт). Нами использован французский перевод: Ali Saïb. Les atrocités en Cilicie et les luttes pour la delivrance à Ourfa. Traduit du turc par Ma-Yer. Angora, 1340 (1924), p. 14, 18, 37.
80 **General** A. F. Cebesoy. Millî mücadele hatıraları. Istanbul, 1953, s. 268—270.
81 **General A. F.** Cebesoy. Siyasî hatıralar. II kısım. Istanbul, 1960, s. 21.
82 **Esmer** A. S. Siyasî tarih (1919—1939). Ankara, 1953; **ero же.** Türk diplomasisi (1920—1955).—В кн.: Yeni Türkiye. Istanbul, 1959.
83 **Bayur** Y. H. Türkiye devletinin dış siyasası. Ankara, 1938, **C. Uçok.** Siyasî tarih dersleri. Ankara, 1961; **Yavuz Abadan.** Inkilâb tarihine giriş. Ankara, 1960; **F. H. Armaoğlu.** Siyasî tarih (1789—1960). Ankara, 1964; **A. Akşin.** Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi (Birinci kısım). Istanbul, 1964; **Gönlübol M. ve C. Sar.** Atatürk ve Türkiyenin dış politikası (1919—1938). Istanbul, 1963.
84 **Kürkçüoğlu** O. Türk-Ingiliz ilişkileri (1919—1926). Ankara 1978.
85 **T. Bıyıklıoğlu.** Trakyada millî mücadele. Ankara, 1956; **ero же.** Atatürk Anadoluda (1919—1921). Ankara, 1959.
86 Ali Kiliç. Istiklâl mahkemesi hatıraları. Istanbul, 1955.
87 Kilic Altemur. Turkey and the World. Washington, 1959.
88 **Sonyel** S. R. Turkish Diplomacy 1918—1923. London—Beverly Hills, 1975.
89 Там же, с. 25.
90 Там же, с. 135.
91 Там же, с. 26.
92 Там же, с. 73.
93 Там же.
94 **Armstrong** H. C. Grey Wolf. Mustafa Kemal. An intimate study of a Dictator. London, 1938, p. 143—144, 159.
95 **Leese Leonard** C. Armenia and the Allies. London, 1920, p. 5.
96 **Burtt Joseph.** The People of Ararat. London, 1926, p. 86—87.
97 **Toynbee Arnold J. and Kenneth P. Kirkwood.** Turkey. London, 1926; **Henri Cumming** H. Franco-British Rivalry in the Postwar Near East. The decline of french influence. London, 1938.
98 **Mariott J. A. R.** The Eastern Question. An historical study in European diplomacy. Oxford, 1951; **E. R. Vere-Hodge.** Turkish Foreign Policy 1918—1948.—**Ambilly-Annemasse, 1950; M. N. Medlicott.** British Foreign Policy since Versailles, 1919—1963. London, 1968; **Elie Kedourie.** England and the Middle East. The destruction of the Ottoman Empire 1914—1921. London, 1956.
99 **Roberts Stephen H.** The history of french colonial policy 1870—1925.—London, 1963.
100 **Lord Kinross.** Ataturk. The rebirth of a nation. London, 1965. См. рец.

Р. Г. Саакяна на эту книгу.—Вестник общественных наук АН АрмССР, 1968, № 3, с. 94—98.

101 **Walker Christopher J.** Armenia. The survival of a Nation. London, 1980, p. 293, 296.

102 См. **Mears E. G.** Modern Turkey. A politico-economic interpretation, 1908—1923. New York, 1924; **Gates Galeb Frank.** Not to me only.—Princeton, 1940; **Horton George.** The Blight of Asia.—Indianapolis, 1953.

103 **Howard Harry N.** The partition of Turkey. A diplomatic history 1913—1923. New York, 1966, p. 261.

104 **Evans Lawrence.** United States Policy and Partition of Turkey 1914—1924. Baltimore, 1965.

105 **Eby D. C.** At the Mercy of Turkish Brigands. New Carlisle. Ohio, 1922.

106 **Eliott Mabel Evelin.** Beginning again at Ararat. New York etc., 1924.

107 **Kerr Stanley E.** The Lions of Marash. Personal experiences with american Near East Relief, 1919—1922.—Albany, 1973.

108 Kerr S. E., p. XV.

109 **Shaw Stanford, Shaw Ezel Kural.** History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II. Cambridge University Press, 1977.

110 Թերզյան Սոկրատ. *Համբնի ութամսյա դյուցազնամարտը. Բուենոս Այրես, 1956։ Համբնի ընդհանուր պատմությունը և շրջակա Դոզան Տաղի հայ գյուղերը։ Երկասիրեց Հ. Պ. Պողոսյան. Լոս Անժելոս, 1942։*

111 Զեյթունցյան Նազարեթ. *Զեյթունի վերջին դեպքերը (1919—1921). Ալեքսանդրիա, 1922։* Վարդ Մեխակ. *Զեյթունի նահանջը. Կ. Պոլիս, 1922։*

112 *Մարաշ կամ Գերմանիկ և հերոս Զեյթուն, երկասիրեց Գ. Հ. Գալուստյան (Կիլիկեցի). Նյու Յորք, 1934։* Հովսեփ Տեր-Վարդանյան. *Մարաշի ջարդը 1920-ին և պատմական համառոտ ակնարկ մը անցյալին վրա. Երուսաղեմ, 1927։*

113 **Sarafian Kevork A.** A Briefer History of Aintab. San Francisco, 1957; Ա. Կեսար. *Այնթապի դոյամարտը. Պոստոն, 1945։*

114 Սահակյան Աբամ. *Դյուցազնական Ուրֆան և իր հայորդիները. Պեյրութ, 1955։*

115 **Krimitell** (Krikor-Minas Tellalian). Histoire Arméno-Européenne. Paris, 1943.

116 Ադամեան Դավիթ Մ. *Կիլիկյան դրվագներ. Փարիզ, 1921։* **Aram Turabian.** L'éternelle victime de le diplomatie européenne. Paris, 1928.

117 Զօրմխեան Լեոն. *Համայնապատկեր արևմտահայոց մեկ դարու պատմութեան։ Գ հատոր։ Պեյրութ, 1975։*

118 Ավետեան Մ. *Հայ ազատագրական ազգային հիսնամեայ (1870—1920) ճուշամատեան և զորավար Անդրանիկ։ Փարիզ, 1954։*

119 Աթաեասեան Ա. *Կիլիկիո մոռավոր անցեալեն։ Փարիզ, 1937։*

120 Կեօֆչեան Վահրամ. *Հայկական Կիլիկիո ազատագրական պայքարը (Հուշեր և նօթեր)։ Բոստոն, 1979։*

121 **Basmadjian K. S.** Histoire moderne des Arméniens. Paris, 1922.

122 Подробно о работах зарубежных армянских авторов см.: **Саакян Р. Г.** Армянская туркология в 1908—1920 гг.; **Кондакчян Р. П.** Зарубежные армянские авторы о Турции (1920—1970). В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. X. Турция. Ереван, 1979, (на арм. яз., резюме на русск. яз.).

123 Առանալի Հայոց պատմություն։ Խմբագրեց Բիւզանդ Եղիայան։ Անթիլիաս-Լիբանան, 1970, էջ 465։
124 **Artzruni Ashot (Sirouyan A.)** Historia del Pueblo Armenio. Buenos Aires, 1965, p. 431.
125 **Pastermadjian H.** Aperçu de l'histoire moderne de l'Arménie. In: «Vostan. Cahiers d'histoire et de civilisation arméniennes». Tome I, N 1, 1948—1949. Paris, 1949, p. 226.
126 Գարիճեան Առաք. Հայ ազատագրական շարժման օրերեն (Հուշեր 1890—1940 թթ.)։ Փարիզ, 1947, էջ 449։
127 **Toriguian Shavarsh.** The Armenian Question and International Law. Beirut, 1973, p. 107.
128 Թափուճեան Ավետիս. Հայ ժողովուրդին անկախութեան պայքարը Կիլիկիո մեջ 1919—1921 թթ. Գահիրե, 1977, էջ 7։
129 Там же, с. 1415.
130 Les grandes puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914—1918). Documents réunis et présentés par **Arthur Beylérian.** Paris, 1983.

Глава первая

1 **Ллойд Джордж Д.** Военные мемуары. Т. VI, М., 1938, с. 139.
2 **Пуанкаре Раймонд.** На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Т. II. М., 1936, с. 399. См. также: **Cumming H.**, p. 56—57.
3 **Ключников Ю. В.** и **Сабанин Андрей.** Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926, с. 188—189; **Schlicklin Jean.** Angora... L'aube de la Turquie nouvelle (1919—1922). Paris, 1922, p. 6—9.
4 **Biyıklıoğlu Tevfik.** Birinci dünya harbinde ve Mondros mütarekesi sıralarında boğazlar problemi.—Belleten, ciit XXV, sayı 97, s. 92.
5 **Cemil.** Lozan ..., cilt 1, s. 208. Цит. по: **Шамсутдинов А. М.** Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923. М., 1966, с. 24.
6 **Brémond E.** La Cilicie en 1919—1920, p. 10.
7 **Temperley Harold.** History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. London, 1924, p. 182.
8 **Lewis Bernard.** The emergence of Modern Turkey. London, 1965, p. 236.
9 **Кемаль М.** Путь новой Турции. Т. I. Примечания, с. 374—376.
10 Там же, с. 376—377.
11 Там же, с. 380—381. Полный текст решений Эрзерумского и Сивасского конгрессов на франц. языке см.: **Pernot Maurice.** La question turque. Paris, 1923, p. 282—298.
12 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. I, с. 222.
13 Там же, с. 224.
14 Там же, с. 231—232.

15 См. Жизнь национальностей, 1920, 15 июня, № 18.
16 **Шамсутдинов А. М.**, с. 74.
17 **Georges-Gaulis Berthe.** Le nationalisme turc. Paris, 1922, p. 94.
18 Цит. по: **Pech Edgar.** Les Alliés et la Turquie. Paris, 1925, p. 80.
19 Цит. по: **Cebesoy Ali Fuat.** Millî mücadele hatıralari, s. 97.
20 **P. du Véou, p. 105.**
21 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. I, с. 414.
22 Там же, с. 415.
23 См. там же, с. 418—420.
24 **Шамсутдинов А. М.**, с. 84—85. Следует сказать, что приведенная оценка решений Эрзерумского и Сивасского конгрессов не нашла, к сожалению, места в Новейшей истории Турции (М., 1966), в частности, в главе, автором которой является он же.
25 Цит. по: **Pernot Maurice, p. 313.**
26 Там же, с. 314. Советский турколог Р. П. Кондакчян пишет: «Все конгрессы обществ защиты прав проходили под знаменем ислама и во имя ислама» (см.: **Кондакчян Р. П.** Турция: внутренняя политика и ислам. Ереван. Изд-во АН АрмССР, 1983, с. 42). Это верно. Однако верно и то, что упомянутые им конгрессы, как было показано, проходили и под лозунгом борьбы против конкретных «гяуров»—греков и армян.
27 **Кемаль М.** Путь новой Турции, Т. I, с. 419.
28 **Léart Marcel.** La question arménienne à la lumière des documents.—Paris, 1913, p. 60.
29 Жизнь национальностей, 1920, 15 июня № 18. Цит. по: **Хуршудян Л. А.** Материалы декрета Совета народных комиссаров Советской России о «Турецкой Армении». Вестник Архивов Армении, 1981, № 2, с. 34—35.
30 Речь идет о санджаках Карс, Ардаган, Батум, входивших до 1914 г. в состав Российской империи.
31 **Кемаль М.** Путь новой Турции. Т. III, Примечания, с. 252—253. Французский перевод впервые был приведен Ж. Шликленом и А. Тойнби. См.: **Schlicklin Jean,** p. 13—15; **Toynbee A. J.,** p. 207—209.
32 См.: Документы внешней политики СССР. Т. I, М., 1957, с. 490—492.
33 **Lord Kinross,** p. 187.
34 **Georges-Gaulis Berthe.** Le nationalisme turc, p. 62; Английские военные агенты, посетившие Турцию в июле 1919 г., в своих донесениях также отмечали, что комитет «Единение и прогресс» существует во всех вилайетах и что эта организация оказывает поддержку руководителям анатолийского движения. См.: Documents.., vol. IV, p. 705—706 (Кальторп-Керзону, 30 июля 1919 г).
35 Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 74—75.
36 Цит. по: Annales de la Chambre des Députés. (Débats parlementaires. Session) **extraordinaire de 1919. Paris, 1920, p. 61.**
37 **Корниенко Р. П.** Из истории коммунистической партии Турции (1920—1922).—В кн.: Турция. История, экономика, политика. М., 1984, с. 6.
38 **Новичев А. Д.** Турция. Краткая история. М., 1965, с. 153.

1 L'Asie Française, No. 175, février-juillet 1919, p. 180; **Pernot M.**, p. 239.
2 По данным генерального секретаря МИД Франции Филиппа Бертело, в руках французских капиталистов находилось 80% Оттоманского долга. См.: **Дэвид Ллойд Джордж.** Правда о мирных договорах, т. II, с. 402.
3 См.: Французские интересы в Турции.—Новый Восток, 1923, № 3, с. 475—476.
4 **L'Asie Française, No. 175, p. 180.**
5 Там же, с. 181.
6 Цит. по: **Боев Ю. А.** Ближний Восток во внешней политике Франции. Киев, 1964, с. 50—51.
7 **Testis, p. 81.**
8 Раздел Азиатской Турции, с. 20.
9 **Testis, p. 81.**
10 **Dèsbons Georges.** L'Avenir économique de la France dans le bassin méditerranéen oriental.—**Le monde industriel, commercial et agricole, série 1, 25 février 1920, p. 7.** Об экономическом значении Киликии см. также **Redan Pierre.** La Cilicie et le problème ottoman. Paris, 1921, p. 114—128.
11 См.: **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. I, с. 393.
12 **Testis, p. 80.**
13 **Akyüz Yahya,** La guerre de l'indépendence turque (1919—1922) et l'opinion publique française. **Thèse présentée..., Nancy, 1967, p. 31.**
14 **Edwards Emile. Journal d'un habitant de Constantinople (1914—1915).— Paris, 1915, p. 252.**
15 **Кайзер Жак.** Европа и новая Турция. М., 1925, с. 55.
16 **Paillarès M., p. 77—78.**
17 Там же, с. 73.
18 Цит. по: **Puaux René.** La question d'Orient devant le Parlement (Séance du **29 octobre 1922). Paris, 1922, p. 17—18.**
19 Цит. по: **Mandelstam A.** La société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. **Paris, 1926, p. 195.**
20 Цит. по: **Laroche Jules. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913— 1926.—Paris, 1957, p. 160.**
21 **Testis, p. 19.**
22 Цит. по: **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. 1. Предисловие, с. XL.
23 **Цит. по: L'Europe nouvelle, No. 9, 28 février 1920, p. 342.**
24 **Mignot Elie.** La question nationale et coloniale et le Parti Communiste Français.—**Cahiers du Communisme, 1981, No. 1, p. 82.** См. также **Черкасов П. П.** Судьба Империи, с. 58—59.
25 **Martet Jean. Le Silence de M. Clémenceau. Paris, 1929, p. 303—304.** Это заявление Клемансо французскому журналисту Жану Мартэ не отражало, конечно, истинного положения вещей. Еще во время Парижской мирной конференции, при встречах с Ллойд Джорджем 21—22 мая 1919 г., Клемансо признал, что он согласился уступить Мосульский вилайет по

неведению: «Если бы я имел представление о важности Мосула и Месопотамии, я не согласился бы их вам уступить; если бы вы мне сказали, что уступка Месопотамии повлечет за собой потерю громадной территории, я бы вам в этом отказал» (**Кайзер Ж.**, с. 25).

26 Documents..., vol. XVI.

27 Раздел Азиатской Турции. Предисловие, с. 19—20.

28 Документы МИД Франции, введенные в научный оборот болгарским историком А. С. Ахмедовым, являются дополнительным подтверждением того, что опасаясь передачи мандата на Турцию Соединенным Штатам Америки, Франция добивалась территориальной целостности Турции. См.: **Ahmed S. Ahmedov.** Les antagonismes interalliés sur les problèmes turcs après l'armistice de Moudros jusqu' au traité de Sèvres. Etudes Balkaniques 1983, №1, p. 46--47.

29 Цит. по: Documents..., vol. IV, London, 1952, p. 309.

30 Democratie nouvelle, 1919, 15 avril.

31 **Лемин И. М.** Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. М., 1947, с. 184.

32 Цит. по: **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. I. Предисловие, с. XLVII.

33 **Clémenceau Georges.** Grandeurs et misères d'une victoire.—Paris, 1930, p. 98.

34 Echo de l'Islam, 1922, 1 février.

35 Там же. Более подробно см.: **Général du Hays,** t. 1, p. 131.

36 **Gontaut-Biron R.** Comment la France s'est installée en Syrie (1918—1919). Paris, 1923, p. 333.

37 **Paillarès M.**, p. 108—109.

38 **Brémond E.**, p. 36.

39 **Pichon Jean.** Le partage du Proche Orient. Paris, 1938, p. 203.

40 Там же.

41 **Gontaut-Biron R.**, p. 333.

42 **Rémusat.** Cilicie (1918—1922).—Revue des sciences politiques. Tome LIV. Juillet-septembre 1931, p. 353.

43 **Lord Kinross,** p. 203.

44 Бекир Сами-бей занимал в это время пост министра иностранных дел анкарского правительства. До этого он в течение нескольких лет был губернатором Бейрута, где и сблизился с французским консулом Жорж-Пико (см. **Cebesoy Ali Fuat.** Millî mücadele hatıraları, s. 268).

45 **Cebesoy A. F.** Milli mücadele hatiralari, s. 268.

46 Там же, с. 268—269.

47 Там же, с. 269.

48 Там же.

49 Там же.

50 **Gontaut-Biron R.**, p. 338. В другой работе, написанной совместно с Лё Реверано, Гонто-Бирон отмечал, что Кемаль обещал Пико в случае ухода французских войск из Киликии «предоставить Франции, и только Франции,

своего рода экономический мандат в Турции» см. **Gontaut Biron R. et le Révérend.** D'Angora à Lausanne. Les étapes d'une déchéance. Paris, 1924, p. 12).

51 **Cebesoy Ali Fuat.** Milli mücadele hatıraları, s. 26—270.

52 **Gontaut-Biron R.,** p. 338. По этому поводу Рауф-бей заявил, что «признанная Высокой Портой Ереванская Республика является достаточным пристанищем для армян» (см. там же). О переговорах Ф. Жорж-Пико с М. Кемалем см. также **Helmreich Paul.** From Paris to Sèvres.—Columbus, 1974, p. 183—184.

53 L'Europe Nouvelle, No. 9, 28 février 1920, p. 342.

54 **Cebesoy Ali Fuat,** Milli mücadele hatıraları, s. 270; **Lord Kinross,** p. 203.

55 **Rémusat,** p. 353; **du Véou P.,** p. 107.

56 **Кайзер Ж.,** с. 27.

57 **Pichon Jean,** p. 203.

58 **Redan Pierre,** p. 93.

59 **Kürkçüoğlu Ö.** Türk-Ingiliz ilişkileri (1919—1926). Ankara, 1978, s. 114.

60 **Soniel S. R.,** p. 26.

61 Documents... vol. IV, p. 560.

62 Там же, с. 587 (Робек—Керзону, 12 декабря 1919 г.).

63 Стенограмму заседаний конференции и полный текст проекта договора см.: Documents..., vol. VIII. London, 1958, p. 20—26, 35—113.

64 Documents..., vol. VIII, p. 49—50.

65 Там же с. 179 (заметки британского секретаря о заседании Верховного совета союзников 24 апреля 1920 г.).

66 **Кайзер Ж.,** с. 29.

67 Французский историк Жан-Пьер Алем считает, что основной причиной заключения временного перемирия было стремление направить французские силы против эмира Фейсала и разгромить его (см.: **Alem Jean-Pierre,** p. 64). А Пьер Лиотэ пишет: «Генерал Гуро, убежденный в том, что между французами и турками имело место недоразумение, заключил с Мустафой Кемалем перемирие на двадцать дней, которое, по его мнению, должно было быть продлено на новый срок и положить конец войне на пользу обеих договаривающихся сторон». (**Liautey P.,** p. 176).

68 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. III, с. 57.

69 Documents..., vol. XIII, p. 80.

70 **Sonyel S. R.,** p. 74—75, 107.

71 **Bernard Paul,** p. 40.

72 **Général du Hays,** t. 2, p. 35. Сониел, ссылаясь на документы Форин оффиса, к приведенным пунктам условий перемирия добавляет пункт «о предоставлении французскому правительству и деловым кругам льгот и концессий в Киликии взамен отказа Франции предпринять какие-либо действия против националистического движения, политические цели которого они будут неофициально поддерживать» (см. **Sonyel S. R.,** p. 75).

73 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. III, с. 87—88. В своей речи 8 июля 1920 г. М. Кемаль отметил, что «среди западных государств имеются желающие договориться с нами». «Например,—продолжал он,—французское

правительство вопреки происходящим военным действиям, недавно прислало к нам особого уполномоченного и предложило немедленно открыть в Париже дипломатические переговоры. Естественно, сейчас делается все необходимое, что вытекает из этого контакта и предложения» (**Ататюрк Кемаль.** Избранные речи и выступления, с. 96).

74 **Redan Pierre**, p. 101.

75 **Brémond E.**, p. 54—55.

76 **du Véou P.**, p. 222 (Подробно см. Գևորգեան Միսաք, *Մուս—Մատենադարան Վերջերք 1949*, с. 622—627).

77 **Brémond E.**, p. 55.

78 Annales de la Chambre des Députés. 1920, t. I. Paris, 1921, p. 587—588.

79 Полный текст договора см.: Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. 14—136.

80 **Paillarès M.**, p. 190.

81 Там же.

82 Цит. по: Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. XVIII. См. также **Rain P.**, L'Europe de Versailles. Paris, 1945, p. 130—131.

83 Цит. по: **L'Asie française, No. 194, juillet-août 1921, p. 312—313.**

84 **Echo de Paris, 1921, 12 janvier.** Цит. по: История дипломатии, изд. второе, т. III, М., 1965, с. 214.

85 Цит. по: Le Rappel, 1920, 16 novembre.

86 Цит. по: **Echo le l'Islam, 1920, 28 novembre.**

87 Le Temps, 1921, 24 janvier.

88 **Sonyel S. R., p. 92.**

89 **Testis**, p. 45.

90 Documents..., vol. VIII, p. 842. См. также: **Anderson M. S.** The Eeastern Question 1774—1923. A Study in International Relations. London, 1966, p. 369.

91 Documents..., vol. VIII, p. 843.

92 Documents..., vol. XVII, No. 6, p. 6 (запись беседы постоянного помощника государственного секретаря по иностранным делам Кроува с французским поверенным в делах, 7 января 1921 г.). Спустя неделю, 15 января 1921 года, последний информировал Форин оффис о том, что в Риме находится определенное число турецких националистов, которые готовы выступить посредниками между союзниками и Мустафой Кемалем. Их представителем является теоретик младотурок и бывший председатель сената Ахмед Риза-бей, с которым связан также другой лидер младотурок—бывший министр финансов Джавид-бей. Они предложили французскому послу в Риме Барреру свое содействие в достижении договоренности с Кемалем относительно Киликии путем вывода оттуда кемалистских и французских сил, как «предшествующий» началу эвакуации шаг. Эти силы будут заменены жандармерией под начальством французских офицеров, которая и будет поддерживать порядок в провинции. «Эта договоренность,—добавлял де Флерио,—полностью удовлетворит французское правительство, и фактически будет соответствовать условиям Трипартитного соглашения от 10 августа 1920

года». При этих обстоятельствах Барреру было разрешено ответить, что если Мустафа Кемаль будет выдвигать предложения, которые исходили бы из вышеуказанных целей, то французское правительство будет готово обсудить их.

В заключение упомянутой беседы французский дипломат заверял собеседника, что «французское правительство ни в коем случае не примет никакого решения и не заключит никакого соглашения, если не будет полного взаимопонимания между союзниками» (см. Documents..., vol, XVII, № 17, p. 26—27. Керзон—Гардингу, 24 января 1921 г.).

93 См.: **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. III, с. 177—199; La guerre de l'indépendance turque. Publié par la Direction Générale de la presse au ministère de l'intérieur. Ankara, 1937, p. 52—53.

94 **Olaylarla Türk dış politikasi (1919—1965). Ikinci baskı. Ankara, 1969, s. 33.**

95 **Paillarès M.**, p. 206.

96 **L'Asie française, Mars 1921, p. 90.**

98 **Documents...**, vol. XV, p. 209—210 (записки британского секретаря о союзнической конференции, созванной в министерстве иностранных дел, в кабинете лорда Керзона, 26 февраля 1921 г.).

99 Там же, с. 211.

100 Там же, с. 212—213.

101 Подробно см.: **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. III, с. 345—352; **Edip Halide.** The Turkish Ordeal. London, 1928, p. 255.

102 Нам кажется, ошибаются те туркологи, которые секретные беседы Ллойд Джорджа с Бекир Сами-беем рассматривают лишь как результат личной инициативы последнего. В действительности же дело обстояло несколько иначе. Делегация Бекир Сами-бея вернулась в Анкару после второй победы, одержанной турецкими войсками у деревни Иненю 31 марта 1921 г., и это обстоятельство внесло изменения в позиции анкарского правительства, сделав его менее сговорчивым. Известно, что ВНСТ лишило Бекир Сами-бея полномочий именно после этой победы, 12 мая 1921 года, уже после того, как стало известно, что державы Антанты не соглашаются признать основные требования турок. Примечателен также и тот факт, что спустя несколько месяцев в августе 1921 г., тот же Бекир Сами снова был направлен Кемалем в Европу для подготовки почвы будущего соглашения с государствами Антанты.

103 Цит. по: **Ahmedov A. Les accords franco-turcs de 1921.—Etudes Balkaniques, 1982, No. 1, p. 67.**

104 **Ключников Ю. В.** и **Сабанин А. В.** Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III, вып. 2 .М., 1929, с. 82—84.

105 См.: **Paillarès M.**, p. 348—352.

106 В Истории дипломатии вместо «национального очага» ошибочно указано «независимость Турецкой Армении». См.: История дипломатии, изд. 2-е, т. III, с. 216.

107 **Mandelstam A., p. 184—185.**

108 **Ататюрк Кемаль.** Избранные речи и выступления, с. 227.
109 **Poincaré Raymond.** Chronique de la quinzaine. Histoire politique. Revue des deux Mondes, 1 avril 1921, p. 693.
110 Там же, с. 695—696.
111 **Général du Hays,** t. 2, p. 54—55. Этот раздраженный тон Бриана был, очевидно, реакцией на встречу генерала Гуро с делегацией анкарского правительства в Париже 22 марта 1921 года. В ходе беседы Гуро, в частности, выдвинул ряд дополнительных условий, которые должны были гарантировать безопасность местного населения. Так, один из выдвинутых им пунктов гласил: «Местные власти должны принять меры для успокоения христиан, особенно армян, которые предотвратили бы их массовую эмиграцию (см.: **Ahmedov A.,** p. 70).
112 Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1921. Tome premier, deuxième partie. Paris, 1921, p. 1029.
113 **Documents...,** vol. XVII, No. 84, p. 106 (Гардинг—Керзону, 2 апреля 1921 г.).
114 Там же, с. 106—107.
115 Там же, с. 107.
116 **Documents...,** vol. XVII, No.121, p. 142. (Керзон—Гардингу, 19 апреля 1921 г.).
117 Там же, с. 143.
118 Там же.
119 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 812, л. 8—9 (копия письма, на франц. яз.).
120 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 829, л. 10 (копия письма, на франц. яз.).
121 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 832, л. 8 (копия телеграммы, на франц. яз.).
122 **Documents...,** vol. XVII, No. 439, p. 160 (Рамбольд—Керзону, 2 мая 1921 г.).
123 Там же, с. 160—161.
124 Там же, с. 161.
125 **du Véou P.,** p. 291—292; Documents..., vol. XVII, No. 460, p. 302—303.
126 **Général du Hays,** t. 2, p. 20. Заслуживает внимания характеристика, данная Франклен-Буйону Сониелом: «Бриан выбрал своим представителем Франклен-Буйона, сенатора-туркофила и бывшего председателя комиссии по иностранным делам, который верил в важность поддержания дружбы с Турцией, как противовеса и барьера против большевистской угрозы» (**Sonyel S. R.,** p. 135—136).
127 **Ahmedov A. S.** Les accords franco-turcs de 1921. Etudes Balkaniques, No. 1, 1982, p. 74.
128 **Ataturk.** Commission Nationale turque pour l'UNESCO. Ankara, 1963, p. 117.
129 **Garnier Jean-Paul.** La fin de l'Empire ottoman. Du Sultan Rouge à Moustafa Kemal. Paris, 1973, p. 260.
130 **Ataturk,** p. 117.
131 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. IV, с. 43.
132 Там же, с. 44.
133 **du Véou P.,** p. 303.
134 **Tarih, cilt IV, s. 105.**
135 Цит. по: **Ahmedov A. S.,** p. 76.

136 Цит. по: ЦГАОР АзССР, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 68, л. 21 (информация о переговорах А. Франклен-Буйона с М. Кемалем).
137 La guerre de l'indépendance turque, p. 60.
138 Цит. по: **Paillarès M.**, p. 357.
139 Бюллетень НКИД, 1921, № 90, с. 57.
140 Le Temps, 1921, 27 juin.
141 См.: Documents..., vol. XVII, No. 398, p. 414. (Керзон—Гардингу, 30 сентября 1921 г.); там же, № 402, с. 417—418 (Читэм—Керзону, 5 октября 1921 г.).

Глава третья

1 Подробно см.: **Микаелян Г. Г.** История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952; *Հայկական Սովետական Հանրագիտարան, հ. 5, էջ 409—412; Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. III։ Երևան, 1976, էջ 671—786։*
2 Об этом см.: **Պողոսեան Հ. Պ.**, с. 507—524.
3 **Գալուստեան Գր.**, էջ 4։
4 В основном кочевые племена, некоторые из которых, как например племена Хаюк и Позан, были армянского происхождения (см.: **Քիւրճեան Վ. Մ.** *Հայկական Կիլիկիա։ Նիւ Եորք, 1919*)։
5 **Léart Marcel.** La question arménienne à la lumière des documents. Paris, 1913, p. 62.
6 **Sarafian Kevork A.** A briefer history of Aintab. San-Francisco, California, 1957, p. 11.
7 **Basmadjian K. J.** La Cilicie. Son passé et son avenir. Paris, 1919, p. 6.
8 **Brémond E.**, p. 12.
9 The Pre-War population of Cilicia. London, 1920, p. 4.
10 **du Véou Paul**, p. 47.
11 **Kerr Stanley E.**, p. XV.
12 **Redan Pierre**, p. 16.
13 См. также **Jung E.** La révolte arabe. II. Paris, 1925, p. 152.
14 Согласно данным ежегодника Annuaire oriental, издаваемого под контролем султанского правительства, за 1912 г. в Аданском вилайете насчитывалось: христиан—215 тыс., магометан—185 тыс. (см. **Redan P.**, p. 15; **Brémond E.**, p. 4; **du Vèou P.**, p. 47).
15 **Brémond E.**, p. 10.
16 **Torossian H.** Histoire du peuple arménien. Paris, 1957, p. 153; **Commandant Benoist d'Azy.** L'origine de la Légion d'Orient.—Extrait de la Revue Diplomatique. Janvier—Mars 1939, p. 11.
17 **Brémond E.**, p. 6.
18 **Gontaut-Biron R.**, p. 215; **du Véou P.**, p. 64.
19 **Lyautey Pierre**, p. 171.
20 **Brémond E.**, p. 6—7; **Redan P.**, p. 74—75.
21 **Brémond E.**, p. 7; **Gontaut-Biron R.**, p. 215.
22 **Redan P.**, p. 76—77; **Brémond E.**, p. 8—9.
23 **Paillarès M.**, p. 188.

24 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 378, л. 13—14 (письмо Аршака Чопаняна французскому верховному комиссару в Бейруте, 15 марта 1921 г. на франц. яз.).

25 **Thorossian H.**, p. 153; **Alem Jean-Pierre**, p. 66.

26 Цит. по: Իզմիրլեան Կարապետ. *Հայ ժողովուրդի քաղաքական հակատագիրը անցեալին և ներկայիս։ Գեղրուք, 1964*, с. 210.

27 **Brémond E.**, p. 11—12.

28 **du Véou P.**, p. 91.

29 **Brémond E.**, p. 17; **Gontaut-Biron R.**, p. 215.

30 Газ. *Կիլիկիա* (Адана), 1919, 19 марта.

31 Цит. по газ. *Հայ Ձայն* (Адана), 1919, 23 июля.

32 ЦГИА АрмССР, ф. 205, д. 780, л. 71 (письмо уполномоченного Армянской национальной делегации М. Дамадяна константинопольскому армянскому патриарху Завену, 30 июля 1919 г.).

33 Газ. *Կիլիկիա*, 1919, 11 июня.

34 **Helmreich Paul**, p. 47.

35 Об этом см.: **Дэвид Ллойд Джордж.** Правда о мирных договорах, т. 11, с. 200—204.

36 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. 11, с. 300—301.

37 **Ататюрк К.** Избранные речи и выступления, с. 59.

38 «Сегодня анкарское правительство в руках бывших младотурецких деятелей—писал французский историк Э. Николь. Все арестанты Мальты, которые обвинялись в преступлениях, совершенных ими в годы войны, собрались там. Они занимают самые высокие посты. Они—министры, генералы, депутаты, высокопоставленные чиновники...» (**Nicol E.** Les Alliés et la crise orientale. —Paris, 1922. p. 61—62).

39 См. ЦГИА АрмССР, ф. 205, д. 780, л. 69—70 (письмо М. Дамадяна константинопольскому патриарху Завену).

40 Газ. *Կիլիկիա*, 1919, 11 и 15 июня.

41 См. Սաղքեանց Ս. *Կիսադարյան հուշամատեան (1895—1945)։ Փարիզ, 1948*, с. 295—296.

42 См. газ. *Կիլիկիա*, 1919, 11 и 15 июня.

43 **Redan P.**, p. 85.

44 **Avcioğlu Doğan.** Türkiyenin Düzeni. Birinci kitap. **Istanbul, 1976, s.** 292.

45 См. там же.

46 **Эфендиева Н. З.**, с. 81.

47 Об этом см. Геноцид армян в Османской империи. Ереван, 1982, с. 554—594.

48 **Général du Hays**, t. 1, p. 123.

49 **Brémond E.**, p. 16.

50 **Redan P.**, p. 78.

51 **Gautherot Gustave.** La France en Syrie et en Cilicie, p. 182.

52 См. газ. *Կիլիկիա*, 1919, 17 июня.

53 **Pichon Jean.** Le partage du Proche Orient. Paris, 1938, p. 200.

54 Documents..., vol. IV, p. 538; **Lord Kinross**, p. 203.

55 П. Редан отмечает, что о программе националистов было известно еще в июле 1919 г. Она предусматривала наступление на Киликию в трех направлениях. Первое—на Мерсино-Аданском фронте, имевшее своей задачей отрезать пути сообщения между этими городами. Второе должно было развиваться на линии Хаджин—Сис по направлению Джейхана, а затем Аданы. Третье наступление предусматривалось развить в районе Айнтаба (см.: **Redan P., p. 95**).

56 **Brémond E., p. 37—38.**

57 См. газ. «Ճակատամարտ» (Константинополь), 1920, 15 декабря.

58 **Redan P., p. 94—85.**

59 Цит. по: Ճակատամարտ, 1920, 19 марта.

60 **Rémusat. Cilicie (1918—1922). Revue des sciences politiques, tome LIV, juillet-septembre 1931, p. 355.**

61 **Желтяков А. Д.** Антифранцузское восстание в Мараше в 1920 году.—Ученые записки ЛГУ, серия востоковедч. наук, вып. 14, 1962, № 304, с. 33.

62 **См. Nicol E. Les Alliés et la crise orientale, p. 33—34.**

63 Между прочим на это последнее обстоятельство англо-французские власти обратили внимание. П. Редан отмечает, что в начале 1919 г. в Киликии французы и англичане составили блок и «турки не достигли успеха в своей обычной игре—разделить великие державы» (**Redan P.**, p. 83).

64 Неправильно утверждение будто кемалисты с самого начала признавали право арабов на самоопределение. Об этом см. **Саакян Р. Г.** Ценное исследование—**О. И. Гигинеишвили.** Пантюркизм и внешняя политика Турции. Тбилиси, 1963. (на груз. яз.). Вестник общественных наук АН АрмССР, 1967, № 7, с. 117.

65 **Lord Kinross, p. 169.** См. также: **Саакян Р. Г.** Лорд Кинросс. Ататюрк.—Вестник общественных наук АН АрмССР, 1968, № 3, с. 95.

66 **du Véou P., p. 113.**

67 **Documents..., vol. IV, p. 178.**

68 Там же.

69 См. **Թերզեան Ս.**, с. 210—211.

70 **Abadie M.** Les Quatre Sièges d'Aïntab (1920—1921).—Paris, 1922, p. 28. Упомянутый автор не указывает общее количество вступивших в Мараш контингента войск. Об этом пишет турецкий военный историк Сарал, считая, что всего было 550 человек, из них 400 армян-легионеров и 150 французов и алжирцев (см.: **Kerr S.**, p. 62).

71 **Brémond E., p. 32.**

72 **dus Véou P.**, p. 111. По данным доктора Стенли Керра число армян в Мараше в январе 1920 г., т. е. до резни, достигало 22—23 тысяч. (См. **Kerr S.**, p. 62). Эту же цифру приводят другие авторы (см. **Տեր-Վարդանեան**, с. 122, **Գալուստեան Գր.**, с. 818).

73 **Brémond E.**, p. 37.

74 **Saral Ahmet Hülki, s. 91.** Цит. по: **Kerr S., p. 68.**

75 **Bağdadlioğlu A. Uzun Oluk. Istiklâl harbinde Maraş.—Istanbul, 1942, s. 33.**

76 **Kerr S. E., p. 67.** В корреспонденции, посланной из Мараша в Адану, го-

ворилось, что упомянутый Лютфи и его брат—доктор Мустафа «действуют с большим размахом, угрожая именами Энвера и Талаата» (см. газ. *Հայ Գայլ*, 1919, 20 июня).

77 **Bağdadlıoğlu A., s. 63—69.**
78 См. ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 546, л. 36.
79 Там же, л. 24.
80 **du Véou P.**, p. 124—125.
81 Полковник Робер Норман в своих воспоминаниях с опозданием признает, что в условиях пропаганды националистов слабость французских войск становилась большой опасностью (см. **Normand R.** L'oeuvre de la France en Cilicie.—L'Asie française, № 189, décembre 1920, p. 60).
82 **Muré Materne, p. 6.**
83 **Տեր-Վարդանեան Հ., էջ 793.**
84 **Bağdadlıoğlu A., s. 69.**
85 **Brémond E., p. 33; du Véou P., p. 112.**
86 **du Véou P.**, p. 112.
87 **Brémond E., p. 33; Redan P., p. 92.**
88 **Желтяков А. Д.** Антифранцузское восстание в Мараше..., с. 36.
89 **Redan P.**, p. 92—93.
90 **Brémond E.**, p. 34.
91 **du Véou P.**, p. 112.
92 **Brémond E., p. 33; Kerr S., p. 71.**
93 **du Véou P.**, p. 113.
94 **Brémond E., p. 39.**
95 Н. Эфендиева, доверившись данным, приводимым А. Багдадлыоглу, пишет, что к 20 января 1920 г. французская армия в Мараше якобы насчитывала более 40 тыс. человек (см.: **Эфендиева Н. З.**, с. 111).
96 **du Véou P.**, p. 126.
97 **Redan P., p. 36.**
98 **Brémond E.**, p. 28.
99 **Muré M.**, p. 6.
100 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 546, л. 37.
101 Там же, л. 37—38.
102 **Thibault C.**, p. 238.
103 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 546, л. 36.
104 Там же, л. 52—53.
105 **Thibault C.**, p. 240.
106 Там же.
107 **Muré M.**, p. 8.
108 **Thibault C.**, p. 244.
109 **Muré M.**, p. 8.
110 **Thibault C.**, p. 242.
111 Там же.
112 **Muré M.**, p. 9.
113 Там же.

114. Там же, с. 10.
115 Там же, с. 11.
116 Там же.
117 Там же, с. 12. См. также **Paillarès M.**, p. 112.
118 Elliot Mabel Evelyn, p. 99—103.
119 Там же, с. 104.
120 Kerr S., p. 101.
121 Там же. с, 110.
122 Об армянских добровольцах, павших в боях в Мараше, см: Գալուստեան Գր., с. 818—826.
123 Kerr S., p. 69.
124. Там же, с. 127.
125 Там же, с. 143.
126 Thibault C., p. 246.
127 Там же, с. 246—247.
128 Bağdadlıoğlu A., s. 108.
129 Kerr S., p. 160.
130 **du Véou P.**, p. 112.
131 Там же.
132 Thibault C., p. 248.
133 Там же.
134 Bağdadlıoğlu A., s. 110—111; du Véou P., p. 135.
135 **Thibault C.**, p. 250.
136 А. Багдадлыоглу, не имея на то оснований, утверждает, что якобы доктора Мустафу убили армяне. См. **Bağdadlıoğlu A., s. 111.**
137 ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 546, л. 28.
138 Там же, л. 29. Другой очевидец—доктор Кратерн записал в своем дневнике: «Генерал Керет информировал нас сегодня, что он получил приказ эвакуировать город в полночь 9 февраля». Цит. по: **Walker J. Christopher**, p. 295.
139 **Normand R.** Colonnes dans le Levant, p. 39.
140 Там же.
141 **Normand R.** L'oeuvre de la France en Cilicie.—L'Asie Française, No. 189, décembre 1920, p. 59. Следует сказать, что участники событий и очевидцы опровергают этот последний аргумент полковника Нормана. «Колонна Нормана несла с собой боеприпасы и продовольствие»,—отмечал Ремюза́ (**Rémusat**, p. 358). «В Мараше хранились большие запасы зерна,—пишет дю Вей. Правда, часть их сгорела, но оставшихся запасов было достаточно для наших нужд. Что касается боеприпасов, то колонна привезла с собой вооружение в большом количестве» (**du Véou P.**, p. 134).
142 **du Véou P.**, p. 133.
143 Там же.
144 Brémond E., p. 40.
145 Там же.

146 La lettre du général Brémond au sujet de «L'Eternelle victime de la diplomatie européenne». Marseille, 1929, p. 1—2.
147 Там же, с. 2.
148 **Thibault C.**, p. 247.
149 **du Véou**, p. 134—136.
150 **Paillarès M.**, p. 112. Недавно, спустя пятьдесят лет, опубликовал свои воспоминания Жорж Будиер, который в качестве офицера французских оккупационных войск находился в Мараше во время событий января—февраля 1920 года. Касаясь причин ухода французского гарнизона из Мараша, он пишет: «Генерал Керет желал бы остаться в Мараше, так как повстанцы бежали в горы, но полковник Норман, поняв серьезность обстановки и считая свою миссию завершенной, принимает решение об отступлении и берет на себя общее командование». См.: **Boudière Georges.** Notes sur la campagne de Syrie-Cilicie. L'affaire de Maraş (janvier-février 1920).
151 **Lord Kinross**, p. 204.
152 См. **Ադամեան Դ.**, с.; **Գալուստեան Գր.** с. 816; **Turabian Aram.** L'éternelle victime de la diplomatie européenne, p. 9.
153 **Kerr S.**, p. 161—162.
154 Там же, с. 162.
155 **Желтяков А. Д.** Антифранцузское восстание в Мараше..., с. 39.
156 Там же, с. 38.
157 См. **Bağdadlioğlu A.**, s. 106—108; **Brémond E.**, p. 40; **Redan P.**, p. 94; **Kerr S.**, p. 160.
158 **Эфендиева Н. З.**, с. 114—115.
159 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 822, л. 36—37 (последние события в Мараше. Свидетельство очевидца Аршака Погосяна, 20 февраля 1920 г. (на франц. яз.).
160 **Kerr S.**, p. 157.
161 Там же, с. 158.
162 Там же, с. 178.
163 **Elliott Mabel Evelyn**, p. 131. По данным полковника Бремона и Поля дю Веу, число бежавших из Мараша армян составляло 7—8 тыс. человек (см. **Brémond E.**, p. 40—41; **du Véou P.**, p.137). Эту цифру следует считать преувеличенной.
164 **Muré Materne**, p. 17; **Brémond E.**, p. 40.
165 **Thibault C.**, p. 250—251.
166 Там же, с. 251.
167 **Muré M.**, p. 21.
168 **Elliott Mabel Evelyn**, p. 119—120.
169 Там же, с. 121—122.
170 Там же, с. 131.
171 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 822, л. 39 (Последние события в Мараше. Рассказ очевидца; на франц. яз.).

172 Там же, л. 41.

173 См. **Elliott M. E.**, p. 131; **du Véou P.**, p. 139; **Brémond E.**, p. 41; **Paillarès M.**, p. 113; **Gautherot G.**, p. 199; **Աբգանասեան Ա.**, с. 33.

174 Согласно данным ряда авторов, общее число погибших армян составило 15—20 тысяч. См. ЦГИА АрмССР, ф. 200, оп. 1, д. 546, лл. 11, 13—14; L'extermination des chrétiens d'Orient, p. 50; **Jung E.**, La révolte arabe II, p. 153; **Ադամյան Գավիթ**, с. 39; **Տեր-Վարդանյան Հ.**, с. 122. Эти цифры следует считать неточными, преувеличенными. У лорда Кинросса, напротив, мы встречаем преуменьшенную цифру—7—8 тыс. погибших армян за время «всей операции». См. **Lord Kinross**, p. 204.

175 **Kerr S.**, p. 201.

176 Там же.

177 Там же, с. 225.

178 Там же.

179 **Rémusat, p. 358.** Упомянутый автор вместе с тем критикует туркофильские настроения французской официозной прессы. «Самая большая газета республики (имеется в виду Le Temps.—**P. C.**). начиная с 15 февраля встала на сторону врага и сохранила эту позицию до конца. Кемалисты воспроизводили ее статьи и распространяли эти номера» (см. там же, с. 360).

180 **Brémond E.**, p. 41.

181 **Paillarès M.**, p. 113.

182 **Testis**, p. 37.

183 **Loti Pierre**, p. 106.

184 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. 111, с. 13.

185 Цит. по: **Paillarès M.**, p. 129.

186 Там же, с. 130.

187 Там же, с. 131.

188 Полный текст телеграммы см. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 713, л. 2—3 (на франц. яз.).

189 ЦГИА АрмССР, ф. 200, оп. 1, д. 546, л. 20 (телеграмма А. Мильерана патриарху Завену, на франц. яз.).

190 Цит. по: **Խուպեսեբեան Վ.**, с. 7.

191 Le Temps, 1920, 15 février.

192 **du Véou P.**, p. 148; **Թերզեան Ս.**, էջ 69, 203: Упомянутая Д. Иби считает, что в 1914 г. в Хаджине было всего 25 тыс. армян. См. **Eby D. C.**, p. 60.

193 Цит. по: **Թերզեան Ս.**, с. 200.

194 Э. Бремон приводит другую цифру—8 тыс. (см. **Brémond E.**, p. 11), которая явно преувеличена. В Хаджин вернулось всего 6 тыс. коренных жителей—армян.

195 **Eby D. C.**, p. 99.

196 Подробно см. **Թերզեան Ս.**, с. 211—213; **Ասպետ Արամ**, с. 75—78.

197 ЦГИА АрмССР, ф. 408, оп. 1, д. 142, л. 13 (письмо правления хаджинской секции гнчакской партии, на арм. яз.).

198 Матенадаран им. Месропа Маштоца, Архив Аршака Алпояджяна, папка

14, док. 29, л. 2 (записка архиепископа Петроса Сараджяна, озаглавленная «Почему отступил и пал Хаджин»; на арм. яз).

199 Там же, л. 3.

200 Там же, л. 10.

201 **Eby D. C.**, p. 125.

202 Там же, с. 126.

203 Там же, с. 130.

204 Матенадаран, Архив А. Алпояджяна, папка 14, док. 29, л. 10.

205 Там же, л. 12.

206 Там же, л. 12—13.

207 Там же, л. 14.

208 ЦГИА АрмССР, ф. 430, д. 819, лл.1—3 (письмо членов делегации Хаджина в константинопольскую армянскую патриархию, на франц. яз.).

209 Участник событий С. Терзян свидетельствует, что еще 11 марта Э. Бремон письменно сообщил Миграну Дамадяну, что «французские власти в настоящее время не в состоянии направить в Хаджин какую-либо военную силу и не могут взять на себя подобные обязательства в будущем». См. **Թերզեան Ս.**, с. 237.

210 **Brémond E.**, p. 45. Об этом говорится в письме М. Дамадяна Бремону от 14 марта 1920 г. См. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 298, л. 6 (на франц. яз.).

211 **Eby D. C.**, p. 100.

212 Там же.

213 Еще до этого, 8 марта, председатель Национального союза армян Аданы сообщал генералу Дюфио о полученной им тревожной телеграмме из Хаджина о том, что город окружен и нуждается в помощи. См. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 296, л. 18 (на франц. яз.).

214 Матенадаран, Архив А. Алпояджяна, папка 14, док. 29, л. 16. В цитируемом документе П. Сараджян не приводит текст посланной им телеграммы. Он дается в воспоминаниях двух зарубежных армянских авторов, в разных вариантах. Вот их содержание: 1—«Дети мои, хаджинцы, вы послали нас сюда, чтобы мы нашли какой-то выход для избавления вас от той огромной опасности, которая угрожает Хаджину, вашей обожаемой родине и вашей жизни. Это—последняя телеграмма, которую я отправляю. Для избавления Хаджина от вражеской угрозы вы предприняли все, что могли, не преминули обратиться всюду с просьбами, но со слезами я пишу эти строки и скорблю, что мои обращения оказались тщетными, и не предвидится никакой надежды на помощь. Поэтому единственный выход—не дожидаясь второй, третьей телеграммы, немедленно бросайте имущество и спасайте свою жизнь, скорее достигнув Сиса. Да сохранит вас Бог.

13 марта 1920 г. П. Сараджян»

(цит. по: **Գազանեան Հ.**, с. 652);

2—«Хаджин. Комитету самообороны. Жалею, что все мои обращения оказались безрезультатными. Не ждите помощи ниоткуда. Немедленно от-

ступайте в Сис. Да сохранит вас Бог.

13 марта. Сараджян »

цит. по: Թերզեան Ս., с. 257). Как видим, оба автора датируют телеграмму Сараджяна 13 марта, между тем, как было показано выше, подобного содержания телеграмма была отправлена Сараджяном 14 марта. Надо полагать, что телеграмма была составлена 13 марта, а отправлена 14-го, после последнего свидания П. Сараджяна с полковником Бремоном.

215 Իզմիրլեան Կ. *Արագ վերլուծում մը Հաճնո եղեռնի առթիվ։ Նոր Հառընկ, 1966, № 10, էջ 270։*

216 Цит. по: *Նոր Հառընկ*, 1956, № 8—10, с. 112.

217 Цит. по: Թերզեան Ս., с. 258. Упомянутый выше К. Измирлян в своих воспоминаниях утверждает, что М. Дамадян отправил телеграмму в Хаджин за двумя подписями—своей и П. Сараджяна (см. *Նոր Հառընկ*, 1966, № 10, с. 271).

218 Матенадаран, Архив А. Алпояджяна, папка 14 док. 29, лл. 16—17. Упомянутая Д. Иби в связи с телеграммой М. Дамадяна замечает: «Если бы этот приказ пришел месяцем раньше, можно было выполнить его. Но отправить беспомощных женщин и детей в такую даль было равносильно послать их в когти смерти, или, еще хуже, в объятия ожидавших их разбойников» (**Eby D. C.**, p. 102).

219 Матенадаран, Архив А. Алпояджяна, папка 14, док. 29, л. 17.

220 Там же, л. 19.

221 Там же, л. 20.

222 Там же, л. 21—22.

223 **Brémond E.**, p. 45.

224 Цит. по: Թերզեան Ս., с. 267.

225 **Там же**, с. 267—268.

226 **Eby D. C.**, p. 183—184.

227 Թերզեան. Ս., էջ. 307—308:

228 См. там же, с. 216.

229 **du Véou**, p. 222.

230 Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца Министерства культуры АрмССР, ф. Запел Есаян, док. 289, л. 29.

231 См. *Նոր Հառընկ*, 1966, № 11, с. 301.

232 Там же, с. 302.

233 Там же.

234 Там же.

235 Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, ф. Запел Есаян, док. 289, л. 13.

236 *Նոր Հառընկ, 1966, № 11, էջ 303։*

237 Ряд авторов считает, что общее число населения Хаджина достигало 8 тысяч и, исходя из этого, указывает число погибших около 8 тыс. человек. Однако достоверно другое: во время осады Хаджина в городе насчитывалось 6 тыс. армян. Эта цифра приводится во многих источниках и работах зарубежных авторов (см. Матенадаран, Архив А. Алпояджяна, папка 14,

док. 29, л. 15; **Թերզեան Ս.**, с. 698; **Նոր Հաճրն**, 1966, **№ 10**, с. 266; ЦГИА Арм ССР, ф. **408**, оп. 1, д. **142**, л. 15—16; газ. **Աբեվելեան մամուլ**, **1920**, 21 марта).

238 **Eby D. C.**, p. 213.

239 Там же, с. 224.

240 Там же, с. 260.

241 Там же, с. 284.

242 Цит. по: **Թերզեան Ս.**, с. 619.

243 **Saïb Ali.**, p. 42.

244 **Dalkır Recep**, s. 106.

245 Там же, с. 148.

246 **Cebesoy Ali Fuat.** Milli mücadele hatıraları, **s. 418.**

247 Там же, с. 296.

248 Там же, с. 418.

249 **Redan P.**, p. 37.

250 **Rémusat**, p. 361—362.

251 La lettre du général Brémond..., p. 2.

252 Там же.

253 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. I, д. 378, л. 5 (письмо Аршака Чопаняна Роберу де Кэ, 10 января 1921 г.; на франц. яз.).

254 **Գրաճեան Ա.** *Հաճընի հերոսամարտի տեղը հայ ազատագրական պատմութեան մէջ։ Նոր Հաճընն պատմագիրք, Պուէնոս Այրես, 1974, էջ 24։*

255 **Մատէան Հարություն.** *Ծորհրդածութիւններ՝ Հաճնո հերոսամարտի տարեդարձին առթիվ։ Կանչ, 11 նոյեմբերի 1972 թ.* Заслуживает внимания и оценка, данная деятельности армянских политических партий зарубежным историком Л. Чормисяном. «Армянские политические руководители Аданы,—пишет автор,—не смогли проанализировать логические последствия позиции, занятой французами. Было ясно, что они вели политику любезничанья с турками, надеясь таким путем помешать их возможным мятежам и самим избежать жертв». А в связи с провозглашением «независимости» Киликии автор справедливо замечает, что «эти несерьезные манифестации, необоснованные и бессмысленные, являлись лишь эмоциональной вспышкой недовольства и возмущения». **Ղորմիսեան Լեվոն.** *Համայնապատկեր արեւմտահայոց մեկ դարու պատմութեան։ Գ. Հատոր (1908—1922)։ Պեյրութ, 1975, էջ 576—577։*

256 **Thibault**, p. 294—295.

257 **du Véou P.**, p. 170.

258 **Saïb Ali, p. 53—54.** То же **см. du Véou P.**, p. 351.

259 Последующие события разоблачили содержащуюся в данном воззвании ложь относительно «свободного и независимого» существования курдов, когда кемалистское правительство подавило в крови восстание курдов. Упомянутый Али Саиб, который в годы депортации и резни армян вел караван сосланных от Малатии до Шемсата, в 1925 г., будучи депутатом турецкого меджлиса, возглавлял «суды независимости» в Диарбекире и Харберде, повесив сотни своих соотечественников-курдов, выходцев из его же родного города (см. **du Véou P.**, p. 115).

260 См. **Эфендиева Н. З.**, с. 122—123.
261 **Saïb Ali**, p. 137.
262 **Thibault**, p. 295; **Saïb Ali**, p. 74.
263 **Saïb Ali**, p. 74; **du Véou P.**, p. 356.
264 **du Véou P.**, p. 356.
265 **Cebesoy A. F.** Milli mücadele hatıraları, s. 296.
266 **Saïb Ali**, p. 93.
267 **du Véou P.**, p. 173.
268 Швейцарский врач, который заведовал американским госпиталем.
269 **Thibault**, p. 299—300. Текст этого соглашения приводится и Али Санбом, но только в сокращенном и несколько искаженном виде (см.
270 **Thibault**, p. 299. В своем обращении к солдатам и офицерам майор Ожэ снова пытался оправдать вывод французских войск из Урфы необходимостью положить конец голоду, от которого страдают осажденные турками в своем квартале армяне (см. там же, с. 300).
271 **Brémond E.**, p. 43.
272 **Լուրեր.** *Ուրֆայի հերոսամարտը։ Պեյրութ, 1933, էջ 231։*
273 **Thibault, p. 299.**
274 См. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 823, л. 5 (письмо национального союза армян Урфы представителю Армянского национального союза, 20 апреля 1920 г. на франц. яз.).
275 См. там же, л. 5—6.
276 Там же, л. 6.
277 Там же.
278 По данным полковника Абади, Айнтаб в это время насчитывал 55 тыс. человек (см. **Abadie**, p. 20).
279 **Sarafian Kevork, p. 11.**
280 **Abadie**, p. 33.
281 **Kuran Ahmet Bedevi.** Osmanlı Imparatorluğunda inkılâp hareketleri ve milli mücadele.—Istanbul, 1956, s. 644—645.
282 **Abadie, p. 37.**
283 **Խոպխսերեան Վ.**, *էջ 208։*
284 **Abadie, p. 43.**
285 **Խոպխսերեան Վ.**, *էջ 210։*
286 Там же, с. 210—211.
287 **Üzel S.** Ayntap savaşının iç yüzü. Ankara, 1952, s. 14.
288 Там же, с. 18.
289 Цит. по: **Կեսար Ա.**, с. 66—67.
290 Там же, с. 67.
291 **Սարաֆեան Գ.** *Պատմութիւն Անթեպի Հայոց, Բ հ., էջ 1։*
292 **Abadie, p. 50—51.**
293 Там же, с. 51.
294 Там же, с. 52.
295 **Սարաֆեան Գ.**, *Բ. հ., էջ 99։*
296 Там же, с. 100.

297 Об этом см. *Հակոբյան Ս. Մ. Ազգամիջյան հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին*. Известия АН Арм ССР. общ. науки, 1962, № 6. с. 35—36.

298 **Սարաֆեան Գ.**, *բ. հ., էջ 113—114։*

299 **Üzel S.**, s. 20—22.

300 **См. Սարաֆեան Գ.**, *բ. հ.*, с. 127.

301 Там же. с. 124. О самозащите айнтабских армян см. также: ЦГИА АрмССР. ф. 430. оп. 1. д. 824, лл. 1—5 (письмо руководства национального союза армян Айнтаба председателю Армянской национальной делегации в Париже Погосу Нубару, 28 апреля 1920 г. рукопись, на арм. яз.).

302 Там же, с. 164.

303 См. там же, с. 207.

304 **Կեսար Ա.**, *էջ 148։*

305 **Kuran Ahmet Bedevi**, s. 645.

306 **du Véou P.**, p. 265—266.

307 **Cebesoy Ali Fuat**, s. 419.

308 **Կեսար Ա.**, *էջ 167։*

309 **du Véou P.**, p. 279.

310 **Kuran A. B.**, s. 646.

311 **du Véou P.**, p. 281.

312 Там же, с. 283.

313 Там же.

314 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 844, л. 1 (машинописная копия, на франц. яз.).

315 **Լուրեր**, *էջ 175—176։*

316 Об этом подробно см. **Ներսիսյան Մ. Գ.** *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ, 1850—1870 թթ., Երևան, 1955,*

317 *Զեյթունի պատմագիրք։ Պուէնոս Այրես, 1960, էջ 917։*

318 О мужественном сопротивлении армян в монастыре и ушедших в горы зейтунцев подробно см.: **Պողոսյան Հ. Մ.** *Զեյթունի պատմություն*, с. 389—398; **Նորաշխարհյան Լևոն**, *Զեյթունը 1914—1921 թթ. (Հուշեր)։ Երևան, 1984*, с. 82—132.

319 **Զեյթունցեան Ն.**, *էջ 158։*

320 *Զեյթունի պատմագիրք, էջ 918։*

321 *Արեվելեան մամուլ, 1920, 11 փետր.*

322 **Զեյթունցեան Ն.** *էջ 111։*

323 **Kerr S.**, p. 231.

324 Там же.

325 Там же, с. 232.

326 Там же.

327 Там же, с. 233.

328 Там же, с. 234.

329 Там же.

330 Journal des Débats, 1921, 21 septembre.

331 Там же.

332 См. **Վարդ Մեխակ.**, с. 108.

333 **Kerr S.**, p. 233.

334 **Ջեյրուճյան Ն.**, *էջ 141։*

335. **Վարդ Մեխակ.**, *էջ 84։*

336 **Kerr S.**, p. 234.

337 См. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 817, л. 3 (отчет архиепископа Мушега о делах Киликии председателю Армянской национальной делегации в Париже, 20 января 1920 г., на франц. яз.).

338 Архив Музея литературы и искусства, ф. Запел Есаян, № 289, л. 20.

339 **Կեճճեան Անդրանիկ.** *Սոցիալ-դեմոկրատ հնչակեան կուսակցութիւնը և Կիլիկեան ինքնավարութեան պրպք։ Պէյրութ, 1958, էջ 145—146։*

340 Цит. по: **Խաչեսեռեան Վ.**, *էջ 142.*

341 **Կեճճեան Անդրանիկ.** *էջ 182։*

342 ЦГИА АрмССР, ф. 408, оп. 1, д. 139, л. 1—3 (письмо Фируза Ханзадяна С. Сабах-Гуляну, на арм. яз.).

343 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 63, л. 13 (протоколы заседаний Армянского национального съезда, рукопись, на арм. яз.).

344 Documents..., vol. II, p. 734. Это заявление Ж. Клемансо весьма характерно с точки зрения эволюции его политических взглядов. Жорж Клемансо, тот самый, который будучи членом редколлегии журнала «Pro Armenia» выступал с осуждением погромной политики кровавого султана Абдул-Гамида, теперь считал армян «опасным народом». Советский историк Д. П. Прицкер метко замечает, что «когда сравниваешь его высказывания XIX и XX столетий, трудно поверить, что они принадлежат одному и тому же человеку». **Прицкер Д. П.** Жорж Клемансо. М., 1983, с. 265.

345 Цит. по: **Տեփոյեան Մ. Ե.** *Միհրան Տամատեան։ Գահիրէ, 1956,*

346 **L'Humanité**, 1920, 10 mars.

347 Цит. по: **Կեճճեան Անդրանիկ**, *էջ 159—160.*

348 Там же, с. 160.

349 Там же, с. 162.

350 **Brémond E.**, p. 62.

351 Там же.

352 **«Le Temps»**, 1920, 10 décembre. Любопытно, что тот же генерал Гуро в изданном 3 июня 1915 г. приказе «напоминал» солдатам французского экспедиционного корпуса, что турки были друзьями Франции, но Германия заставила их выступить против французов. (**Edwards Emile**, p. 252).

353. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 79, л. 8 (программа Армянской национальной делегации по вопросу о Киликии, на франц. яз.).

354 Там же, л. 9.

355 Там же.

Глава четвертая

1 «Подготовительная работа с Франклен-Буйоном была проведена еще до Сакарийского сражения»,—отмечает Ш. С. Айдемир. (**Aydemir Şevket Süreyya.** Tek Adam. Mustafa Kemal. I cilt (1881—1919). Istanbul, 1976, s. 523).
2 Documents..., vol. XVII, No. 869, p. 395—396. (Рамбольд—Керзону, 20 сентября 1921 г.).
3 Там же, с. 396.
4 **Sonyel S. R.**, p. 137.
5 Там же.
6 Annales de la Chambre des Députés, 1921. Session ordinaire de 1921. Tome unique, première partie. Paris, 1922, p. 57.
7 **Ключников Ю. В., Сабанин А. В.** Международная политика..., ч. III, вып. 2, с. 115—116.
8 L'Europe Nouvelle, No. 45, 5 Novembre 1921, p. 1436—1437, **Paillarès M.**, p. 359—362.
9 **Akşin Abdülahat.** Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi, Birinci kısım.— Istanbul, 1964, s. 102.
10 Примечательно, что спустя год после подписания Анкарского соглашения турецкая пресса писала о возвращении Александретты «ее хозяину», т. е. Турции. Более того. С подобным требованием выступил на заседании ВНСТ 3 ноября 1922 г. депутат от Битлиса Юсуф Зия-бей заявив следующее: «Александреттский район отошел к Сирии по франко-турецкому договору, в силу нашего тяжелого положения. В настоящее время это тяжелое положение ликвидировано, и мы во что бы то ни стало должны вернуть его нам» (цит. по: ЦГАВМФ, ф. Р—1, оп. 3, д. 1589, л. 153).
11 L'Europe Nouvelle, 1921, 29 octobre.
12 Le Temps, 1922, 7 janvier; Journal des Débats, 1922, 24 janvier.
13 Г. Армстронг отмечал, что «Франция направила в Ангору тайных посланцев с обещаниями предоставления помощи». **Armstrong H. C.**, p. 143—144.
14 Цит. по газ. *Արձագանք Փարիզի*, 1921, 10 ноября.
15 Цит. по: ЦГАОР СССР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 7-б, л. 449.
16 Цит. по: L'Europe Nouvelle, No. 48, 26 novembre 1921, p. 1523.
17 Цит. по: ЦГАОР СССР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 7б, л. 441.
18 **Lord Kinross**, p. 286.
19 Documents..., vol. XVII, No. 447, p. 444—445. (Гардинг—Керзону, 21 октября 1921 г.).
20 Там же, № 422, с. 449—450, (Рамбольд—Керзону, 25 октября 1921 г.).
21 Там же, с. 450.
22 Там же, № 423, с. 451 (Гардинг—Керзону, 27 октября 1921 г.).
23 Там же, № 432, с. 565 (Керзон—Гардингу, 3 ноября 1921 г.).
24 L'Asie Française, Novembre 1921, p. 439; Documents..., vol. XVII, No. 432, p. 461—466. (Керзон—Гардингу, 3 ноября 1921 г.).
25 L'Asie Française, Novembre 1921, p. 439.
26 Կապյան Սարգիս, *Ընտիր հրկեր*, էջ 154։

27 Цит. по: **Paillarès M.**, p. 364.
28 Там же.
29 Бюллетень НКИД, № 103, с. 22.
30 L'Europe Nouvelle, No. 49, 3 décembre 1921, p. 1558.
31 Там же, с. 1559.
32 Le Temps, 1921, 16 novembre.
33 L'Asie Française, décembre 1921, No. 197, p. 482.
34 Там же.
35 L'Asie Française, février 1922, No. 199, p. 71—73.
36 Там же, с. 74.
37 Цит. по: du **Véou P.**, p. 317. См. также интерпелляцию Э. Фландена в Палате депутатов 7 февраля 1922 г. Annales de la Chambre des Députés. Session ordinaire de 1922. Tome I, Paris, 1922, p. 235.
38 Полный текст письма см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 1135, л. 44—47, (на франц. яз.).
39 L'Asie Française, février 1922, No. 199, p. 74.
40 Documents..., vol. XVII, No. 447, p. 480—482 (запись беседы Кроува с французским поверенным в делах).
41 Там же, № 455, с. 492—493 (Гардинг—Керзону, 22 ноября 1921 г.).
42 Stamboul, 1921, 19 novembre, No. 275.
43 Documents..., vol. XVII, No. 470, p. 506—507. (Гардинг—Керзону, 3 декабря 1921 г.).
44 Там же, с. 507.
45 Цит. по газ.: Le Réveil, 1922, 12 fevrier, No. 61.
46 Там же.
47 Цит. по газ. *Ժողովրդի Ձայն*, 1921, 13/26 октября, № 927.
48 Цит. по: Le Réveil, 1921, 21 novembre, No. 48.
49 Цит. по: ЦГАОР АзССР, ф. 6, оп. 1, д. 230, л. 191.
50 Цит. по: **Nicol E.** Les Alliés et la crise orientale, p. 71.
51 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. IV, с. 46.
52 См.: **Nicol E.** Angora et la France, p. 33.
53 **Кемаль М.** Путь новой Турции, т. IV, с. 46.
54 «Tarih», cilt IV, s. 105—106. См. также, **Armaoğlu F.**, s. 643.
55 **Ataturk**, p. 118.
56 Orient et Occident. Tome premier, Paris, 1922, p. 58.
57 Там же.
58 Цит. по: **Nicol E.** Les Alliés et la crise orientale, p. 75.
59 Documents..., vol. XVII, No. 556, p. 660—661 (запись беседы Керзона с Юсуф Кемаль-беем, 18 марта 1922 г.).
60 Там же, с. 661.
61 См. Documents..., vol. XVII, No. 516, p. 592—594. (Гардинг—Керзону, 1 февраля 1922 г.).
62 Там же, № 519, с. 601 (Гардинг—Керзону, 3 февраля 1922 г.)
63 **Paillarès M.**, p. 366—367.

64 Полный текст телеграммы см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 792, л. 2 (16 ноября 1921 г., на франц яз.).
65 Газ. *Արձագանք Փարիզի*, 1921, 10 ноября, № 15.
66 Documents..., vol. XVII, No. 429, p. 459
67 L'Asie Française, décembre 1921, No. 197, p. 482.
68 L'Asie Française, février 1922, No. 199, p. 60—61.
69 **du Véou P.**, p. 315.
70 Գարբիճեան Արտակ, *էջ 436։*
71 **Mandelstam A.**, p. 219.
72 **Paillarès M.**, p. 367.
73 Там же, с. 369.
74 **Burtt Joseph.** The People of Ararat.—London, 1926, p. 86—87.
75 Նաև, *Թուրքահայ հեղափոխության պաշտպանությունը։ Հ. Բ. Փարիզ, 1935, էջ 232։*
76 **Paillarès M.**, p. 387.
77 **du Véou P.**, p. 316.
78 В течение ноября 1921 г. 25 тыс. армян укрывалось на скалистых берегах Александретты и Мерсина. «Много младенцев, стариков, женщин... погибло от голода и плохих условий»,—пишет очевидец (см. Արշաւսեան Ա., *էջ 67)։*
79 **Güzelhan Mustafa.** Ayintap tarihinden notlar. Gaziantep, 1959, s. 77.
80 Le Temps, 1922, 2 janvier.
81 **du Véou P.**, p. 332.
82 Там же, с. 430.
83 **Pichon Jean.** Le partage du Proche Orient.—Paris, 1938, p. 244.
84 **Paillarès M.**, p. 335.
85 Цит. по: **Basmadjian K.** Histoire moderne des Arméniens. Préface, p. X.
86 Цит. по: **George Horton.** The Blight of Asia. Indianapolis etc., 1953, p. 192. См. также: **Laurence Evans**, p. 258—260.
87 Documents..., vol. XVII, No. 508, p. 576—578
88 Цит. по: Le Journal Officiel, 1922, 20 janvier.
89 **Kiazim O.** Angora et Berlin, p. 17.
90 **Schlicklin Jean**, p. 224.
91 **Pernot Maurice**, p. 101.
92 **Pinon René.** Le redressement de la politique française, p. 61.
93 **Кайзер Ж.**, с. 59.
94 **Garnier J.—P.**, p. 260. См. также: **Chastenet Jacques**, p. 88.
95 **Bonnefous Edouard**, p. 245.
96 **Général du Hays**, t. 2, p. 20—21.
97 Там же, с. 21.
98 **Bonnet Georges**, p. 53.
99 **Ататюрк Кемаль.** Избранные речи и выступления, с. 227.
100 **Koçaş Sadi**, s. 245—250.
101 **Gönlübol ve Sar**, s. 30, 34.
102 **Olaylarla türk dış politikası**, s. 43.
103 **Aydemir Ş. S.**, Tek Adam, 2 cilt, s. 522.

104 **Kürkçüoglu Ömer,** s. 118.
105 **Akşin Abdülahat,** Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi, s. 102.
106 **Sonyel S. R.,** p. 138.
107 Там же, с. 139.
108 **Toynbee Arnold.** The Western Question in Greece and Turkey, p. 104—105.
109 **Marriott J. A. R.** The Eastern Question, p. 530.
110. **Medlicott W. N.** British Foreign Policy since Versailles, p. 39.
111 **Vere Hodge Edward Reginald,** p. 35. См. также: Troubled Neighbours, p. 320—321.
112 **Anderson M. S.** The Eastern Question, p. 370.
113 **Walker Christopher,** p. 302.
114 **Howard Harry N.** The Partition of Turkey, p. 261.
115 **Davison Roderic H.** Turkish Diplomacy from Mudros to Lausanne. **In:** The Diplomats. Ed. by **Gordon Craig and Felix Gilbert,** vol. 1. The Twenties, p. 193.
116 См. **Ahmedov A.** Les accords franco-turcs de 1921. Etudes Balkaniques, 1982. **No** 1, p. 81.
117 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 730, л. 3 (на франц. яз.).
118 Там же, л. 9 (копия, на франц. яз.).
119 Упомянутая Лига была создана в сентябре 1920 г. в Женеве на основе учрежденной в Париже в июне 1920 г. Международной ассоциации друзей армян. Подробно см.: **Thomas A. Bryson.** Walter George Smith and the International Philarmenian League. In: Recent studies in modern Armenian History, Cambridge, Massachusetts, 1972, p 73.
120 ЦГИА АрмССР, ф. 430, д. 1237, лл. 1—2.
121 Там же, л. 36.
122 Там же, лл. 36—37.
123 Там же, л. 39.
124 Там же, лл. 39—40.
125 Там же, лл. 40—41.
126 Там же, л. 41.
127 Там же, л. 42.

Глава пятая

1 **Documents...,** vol. XVII, No. 562, p. 680. (протоколы второй встречи министров иностранных дел в Кэ д'Орсэ, 23 марта 1922 г.).
2 Там же, с. 681.
3 Там же, № 746, с. 937—938 (Керзон—Гардингу, 29 августа 1922 г.).
4 Там же, № 750, с. 942 (Гардинг—Керзону, 30 августа 1922 г.).
5 Там же, с. 943.
6 См. **Documents...,** vol. XVIII, No. 41, p. 38. (заметки британского секретаря о совещании между французским председателем совета министров и британским государственным секретарем по иностранным делам в Кэ д'Орсэ, 20 сентября 1922 г.).

7 Там же, с. 43.
8 Там же.
9 Там же, с. 43—44.
10 Там же, № 64, с. 105 (Рамбольд—Керзону, 27 сентября 1922 г.).
11 См. там же, с .106.
12 Там же, № 91, с. 140 (Рамбольд—Керзону, 5 октября 1922 г.).
13 История дипломатии, т. 111, с. 307.
14 **Sonyel S. R.**, p. 185.
15 Там же, с. 185—186.
16 Documents..., vol. XVIII, No. 160, p. 236 (Керзон—Гардингу и Грэхему, 7 ноября 1922 г.).
17 Там же, № 162, с. 238 (Гардинг—Керзону, 7 ноября 1922 г.).
18 **Sonyel S. R.**, p. 190.
19 **Karacan Ali Naci**, s. 52.
20 Le Matin, 1922, 16 novembre.
21 Le Temps, 1922, 16 novembre.
22 Belleten, No. 177, Ocak 1981, s. 259.
23 Documents..., vol. XVIII, No. 209, p. 320. (Керзон—Кроуву, 20 ноября 1922).
24 Там же, № 210, с. 322.
25 Там же, № 215, с. 325—326 (Керзон—Кроуву, 23 ноября 1922 г.).
26 **Sonyel S. R.**, p. 195.
27 Documents..., vol.XVIII, No. 273, p. 386. (Керзон—Кроуву, 12 декабря 1922).
28 Там же, № 257, с. 370—371 (Керзон—Кроуву, 6 декабря 1922 г.).
29 **Sonyel S. R.**, p. 195.
30 **Чичерин Г. В.** Статьи и речи по вопросам международной политики, с. 247.
31 Documents..., vol. XVIII, No. 306, p. 127.(Керзон—Кроуву, 4 января 1923 г.).
32 Там же, № 358, с. 488—489 (Керзон—Линдсею, 1 февраля 1923 г.).
33 Там же, с. 439.
34 Там же, № 368, с. 501—502 (Кроув—Керзону, 3 февраля 1923 г.).
35 Там же.
36 **Bonnet Georges**, p. 69.
37 Там же.
38 **Sonyel S. R.**, p. 205.
39 Там же.
40 ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 1195, лл. 1—2 (на франц. яз.).
41 Полный список см. там же, лл. 2—5.
42 Армянский вопрос на Лозаннской конференции. Извлечения из протоколов. Пер. М. Т., с пред. П. Макинциана. Тифлис, 1926, с. 5.
43 Там же, с. 6.
44 Там же, с. 7.
45 Documents..., vol. XVIII, No. 275, p. 388 (Керзон—Кроуву, 13 дек. 1922 г.).
46 Армянский вопрос на Лозаннской конференции, с. 7.
47 Там же, с. 8—9.
48 Там же, с. 13. Полную речь см. Lausanne Conference on Near Eastern Affairs. 1922—1923. Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. L., 1923,

р. 191—201. В этой связи Ив Тернон метко замечает: «Это—турецкая версия, которой решительно придерживались все последующие правительства в Анкаре, версия циничная, но ценная, поскольку она отвергает всякое осуждение Иттихада за резню и избавляет их преемников от возмещения убытков». (См. Histoire des Arméniens, p. 522).

49 Армянский вопрос на Лозаннской конференции, с. 21.

50 Там же, с. 22.

51 См. Documents...., vol. XVIII, No. 274—275, p. 387—388.

52 Там же, № 294, с. 416—417 (Керзон—Исмет-паше, 26 декабря 1922 г.).

53 Там же, № 295, с. 417 (Кроув—Керзону, 27 декабря 1922 г.).

54 Там же, № 315, с. 436 (Керзон—Кроуву, 9 января 1923 г.).

55 Conférence de Lausanne («Livre Jaune»). France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Tome II, p. 17, Paris, 1923.

56 Армянский вопрос на Лозаннской конференции, с. 31.

57 Там же, с. 33—34.

58 Там же, с. 34.

59 Там же, с. 36.

60 Цит. по: **Deliorman Altan.** Türklere karşı Ermeni komitecileri.—Istanbul, 1973, s. 302.

61 **Karacan A. N.,** s. 165.

62 **Mandelstam A.,** p. 298.

63 Atatürkün söylev ve demeçleri, Cilt I, s. 229.

64 **Carzou Jean-Marie.** Un génocide exemplaire. Arménie 1915.—Paris, 1975, p. 164.

65 **Bauer Elisabeth.** Arménie. Son Histoire et son Présent.—Lausanne-Paris, 1977, p. 150.

66 «Документы внешней политики СССР», т. VI, с. 165—166.

67 Там же, с. 166—167 (копию письма Г. В. Чичерина Эдуарду Невилю и ноту советских республик на франц. яз. см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 578, лл. 3—4).

68 **Documents..., vol. XVIII, No. 397, p. 544.** (Грэхем —Керзону, 14 февраля 1923 г.).

69 Цит. по: **Sonyel S. R.,** p. 201—202.

70 Conférence de Lausanne..., t. I, p. 442—444.

71 Цит. по: **Sonyel S. R.,** p. 209.

72 Там же, с. 203.

73 О миссии полковника Луи Мужена см.: **Dumont Paul,** A l'aube du rapprochement franco-turc... Collection Turcica, Vol. I. Paris, 1981, p. 75–88

74 **Sonyel S. R., p. 203—204.**

75 Atatürk'ün söylev ve demeçleri, II (1906—1938). Ankara, 1959, s. 81—82.

76 **Sonyel S. R., p. 213.**

77 Le Matin, 1923, 4 mai.

78 **Sonyel S. R., p. 215.**

79 Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. XIV.

80 Разница в оплате тем или иным курсом была существенной. Турция ежегодно выплачивала по процентам около 9,5 млн лир. По бумажному курсу франка эта сумма составляла около 100 млн франков (в 1922 г. одна бумажная лира равнялась 10,5 бумажных франков), по золотому же курсу франка эта сумма составила бы 220 млн франков (одна золотая лира равнялась 23 золотым франкам). См. **Шамсутдинов А. М.** Национально-освободительная борьба в Турции, с. 317.

81 История дипломатии, т. III. с. 317.

82 **Sonyel S. R., p. 219.**

83 Севрский мирный договор..., с. XVII.

84 **Sonyel S. R., p. 220.**

85 Цит. по: **Миллер А. Ф.** Очерки новейшей истории Турции, с. 141.

86 Documents...,vol. XVIII, No. 600, p. 851(Рамбольд—Керзону, 11 июня 1923 г.).

87 Там же, № 635, с. 898—899 (Рамбольд—Керзону, 11 июня 1923 г.).

88 Там же, с. 899.

89 **Davison R. H.,** Turkish Diplomacy..., p. 172.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 44, с. 281.

2 **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

3 Atatürk'ün söylev ve demeçlari, cilt I, s. 229.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.—Полн. собр. соч., т. 25.

Ленин В. И. Вопрос о мире.—Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Социализм и война.—Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г.—Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. Доклад о внутреннем и внешнем положении Республики на совещании актива московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г.—Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. Речь на Московской губернской конференции РКП(б) 20 ноября 1920 г.—Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г.—Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала. 22 июня—12 июля 1921 г.—Полн. собр. соч.. т. 44.

Ленин В. И. О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии.—Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге.—Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гердиан» М. Фарбману.—Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И.—Г. В. Чичерину.—Полн. собр. соч., т. 50.

ИСТОЧНИКИ

Официально-документальные материалы

Армянский вопрос на Лозаннской конференции. Извлечение из протоколов. (Пер. М. Т., с предисл. П. Макинциана. Тифлис: Заккнига, 1926.—VIII, 36 с.

Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. 2-е, доп. изд. /Составители: М. Г. Нерсисян, Р. Г. Саакян. Под ред. М. Г. Нерсисяна.—Ереван: Айастан, 1982.—684 с.

Декрет «О Турецкой Армении».—В кн.: Документы внешней политики СССР, т. 1,—М.: Госполитиздат, 1957.

Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат. Т. I, 1957.—734 с. Т. II, 1958.—770 с. Т. III, 1959.—688 с. Т. IV. 1960.—804 с. Т. V, 1961.—774 с. Т. VI, 1962.—638 с.

Ключников Ю. В. и **Сабанин Андрей.** Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М.: Литиздат НКИД, 1926.—V, 436 с. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции: вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств.—М.: Литиздат НКИД, 1929.—367 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878—1917 гг. Серия III, 1914—1917 гг., т. VII, ч. 2.—М.—Л.: Соцэкгиз, 1935.—535 с.

Постановления IV Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Пг.—М., 1922.

Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова.—М.: Литиздат НКИД, 1924.—383 с. (Европейские державы и Турция во время мировой войны).

Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. /Полный перевод с франц. текста под ред. А. В. Сабанина. М.: Литиздат НКИД, 1927.—303 с.

Հայաստանը միջազգային դիվանագիտության և սովետական արտաքին քաղաքականության փաստաթղթերում (1828—1923)։ Կազմեցին Զ. Ս. Կիրակոսյանը և Ռ. Գ. Սահակյանը։ Պրոֆ. Զ. Ս. Կիրակոսյանի խմբագրությամբ։ Երևան, «Հայաստան», 1972, 793 էջ։

Aide-Mémoire sur les droits des minorités en Turquie, présenté aux représentants des membres de la Société des Nations.—Constantinople: Soc. d'imprimerie, 1922.—43 p.

Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1919. Tome unique. P., 1920; Session ordinaire de 1920. Tome I et II. P., 1921; Session extraordinaire de 1920, tome unique. P., 1921; Session ordinaire de 1921. Tome premier, deuxième partie. P., 1921; Session extraordinaire de 1921, tome unique. P., 1922; Session ordinaire de 1922. Tome 1er. P., 1922, tome II, P., 1923.

L'Arménie et la question arménienne. Avant, pendant et depuis la guerre.—H. Turabian, éditeur. Paris, 1922.—137 p.

Atatürkün söylev ve demeçleri, Cilt I, T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. Kurultaylarında (1919—1938).—Istanbul, 1945.

Atatürkün söylev ve demeçleri, II (1906—1938). Ikinci baskı.—Ankara: Türk Tarih Kurumu basımevi, 1959.—289 s.

Les capitulations. Publ. par le Bureau de presse de la délégation turque.—Lausanne: Imprimerie Henri Held, 1922.—16 p.

Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First series. Ed. by E. L. Woodward and Cohan Butler. Volumes 1, 2, 3, 4, 8, 13, 15, 17, 18, 19, 21.—London: Her Majesty's Stationery Office, 1947—1978.

Les grandes puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914—1918). Documents réunis et présentés par Arthur Beylerian. Préface de Jean-Baptiste Duroselle. Paris: Publications de la Sorbonne, 1983.—LXIV, 792 p.

La guerre de l'indépendance turque. Publiée par la Direction Générale de la Presse au Ministère de l'interieur.—Ankara: Imprimerie d'Etat, 1937.

Conférence de Lausanne («Livre jaune»). France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Tome II. Paris, 1923.

Lausanne Conference on Eastern Affairs. 1922—1923. Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London, 1923.

The Lausanne Treaty. Turkey and Armenia.—New York: The American Committee opposed to the Lausanne Treaty, 1926.—204 p.

Ministère des Armées. Guide bibliographique sommaire d'histoire militaire et coloniale française.—Paris: Imprimerie Nationale, 1969.—517 p.

Papers relating to the foreign relations of the United States 1920 (in three volumes). Vol. III.—Washington: United States Governement Printing Office, 1936.

Papers relating to the foreign relations of the United States 1923 (in two volumes).—Volume II.—Washington: United States Governement Printing Office, 1938.

Tarih. Cilt IV. Türkiye Cumhuriyeti.—Istanbul: Devlet Matbaası, 1934.—390 s.

Архивные материалы

Центральный государственный исторический архив

(ЦГИА) Армянской ССР

Фонд 57 (Канцелярия католикоса всех армян), оп. 2, д. 838. л. 2—3 (письмо председателя Армянской национальной делегации в Париже Погоса Нупара киликийскому армянскому католикосу. 3 сент. 1920 г., на арм. яз.).

Фонд 57, оп. 2, д. 838, л. 22—25 (письмо Погоса Нупара киликийскому католикосу, 21 окт. 1920 г., на арм. яз.).

Фонд 200 (Министерство иностранных дел Республики Армении), опись 1. д. 546, л. 3—5 (письмо генерала Дюфио председателю армянского национального союза Вардапетяну и представителю Армянской национальной делегации в Киликии М. Дамадяну. 3 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 32—33 (письмо генерала Дюфио Дамадяну, 29 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 16—19 (телеграмма константинопольского армянского патриарха председателю совета министров Франции Мильерану. 26 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 20 (телеграмма Мильерана патриарху Завену. 27 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 23—29 (письмо аббата П. Палдж*яна Дамадяну. 28 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 30—31 (письмо глав трех армянских религиозных общин французскому верховному комиссару в Константинополе. 28 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 32—33 (письмо генерала Дюфио Дамадяну, 29 февр. 1920 г. ,на на франц. яз.).

д. 546, л. 34—42 (докладная записка архиепископа Мушега. 2 марта 1920 г., на франц. яз.).

д. 546, л. 50 (телеграмма глав трех армянских религиозных общин Константинополя председателю совета министров Франции. 11 марта 1920 г., на франц. яз.).

Фонд 205 (Министерство призрения Республики Армении), оп. 1.

д. 780, л. 67—74 (письмо Дамадяна патриарху Завену. 30 июля 1919 г., на арм. яз.).

Фонд 408 (коллекция документов о деятельности социал-демократической гнчакской партии), оп. 1.

д. 124, л. 1—2 (письмо представителя гнчакской партии в Сисе Армагана деятелю этой партии Вагану Жамкочяну. 19 марта 1920 г., на арм. яз.).

д. 139, л. 1—5 (письмо редактора газ. «Таврос» исполнительному комитету гнчакской партии в США. 14 июля 1920 г., на арм. яз.).

д. 142, л. 2—4 (письмо аданского правления гнчакской партии. 9 авг. 1920 г., на арм. яз.).

д. 142. л. 12 (письмо аданского правления гнчакской партии руководству этой партии в США (Чикаго). 1 дек. 1920 г., на арм. яз.).

д. 142, л. 13—16 (письмо хаджинского правления гнчакской партии руководству этой партии в Адане. 10 дек. 1920 г., на арм. яз.).

д. 142, л. 17—17об (письмо аданского правления гнчакской партии руководству этой партии в США, на арм. яз.).

Фонд 430 (Армянская национальная делегация в Париже), оп. 1.

д. 58, л. 8—37 (информация об отчете Армянской национальной делегации, представленная Аршаком Чопаняном 21 мая 1920 г., на франц. яз.).

д. 63, л. 13—25 (протоколы заседаний армянского национального съезда в Париже. 11—12 июня 1920 г. Рукопись, на арм. яз.).

д. 79, л. 8—9 (программа Армянской национальной делегации по вопросу о Киликии. Окончательный текст. Эвиан, 5 сент. 1920 г., на франц. яз.).

д. 176, л. 1—83 (история армянского вопроса, составленная А. Чопаняном, на франц. яз.).

д. 298, л. 4—7 (ответное письмо Дамадяна полковнику Бремону. 14 марта 1920 г., на франц. яз.).

д. 298. л. 1—2 (письмо Дамадяна Бремону, 15 марта 1920 г., на франц. яз.).

д. 300, л. 1—10 (письмо М. Дамадяна в Армянскую патриархию в Константинополе, 10 мая 1920 г., на арм. яз.).

д. 300а, л. 5 (телеграмма М. Дамадяна Армянской национальной делегации в Париже. 24 окт. 1920 г., на франц. яз.).

д. 374, л. 1—2 (письмо Погоса Нупара Аршаку Чопаняну, 21 авг. 1920 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 2—7 (письмо А. Чопаняна Роберу де Кэ, январь 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 8—11 (письмо А. Чопаняна генералу Дюфио, 8 янв. 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 12—19 (письмо А. Чопаняна французскому верховному комиссару, 15 марта 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 20—32 (письмо А. Чопаняна Рене Пинону, Белле, Виктору Берару, апрель 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 40—42 (письмо А. Чопаняна полковнику Петтла, 5 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 43—46 (письмо А. Чопаняна Виктору Берару, 7 мая 1921 г., на франц. яз.).

д. 378, л. 45—47 (письмо А. Чопаняна генералу Гуро, 13 июня 1921 г., на франц. яз.).

д. 392, л. 1—7 (письмо А. Чопаняна председателю Армянской национальной делегации в Париже, 5 дек. 1921 г., на арм. яз.).

д. 421, л. 3 (письмо бюро второго съезда западных армян в адрес Парижской мирной конференции, 15 февр. 1919 г., на франц. яз.).

д. 487, л. 1—3 (сообщение о манифестации, организованной Лигой прав человека в Париже 27 мая 1922 г., на франц. яз.).

д. 487, л. 4—5 (отчет о конференции, организованной Лигой прав человека 4 июля 1922 г., на франц. яз.).

д. 542, л. 2 (заявление киликийского армянского католикоса 30 авг. 1922 г., на франц. яз.).

д. 578, л. 3—4 (письмо Г. Чичерина президенту международной филармянской лиги Эдуарду Невиллю. 26 янв. 1923 г., на франц. яз.).

д 713, л. 16—18 (памятная записка предводителей трех армянских религиозных общин Константинополя, адресованная французскому верховному комиссару, 14 ноября 1921 г., на франц. яз.).

д. 713, л. 1 (письмо глав трех армянских религиозных общин французскому верховному комиссару в Константинополе, 29 авг. 1919 г., на франц. яз.).

д. 713, л. 2—3 (телеграмма патриарха Завена председателю совета министров Франции Мильерану, 27 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 713, л. 13—15 (письмо предводителей трех армянских религиозных общин французскому верховному комиссару в Константинополе, 14 окт. 1921 г., на франц. яз.).

д. 726, л. 9—10об. (письмо Погоса Нупара патриарху Завену, 18 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 726, л. 39—40 (письмо Погоса Нупара патриарху Завену, 23 мая 1921 г., на франц. яз.).

д. 726, л. 60—64 (письмо Погоса Нупара патриарху Завену, 30 июня 1921 г., на франц. яз.).

д. 726, л. 65—66об. (письмо Погоса Нупара патриарху Завену, 30 июня 1921 г., на франц. яз.).

д. 730, л. 3 (телеграмма Армянского смешанного совета трех религиозных общин Совету Лиги наций, 3 сент. 1921 г., на франц. яз.).

д. 730, л. 9 (телеграмма Смешанного армянского совета Совету Лиги наций, 16 ноября 1921 г., на франц. яз.).

д. 730, л. 10—16 (письмо Смешанного армянского совета председателю совета министров Франции и верховным комиссарам союзников в Константинополе, 4 июня 1922 г., на англ. яз.).

д. 743, л. 64—66 (письмо Погоса Нупара патриарху Завену 18 ноября 1922 г., на арм. яз.).

д. 792, л. 2 (телеграмма армянского национального союза Халеба французскому парламенту, 16 ноября 1921 г., на франц. яз.).

д. 811, лл. 17—21 (текст декларации о провозглашении независимости Киликии от 4 августа 1920 года, на франц. яз.).

д. 812, л. 8—9 (письмо киликийского католикоса Саака II председателю совета министров Франции А. Бриану, 19 марта 1921 г., на франц яз.).

д. 817, л. 2—18 (докладная записка архиепископа Мушега председателю Армянской национальной делегации в Париже об обстановке в Киликии, 20 янв. 1920 г., на франц. яз.).

д. 819, л. 1—3 (письмо представителей Хаджина в константинопольскую армянскую патриархию, 10 марта 1920 г., на франц. яз.).

д. 822, л. 25—40 (сообщение Армянского национального союза Киликии о последних событиях в Мараше, на франц. яз.).

д. 823, л. 4—10 (письмо Национального союза армян Урфы председателю Армянского национального союза Киликии, 20 апреля 1920 г., на франц. яз.).

д. 824, л. 1—5 (письмо руководства Армянского национального союза Айнтаба Погосу Нупару, 28 апреля 1920 г., рукопись, на арм. яз.).

д. 828, л. 35—37 (письмо киликийского католикоса Саака Погосу Нупару, 5 июля 1921 г., на франц. яз.).

д. 828, л. 31—33 (письмо киликийского католикоса Саака Погосу Нупару, 14 июня 1921 г., на франц. яз.).

д. 828, л. 34—35 (письмо Погоса Нупара киликийскому католикосу Сааку, 15 июня 1921 г., на франц. яз.).

д. 829, л. 10 (телеграмма киликийского католикоса Саака генералу Дюфио, 21 марта 1921 г., на франц. яз.).

д. 839, л. 7—8 (письмо армянского национального союза Мерсина Погосу Нупару, 28 июля 1921 г., рукопись, на арм. яз.).

д. 831, л. 18—21 (письмо Армянского национального союза Мерсина Погосу Нупару, 25 октября 1920 г., рукопись, на арм. яз.).

д. 831, л. 27—29 (письмо Армянского национального союза Мерсина Погосу Нупару, 30 окт. 1920 г., на франц. яз.).

д. 832, л. 8 (телеграмма глав христианских общин Аданы Погосу Нупару, 11 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 832, л. 9 (телеграмма глав армянских религиозных общин Аданы Армянской национальной делегации, 10 мая 1921 г., на франц. яз.).

д. 833, л. 2—14 (памятная записка Армянского национального союза Аданы. Сентябрь 1920 г., рукопись, на арм. яз.).

д. 834, л. 15—32 (отчет лейтенанта Шишманяна Погосу Нупару, 15 дек. 1920 г., на франц. яз.).

д. 835, л. 3—4 (письмо Э. Думерга А. Чопаняну. 19 февраля 1922 г., на франц. яз.).

д. 844, л. 1 (письмо викария армянской церкви в Айнтабе Н. Тавукчяна председателю совета министров Франции А. Бриану, 16 ноября 1921 г., на франц. яз.).

д. 1123, л. 2—3 (письмо Армянской национальной делегации в Париже председателю совета министров Франции Р. Пуанкаре. 5 сент. 1922 г., на франц. яз.).

д. 1135, л. 44—47 (письмо депутата М. Абера председателю совета министров Франции А. Бриану, 17 декабря 1921 г., на франц. яз.).

д. 1156, л. 2 (телеграмма Погоса Нупара и А. Агароняна председателю совета министров Франции А. Мильерану. 27 февр. 1920 г., на франц. яз.).

д. 1156, л. 3 (телеграмма Погоса Нупара и А. Агароняна Мильерану, март 1920 г., на франц. яз.).

д. 1156, л. 5—10 (письмо Погоса Нупара А. Мильерану, 6 марта 1920 г., на франц. яз.).

д. 1158, л. 42—45 (записка Армянской национальной делегации в Париже, направленная генералу Гуро 1 апреля 1922 г., на франц. яз.).

д. 1158, 54—58 (записка, переданная генералу Гуро Г. Норатункяном, 17 февр. 1923 г., на франц. яз.).

д. 1158, л. 59 (телеграмма председателя Армянской национальной делегации в Париже французскому верховному комиссару в Сирии генералу Вейгану 26 апреля 1923 г., на франц. яз.).

д. 1163, л. 6—11 (письмо Погоса Нупара сенатору Виктору Берару, 9 дек. 1920 г., на франц. яз.).

д. 1165, л. 1—2 (письмо генерального секретаря МИД Франции П. Нупару, 11 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 1165, л. 11—15 (меморандум Армянской национальной делегации в Париже, врученный генеральному секретарю МИД Франции А. Каммереру, 29 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 1165, л. 20—22 (беседа А. Каммерера с членом Армянской национальной делегации Малькомом, 19 июля 1921 г., на франц. яз.).

д. 1165, л. 23 (запись встречи зам. министра иностранных дел Франции Перетти де ла Рокка с Г. Норатункяном, 25 июля 1921 г., на арм. яз.).

д. 1165, л. 25—27 (письмо П. Нупара председателю совета министров Франции А. Бриану, 9 авг. 1921 года, на франц. яз.).

д. 1167, л. 1—5 (о судьбе киликийских армян в связи с заключением франко-турецкого соглашения от 9 марта 1921 г., Париж, 2 апреля 1921 г., на франц. яз.).

д. 1175, л. 3—5 (обращение генерала Гуро к жителям Киликии, Айнтаба и Килиса, 9 ноября 1921 г., на арм. яз.).

д. 1177, л. 3—7 (запись встречи А. Франклен-Буйона с членами Армянской национальной делегации в Париже, 7 ноября 1921 г., на арм. яз).

д. 1189, 2—4 (письмо П. Нупара Р. Пуанкаре, 5 апреля 1922 г., на франц. яз.).

д. 1189, л. 7—8 (письмо председателя Армянской национальной делегации Р. Пуанкаре, 13 мая 1922 г., на франц. яз.).

д. 1189, л. 9 (письмо представителя МИД Франции председателю Армянской национальной делегации, 2 июня 1922 г., на франц. яз.).

д. 1189, л. 10—12 (письмо председателя Армянской национальной делегации Р. Пуанкаре, 8 июля 1922 года, на франц. яз.).

д. 1189, л. 15—16 (письмо председателя Армянской национальной делегации Р. Пуанкаре, 3 окт. 1922 года, на франц. яз.).

д. 1189, л. 19—20 (письмо Р. Пуанкаре председателю Армянской национальной делегации Г. Норатункяну, 23 окт. 1922 г., на франц. яз.).

д. 1189, л. 21—21об (письмо министра внутренних дел Франции председателю Армянской национальной делегации, 14 ноября 1922 г., на франц. яз.).

д. 1195, л. 1—5 (воззвание представителей французской общественности, адресованное Лозаннской мирной конференции, 8 дек. 1922 г., на франц. яз.).

д. 1237, л. 1—2 (письмо президента международной филармянской лиги Эдуарда Невилля председателю Совета Лиги наций, 12 янв. 1922, на франц. яз.).

д. 1237, л. 12—16 (заявление представителя Франции Г. Аното на Совете Лиги наций, 14 янв. 1922 года, на франц. яз.).

д. 1237, л. 36—38 (выдержка из протокола 16-й сессии Совета Лиги наций, 14 янв. 1922 г., на франц. яз.).

д. 1237, л. 42 (резолюция Совета Лиги наций от 14 января 1922 г., на франц. яз.).

д. 1237, л. 43 (коммюнике Совета Лиги наций. 1 мая 1922 г., на франц. яз.).

д. 1237, л. 44—45 (протокол 19-й сессии Совета Лиги наций, 9-го (частного) заседания, состоявшегося в Лондоне 21 июля 1922 г., на франц яз.).

д. 1237, л. 48—53 (памятная записка по армянскому вопросу, представленная Лозаннской мирной конференции объединенной армянской делегацией 30 ноября 1922 г., на франц. яз.).

д. 1237, л. 57—58 (письмо объединенной армянской делегации генеральному секретарю Лиги наций, 30 ноября 1922 г., на франц. яз.).

д. 1366, л. 1—26 (информация объединенной армянской делегации «Наша работа в связи с Лозаннской конференцией». 6 дек. 1922 г., на арм. яз.).

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР) СССР

Фонд 391, оп. 2, ед. хр. 7б, л. 440—441 (пер. статьи из газ. «Таймс»).
Фонд 391, оп. 2, ед. хр. 7б, л. 449 (пер из газ. «Обсервер»).

Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ)

Фонд Р-1, оп. 3, д. 1589, л. 153 (информация о выступлении депутата от Битлиса Юсуф Зия-бея на заседании ВНСТ 3 ноября 1922 г.).

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Азербайджанской ССР

Фонд 6, оп. 1, ед. хр. 230, л. 191 (пер. статьи из газ. «Илери» от 11 ноября 1921 г.).
Фонд 28, оп. 1, ед. хр. 68, л. 21 (информация о переговорах А. Франклен-Буйона с М. Кемалем).

Научно-исследовательский институт древних рукописей— Матенадаран им. Маштоца

Архив Аршака Алпояджяна, папка 14, док. 29, л. 1—24 (записка епископа Петроса Сараджяна «Почему отступил и пал Хаджин», на арм. яз.).

Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца Министерства культуры Армянской ССР

Архив Аршака Чопаняна, раздел IV, № 389, 392 (коллекция писем на франц. яз.).
Архив Запел Есаян, № 32—37, 286—289, 294 (докладная записка о поездке в Киликию на арм. яз. и письма полковнику Бремону и другим лицам, на франц. яз.).

Периодическая печать

Бюллетень НКИД. 1919—1922.
Вестник НКИД. 1921—1922.
Известия. 1918—1923.
Международная жизнь. 1921—1923.
Новый Восток. 1922—1923.
Правда. 1918—1923.

Արձագանք Փարիզի, 1919—1922։ Փարիզ։
Արեվելեան մամուլ, 1920—1921։ Իզմիր։
Երկիր, 1919—1922։ Կ. Պոլիս։
Ժողովուրդի ձայնը, 1919—1922։ Կ. Պոլիս։
Կարմիր աստղ, 1920—1922։ Թիֆլիս։
Կիլիկիա, 1919։ Ադանա։
Հայ ձայն, 1919։ Ադանա։
Ճակատամարտ, 1919—1921։ Կ. Պոլիս։
Մշակ, 1920—1921։ Թիֆլիս։
Նոր Հաչըն, 1954—1966։ Բուենոս Այրես։
Տավրոս, 1919—1920։ Ադանա։
L'Asie française, 1918—1923. Paris.
Belleten. TTK, 1973—1983. Ankara.
L'Europe Nouvelle, 1919—1922. Paris.
L'Humanité, 1921—1923. Paris.
Journal des Débats, 1919—1922. Paris.
The Orient News, 1921. Constantinople.
Le Réveil, 1921—1922. Constantinople.
La Revue des deux mondes, 1919—1922. Paris.
Stamboul, 1921—1922. Constantinople.
Le Temps, 1920—1921. Paris.
Tarih mecmuası, Mart, Temmuz 1968. Ankara.
Le Matin, 1921. Paris.
L'Information, 1921—1922. Paris.
Cahiers du communisme, 1978—1982. Paris.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов С. С. Положение национальных меньшинств в Турции. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963.—169 с.

Адамов Е. А. Турция и великие державы.—Международная жизнь, 1923, № 1.

Азимов Т. В. Турция в международных отношениях 1918—1922 гг.—Автореф. дисс... кандидата ист. наук. Киев, 1965,—18 с.

Акопян С. М. Западная Армения в планах империалистических держав в период первой мировой войны. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967.—262 с.

Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М.: Изд-во ИМО, 1960.—221 с.

Астахов Г. От султаната к демократической Турции. Очерки по истории кемализма. М.—Л.: Госиздат, 1926.—VIII, 152 с.

Багиров Ю. А. Турция на Лозаннской конференции. Баку: Изд-во АН АзССР, 1957.—180 с. (на азерб. яз.).

Библиография Востока. Вып. I. История (1917—1925). Под общей ред. проф. Д. И. Егорова. М., 1928.—300 с.

Библиография Турции. Литература на русском языке (1917—1975 гг.)/Сост. А. К. Сверчевская, Т. П. Черман. М.: Наука, 1982.—736 с.

Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914). Очерки дипломатической борьбы за Ближний Восток. Киев: Наукова думка, 1964.—480 с.

Борисов Ю. В. Новейшая история Франции. 1917—1964. М.: Просвещение, 1966.—256 с.

Бутаев И. Национальная революция на Востоке. Проблема Турции. Л.: Прибой, 1925.—214 с.

Водовозов В. В. Версальный мир и Лига наций. Пг.: Мысль, 1922.—93 с.

Гасратян М. Л., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции.— М.: Наука, 1983.—293 с.

Гигинейшвили О. И. Кемалистский принцип национализма.—В кн.: Новая и новейшая история стран Ближнего Востока. Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1983, с. 142—157 (на груз. яз, резюме на русск. яз.).

Гранкур К. Тактика на Ближнем Востоке. - М.—Л., 1928.

Гурко-Кряжин В. А. История революции в Турции. М.: Мир, 1923.—196 с.

Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и Державы. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925.—244 с.

Гурко-Кряжин В. А. Возникновение национально-освободительного движения в Турции. Обзор источников 1919—1928.— Новый Восток, 1928, № 23—24, с. 268—275.

Епископосов Г. Л. Современная эпоха и «переоценка ценностей» в буржуазной идеологии. М.: МГУ, 1983.—101 с.

Желтяков А. Д. Национально-освободительная борьба турецкого крестьянства юго-восточной Анатолии в 1918—1920 гг.—Вестник ЛГУ, 1957, № 8, серия истории, языка и литературы, вып. 2.

Желтяков А. Д. Антифранцузское восстание в Мараше в 1920 году (к истории антиимпериалистической борьбы в городах Юго-Восточной Анатолии в 1919—1921 гг.).—Уч. записки ЛГУ, 1962, № 304, серия востоковедч. наук, вып. 14.

Иванов Л. Англо-французское соперничество 1919—1927 гг. М.—Л.: ГИЗ, 1928.—164 с.

История дипломатии. Т. III. /Под ред. А. А. Громыко и др. - М.: Изд-во полит. лит., 1965.

История Франции в трех томах. /Ред. колл.: Манфред А. З. и др. Т. 3.—М.: Наука, 1973,—593 с.

Кайзер Ж. Европа и новая Турция. Пер. с франц. М.: Госиздат, 1920, 79 с.

Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 1. Первые шаги национально-освободительного движения. 1919. М.: Госиздат, 1929.—XVIII, 480 с. Т. II. Подготовка Ангорской базы. 1919—1920. М.: Литиздат НКИД, 1932.— 416 с. Т. III. Интервенция союзников, греко-турецкая война и консолидация национального фронта. 1920—1921. М.: Соцэкгиз, 1934.—VII, 460 с. Т. IV. Победа новой Турции (1921—1927). М.: Соцэкгиз, 1934.—VIII, 571 с.

Кемаль Ататюрк. Избранные речи и выступления. /Пер. с турецкого. Ред. и вступ. статья А. Ф. Миллера. М.: Прогресс, 1966—439 с.

Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны. - Ереван: Изд-во ЕГУ, 1971.—476 с.

Кондакчян Р. П. Зарубежные армянские авторы о Турции (1920—1970).—В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. X. Турция. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979, (на арм. яз., резюме на русск. яз.).

Кондакчян Р. П. Турция: внутренняя политика и ислам. - Ереван: Изд-во АН АрмССР ,1983.—237 с.

Корниенко Р. П. Из истории Коммунистической партии Турции (1920—1922).— В кн.: Турция. История, экономика, политика. М.: Наука, 1984.

Кротков В. Ближневосточный компромисс.—Международная жизнь, 1922, № 7.

Кротков В. Права национальных меньшинств на Лозаннской конференции.— Международная жизнь, 1923, № 1.

Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.). М.: Изд-во вост. лит., 1960.—245 с.

Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. - М.: Госполитиздат, 1947.—487 с.

Лирау Вальтер. Новая Турция, ее экономическое состояние и виды на будущее. Пер. с немецк. М.—Л., 1924.

Ллойд Джордж. Военные мемуары. /Пер. с англ. И. Звавича. Т. VI М.: Соцэкгиз, 1938.—251 с.

Ллойд Джордж Дэвид. Правда о мирных договорах. Т. II. /Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.—546 с.

Люксембург М. А. Французская коммунистическая партия и движение в защиту мира (1921—1923 гг.).—Французский ежегодник. - М., 1960.

Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1952.—536 с.

Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948.—277 с.

Миллер А. Ф. Чанакский кризис и вопрос о Проливах.—В кн.: Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М.: Наука, 1983.

Мясникян А. Ф. (Мясников). Из документов дашнакцутюн.—В кн.: Избр. произв. Ереван: Айастан, 1965.

Мясникян А. Ф. Армянские политические партии за рубежом.—В кн.: Избр. произв. - Ереван: Айастан, 1965.

Новейшая история Турции. /Ред. колл.: М. А. Гасратян и др. Отв. ред. А. М. Шамсутдинов. -М.: Наука, 1968.—393 с.

Новичев А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время. М.: Изд-во восточн. лит., 1959.—289 с.

Новичев А. Д. Турция. Краткая история. - М.: Наука, 1965.—266 с.

Павлович Мих. Кемалистское движение в Турции.—Красная новь, 1921, № 1.

Павлович Мих. Лозаннская конференция.—Новый Восток, 1923, № 3.

Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М.: Мысль, 1983. 315 с.

Пуанкаре Раймонд. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. /Пер. с франц. т. II. М.: Соцэкгиз, 1936—424 с.

Рубинский Ю. И. Тревожные годы Франции. М.: Мысль, 1973. 454 с.

Саакян Р. Г. Некоторые вопросы советско-турецких отношений 1920—1923 гг. в современной турецкой литературе.—Краткие сообщения Института народов Азии, т. 73. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Саакян Р. Г. Геноцид армян в оценке передовой общественности.—Известия АН АрмССР, обществ. науки, 1965, № 4.

Саакян Р. Г. Об освещении некоторых вопросов новой и новейшей истории Турции.—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1966, № 12.

Саакян Р. Г. Ценное исследование: рецензия на книгу О. И. Гигинейшвили «Пантюркизм и внешняя политика Османской империи» (Тбилиси: Цодна, 1963, 210 с., на груз. яз.).—Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1967, № 7.

Саакян Р. Г. Рецензия на книгу: Лорд Кинросс. Ататюрк (Лондон, 1965.—532 с.).—Вестник обществ. наук АН Арм. ССР, 1968, № 3.

Саакян Р. Г. Рецензия на книгу: Ульрих Трумпенер. Германия и Османская империя в 1914—1918 гг. (Принстон, США, 1968.—433 с.). Вестник общественных наук АН АрмССР, 1969, № 12.

Саакян Р. Г. Франко-турецкие дипломатические контакты в 1920 году.—В кн.: Вопросы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Саакян Р. Г. Рецензия на книгу: Дж. Киракосян. Западная Армения в годы первой мировой войны (Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1971. 476 с.).—Народы Азии и Африки, 1975, № 2 (соавтор Г. А. Арутюнов).

Саакян Р. Г. О турецко-французских дипломатических контактах в 1919—1920 гг.—В кн.: Турция: история, экономика. М.: Наука, 1978.

Саакян Р. Г. К оценке французской политики в Киликии в 1918—1922 гг.—Историко-филологический журнал АН Арм. ССР (ИФЖ), Ереван, 1983, № 4.

Саакян Р. Г. Анкарский договор 1921 года и судьба киликийских армян.—ИФЖ, 1984, № 2.

Саакян Р. Г. Из истории освободительной борьбы киликийских армян (героическая самооборона Хаджина в 1920 г.).—ИФЖ, 1985, № 1.

Саакян Р. Г. Франция и Турция в Лозанне.—В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XII. Турция. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985.

Сандомирский Г. Франция на Востоке.—Вестник НКИД, 1921, № 1—2.

Сандомирский Г. Два узла международной политики.—Вестник НКИД, 1921, № 5—6.

Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962. 495 с.

Саркисян Е. К. Монография о национально-освободительной борьбе в Турции (1918—1923 гг.)—Вестник архивов Армении, 1967, № 1.

Сокольский Н. Очерки современной Турции. Издание Заккрайкома РКП, 1923.—IV, 205 с.

Сперанский А. Ф. Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны.—Новый Восток, 1922, № 2.

Табагуа И. Вопрос о Батуми на конференции Сан-Ремо (1920 г.). Журнал «Мацнэ», Тбилиси, 1982, № 3 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Торосян Ш. Т. Общественно-политическая жизнь киликийских армян в 1919—1920 гг.—Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1969. 25 с.

Филипенко Д. А. Турецко-французские отношения в период национально-освободительной войны в Турции (1918—1922 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1964. 28 с.

Французские интересы в Турции.—Новый Восток, 1923, № 3, (пер. статьи из газ. «Clarté» от 15 окт. 1922 г.).

Фрунзе М. В. Поездка в Ангору.—Собр. соч., т. 1. М.—Л.: Госиздат, 1929.

Фрунзе М. В. По ту сторону Черного моря.—Собр. соч., т. 1, М.—Л., Госиздат, 1929.

Фрунзе М. В. Доклад о поездке в Ангору на объединенном заседании Совнаркома и ЦИК Украины.—Собр. соч., т. I. М.—Л., Госиздат, 1929.

Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921—1927. М., Наука, 1968.—326 с.

Хейфец А. Н., Шаститко П. М. В. И. Ленин и становление советского востоковедения.—В кн.: Становление советского востоковедения (сб. статей). М.: Наука, 1983.

Хуршудян Л. А. Материалы декрета Совета народных комиссаров Советской России о «Турецкой Армении».—Вестник архивов Армении, 1981, № 2.

Черкасов П. П. Судьба Империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI—XX вв. М.: Наука, 1983, 183 с.

Чичерин Г. В. Два года внешней политики Советской России.—В кн.: Статьи и речи во вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961.

Чичерин Г. В. Доклад на заседании ВЦИК.—В кн.: Статьи и речи по вопросам международной политики.

Чичерин Г. В. Год восточной политики Советской власти.—В кн.: Статьи и речи по вопросам международной политики.

Чичерин Г. В. Интервью корреспонденту газеты «Юманите». 24 июля 1921 г.—Документы внешней политики СССР, т. IV. М.: Госполитиздат, 1960.

Чичерин Г. В. Беседа с сотрудником «Известий ВЦИК» 7 октября 1922 г.—В кн.: Статьи и речи по вопросам международной политики.

Чичерин Г. В. Лозаннская конференция и мировое положение.—В кн.: Статьи и речи по вопросам международной политики.

Чохели А. И. Политика Франции в отношении Грузии в 1917—1921 годах. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 174 с.

Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг. М.: Наука, 1966. 357 с.

Шамсутдинов А. М. Роль народных масс в национально-освободительной борь-

бе в Турции в 1919—1922 гг. В кн.: Новая и новейшая история стран Ближнего Востока. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Эфендиева Н. З. Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии (1919—1921 гг.).- Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. 157 с.

Ярославский Ем. Не просчитайтесь, господа кемалисты.—Правда, 1923, 4 февраля.

* *
*

Ադամեան Դավիթ. *Կիլիկեան դրուագներ։ Ծընտըճաքի հերոսամարտը (հուշատետրեւ քանի մը էջ)։ Փարիզ, տպագր. Ներսես, 1921, 40 էջ։*

Աթաճեսեան Ա. *Կիլիկիո մոտավոր անցեալեն (պատմական ակնարկ)։ Առաջաբան և նոթեր Մ. Ս. Դավիթ Բեկի։ Փարիզ, տպ. Յ. Թյուրապեան, 1937, 74 էջ։*

Ալաջաջյան Ստեփան. *Եղեռները չխոնարհվեցին. Ա գիրք, Երևան, 1966, Բ գիրք, Երեվան, 1967։*

Աղայան Մ. Պ. *Մեծ հոկտեմբերը և հայ ժողովրդի ազատագրումը։ Երևան, 1957։*

Աղասի. *Զեյթուն և իր շրջակաները։ Նկարագրություն աշխարհագրական, պատմական և պատերազմական Ռուբինեան թագավորութեան անկումեն մինչև մեր օրերը։ Պեյրութ, տպ. Շիրակ, 1968, 415 էջ։*

Անդրեասեան Տ. *Զեյթունի տարագրությունը և Սվեդիո ապստամբությունը։ Բ. տպ. Հալեպ, տպ. Գոլեճ, 1935, 118 էջ։*

Ավետեան Մ. *Հայ ազատագրական ազգային հիսնամեա (1870—1920) հուշամատեան և ղորավար Անդրանիկ։ Փարիզ, տպ. «Le Soleil», 1954, 508 էջ։*

Ադանայի հայոց պատմություն։ Խմբագրեց Բյուզանդ Եղիայան։ Տպ. Կաթողիկոսութեան Հայոց Մեծի տանն Կիլիկիո։ Անթիլիաս, Լիբանան, 1970, 1060 էջ։

Աւտմ Ասպետ. *Դրվագներ Հաճնո հերոսամարտեն և հերոսին ողիսականը։ Պեյրութ, տպ. Տոնիկյան, 1961, 324 էջ։*

Աւտաբա։ *Նվիրված Արարայի հինգերորդ տարեդարձին։ Հրատ. Հայոց լեգեոնական միութեան, Պոստոն, 1923։*

Աւգումանյան Մ. Վ. *Արհավիրքից վերածնունդ։ «Հայաստան» հրատ., 1973, 581 էջ։*

Գալոյան Գ. Ս. *Պատմության քառուղիներում։ Ազատագրված ժողովրդի վերածնունդը։ «Հայաստան» հրատ., 1982, 460 էջ։*

Գաւամաճուկյան Ս. *Հայկական լեգեոնը պատմական, իրավական ու քաղաքական հարցերու լույսին տակ և վավերագրեր։ Առանձնատիպ Հայկազեան հայագիտական հանդեսի ե հատորեն։ Խմբ. ե. Քաւունի։ Պեյրութ, 1974։*

Գրաճեան Աբ. *Հաճընի հերոսամարտի տեղը հայ ազատագրական պատմության մեջ։ Նոր Հաճընն պատմագիրք։ Պուէնոս Այրես, տպ. Արարատ, 1974։*

Դարբինեան Արտակ. *Հայ ազատագրական շարժման օրերեն (հուշեր 1890-ական 1940)։ Փարիզ, տպ. Արաքս, 1947, 449 էջ։*

Դյուցազնական Ուրֆան և իր հայորդիները։ *Աշխատասիրեց Արամ Սահակյան։ Պեյրութ, տպ. Աւտլաս, 1955, 1368 էջ։*

Նափուճեան Ավետիս. *Հայ ժողովուրդին անկախութեան պայքարը Կիլիկիո մեջ 1919—1921 թթ. Գահիրե, 1977, 1591 էջ։*

Եսայան Ա.. Ա. *Հայաստանի միջազգային-իրավական դրությունը. 1920—1922։ Երևան, «Միտք» հրատ., 1967, 429 էջ։*

Ջատկի Հառություն. Վերջին արարը։ Նրուսաղեմ, 1961, 92 էջ։

Ջեյթունի պատմագիրք։ Հրատ. Ջեյթունի Հայրենակցական միության։ Մանտեվիդեո-Պուէնոս Այրես, 1960, 1150 էջ։

Ջեյթունցեան Նազարեթ Ղ. Ջեյթունի վերջին դեպքերը (1919—1921)։ Աղեքսանդրիա, տպ. Գասապյան, 1922, 239 էջ։

Ջեյթունցի. Ջեյթունի անցեալեն և ներկայեն։ Վիեննա, Մխիթարեան տպ., 1900, 158 էջ։

Էլզե Էդվարդ, Ճշմարտությունը քեմալական Թուրքիո մասին։ «Ժուռնալի» թղթակից Էդ. Էլզեի կողմից պատմած։ Փարիզ, Ն. Պողոսեան, 1926, 29 էջ։

Թաթուլեան Գրիգոր. Անթեղված գաղտնիքներ։ Գրի առավ և խմբագրեց Հարություն Սահակեան։ Պէյրութ, 1967։

Թերզեան Սոկրատ. Համընի ութամսեա դյուցազնամարտը։ Բ տպագր., Պուէնոս Այրես, տպ. Արարատ, 1956, 700 էջ։

Թիճրապեան Աւրամ. Հայ ժողովուրդի դատաստանին առջև. 1914—1924։ Մարսէյլ, տպ. Երեցեան, 1925, 36 էջ։

Թորոսյան Շ. Կիլիկեհայությունը առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին։ Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 1968, № 3։

Իզմիրլեան Կարապետ. Հայ ժողովրդի քաղաքական ճակատագիրը անցեալին և ներկայիս (քննական տեսություն)։ Պէյրութ, տպ. Սևան, 1964, 326 էջ։

Իզմիրլեան Կ. Արագ վերլուծում մը Համնո եղեռնի առթիվ։ «Նոր Համբուն», 1966, № 10—11։

Իսահակյան Ավետիք. Հիշատակարան։ Տեքստի պատրաստումը և ծանոթագրությունները Արամ Ինճիկյանի։ «Սովետական գրող», 1977, 471 էջ։

Լեո. Թուրքահայ հեղափոխութեան գաղափարաբանությունը։ Բ հատոր, Փարիզ, տպ. Պահրի, 1935, 262 էջ։

Լուբեր, Ուրֆայի հերոսամարտը։ Պէյրութ, տպ. Ազդակ, 1933, 266 էջ։

Խուպեսերեան Վ. Լ. Օրագրություն ուղևորութեան Եվրոպա Սահակ Բ. կաթողիկոսին Կիլիկիո։ Հալեպ, տպ. Արաքս, 1928, 219 էջ։

Կասյան Սարգիս. Ո՞ւր է ելքը։ Ընտիր երկեր, «Հայաստան» հրատ., 1967։

Կասյան Ս. Ֆրանս-թուրքական դաշնագիրը։ «Կարմիր աստղ», Թիֆլիս, 1921, № 230։

Կասյան Ս. Դիպլոմատիական պայքարը Թուրքիո շուրջը։ Ընտիր երկեր, Երևան, 1967,

Կասյան Ս. Անգլիան և Ֆրանսիան։ «Կարմիր աստղ», 1922, № 24։

Կենճեան Ա. Լեո և հնչակեան կուսակցությունը։ Քննադատություն «Թրքահայ հեղափոխութեան գաղափարաբանությունը» երկին։ Փարիզ, 1935, 51 էջ։

Կենճեան Անդրանիկ. Սոցիալ-դեմոկրատ հնչակեան կուսակցությունը և Կիլիկեան ինքնավարութեան աքթը։ (Կիլիկեան հուշեր պատմութեան համար)։ Պէյրութ, տպ. Արարատ, 1958, 325 էջ։

Կեսար Ա. Այնթապի գոյամարտը։ Պոսթըն, 1945, 193 էջ։

Կէօճենեան Վաճրամ. Ճշտումներ՝ պատմութեան համար։ «Լրաբեր», Նյու Յորք, 1963, 11 ապրիլ։

Կէօճենեան Վաճրամ. Հայկական Կիլիկիո ազատագրական պայքարը (հուշեր և նոթեր)։ Պոսթըն, 1979, 191 էջ։

Կիլիկեան տարեցոյց. *1922։ Կազմեցին Նվարդ Ասպետ, Արամ Ասպետ։ Կ. Պոլիս, տպ. Կ. Քեշիշյան որդի, 1922, 387 էջ։*

Կիլիկիա. *Փորձ աշխարհագրութեան արդի Կիլիկիոյ։ Պետերբուրգ, տպ. Ի. Լիբերմանի, 1894, 400 էջ։*

Կիլիկիայի կսկիծներ. *Վավերագրեր Կիլիկիո կաթողիկոսական Դիվանեն. 1903—1915։ Բեյրութ, տպ. Հրազդան, 1927, 207 էջ։*

Կիրակոսյան Ջ. Ս., Սաֆակյան Ռ. Գ. *Սան-Ռեմոյի կոնֆերանսը և Հայաստանը։ Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 1972, № 3։*

Հակոբյան Ս. Մ. *Ազգամիջյան հարաբերությունները Արևմտյան Հայաստանում Առաջին համաշխարհային պատերազմի տարիներին։ ԳԱ Տեղեկագիր, հաս գիտ., 1962, № 6։*

Հաճընի ընդհանուր պատմությունը և շրջակա Գոզան-Տաղի հայ գյուղերը։ Երկասիրեց Յ. Պ. Պողոսեան։ Լոս Անճելըս, 1942, 857 էջ։

Հայկական Կիլիկիան չպիտի մեռնի։ «Բազմավեպ», Վենետիկ, ապրիլ, 1920։

Հայկական Սովետական Հանրագիտարան, հ. 5։ ԳԱ հրատ., 1979։

Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 6։ ԳԱ հրատ., 1981։

Մալխազունի Օ. Թ. *Ամերիկահայ կամավորները և իրենց հաղթանակը։ «Արագած», № 12, 12 ապրիլ, 1919։*

Մատէեան Հ. *Խորհրդածություններ՝ Հաճնո հերոսամարտի տարեդարձին առթիվ։ «Կանչ», Բեյրութ, 11 նոյեմբեր 1972։*

Մարաշ կամ Գերմանիկ և հերոս Զեյթուն։ Երկասիրեց Գր. Հ. Գալուստեան (Կիլիկեցի)։ Նյու Յորք, 1934, 942 էջ։

Մարաշի ջարդը 1920-ին և պատմական համառոտ ակնարկ մը իր անցեալին վրա։ Աշխատասիրեց Հովսեփ Տեր-Վարդանեան։ Երուսաղեմ, տպ. Արաքս-Բ. Թուխալեան, 1927, 127 էջ։

Մ. Ն. Կիլիկեան հուշեր։ «Նոր Հաճըն», 1956, № 8—9—10։

Մելիքսեթյան Վ. *Զեյթունի հերոսամարտերը։ Երևան, 1960։*

Ներսիսյան Մ. Գ. *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., ԳԱ հրատ., 1955, 530 էջ։*

Նորաշխարհյան Վահե. *Զեյթունը 1914—1921 թթ. Հուշեր։ ԳԱ հրատ., 1984, 272 էջ։*

Նոր Հաճըն Պատմագիրք։ 1921—1973։ Պուէնոս Այրես, տպ. Արարատ, 1974, 253 էջ։

Որբունի Ս. *Պողոս փաշա Նուպար ինչո՞ւ չստորագրեց հաշտության դաշնագիրը։ Կ. Պոլիս, 1920։*

Չոպանյան Առշակ. *Նամականի։ Տեքստը կազմեց և ծանոթագրեց Գոհար Ազնավուրյանը։ «Հայաստան» հրատ., 1980, 500 էջ։*

Ջորմիսյան Վահե. *Համայնապատկեր արևմտահայոց մեկ դարու պատմութեան, Գ. հատոր (1908—1922 թթ.)։ Պեյրութ, տպ. Սևան, 1975, 661 էջ։*

Պատմություն Անթելիի հայոց։ Աշխատասիրեց և խմբագրեց Գեորգ Ա. Սարաֆեան։ Լոս Անճելես, 1953, հ. 1, 1088 էջ, հ. 2, 806 էջ։

Պատմություն Ս. Դ. Հնչակեան կուսակցութեան, 1887—1962։ Բ հատոր, Պեյրութ, տպ. Շիրակ, 1963, 636 էջ։

Պարթեեան Սուրեն. *Արարա։ Հայկական լեգեոնը, Բ. տպ. Իզմիր, 1919։*

Պողարեան Գրիգոր. *Յեղասպան թուրքը։ Պեյրութ, տպ. Շիրակ, 1973, 207 էջ։*

Պողոսյան Հ. Մ. *Զեյթունի պատմությունը. 1409—1921 թթ. «Հայաստան» հրատ., 1969, 456 էջ։*

Պողոսեան Սարգիս. *Թրքահայ սպայի մը օրագիրը։ Բ հատոր։ Փարիզ, տպ. Թյուրապեան, 1947, 211 էջ։*
Պոյաճեան Տիգրան Յ. *Հայկական լեգեոնը։ Պատմական հուշագրություն։ Ուտըրբաուն, Մէս., 1965։*
Սահակեան Աւետ. *Դյուցազնական Ուրֆան և իր հայորդիները։ Պեյրութ, տպ. Ատլաս, 1955, 1368 էջ։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմության հակագիտական լուսաբանումը ժամանակակից թուրք պատմագրության մեջ։ ԳԱ հրատ., 1964, 130 էջ։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Մարկվարտը արևմտահայերի գենոցիդի մասին։ Լրաբեր հաս. գիտ., ԳԱ, 1966, № 3։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Զապել Եսայանի նամակները Կիլիկիայից։ Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 1968, № 2։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Մարաշի 1919—1920 թթ. դեպքերի շուրջ։ Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1969, № 3։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Համբնի հերոսական ինքնապաշտպանությունը։ Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 1969, № 2։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները 1919—1921 թթ. Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ։ V. Թուրքիա։ ԳԱ հրատ., 1970։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Նոր փաստաթղթեր 1915 թ. եղեռնում կայզերական Գերմանիայի դերի մասին։ Բանբեր Հայաստանի արխիվների, 1970, № 2, 3։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Թուրք-ֆրանսիական հարաբերությունները և Կիլիկիան 1919—1921 թթ. ԳԱ հրատ., 1970, 325 էջ։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Մ. Զուլալյան. Հայաստանի հին և միջնադարյան պատմության հարցերը ժամանակակից թուրք պատմագրության լուսաբանմամբ։ ԳԱ հրատ., 1970 (ռուս.)։ Բանբեր Երևանի համալսարանի, 1972, № 1։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Գերմանական իմպերիալիզմի մերկացումը։ Գրախոս. Ս. Ստեփանյանի «Հայաստանը իմպերիալիստական Գերմանիայի քաղաքականության մեջ» գրքի մասին։ «Հայաստան» հրատ., 1975 (ռուս.)։ «Լենինյան ուղիով», 1975, № 9։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Հայ թուրքագիտությունը 1908—1920 թթ. Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ. X. Թուրքիա։ ԳԱ հրատ., 1979։*
Սահակյան Ռ. Գ. *Մ. Քեմալի մի հարցազրույցի առիթով։ Պատմա-բանասիրական հանդես, 1984, № 3։*
Սաղրեան Ս. *Կիսադարեան հուշամատեան (1895—1945)։ Ուղեւորություն մը Արգեւոսեն Տավրոս։ Փարիզ, 1948, 380 էջ։*
Սարգսյան Ե. Սահակյան Ռ. *Հայ ժողովրդի նոր շրջանի պատմության ենթափոխումը թուրք պատմագրության մեջ։ Երևան, Հայպետհրատ, 1963, 96 էջ։*
Սեպուհ Մ. *Համբնի ողբերգությունը (5 մարտ 1920—15 հոկտ. 1920)։ Վավերական և անտիպ տեղեկություններ Համբնի պաշարումին և կոտորածին։ Հալեպ, տպ. Անի, 1960, 219 էջ։*
Վարդ-Մեխակ. *Ջեյթունի նահանջը։ Կ. Պոլիս, Հայաստանեան գրատուն, 1922, 118 էջ։*
Տեովլեթ Գ. *Ջեյթունցիք։ Փարիզ, հրատ. Տեր-Հակոբեան, 32 էջ։*
Տեփոեան Մ. Յ. *Մհհրան Տամատեան (1863—1945)։ Գահիրե, Արեվ հրատ., 1956, 283 էջ։*
Քելեշեան Միսաք. *«Սիս Մատեան»։ Պատմական, բանասիրական, տեղեկագրական,*

ազգագրական և հարակից պարագաներ։ Պեյրութ, տպ. Հայ Եհմարանէ, 1945, 771 էջ։

Քյուրքճեան Վ. Ս. Հայկական կիլիկիա (ուսումնասիրութիւն մը)։ Նյու Յորք, «Կոչնակի» հրատ. ընկ-թյուն, 1919, 75 էջ։

* *
*

Abadan Yavuz. Inkilâp Tarihine Giriş. Ankara, 1960.

Akşin Aptülahat. Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi (Birinci kısım).— Istanbul, 1964.

Akyüz Yahya. Lausanne Konferansı başlarken fransız kamuoyu. **Belleten, An**kara, c. XLV, sayı 177, Ocak 1981.

Armaoğlu Fahir. Siyasi Tarih. 1789—1960.—Ankara: Sevinç matbaası, 1964— 826 s.

Aşkun Vehbi Cem. Sivas Kongresi. Yeni vesikalar ilavesiyle. Ikinci bas.—Istanbul: Inkılâp ve Aka Kitabevleri, 1963.—194 s.

Avcıoğlu Doğan. Türkiyenin Düzeni. Dün—Bugün—Yarin. Birinci kitap. Istanbul: Tekin Yayinevi, 1976.—608 s.

Aydemir Şevket Süreyya. Tek Adam. Mustafa Kemal. Cilt 2 (1919—1922), besinci baski.—Istanbul: Remzi Kitabevi, 1975.—599 s.

Aydemir Sevket Süreyya. Ikinci Adam. Birinci cilt (1884—1938), dördüncü baski.—Istanbul: Remzi Kitabevi, 1976.—504 s.

Bağdadlıoğlu A. Uzun Oluk. Istiklâl harbinde Maraş.—Istanbul: Ulkü Basimevi, 1942.—122 s.

Bayur Y. H. Türkiye Devletinin dış siyasası.—Istanbul: Millî Mecmua Basimevi, 1938.—183 s.

Bayur Y. H. Türk Inkılâbi tarihi. Cilt III. kısım 3.—Istanbul: TTK Yayinlari, 1957.—XIX, 655 s.

Bıyıklıoğlu Tevfik. Ataturk Anadolula (1919—1921).—Ankara: TTK Basımevı, 1959.—106 s.

Bıyıklıoglu Tevfik. Birinci Dünya Harbinde ve Mondros mütarekesi sıralarında Boğazlar problemi.—Belleten, c. XXV, sayı 97.

Cebesoy Ali Fuat. Milli mücadele hatıraları.—Istanbul, 1953.

Cebesoy Ali Fuat. Siyasi hatıralar. Ikinci kısım.—Istanbul: Vatan neşriyatı, 1960. —254 s.

Dalkır Recep. Yiğitlik günleri. Milli mücadelede Çukurova.—Istanbul: TTP matbaasi, 1961.—256 s.

Deliorman Altan. Türklere karsı ermeni komitecileri. Istanbul: Boğazıçı basım ve yayinevi, 1973.—335 s.

Esmer Ahmet Şükrü. Siyasî Tarih (1919—1939).—Ankara: Siyasal Bilgiler Fakültesi Yayinlari, 1953.—303 s.

Esmer Ahmet Şükrü. Türk Diplomasisi (1920—1955). Yeni Türkiye.—Istanbul, 1959.

Gökbilgin Tayyib. Millî mücadele başlarken. Mondros mütarekesinden Sivas kongresine. Birinci Kitap.—Ankara: TTK Basımevi, 1959.—195 s.

Gönlübol M., Sar C. Atatürk ve Türkiyenin dış politikası (1919—1938).—Istanbul: Millî Eğitim Basimevi, 1963.—IV, 145 s.

Göyünç Nejat. Sevres'den Lausanne'a.—Belleten, 1983, No. 183.

Güzelhan Mustafa. Ayintap tarihinden notlar.—Gaziantep: Gaziyurt matbaası, 1957.—80 s.

Irtem Süleyman Kani. Boğazlar Meselesi.—Istanbul: Akşam Matbaası, 1936.—96 s.

Karacan Ali Naci. Lozan Konferansı ve Ismet Paşa.—Istanbul: Maarif matbaası, 1943.—474 s.

Karal Enver Ziya. Türkiye Cumhuriyeti tarihi (1918—1953). Istanbul, 1958.—230 s.

Koçaş Sadi. Tarih boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni ilişkileri. Ankara: Altinok matbaası, 1967.—326 s.

Kuran Ahmet Bedevî. Osmanlı Imparatorluğunda inkılâp hareketleri ve millî mücadele. - Istanbul, 1956.

Kürkçüoğlu Ömer. Türk-Ingiliz ilişkileri (1919—1926).— Ankara: Ankara Üniversitesi Basimevi, 1978.—350 s.

Olaylarla Türk dış politikası (1919—1965). Ikinci baskı.— Ankara: Sevinç matbaası, 1969.—527 s.

Sonyel S. Lozanda Türk diplomasisi.—Belleten, Ocak 1974, cilt 38, No. 149.

Sonyel S. Kurtuluş Savaşı günlerinde Batı siyasası.—Belleten, Ocak 1981, No. 177.

Şapolyo E. B. Kemal Atatürk ve Milli mücadele tarihi. Üçüncü baskı.—Ankara: Rafet Zainler yayinevi, 1958.—624 s.

Taha Toros. Türk-Fransız ilişkileri.—Cumhuriyet, 28 ekim—6 kasım 1968.

Üçok Coşkun. Siyasi Tarih Dersleri. - Ankara, 1961.

Üzel Sahir. Gaziantep savaşinin iç yüzü.—Kayseri: Sümer matbaasi, 1946.—56 s.

*

* *

Abadie M. Opérations au Levant: Les quatre sièges d'Aïntab (1920—1921).—Paris: Charles Lavauzelle, 1922.—145 p.

Ahmedov Ahmed S. Les accords franco-turcs de 1921.—Etudes Balkaniques, 1982, No. 1.

Ahmedov Ahmed S. Les antagonismes interalliés sur les problèmes turcs après l'armistice de Moudros jusqu'au traité de Sèvres.—Etudes Balkaniques, Sofia, 1983, No. 1.

Ahmet Rustem Bey. La paix d'Orient et l'accord franco-turc.—L'Orient et Occident, tome 1.—Paris, 1922.

Akyüz Yahya. La guerre d'indépendance turque (1919—1922) et l'opinion publique française. Thèse en vue de l'obtention du titre de Docteur en Droit de l'Université de Nancy, présentée et soutenue le 1 juillet 1967.

Alem Jean-Pierre. L'Arménie.—Paris: Presses Universitaires, 1962.—126 p.
Altiar E. (Aharonian). Le problème de Cilicie et l'avenir de la France au Levant.—Paris: E. Leroux, 1921.—55 p.
Anderson M. S. The Eastern Question 1774—1923. A Study of International Relations.—London: Macmillan, 1966.—XXI, 436 p.
Andréa (Col.) La vie militaire au Levant. En colonie pendant un an dans le Nord Syrien et en Mésopotamie.—Paris: Lavauzelle, 1923.—222 p.
Armstrong H. C. Grey Wolf. Mustafa Kemal. An intimate study of a dictator.—London: Penguin books, 1938.—288 p.
Artzrouni Ashot (Sirouyan). Historia del Pueblo Armenio.—Buenos Aires: Ediciones Fundation Ararat, 1965.—437 p.
Atatürk Commission nationale turque pour l'UNESCO.—Ankara: Presses de l'imprimerie de l'Université d'Ankara, 1963.—255 p.
Ayoub Ch. Les mandats orientaux.—Paris: Sirey, 1924.—182 p.
D'Azy Bénoit. L'origine de la Légion d'Orient. Abrégé historique. Extrait de la Revue Diplomatique.—Paris, janvier—mars 1939.—18 p.
Bardoux J. De Paris à Spa. Le bataille diplomatique pour la paix française (février 1919—octobre 1920).—Paris: Ed. Alcan, 1921.—VIII, 396 p.
Baronian L. Pierre Loti... Politicien et les massacres d'Arménie.—Genève, 1919: Société Générale d'Imprimerie.—94 p.
Basmadjian K. J. La Cilicie. Son passé et son avenir.—Paris: J. Gamber, 1919.—48 p.
Basmadjian K. J. Histoire moderne des Arméniens depuis la chute du royaume jusqu'au traité de Sèvres (1375—1920).—Paris: J. Gamber, 1922.—X, 245 p.
Bauer Elisabeth. Arménie. Son histoire et son présent.—Lausanne—Paris: Bibliothèque des Arts, 1977.—180 p.
Bellet M. La question de Cilicie. Discours prononcé le 24 décembre 1920 à la Chambre des Députés.—Paris, 1921.—110 p.
Bello C. G. L'Angleterre, la France et le problème de Constantinople.—Paris: Librairie des sciences politiques et sociales. Marcel Rivière et Co, 1920.—122 p.
Benoist-Méchin J. Le loup et le léopard. Moustapha Kemal ou la mort d'un Empire.—Paris: Editions Albin Michel, 1954.—491 p.
Bernard Paul. Six mois en Cilicie.—Aix-en-Provence, 1929.—117 p.
Bischoff Norbert de. La Turquie dans le monde. L'Empire Ottoman. La République turque.—Paris: Payot, 1936.—277 p.
Bonnefous Edouard. Histoire politique de la troisième république, t. III. L'après-guerre 1919—1924.—Paris: Presses Universitaires de France, 1959.—XII, 464 p.
Bonnet Georges. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques. 1870—1961.—Paris: Fayard, 1961.—519 p.
Bouvier Jean, Girault René. L'impérialisme français d'avant 1914. Recueil des textes.—Paris—La Haye: Mouton Editeur, 1976.—335 p.
Boyajian Dicran H. Armenia. The case for a forgotten genocide.—Westwood, New Jersay: Educational Book crafters, 1972.—498 p.

Brémond Edouard. La Cilicie en 1919—1920.—Paris: Imprimerie nationale, 1921.—76 p.

Bryson Thomas A. Walter George Smith and the International philarmenian leage. In: Recent Studies in Modern Armenian history.—Cambridge, Massachusetts: National Association for Armenian studies and Research, 1972.

Burtt Joseph. The people of Ararat.—London: L. and Virginia Wolf, 1926.—VII, 184 p.

Carzou Jean-Marie. Un génocide exemplaire. Arménie 1915. Paris: Flammarion, 1975.—249 p.

Charles-Roux F. France et chrétiens d'Orient.—Paris: Flammarion, 1939.—321 p.

Chastenet Jacques. Les années d'illusions. 1918—1931.— Paris: Hachette, 1960—352 p.

Chruchill W. The World crisis, vol. 5. London: Thornton Butler-Worth, 1929.—474 p.

The Cilician Kingdom of Armenia. Edited by T. S. R. Boase.—Edinburg and London, 1978.—206 p.

Clémenceau Georges. Grandeurs et misères d'une victoire.—Paris: Plon et Nourrit, 1930.—374 p.

Couzinos E. N. Twenty three years in Asia Minor (1899—1922).—New York: Vantage press, 1969.—175 p.

Cumming Henry Harford. Franco-British rivalry in the postwar Near East. The decline of french influence.—London: Oxford University presses, 1938.—229 p.

Davison Roderic H. Turkish Diplomacy from Mudros to Lozan. In: The Diplomats 1919—1939.—New York, 1974.—315 p.

Dèsbons Georges. L'avenir économique de la France dans le bassin méditerranéen oriental. Le monde industriel, commercial et agricole, série No. 1, 25 février 1920.

Driault E. La Question d'Orient depuis les origines jusqu'à la paix de Sèvres (1920).—Paris: Alcan, 1926.—XV, 179 p.

Driault E. La Question d'Orient. 1918—1937. La paix de la Méditerranée.—Paris: Alcan, 1938.—539 p .

Les Droits des Minorités en Turquie.—Lausanne. Publié par le bureau de Presse de la Délégation turque, 1922.—24 p.

Dumont Paul. La pacification du Sud-Est Anatolien en 1865.—Turcica. Revue d'études turques, t. V.—Paris—Strasbourg, 1975.

Dumont Paul. A l'aube du rapprochement franco-turc: le colonel Mougin premier représentant de la France auprès du gouvernement d'Ankara (1922—1925).—Collection Turcica, vol. 1. Paris: Ass. pour le développement des études turques, 1981.

Duroselle J.—B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. 5e édition.—Paris: Dalloz, 1971.—807 p.

Eby D. C. At the Mercy of turkish brigands. A true story. The Bethel Publishing Company. New Carlisle, Ohio, 1922.—285 p.

Edip Halide. The Turkish ordeal.—London: The Century co., 1928.—407 p.
Elliott Mabel E. Beginning again at Ararat. With introduction by J. H. Finley. New York: F. H. Revell, 1924.—341 p.
Emile Edwards. Journal d'un habitant de Constantinople (1914—1915).—Paris: Plon-Nourrit et Co, 1915.—252 p.
Evans Laurence. United States policy and partition of Turkey 1914—1965.—Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1965.—X, 437 p.
Gaillard G. Les Turcs et l'Europe. La question turco-arménienne.—Paris: Chapelot, 1920.—384 p.
Garnier Jean-Paul. La fin de l'Empire Ottoman. Du sultan Rouge à Mustafa Kemal.—Paris: Plon, 1973.—323 p.
Georges-Gaulis Berthe. Le Nationalisme turc.—Paris: Nourrit, 1921.—145 p.
Georges-Gaulis Berthe. La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreurs européennes 1919—1931.—Paris, 1931.
Gautherot Gustave. La France en Syrie et en Cilicie.—Courbevoie (Seine): Librairie indépendente, 1920.—214 p.
Gauvain Auguste. Les Alliés en Orient.—Journal des Débats, 25 juin 1920.
Gauvain Auguste. L'Europe au jour le jour. Tome XIV. Traités de 1919 (Mars 1919-Janvier 1920). Paris: Editions Bossard, 1923.—614 p.
Gauvain Auguste. Five years of french policy in the Near East. «Foreign Affairs», December 15, 1924, vol. 3, No. 2.
Général du Hays. Les Armées françaises au Levant. 1919—1939, tome I. L'occupation française en Syrie et en Cilicie sous le commandement britannique (Nov. 1918—nov. 1919).—Château de Vincennes, 1979.—221 p., tome II, Les temps de combats (1920—1921).—Château de Vincennes, 1979.—355 p.
Général Catroux. Deux missions en Moyen-Orient (1919—1922).—Paris: Librairie Plon, 1958.—241 p.
Gentizon Paul. Mustafa Kemal ou l'Orient en marche.—Paris: Editions Bossard, 1929.—VIII, 351 p.
Gontaut-Biron, Comte de. Comment la France s'est installée en Syrie (1918—1919).—Paris, 1923.—354 p.
Gontaut-Biron R. et Le Révérend L. D'Angora à Lausanne. Les étapes d'une déchéance.—Paris: Librairie Plon, 1924.—226 p.
Grousset René. Le réveil de l'Asie. L'impérialisme britannique et la révolte des peuples.—Paris: Plon-Nourrit, 1924.—251 p.
Gürün Kâmuran. Le Dossier Arménien.—Paris: Triangle, 1984.—360 p.
Helmreich Paul. From Paris to sèvres. The partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919—1920.—Ohio State University Press, Columbus, 1974.—376 p.
Histoire des Arméniens. Sous la direction de Gérard Dédéyan.—Toulouse: Editions Privat, 1982.—693 p.
Horton George. The Blight of Asia. The true story of the burning of Smyrna.—Indianapolis, Kansas City, New York, 1953.—292 p.
Hovannisian Richard G. The Allies and Armenia 1915—1918. In: Journal of Contemporary history, vol. 3, number 1. January 1968.

Howard Harry N. The partition of Turkey: A diplomatic history 1913—1923.—New York: Ed. Fertig, 1966.—486 p.

L'importance des intérêts français dans l'Empire Ottoman.—L'Asie française, oct. 1919.

Intérêts financiers de la France dans l'Empire Ottoman.—Paris: Imprimerie de la Bourse, 1919.—16 p.

Iorga N. Brève histoire de la petite Arménie. L'Arménie cilicienne. Conférences et récit historique.—Paris: Librairie Universitaire, 1930.—153 p.

Journal d'Alexandre Ribot et correspondances inédites. 1914—1922. Publiées par le docteur Al. Ribot.—Paris, 1936.—307 p.

Jung E. La révolte arabe, I—II. Librairie Colbert Ch. Bohrer. Paris, 1925.—223 p.

Karal Enver Ziya. L'image de la France chez Atatürk. Collection Turcica. Vol. I. La Turquie et la France à l'époque d'Atatürk.—Association pour développement des études turques.—Paris, 1981.

Kedourie Elie. England and the Middle East. The destruction of the Ottoman Empire 1914—1921.—London: Bowes and Bowes, 1956.—236 p.

Kerr Stanley E. The Lions of Marash. Personal experiences with American Near East Relief 1919—1922.—Albany State University of New York Press, 1973.—318 p.

Kiazim Omer. Aventure kemaliste.—Paris: Edition Universelle, 1921.—104 p.

Kiazim Omer. Angora et Berlin. Le complot germano-kémaliste contre le Traité de Versailles.—Paris: Edition Universelle, 1922.—174 p.

Kilic Altemur. Turkey and the world.—Washington: Public affairs Press, 1959.—224 p.

Kinross, Lord. Ataturk. The rebirth of a nation.—London: Wiedenfild and Nicolson, 1965.—542 p.

Kinross, Lord. The Ottoman centuries. The rise and fall of the Turkish Empire.—London: Cope, 1977.—638 p.

Kologlu Orhan. La campagne de Pierre Loti en faveur de la Turquie pendant la guerre d'indépendance. Collection Turcica. Vol. I.—Paris: Association pour développement des études turques, 1981.

Krafft-Bonnard. L'Arménie et la Conférence de Lausanne. Alençon, Imp. Corbière et Jugain, 1923.—32 p.

Krimiteli (Krikor-Minas Tellalian). Histoire Arméno-Européenne.—Paris, 1943.—126 p.

Lang D. M. The Armenians. A people in Exile.—London: George Allenaud U., 1981.—203 p.

Laroche Jules. Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré 1913—1926.—Paris: Hachette, 1957.—230 p.

Léart Marcel. La question arménienne à la lumière des documents. Paris: Challamel, Editeur, 1913.—76 p.

Leese Leonard C. Armenia and the Alliés.—London: British-Armenian Committee, 1920.—16 p.

La lettre du Général Brémond au sujet de «L'Eternelle victime de la diplomatie européenne». Marseille, 1929.—6 p.

Lewis Bernand. The emergence of Modern Turkey.—London: Oxford University Press, 1961.—511 p.

Loti Pierre. La mort de notre chère France en Orient. Dix-neuvième édition.—Paris: C. Lévy, 1926.—295 p.

Lyautey Pierre. Le drame oriental et le rôle de la France. Paris: Société d'éditions géographiques, maritimes et coloniales, 1924.—259 p.

Macler Frédéric. La nation arménienne.—Paris: Fischbacher, 1923.—110 p.

Mandelstam André N. La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Paris: Edition spéciale de la Revue générale de Droit int. public, 1926.—VIII, 352 p.

Mandelstam André N. Les droits internationaux de l'homme. Paris: Les éditions internationales, 1913.—146 p.

Mantran Robert. Histoire de la Turquie.—Paris: Presses Universitaires de France, 1961.—126 p.

Marriott J. A. R. The Eastern Question. An Historical Study in European Diplomacy. 4-th ed.—Oxford: Clarendon Press, 1951. 602 p.

Martet Jean. Le silence de M. Clémenceau. Paris: Albin Michel Editeur, 1929.—314 p.

Materne Muré. Le massacre de Marache (Février 1920).—Extrait du Flambeau revue belge des questions politiques et littéraires, 4e année, No. 1, janvier 1921.

Mears Eliot Grinnel, ed. Modern Turkey: A politico-economic interpretation. 1908—1923.—New York: Macmillan Co., 1924.—XIV, 779 p.

Mécérian Jean. Le génocide du peuple arménien. Le sort de la population arménienne de lEmpire Ottoman. De la Constitution Ottomane au traité de Lausanne. 1908—1923.—Beyrout: Editions de l'imprimerie catholique, 1965.—125 p.

Medlicott W. N. British Foreign Policy since Versailles 1919—1963. London: Methuen, 1968.—XXI, 362 p.

Mignot Elie. La question nationale et coloniale et le Parti Communiste Français. Cahiers du Communisme, 1981, No. 1.

Miquel Pierre. Poincaré. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1961.—636 p.

Nevakivi Jukka. Britain, France and the Arab Middle East 1914—1920. London: Athlone Press, 1969.—XII, 284 p.

Nicol E. Les Allés et la crise orientale. Les responsabilités des Alliés.—Paris: Ed. Universelle, 1922.—100 p.

Nicol E. Angora et la France.—Paris: Soc. générale d'Imp. et édit., 1922.—36 p.

Noëlle Roger. En Asie Mineure. La Turquie de Ghazi.- Paris: Fasquelle ed., 1930.—258 p.

Normand Robert. L'Oeuvre de la France en Cilicie. L'Asie Française, No. 189, février 1921.

Normand Robert. Colonnes dans le Levant.—Limoges: Lavauzelle, 1924.—106 p.

Özkaya Inayetullah Cemal. Le peuple arménien et les tentatives de réduire le peuple turc en servitude.—Istanbul: Edition d'Institut pour l'étude de la Turquie, 1971.—248 p.

Paillarés Michel. Le kémalisme devant les Alliés.—Constantinople—Paris: Edition du Bosphore, 1922.—489 p.

Pastermadjian H. Histoire de l'Arménie. Depuis les origines jusqu'au traité de Lausanne. Paris: H. Samuelian, 1949.—484 p.

Pastermadjian H. Aperçu de l'histoire moderne de l'Arménie. In: Vostan. Cahiers d'histoire et de civilisation arménienne. Tome I, No. 1. 1948—1949. Paris: Paul Geuthner, 1949.

Pech Edgard. Les Alliés et la Turquie. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1925.—267 p.

Pernot Maurice. La question turque.—Paris: Bernard G. Grasset, 1923.—X, 320 p.

Pichon Jean. Le partage du Proche-Orient. Préface du Général Dufieux.—Paris, 1938.—382 p.

Pinon René. Un plaidoyer turc sur la question des massacres.—La voix de l'Arménie, No. 15—16, 1918.

Pinon René. Le problème turc devant l'Europe.—La voix de l'Arménie, 1918, No. 18.

Pinon René. Le redressement de la politique française. 1922.—Paris: Librairie académique Perrain, 1923.—331 p.

Pinon René. La liquidation de l'Empire Ottoman.—Revue des deux mondes, LXXXIX année, sixième periode, tome 53, 1919.

Pinon René. Chronique de la quinzaine.—Revue des deux mondes. 1 avril 1923.

Puaux René. La question d'Orient devant le parlement (Séance du 29 octobre 1922).—Paris: Ed. de la Revue des Balkans, 1922.—63 p.

Poincaré Raymond. Chronique de la quinzaine. Histoire politique.—Revue des deux mondes. 1 Avril 1921.

Pour la libération de l'Arménie. Discours de A. Meillet, A. Tchobanian etc. prononcés à la grande réunion le 28 Février 1919. Paris: Librairie Ernest Leroux, 1920.—56 p.

Rain Pierre. L'Europe de Versailles. 1919—1939.—Paris: Payot, 1945.—314 p.

Redan Pierre. La Cilicie et le problème ottoman.—Paris: Gauthier Villars, 1921.—144 p.

Rémusat. Cilicie (1918—1922).—Revue des sciences politiques. Tome LIV, Juillet-Septembre 1931.—42 p.

Réponses à Pierre Loti.—Correspondances et Documents officiels. Paris: Turabian, 1919.—VIII, 64 p.

Rey A. A. La question arménienne devant l'Europe. Son indépendance devoir sacré de la chrétienté.—Paris: Meynial, 1919.—80 p.

Rey A. A. L'Arménie et les Arméniens. Conférence Internationale philarménienne en 1920.—Leng Blanchoy Co, 1921.—120 p.

Roberts Stephen H. The history of french colonial policy 1879—1925.—London and Edinburg: Frank Cass Co Ltd., 1963.—741 p.

Robinson Richard. D. The first Turkish Republic. A case study in national developpement.—Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press, 1963.—367 p.

Sarafian Kevork. A briefer history of Aintab.—San Francisco, California, 1957.—XIX, 327 p.

Sarkissian E. K. and Sahakian R. G. Vital issues in Modern Armenian history. A Documentary exposé of misrepresentations in turkish historiography: Watertown, Mass., 1965.—82 p.

Savadjian L. Le Kémalisme contre les chrétiens d'Anatolie. Paris: Société Générale d'Imprimerie, 1922.—16 p.

Schlicklin Jean. Angora... L'Aube de la Turquie nouvelle (1919—1922).—Paris: Berger-Levrault, 1922.—XIV, 339 p.

Seignobosc H. Turcs et Turquie.—Paris: Payot, 1920.—249 p.

Show Stanford J. and Show Ezel Kural. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. II.—Cambridge University Press, 1977.—

Sonyel S. R. Turkish Diplomacy 1918—1923. Mustafa Kemal and the turkish national movement.—London: Sage Publications, 1975.—267 p.

Sperco Willy. Moustapha Kemal Ataturk (1882—1938).—Paris: Nouvelles éditions Latines, 1958.—205 p.

Tahmazian K. Turcs et Arméniens. Plaidoyer et requisitoire.—Paris: Imprimerie H. Turabian, 1919.—143 p.

Taillandier Saint-René. La France et la Syrie. Notre oeuvre dans le Levant et son avenir.—Revue des deux mondes, ser. 49, 15 fevrier 1919.

Tamkoç M. A Bibliography on the foreign relations of the Republic of Turkey. 1919—1967.—Ankara, 1968.—XVIII, 248 p.

Tanenbaum Jan Karl. France and the Arab Middle East 1914—1920.—Philadelphia, october 1978.

Temperlay H. A history of the Peace Conference of Paris. Vol. VI.—London: Oxford University Press, 1924.—XXXI, 709 p.

Ternon Ives. Les Arméniens. Histoire d'un génocide.—Paris: Editions du Seuil, 1977.—318 p.

Ternon Ives. Le génocide des Arméniens de Turquie in: Histoire des Arméniens.—Sous la direction de Gérard Dédéyan. Toulouse: Editions Privat, 1982. 693 p.

Ternon Ives. La cause arménienne.—Paris: Editions du Seuil, 1983.—312 p.

Terzian Aram. An Armenian miscellany: window on history. Paris: Librairie orientale H. Samuelian, 1969.—227 p.

Testis. L'Oeuvre de la France au Levant (Syrie et Cilicie).—Paris, 1921.—90 p.

Thibault C. Historique du 412e Régiment d'Infanterie.—Paris: Charles Lavauzelle et Cie. Editeurs militaires, 1923.—335 p.

Thobie Jacques. Phares ottomans et emprunts Turcs. 1904—1961. Paris: Publications de la Sorbonne, 1972.—218 p.

Thobie Jacques. Intérêts et Impérialisme français dans l'Empire Ottoman.—Paris: Publications de la Sorbonne, 1977.—XX, 817 p.

Thorossian H. Histoire de l'Arménie et du peuple arménien. Depuis les temps les plus reculés jusqu' à nos jours.— Paris: Imprimerie Alexandre, 1957.—240 p.

Tibavi A. L. Syria from the Peace Conference to the fall of Damascus. Islamic quaterly, London, 1967, July-dec. Vol. XI, No. 3—4.

Tongas Gerard. Ataturk and the true nature of Modern Turkey.—London: Luzac & Co., 1939.—79 p.

Toriguian Shavarsh. The Armenian Question and international law.—Beirut: Hamaskaïne Press, 1973.—330 p.

Toynbee Arnold J. The Western Question in Greece and Turkey. A study in the contact of civilisations.— Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1922.—420 p.

Toynbee Arnold J. and Kirkwood Kenneth P. Turkey.— London: E. Benn, 1926.— XIV, 329 p.

Troubled Neighbours. Franco-British relations in the twentieth century.—London: Ed. by Weidenfeld and Nicolson, 1971.—386 p.

Turabian Aram. L'éternelle victime de la diplomatie européenne.—Paris: Imprimerie nouvelle, 1929.—286 p.

Véou Paul du. La passion de la Cilicie. 1919—1922.—Paris: Paul Geuthner, 1954. 448 p.

Vere-Hodge Edvard Reginald. Turkish Foreign Policy 1918—1948. Genève, 1950.

Victor Margueritte. Aristide Briand.—Paris: Flammarion, 1932.—350 p.

Walker Christopher. Armenia: the survival of Nation.—London: Croom Helm, 1980.—446 p.

Wormser Georges. La République de Clémenceau.—Paris: Presses Universitaires de France, 1961.—518 p.

Zara Philippe de. Moustepha Kemal dictateur.—Paris, 1936.—370 p.

УКАЗАТЕЛИ*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абадан Явуз 19
Абади, подполковник 16
Абдул-Азиз, султан 81
Абдул Гамид (Хамид) II 20, 27, 44, 81
Абер Марсель 162
Аванесов С. С. 12
Авждиоглу Доган 88
Адамов Е. А. 10
Адамян Давид 23
Азимов Т. В. 12
Айдемир Ш. С. 18
Акшин Абдюллахат 19, 154, 174
Акюз Яхья 44
Александр Великий 8
Алем Жан-Пьер 14
Алленби, генерал 27, 48, 51, 84
Алпояджян Аршак 10
Амет, адмирал 25
Андерсон М. 174
Андраник, генерал 115, 124, 148
Андреа, генерал 133, 136, 137
Андрэ, капитан 94, 97
Аното Габриель 44, 177
Арзуманян М. В. 12
Армаоглу Фахир 19
Армстронг Г. 20
Арслан-бей 134
Арутюнян Карапет 73
Арцруни Ашот 23
Аршаруни Хачик 80
Аслан-бей 94
Аслёр, майор 146
Астахов Г. 11
Атанасян А. 23
Ахмед Рустем-бей 53, 166
Ахмед-эфенди 88
Ахмедов А. 175
Ашар А. 43

Багдадлыоглу Адиль 96, 100, 103
Багдикян Арам 95
Багиров Ю. А. 12
Баллуд Махмед 160
Барду Жак 14
Барре́р Камилл 184, 185, 187, 188, 192
Басмаджян К. 23, 82
Бауэр Элизабет 191
Башалян Левон 190
Баюр Юсуф Хикмет 19
Баязит-задэ 96
Безджян, проф. 176
Бейлерян Артур 24
Бекир Сами-бей 52, 53, 62, 64, 65, 67, 74—76, 158, 159
Белле 13
Берар Виктор 47
Бернар П. 14
Бернье Э. 47, 53
Бертело Филипп 56, 65, 66, 71, 72

* Составила *С. М. Даниелян*

Бёрт Джозеф 21, 169
Боев Ю. А. 12
Бомпар К. 185, 192
Боннэ Жорж 173, 185
Бонуврие, капитан 106
Бонфу Эдуар 16, 173
Брайс Джеймс 113
Бремон Эдуар 16, 50, 51, 59, 82—86, 89—91, 94—96, 98, 105, 106, 112, 115, 116, 118, 125, 144, 146, 147
Бриан Аристид 17, 18, 46, 52, 53, 62, 67, 69—72, 76, 138, 146, 151, 157—159, 161—164, 167, 171
Брюзон Поль 160
Бургонь, де, генерал 62
Бутаев И. 11
Быйыклыоглу Тевфик 19

Вард Мехак 22
Велиф-бей Эбузиадэ 166
Венизелос Э. 28
Вер-Ходж Эд. Р. 21, 174
Верацин Минас 146
Веу Поль, дю 16, 17, 34, 82, 97, 105, 107, 108, 168
Вильсон, доктор 103, 104, 109
Вильсон Вудро 148
Вишер, доктор 130
Врангель П. Н. 63

Галоян Г. А. 12
Галустян Г. О. 22
Гамид-бей 157, 168
Гамлен, генерал 84
Гардинг Чарльз 71, 157, 163, 164, 180, 181
Гарние Жан-Поль 75, 172
Гароян Егише 73
Гаррингтон, генерал 181, 182
Гаррони 183, 188, 192
Гейдар-бей 57
Гельмрайх П. 86
Гёнлюбол М. 19, 173
Гиббонс Герберт Адамс 171
Глазго Джордж 156
Говард Гарри 22, 175
Говэн Огюст 14, 49
Гонто-Бирон Р. 15, 51, 53
Готро Густав 15, 89
Грачян А. 126
Грэхем 57
Груссе Ренэ 16
Губо, полковник 137
Гурко-Кряжин В. А. 11
Гуро, генерал 23, 44, 51, 57, 58, 64, 74, 91, 105, 106, 109, 113, 125. 129, 147, 148, 163, 167

Даладье Эдуар 63
Далкыр Реджеб 124
Дамад Ферид-паша 55, 58, 92
Дамадян Мигран 116—119, 121, 122, 145, 147
Дарбинян Артак 23, 168
Дебиевр, полковник 134
Дебон Жорж 43
Дельмас 99
Дефранс 51
Джебеджян Саркис 115, 124
Джебесой Али-Фуад 18, 19, 52, 53, 124, 137
Джевдет-бей 98
Джезар Али 111
Додд, доктор 121, 122
Дрио Эдуар 15
Дэвисон Р. 175, 193, 194
Дюфио, генерал 73, 105—107, 125. 129, 169
Дюэ, генерал 16, 74

Есаян А. А. 12
Есаян Запел 10, 121, 123, 144
Епископосов Г. Л. 11

Жантизон Поль 15
Желтяков А. Д. 12, 91, 108
Жорес Жан 199
Жорж-Голи Берта 15, 34, 39

Жорж-Пико Франсуа 18, 21, 50—55, 59, 78, 85, 178, 197

Завен, патриарх 73, 113, 176
Зара Филипп, де 15
Зейтунянц Н. 22

Иби Д. 115, 120, 123
Измирлян К. 117, 122
Инёню Исмет (Исмет-паша) 18, 182—185, 187—190, 192, 193

Йоздемир 136, 137

Кайзер Жак 44, 54, 56, 172
Кальторп, адмирал 25, 53
Каминг Генри 21
Караджан А. Н. 18
Карзу Жан-Мари 190, 191
Касьян С. О. 8, 159
Кашен Марсель 40, 71
Кедури Э. 21
Кекликян Артин 73
Кемаль-бей Али 91
Кемаль Мустафа (Ататюрк) 18—21, 32—35, 39, 50—55, 57—59, 63, 64, 70, 72, 74—78, 86, 87, 90—94, 97, 103, 112, 121, 127, 132, 145, 146, 148, 157, 165, 166 ,169, 171, 173, 178, 181, 193, 197
Кемаль-бей Юсуф 75, 76, 150, 153, 157—159, 166
Кенаан-бей 137
Кеннеди Клейтон 193
Кенчян А. 144
Кеокчян В. 23
Керет, генерал 95, 97, 100, 101, 103—109, 140
Керзон Д. 20, 57, 65, 66, 69, 72, 73 113, 157, 163, 164, 166, 167, 171, 180—185, 187—189, 192, 194
Керр Стенли Э. 22, 100, 102, 103, 107, 111, 140, 141, 143
Кесар А. 22
Кинросс, лорд 21, 51, 92, 107
Киркwуд К. 21
Клемансо Жорж 17, 20, 27, 40, 47—50, 145, 199
Козан-оглу Доган 119—121
Корнелу 107
Корниенко Р. П. 40
Кочаш Сади 173
Кратерн, доктор 103
Кримитель (Крикор-Минас Теллалян) 23
Кроув Э. А. 183, 184, 189
Кылыдж Али 19, 94, 101, 109, 103, 132, 134, 135
Кылыдж Алтемур 19
Кэ Робер де 57—59, 125
Кюркчюоглу Омер 19, 54, 174

Лебон, адмирал 57
Левон VI, царь 5, 81
Левонян Адур 132
Лейг 64, 146
Лемин И. М. 49
Ленин В. И. 8, 40, 197
Лео, историк 169
Лесли, генерал 84
Лиент Жан 147
Лиман, доктор 103, 109
Линдсей 184
Лиотэ Пьер 15, 83
Ллойд Джордж Дэвид 18, 27, 47, 50, 56, 67. 69, 71, 113, 145, 159
Лоти Пьер 15, 112
Лютфи 94
Лямарзель, сенатор 161
Ляпорт 167
Лярош 181

Мадеян Арутюн 126, 190
Мандельштам А. Н. 168
Мансур П. 73
Маргрит Виктор 18
Мариотт Ж. 21, 174
Массигли 181
Меджид, доктор 137
Медликотт М. Н. 21, 174

Мейе Антуан 186
Микель Пьер 17
Милз, майор 132
Миллер А. Ф. 12
Мильеран А. 56, 57, 60, 113, 144, 146
Минц И. И. 12
Миньо Э. 47
Митридат Понтийский 80
Монбелли 182
Монтиль, де 163
Морбио, майор 97, 98
Морган Жак, де 171
Мужен, полковник 192
Мустафа, доктор 94, 104, 107
Муте, сенатор 161
Мухтар-паша 42
Мушег, архиепископ 143
Мэррил Джон 133
Мюнир-бей 183
Мюре Матерн, аббат 95, 98, 100—102, 104, 105
Мюфит Мазхар 57
Мясникян А. Ф. 8, 9

Нади Юнус 164
Назлян, епископ 176
Назым-бей 89
Нансен Фритьоф 170
Наполеон Бонапарт 5, 44
Невиль Эдуард 176, 191
Нехат-паша 89
Николь Э. 15
Новичев А. Д. 12, 40
Норатункян Габриел 145
Норман, полковник 95, 103—109, 114, 134
Нубар Погос 65, 66, 145

Оже, майор 129, 130
Осман, султан 152
Осман Низами-паша 65
Осман-эфенди 88

Пайарес Мишель 15, 45, 51, 61, 65, 107, 112, 160, 167, 169, 170
Пороян Шмавон 115, 119
Пастермаджян Г. 23
Пелле, генерал 181, 185, 189, 192—194
Пенлеве 183
Перетти де ля Рокка 169
Перно Морис 15, 172
Перси Е. 50
Пертинакс 193
Пеш Эдгар 15
Пинон Ренэ 172
Пишон Жан 51, 54, 170
Пишон Стефан 14
Погосян А. М. 12, 22
Помпей, полководец 80
Пуанкаре Раймон 17, 25, 46, 62, 70, 161, 167, 171, 180—185, 199

Рамбольд Гораций 73, 150, 157, 175, 181, 182, 189, 194
Рауф-бей Хусейн 23, 53, 193
Редан Пьер 16, 54, 58, 82, 88, 91, 98, 125
Ремюза 16, 51, 91, 112, 125
Решид-паша 65
Риза-бей Али 130
Риза Нур-бей 190
Робек, адмирал 55
Робертс Стефен 21
Роз дез Ордон 97, 109
Ромио, полковник 84
Рубен, князь 80

Саадулла 27
Саак II (Хапаян), католикос 72, 113, 139, 144, 145
Саакян Арам 22
Сабахаттин Селек 88
Сава 57
Савари А. Р. 49
Сажу 129
Саляхаддин Адиль-бей 137
Саляхатдин-паша 141, 142
Саляхэддин Эюби 128
Сандомирский Г. 11

Сапах-Гулян С. 145
Сараджян Петрос 115—119
Сарафян Г. 22
Саиб Али 18, 124, 127—131
Сар Дж. 19, 173
Саркисян Е. К. 12
Сарру, подполковник 75
Сент-Мари Фли 97, 132
Сент-Олёр 157
Симонян Ованес 143
Снапян Погос 190
Сокольский Н. 11
Сониел Саляхи Р. 19, 20, 55, 63, 150, 174, 183, 192
Сперанский А. Ф. 11
Степаннос, князь 81
Сулейман Великолепный 5
Сулье Эдуар 45
Сфорца 64, 65, 69

Тавукчян Нерсес 138
Тайарда, капитан 59, 116, 118
Тевфик Ахмед 27, 57, 64
Тер-Варданян О. 22, 100
Терзян Сократ 22
Тернон Ив 17
Тести 14, 63, 112
Тибо К. 16, 100, 101, 104, 106, 110
Тигран Великий 80
Тоби Жак 17
Тойнби Арнольд 21, 174
Тонга Жерар 15
Торикян Ш. 24
Торос, князь 81
Торосян Ш. Т. 12
Тюрабян Арам 23, 106, 126
Тюфенкди П. 73

Уокер Кристофер 21, 175
Учок Джошкун 19

Февзи-паша 75
Фейсал, король 78, 91, 150
Филипенко Д. Н. 12
Филиппос П. 73
Фланден Э., сенатор 161, 162
Флёрио, де 64
Фонтен, капитан 98
Форбс Адам 181
Фош, маршал 60
Франклен-Буйон Анри 9. 74—77, 150, 151, 153, 156—158, 161, 164, 165, 167—171. 178, 181—183
Франс Анатоль 187, 199
Франциск I 5
Фрунзе М. В. 8, 9
Фуке, капитан 94

Хаджи Муса-бей 33
Ханзадян Фируз 144
Хапаян Саак см. Саак II
Харборд, генерал 51
Хачатрян Арутюн 115
Хашим-бей, полковник 84, 128
Хаяши 65
Хейфец А. Н. 12
Херлакян Рафаел 141
Хикмет Решид 27
Холмс 129
Хуршид-паша 139

Чайльд 192
Чалян Карапет 118
Честер Артур 193
Читэм 157
Чичерин Г. В. 8, 9, 184, 191
Чолакян Арам 140—143
Чопанян Аршак 10, 125
Чормисян Левон 23

Шаген Седрак 144
Шамсутдинов А. М. 12, 34, 35
Шарпи, генерал 182
Шликлен Жан 15, 172
Шоу Стенфорд 22
Шоу Эзель Курал 22

Эванс Лоуренс 22
Эдиб-бей 141
Элиот Мейбл Эвлин 22, 100, 102, 110
Энвер-паша 15, 39
Энвер-бей 124
Эндрю, генерал 90
Эрбетт 63
Эсмер Ахмед Шюкрю 19
Эфендиева Н. З. 12, 88, 108

Юзель С. 135

Япуджян Аветис 24

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австро-Венгрия 49
Адалия 32
Адана 12, 22, 23, 32, 58, 59, 73, 74, 81, 83—85, 88, 89, 94, 95, 97, 98, 105, 106, 110, 115—117, 120—124, 126, 127, 137, 143, 145, 147, 167—169
Аданский вилайет 58, 59, 81—84, 113, 162
Адияман 135, 142
Адрианополь 60
Азия 11, 63, 172
Айдын 32
Айнтаб 4, 7, 16, 23, 45, 50, 58, 81—85, 87, 90, 97, 98, 107 114, 127, 128, 132—139, 142, 160, 168—170
Айнтабский уезд 81, 132
Айран-Пунар 88
Акбез см. Мейдан-Экбес
Александретта 14, 27, 68, 75, 83, 152, 162, 170, **174, 193, 194**
Александреттский залив 68, 69
Александреттский санджак 155
Александропольский округ 66
Алеппо см. Халеб
Алжир 160, 172
Альпийские горы 117
Аманус, гора 68, 80, 84, 87
Америка 8, 37, 169, 190
Анатолия 30, 34, 45, **49**, 54, 55, **60**, 63, 64, 88, 93, 120, 165, 166, 170, 198
Англия (Великобритания) 6, 8, 9, 12—14, 20, 21, 25, 41, 42, 46—50, 53—55, 57, 60, 61, 63, 67, 69, 71, 72, 77—79, 156, 158, 159, 163, 164, 166, 169, 172—175, 179, 180—182, 184, 188, 195
Анкара (Ангора) 16, 55, 57, 59, 67, 74—76, 86, 97, 121, 150, 151, 157, 161, 164, 166, 170, 171, 173, 174, 177, 178, 184, 185, 192, 193, 195
Антиохия 194
Араб-Пунар 129
Аравия 28, 48
Аравийский (Арабский п-ов) 38, 160
Арарат, гора 191
Аргана-Маден 68
Ардаган 187
Ардаганский округ 39
Армения 4, 18, 28, 33, 36, 40, 53, 56, 60 65, 92, 113, 118, 127, 131, 146, 166, 171, 173, 174, 176, 186, 191
Аруние 88, 97
Ассир 26
Ассирия 80
Африка 11
Ахарджа 123

Багдад 180
Баку 26
Батум (Батуми) 26
Батумский округ 39
Бахче 87

Бейрут 27, 48, 50, 51, 57, 72, 83, 97, 105, 106, 112, 125, 161, 167, 169

Бельгия 41
Бель-Пунар (Бель-Бунар) 107, 110
Берекет см. Джебель Берекет
Берлин 42, 172
Биреджик 57, 90, 150
Битлис 28, 60, 187
Ближний Восток 6—10, 13—15, 20, 21, 23, 25, 46, 47, 49, 55, 56, 63, 64, 74, 75, 78, 83, 84, 91, 98, 109, 112, 156, 159, 181, 199
Бозанти см. Позанты
Босфор 25
Бриндизи 64
Британская империя 45
Бруса 41
Булонь 60
Буэнос-Айрес 23, 126

Ван 28, 57, 60, 187
Вашингтон 157, 163
Великая Армения 34
Великобритания см. Англия
Вена 165
Византия 80
Восток 13, 16, 28, 35, 40, 43—45, 49, 57, 59, 62, 106, 158, 161, 165, 166, 172, 174, 177, 183, 187
Восточная Анатолия 28—31
Восточная Армения 199
Восточная Фракия 60, 65, 182

Галлиполи, район 189
Галлиполийский п-ов 60
Геджас 26, 60
Германия 41—44, 46, 48, 49, 57, 59, 90, 95, 171, 195, 198, 199
Голландия 41, 45
Горная Киликия 80, 81
Греция 28, 54, 60, 64, 78, 169, 180, 182
Грузия 9, 185, 191

Дамаск 41, 48, 49, 85, 91, 112
Дарданеллы 25, 40
Дейр-Зор 130, 140
Дёртйол 84, 85, 88
Джабер-Калеси 152
Джаник 28
Джебель-Берекет 81, 87, 94
Джезире (Джезире-ибн-Омар) 53, 69, 152
Джейхан, река 83, 123, 142, 143, 146, 147
Джераблус 68, 134
Диарбекир 28, 68, 107, 142

Европа 5, 37, 75, 76, 113, 118, 147, 168, 171, 172, 181, 184, 197
Евфрат, река 60, 68, 69, 153
Египет 5, 40, 48
Енидже 74
Ереван 53

Женева 176

Закавказье 8, 26, 77
Запад 183
Западная Анатолия 7
Западная Армения 33, 34, 36, 40, 61, 82, 167, 186, 187, 191, 195
Западная Фракия 184
Зейтун (Улния, Сюлейманлы) 5, 7, 22, 85, 123, 139—141, 143, 149, 167, 170, 176,
Зейтунские горы 142
Зейтунский округ 140

Иерусалим 41, 128
Измир (Смирна) 22, 28, 32, 41, 60—62, 64, 65, 70, 90, 91, 93, 157, 166, 180, 181, 193
Измирская область 28
Инджирлик 85, 123
Индия 180
Инеболу 75
Ирак 53, 56, 60, 78, 88, 184

Ислахие 84, 87, 98, 103, 106, 107, 110, 111
Италия 41, 54, 61, 65, 72, 158, 182—184

Йемен 26

Кавказ 32, 36, 165, 179
Кайсери см. Кесария
Кара-Пунар 140
Карнаба 69, 152
Карс 8, 187
Карская область 36, 66, 173
Касаба 41
Кесария (Кайсери) 52, 114, 125
Килис 69, 133, 135, 138, 143, 152, 168, 170
Кипр, о. 169
Киренаика 26
Китай 8, 45
Козан см. Сис
Константинополь см. Стамбул
Корсика, о 43
Курдистан 50, 61
Кучег 140

Латинская Америка 11
Левант 14—16, 46, 170, 172, 175
Лемнос, о. 25
Ливан 56, 160, 173
Лозанна 8, 18, 180, 182, 183, 185, 190—192, 194—196
Лондон 20, 27, 64, 70, 72, 74, 76, 138, 159, 178, 192

Магара 120
Мадагаскар 160
Македония 80
Малатия 135
Малая Азия 28, 48, 64, 65, 156, 160, 171, 174, 188
Малая Армения 50, 59
Мальта, о. 55, 169
Мамурет-эль-Азиз см. Харпут
Мараш 7, 12, 15, 19, 22—24, 45, 50, 54, 58, 59, 81, 82, 84, 85, 87, 90, 91, 93—112, 114, 127—129, 132, 133, 135, 139, 140—143, 160, 167, 168, 170
Марашский округ 19, 81—83, 94
Марзван 176
Марица, река 184
Марокко 100, 172, 180
Марсова 69
Масис, район 85, 123
Мейдан Экбес (Акбез) 69, 87, 152
Мерзифон 152
Мерсин 12, 58, 84, 85, 94
Мерсинский порт 154, 170, 174
Месопотамия 8, 13, 26—28, 48, 132, 181
Москва 9, 62, 67, 78, 172
Мосул 47, 48, 56, 150, 184
Мосульский вилайет 27, 28, 47, 56, 184
Мраморное море 38
Мудания 41, 182
Мудрос 25

Нахичевань 33
Нисибин (Нусейбин) 69, 152, 159

Ольты 33
Османие 12, 85, 142, 143, 168, 170
Османская (Оттоманская) империя 5, 14, 17, 18, 20—22, 24, 25, 27, 28, 30, 33, 34, 36, 37, 40, 41, 43, 44, 46, 47, 56, 59, 60, 81, 92, 128, 145, 149, 160, 161, 166, 178, 179, 188, 190, 192, 195—199

Пазарджик 97
Пайас 69, 152
Палестина 13, 28, 47, 56, 60, 78, 169
Париж 10, 20, 24, 57, 64, 71—74, 76, 82, 86, 125, 145, 151, 157, 158, 166, 167, 176, 180, 183, 187, 192
Персия (Иран) 8, 26

Позанты (Бозанти) 12, 58, 73, 83, 84, 98, 152
Польша 62

Рим 64, 192
Равнинная Киликия 80, 121
Рейн, река 71
Россия 5, 9, 46, 47, 49, 72, 127, 139, 183, 185, 188, 191
Румелия 34, 93
Рур, Рурская область 184, 195

Саарский бассейн 46
Сакария, река 164
Салоники 41
Сан-Ремо 56, 57, 145
Сан-Франциско 110
Себастия (Сивас) 18, 28, 34, 50—54, 59, 68, 78, 92, 94, 132, 178
Северек 129
Северный Кавказ 67
Северная Сирия 72
Севр 60, 62, 63
Сейхан, река 83, 146, 147
Селевке 84
Сивас см. Себастия
Сирия 11, 13, 16, 26, 28, 40, 48—53, 56, 57, 60, 67—69, 71, 78, 82, 88, 89, 105, 108, 124, 132, 140, 148, 151—153, 155, 157, 160, 162—164, 167, 169, 170, 173, 174, 179, 181, 187, 189, 193, 194, 197
Сирийская пустыня 199
Сирийский район 152
Сис (Козан) 12, 23, 58, 59, 81, 94, 115—121, 124, 125, 160
Смирна см. Измир
Советская Россия 8, 28, 36, 39, 62, 74, 191, 195, 199
Средиземное море, Средиземноморье 14, 27, 47, 80, 194
Средний Восток 52
Стамбул (Константинополь) 5, 10, 22, 25, 27, 36—38, 40, 41, 43, 45, 49, 51, 55, 57, 58, 60, 63, 65, 70, 73, 75, 88, 96, 150, 157, 161, 164, 175, 180—182, 190, 197
Султание 140
Сюлейманлы см. Зейтун
Соединенные Штаты Америки 19, 21, 22, 49, 53, 60

Тавр, горы 26, 80, 84
Тарсон (Тарсус) 12, 83—85, 116
Тель-Абиад 130
Тигр, река 152, 159
Топраккале 84
Трапезунд 28, 60
Триполи 48
Триполитания 26
Тунис 160, 172, 181
Турецкая Армения см. Западная Армения
Турция 4—11, 13, 15, 16—20, 22, 25—28, 33—37, 40, 41, 43—48, 50, 52—56, 60—65, 67, 69—72, 74—78, 86, 87, 90, 110, 120, 124, 136, 143, 146, 149—156, 158—161, 164—167, 170—176, 178—180, 182—184, 186—197

Украина 9, 185, 191
Улния см. Зейтун
Урфа (Эдесса) 18, 22, 23, 68, 84, 87, 90, 106, 114, 127, 128—132, 135, 138, 150, 160, 170

Фракия 38, 62, 70, 157, 166, 184
Франция 5, 6, 8—11, 13—23, 27, 28, 40—56, 59—67, 69, 71—79, 81, 83, 84, 92, 95, 105, 108, 112—114, 117, 126, 127, 135, 138, 143, 144—148, 150, 153—159, 161—164, 166—175, 177—182, 184—189, 192—195, 197, 199
Фрнуз 140, 142
Фындыджак 170

Хаджин 4, 7, 12, 22, 81, 85, 114—127, 148, 149, 160, 167, 168, 170

Хайфа 84
Халеб (Алеппо) 48, 49, 84, 85, 112, 132, 140, 142, 153, 167
Халебский вилайет 81
Хама 41, 48
Харпут (Харберд, Мамурет-эль-Азиз) 28, 68
Харшид 154
Хасанбейли 85, 88, 168
Хомс 48

Центральная Европа 5

Черное море 25, 32, 38, 63, 184
Чобан-бей 152

Эверек, гора 114
Эвиан 148
Эдесса см. Урфа
Эльбистан 94, 95
Эльоглу 104
Эрзерум 28, 60, 88, 92, 187

Юго-восточная Европа 5

Язбаган 115
Якбасан 116
Япония 8, 65, 72
Яффа 41

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5
Глава первая. Турция после первой мировой войны 25
Глава вторая. Франко-турецкие дипломатические контакты до подписания Анкарского договора 41
Глава третья. Положение армян в Киликии в 1919—1922 гг. . . . 80
Глава четвертая. Анкарский договор 1921 г. и судьба киликийских армян . 150
Глава пятая. Франция и Турция в Лозанне 180
Заключение 197
Резюме на французском языке 200
Источники и примечания 212
Библиография 245
Указатель имен 273
Указатель географических названий 278

РУБЕН ГАРЕГИНОВИЧ СААКЯН

ФРАНКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КИЛИКИЯ В 1918—1923 гг.

Редактор издательства С. М. Даниелян
Обложка К. К. Кафадаряна
Тех. редактор Л. К. Арутюнян
Корректор М. М. Даниелян

ИБ № 981

Сдано в набор 4.09. 1985 г. Подписано к печати 27.02.1986 г.
ВФ 06045. Формат 60×84$^{1}/_{16}$. Бумага № 1. Шрифт «Литературный», высокая печать. Печ. л. 17,75, Усл. печ. л. 16,5. Учетно-изд. л. 18,73.
Тираж. 3000. Зак. № 631. Изд. № 6494. Цена 2 р. 50 коп.
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.